

M $\frac{46}{63}$

МЕЖДУНАРОДНАЯ

№

46
63

12.

Дж. Уил. ДРОПЕРЪ.

ИСТОРИЯ ОТНОШЕНІЙ

МЕЖДУ

КАТОЛИЦИЗМОМЪ И НАУКОЙ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Н. ПЫПИНА.

НАУЧНАЯ

БИБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. (Б. Садовая, д. № 49—2).

1876.

Изданіе редакціи журнала „Знаніе“.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Уитней. Жизнь и развитие языка.

Фуксъ. Вулканы и землетрясенія.

Дживонсъ. Деньги и механизмъ обмѣна.

Блацерна. Теорія звука въ примѣненіи къ музыкѣ.

ИСТОРІЯ ОТНОШЕНІЙ

МЕЖДУ

КАТОЛИЦИЗМОМЪ И НАУКОЙ.

38447-0

2011142034

ИСТОРІЯ ОТНОШЕНІЙ
МЕЖДУ
КАТОЛИЦИЗМОМЪ И НАУКОЙ.

Джона Уильяма ДРЭПЕРА,
Профессора Нью-Йорскаго Университета.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Н. ПЫПИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «ЗНАНІЕ».
(Д. А. Корочевскаго и И. А. Гольдсмита).

1876.

(Большая Садовая, д. № 49—2).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ГЛАВА I. Происхожденіе науки	1
> II. Начало христіанской эпохи	35
> III. Метафизическіе споры	62
> IV. Возстановленіе науки на югѣ.	93
> V. Столкновеніе относительно природы души. — Ученіе объ эманациі и поглощеніи	110
> VI. Споръ относительно природы міра	144
> VII. Споръ относительно древности земли	174
> VIII. Столкновеніе относительно критерія истины	193
> IX. Споръ относительно управленія вселенной	213
> X. Латинское христіанство въ отношеніи къ новѣйшей цивилизаціи	239
> XI. Наука въ отношеніи къ новѣйшей цивилизаціи.	273
> XII. Предстоящій кризисъ	312

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій, кто имѣлъ случай познакомиться съ умственнымъ состояніемъ образованныхъ классовъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, долженъ былъ замѣтить, что въ средѣ ихъ совершается большое и быстро возрастающее удаленіе отъ публичной религіозности, и что въ то время какъ люди болѣе искренніе этого не скрываютъ, существуетъ гораздо болѣе обширное и гораздо болѣе опасное отступленіе—частное и невысказываемое.

Это отступленіе такъ распространено и такъ могущественно, что на него нельзя дѣйствовать ни пренебреженіемъ, ни наказаніемъ. Его нельзя уничтожить насмѣшкой, бранью или силой. Быстро приближается время, когда оно произведетъ серьезные политическіе результаты.

Политика міра уже не одушевляется теперь церковнымъ духомъ. Военная ревность въ пользу вѣры исчезла. Единственными ея воспоминаніями остаются мраморныя изображенія крестоносныхъ рыцарей, покоющіяся въ безмолвныхъ подземельяхъ церквей на ихъ могилахъ.

Что приближается кризисъ, можно видѣть изъ положенія великихъ державъ относительно папства. Папство представляетъ идеи и стремленія двухъ третей населенія Европы. Оно настаиваетъ на политическомъ первенствѣ, согласно съ его притязаніями на божественное происхожденіе и миссію, и на восстановленіе средне-вѣковаго порядка вещей, громко объявляя, что оно не приметъ никакого примиренія съ новѣйшей цивилизаціей.

Антагонизмъ между теологіей и наукой, который такимъ образомъ совершается на нашихъ глазахъ, есть продолженіе борьбы, начавшейся въ то время, когда христіанство стало приобрѣтать политическую власть. Понимаемое въ клерикальномъ смыслѣ, оно необходимо должно быть нетерпимо къ противорѣчію; оно должно отвергать всѣ улучшения въ себѣ самомъ и смотрѣть съ презрѣніемъ на то улучшение, какое возникаетъ изъ прогрессивнаго умственнаго развитія человѣка. Но наши мнѣнія обо всѣхъ предметахъ подвержены измѣненіямъ отъ непреодолимаго движенія человѣческаго знанія.

Можемъ ли мы преувеличивать важность спора, въ которомъ всякій мыслящій человѣкъ долженъ принять участіе, хочетъ ли онъ этого или нѣтъ. Въ предметѣ столь возвышенномъ какъ предметъ религіи, всѣ люди, которыхъ временные интересы не поглощены существу-

ющими учрежденіями, глубоко желаютъ найти истину. Они ищутъ свѣдѣній и о предметѣ спора и о способѣ дѣйствія спорящихъ.

Исторія Науки не есть простой списокъ отдѣльныхъ открытій; это рассказъ о столкновеніи двухъ соперничающихъ силъ—экспанзивной силы человѣческаго ума, съ одной стороны, и давленія, происходящаго отъ традиціонной вѣры и человѣческихъ интересовъ, съ другой.

До сихъ поръ никто не рассматривалъ предмета съ этой точки зрѣнія. И однако съ этой точки зрѣнія онъ представляется намъ какъ жизненный вопросъ—даже какъ самый важный изъ всѣхъ жизненныхъ вопросовъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, было политически важно и потому благоразумно воздерживаться отъ всякаго намека на этотъ споръ и насколько возможно оставлять его на заднемъ планѣ.

Спокойствіе общества такъ много зависитъ отъ прочности его религіозныхъ убѣжденій, что нельзя оправдать того, кто сталъ бы легкомысленно нарушать ихъ. Но традиціонная вѣра по своей природѣ неизмѣнна, неподвижна; наука по своей природѣ прогрессивна; и въ концѣ концовъ между ними должно произойти разногласіе, которое невозможно скрывать. Тогда для людей, жизнь которыхъ близко познакомила ихъ съ обоими образами мысли, становится обязанностью скромно, но твердо высказать свои взгляды, сравнить притязанія спорящихъ сторонъ спокойно, безпристрастно, философски. Исторія показываетъ, что если этого не будетъ сдѣлано, то послѣдуютъ страшныя и долгія общественныя

бѣдствія. Когда древняя мифологическая религія Европы пала подъ тяжестью своей собственной несостоятельности, ни римскіе императоры, ни философы тѣхъ временъ не сдѣлали ничего, что было бы нужно для руководства общественнаго мнѣнія,—они предоставили религіознымъ дѣламъ идти своимъ путемъ, и эти дѣла вслѣдствіе того попадали въ руки невѣжественныхъ и злобныхъ клерикаловъ, паразитовъ, евнуховъ и рабовъ.

⚡ Умственный мракъ, покрывшій Европу вслѣдствіе этого великаго пренебреженія долгомъ, теперь проходитъ; мы живемъ на зарѣ лучшихъ вещей. Общество тревожно ожидаетъ свѣта, чтобы видѣть, въ какомъ направленіи оно движется. Оно ясно замѣчаетъ, что путь, по которому до сихъ поръ совершалось странствіе цивилизаціи, уже оставленъ; и что начать новый путь, на неизвѣстномъ морѣ.

Хотя я былъ глубоко проникнутъ такими мыслями, я не взялъ бы на себя писать эту книгу или навязывать публикѣ представляемыя въ ней идеи, еслибы факты, о которыхъ она говоритъ, не были для меня предметомъ долгаго и серьезнаго размышленія. И я извлекъ сильное побужденіе къ тому, чтобы взять на себя эту обязанность, изъ того обстоятельства, что „Исторія умственнаго развитія Европы“, изданная мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣвшая много изданій въ Америкѣ, перепечатанная въ Англии, и переведенная на многіе европейскіе языки, французскій, нѣмецкій, русскій, польскій, сербскій и пр., вездѣ была принята благосклонно.

Собирая и распредѣляя матеріалы для книгъ, изданныхъ мною подъ заглавіемъ „Исторія американской

гражданской войны⁴, книгъ, стоившихъ мнѣ очень большаго труда, я привыкъ сравнивать противорѣчащія показанія, устанавливать противорѣчащія притязанія. Одобреніе, съ которымъ эта книга была принята американской публикою, критическимъ судьей описанныхъ событий, это одобреніе внушило мнѣ новую увѣренность. Я посвящалъ также много вниманія экспериментальному изученію природы и издалъ нѣсколько извѣстныхъ трудовъ объ этихъ предметахъ. И, быть можетъ, никто не можетъ отдаться этимъ занятіямъ и потратить большую часть своей жизни на публичное преподаваніе науки, не имѣя той любви къ безпристрастной истинѣ, какую возбуждаетъ философія. Она внушаетъ намъ желаніе посвящать наши дни благу нашего племени такъ, чтобы въ угасающемъ свѣтѣ вечера нашей жизни намъ не пришлось, оглядываясь назадъ, признать неважными и бесполезными тѣ предметы, которыми мы занимались.

Хотя я не щадилъ никакихъ трудовъ при составленіи этой книги, я очень чувствую, какъ мало она соотвѣтствуетъ предмету, для котораго изложенія котораго требуется знаніе науки, исторіи, теологіи и политики; каждая страница должна бы быть оживлена пониманіемъ и блестять фактами. Но потомъ я вспомнилъ, что это какъ бы только предисловіе, предшественникъ цѣлой литературы, которую вызовутъ событія и потребности нашего времени. Мы пришли къ чертѣ великой умственной перемѣны. Многое изъ легкомысленнаго чтенія настоящаго времени будетъ замѣнено серьезной и суровой литературой, которая будетъ оживлена интере-

сами, подвергшимися опасности, и приобрѣтеть ревность отъ церковной страсти.

Я старался только представить ясное и безпристрастное изложеніе взглядовъ двухъ спорящихъ сторонъ. Въ одномъ смыслѣ, я старался отождествить себя съ каждой, для того, чтобы вполне понять ея побужденія; но въ другомъ и высшемъ смыслѣ, я старался понять всесторонне и рассказывать безпристрастно ихъ дѣйствія.

Поэтому я надѣюсь, что люди, которые захотятъ критиковать мою книгу, будутъ помнить, что цѣль ея не защищать взгляды и притязанія какой нибудь стороны, но ясно и безъ ограниченія изложить взгляды обѣихъ. Въ распредѣленіи каждой главы я обыкновенно представлялъ сначала взгляды клерикальной партіи и затѣмъ взгляды ея противниковъ.

Излагая такимъ образомъ предметъ, не было необходимости обращать много вниманія на болѣе умѣренныя или посредствующія мнѣнія, потому что, хотя онѣ могутъ имѣть сами по себѣ большую цѣну, въ столкновеніяхъ этого рода для безпристрастнаго читателя важны не умѣренныя, но крайнія мнѣнія. Ихъ движенія опредѣляютъ исходъ.

По этой причинѣ я не могъ много говорить о двухъ великихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, протестантской и греческой церквахъ. Что касается послѣдней, она, со времени возстановленія наукъ, никогда не становилась враждебно къ успѣхамъ знанія. Напротивъ, она всегда относилась къ нему благопріятно. Она сохраняла уваженіе къ истинѣ, съ какой бы стороны она ни приходила. Замѣчая видимыя разнорѣчія между своими ис-

толкованіями откровенной истины и открытіями науки, она всегда ожидала, что явятся удовлетворительныя объясненія и примиренія, и въ этомъ она не ошиблась. Для новѣйшей цивилизаціи было бы полезно, еслибы Римская церковь поступала такимъ же образомъ.

Говоря о Христіанствѣ, я вообще (по задачѣ книги) имѣлъ въ виду Римскую Церковь, частью потому, что ея послѣдователи составляютъ большинство христіанскаго міра, частью потому, что ея требованія наиболѣе притязательны, и частью потому, что обыкновенно она старалась подкрѣплять эти требованія посредствомъ гражданской власти. Ни одна изъ протестантскихъ церквей не занимала никогда такого повелительнаго положенія—никогда не имѣла такого обширнаго политическаго вліянія. Большею частью, онѣ не любили употреблять принужденіе; и кромѣ очень немногихъ случаевъ, ихъ сопротивленіе не шло дальше возбужденія теологической ненависти.

✓ Что касается Науки, она никогда не искала союза съ гражданской властью. Она никогда не старалась внушать ненависть или навлекать общественное бѣдствіе какому-нибудь человѣческому существу. Она никогда не подвергала никого умственному мученію, физической пыткѣ, а еще меньше—смерти, для того, чтобы поддерживать или распространять свои идеи. Она является незапятнанной жестокостями и преступленіями. Но въ Ватиканѣ—надо только вспомнить инквизицію—руки, поднимающіяся теперь въ обращеніяхъ къ Всемилосердому, обогрены. Онѣ были омочены въ крови!

Есть два способа историческаго изложенія, художественный и научный. Первый предполагаетъ, что люди

производили событія; поэтому, онъ выбираетъ какое нибудь выдающееся лицо, изображаетъ его въ поэтической формѣ и дѣлаетъ его героемъ романа. Второй, настаивая на томъ, что человѣческія дѣла представляютъ неразрывную цѣпь, гдѣ каждый фактъ есть произведеніе какого нибудь предшествующаго факта и источникъ какого нибудь послѣдующаго факта, объявляетъ, что люди не повелѣваютъ событіями, но что событія повелѣваютъ людьми. Первый способъ создаетъ произведенія, которыя, какъ бы ни возбуждали нашъ интересъ, и сколько ни доставляли удовольствія, стоятъ только одной ступеню выше повѣсти; второй — серьезенъ, быть можетъ, даже отталкиваетъ насъ, потому что сурово внушаетъ намъ убѣжденіе въ непреодолимомъ господствѣ закона и въ ничтожности человѣческихъ усилій. Въ предметѣ столь возвышенномъ какъ тотъ, которому посвящена эта книга, романтическое и популярное совершенно неумѣстны. Тотъ, кто намѣревается говорить объ этомъ предметѣ, долженъ постоянно имѣть въ глазахъ ту цѣпь судьбы, которую представляетъ всеобщая исторія; онъ долженъ съ пренебреженіемъ отворачиваться отъ всевозможныхъ призрачныхъ обмановъ.

Если бы что нибудь должно было указывать намъ недостоверность художественныхъ историческихъ произведеній, то намъ указалъ бы это собственный опытъ. Какъ часто наши ближайшіе друзья не замѣчаютъ дѣйствительныхъ мотивовъ нашихъ ежедневныхъ дѣйствій; какъ часто они неправильно толкуютъ наши намѣренія! Если это случается въ томъ, что происходитъ на нашихъ глазахъ, не должны ли мы убѣдиться, что

невозможно правильно понять дѣйствія лицъ, жившихъ много лѣтъ раньше и никогда нами не видѣнныхъ.

Въ выборѣ и распредѣленіи предметовъ, которые хотѣлъ я представить въ этой книгѣ, я руководился отчасти „Исповѣданіемъ“ Ватиканскаго Собора, и отчасти ходомъ событій въ исторіи. Читатель не безъ интереса замѣтитъ, что предметы представляются намъ теперь также, какъ они представлялись старымъ философамъ Греціи. Мы имѣемъ дѣло все съ тѣми же вопросами, о которыхъ спорили они. Что есть Богъ? Что есть душа? Что такое міръ? Какъ онъ управляется? Имѣемъ ли мы какой нибудь образчикъ или критеріумъ истины? И размышляющій читатель серьезно спроситъ: „Лучше ли ихъ рѣшеній наши рѣшенія этихъ проблемъ“?

Затѣмъ, общее содержаніе книги состоитъ въ слѣдующемъ:

✓ Сначала я обращаю вниманіе на происхожденіе новѣйшей науки, въ отличіе отъ древней,—такъ какъ она основывается на наблюденіи, опытѣ и математическомъ изслѣдованіи вмѣсто чистаго умозрѣнія, и стараюсь показать, что она была послѣдствіемъ Македонскихъ походовъ, которые привели въ соприкосновеніе Азію и Европу. Короткій очеркъ этихъ походовъ и Александрійскаго Музея объясняетъ ея характеръ.

Потомъ, я кратко вспоминаю извѣстное начало Христіанства, и показываю его успѣхи до пріобрѣтенія императорской власти, видоизмѣненіе его подъ вліяніемъ соединенія съ язычествомъ, составлявшимъ тогда религію Римской имперіи. Пріобрѣтенное тогда представ-

леніе о несовмѣстности его съ наукой повело къ насильственному закрытію Александрійскихъ школъ. Оно было вынуждено къ этому политическими необходимостями своего положенія.

1 | Расположивъ такимъ образомъ двѣ стороны, готовившіяся къ столкновенію, я рассказываю потомъ исторію ихъ первой открытой борьбы; это первая или южная Реформація. Спорный пунктъ относился къ природѣ Бога. Онъ включалъ возникновеніе мохаммеданства. Результатомъ было то, что значительная часть Азіи и Африки, съ историческими городами какъ Іерусалимъ, Александрія и Карѳагенъ, были оторваны отъ христіанскаго міра, и мохаммеданское ученіе объ единствѣ Бога установилось въ бóльшей долѣ прежней Римской имперіи.

За этимъ политическимъ событіемъ послѣдовало возстановленіе науки, основаніе коллегій, школъ, библиотекъ, во всѣхъ владѣніяхъ арабовъ. Эти завоеватели, быстро двигаясь въ своемъ умственномъ развитіи, отвергли антропоморфическія идеи о природѣ Бога, оставшіяся въ ихъ народномъ вѣрованіи, и приняли другія, болѣе философскія, родственныя тѣмъ, какія задолго ранѣе достигнуты были въ Индіи. Результатомъ этого было второе столкновеніе, относительно природы души.

2 | √ Подъ названіемъ Аверроизма, выступили теоріи Эманациіи и Поглощенія. Въ концѣ среднихъ вѣковъ Инквизиція успѣла вытѣснить эти ученія изъ Европы, и теперь Ватиканскій Соборъ формально и торжественно предалъ ихъ проклятію.

Между тѣмъ, вслѣдствіе изученія астрономіи, географіи и другихъ наукъ, пріобрѣтены были правильныя

понятія о положеніи и отношеніяхъ земли и о строеніи вселенной; и такъ какъ теологія, основываясь на своихъ толкованіяхъ, настаивала, что земля есть центральная и важнѣйшая часть вселенной, то произошло третье столкновеніе. Здѣсь дѣло науки велъ Галилей. Исходомъ была побѣда надъ клерикалами въ спорномъ вопросѣ. Впослѣдствіи возникъ второстепенный споръ относительно возраста земли, такъ какъ клерикалы настаивали, что ей только около шести тысячъ лѣтъ. Въ этомъ пунктѣ они были опять побѣждены.

Свѣтъ исторіи и науки мало по малу распростра- нялся въ Европѣ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи очаро- ваніе римскаго христіанства сильно уменьшилось вслѣд- ствіе умственныхъ пораженій, имъ понесенныхъ и вслѣд- ствіе его политическаго и нравственнаго состоянія. Мно- гіе благочестивые люди ясно видѣли, что религія была не виновата въ фальшивомъ положеніи, въ которое она была поставлена, но что это бѣдствіе можно было прямо приписать союзу, заключенному нѣкогда съ римскимъ язычествомъ. Поэтому очевиднымъ средствомъ исправ- ленія было возвращеніе къ первобытной чистотѣ. Такъ возникло четвертое столкновеніе, извѣстное намъ подъ именемъ Реформаціи — эта была вторая или сѣверная Реформація. Специальная форма, принятая ею, былъ споръ о критеріумѣ истины, находится ли онъ въ церкви или въ библии. Опредѣленіе этого включало установленіе правъ разума или умственную свободу. Лютеръ, важное лицо этой эпохи, выполнилъ свое намѣреніе съ значитель- нымъ успѣхомъ, и въ концѣ борьбы оказалось, что сѣвер- ная Европа была потеряна для Римскаго Христіанства.

Мы находимся теперь среди спора относительно способа управленія міра, происходитъ ли оно посредствомъ безпрестаннаго провиденціального вмѣшательства или дѣйствіемъ первобытнаго и неизмѣннаго закона. Умственное движеніе христіанскаго міра достигло того пункта, котораго арабизмъ достигъ въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкахъ; и ученія, какія изслѣдовались въ то время, теперь снова являются передъ нами, какъ ученія объ Эволюціи, Созданіи, Развитіи.

Я думаю, что подъ этими общими рубриками заключены будутъ всѣ существенные пункты этого великаго спора. Распредѣляя подъ эти общіе отдѣлы тѣ факты, которые намъ надо разсмотрѣть, и рассматривая отдѣльно каждую группу, мы безъ сомнѣнія приобрѣтемъ ясное понятіе объ ихъ взаимной связи и ихъ исторической послѣдовательности.

Я говорилъ объ этихъ столкновеніяхъ сколько возможно въ ихъ настоящемъ хронологическомъ порядкѣ, и для полноты прибавилъ еще слѣдующія главы: —

Изслѣдованіе того, что сдѣлано латинскимъ христіанствомъ для новѣйшей цивилизаціи.

Соотвѣтственное изслѣдованіе о томъ, что сдѣлано было Наукой.

Роль Римскаго Христіанства въ предстоящемъ столкновеніи, какъ она опредѣляется Ватиканскимъ Соборомъ.

Вниманіе многихъ лицъ, ищущихъ истины, такъ исключительно было занято подробностями сектаторскихъ разногласій, что продолжительная борьба, исторіи которой посвящены эти страницы, обыкновенно очень

мало извѣстна. Стараясь постоянно помнить намѣреніе написать книгу въ безпристрастномъ духѣ, говорить съ уваженіемъ о спорящихъ сторонахъ, но никогда не скрывать истины, я предлагаю свой трудъ на благосклонное сужденіе мыслящаго читателя.

Джонъ Вилльямъ Дрэперъ.

Университетъ, Нью-Йоркъ.

Декабрь, 1873.

ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И НАУКОЙ.

ГЛАВА I.

Происхождение науки.

Для человека размышляющего не можетъ быть зрѣлища болѣе торжественнаго и болѣе печальнаго, чѣмъ зрѣлище паденія древней религіи, которая въ свое время служила утѣшеніемъ для многихъ поколѣній людей.

√ За четыре столѣтія до Р. Х., Греція быстро переросла свои древнія вѣрованія. Ея философы, въ своемъ изученіи міра, были глубоко поражены контрастомъ между величіемъ дѣйствій природы и ничтожествомъ боговъ Олимпа. Ея историки, наблюдая правильный ходъ политическихъ дѣлъ, очевидное единообразіе въ дѣйствіяхъ людей, и замѣчая, что не было событія, совершавшагося на ихъ глазахъ, для котораго они не могли бы найти явной причины въ какомъ нибудь предшествующемъ случаѣ, — историки начали подозрѣвать, что чудеса и вмѣшательства Олимпа, какими наполнены были ихъ древнія сказанія, были чисто дѣломъ воображенія. Когда пора сверхъестественнаго прошла, они спрашивали, почему оракулы стали нѣмы и почему на свѣтѣ уже не происходитъ ничего чудеснаго.

√ Преданія, исходившія отъ незапамятной древности и принимаемыя прежде благочестивыми людьми за несомнѣнныя истины, наполняли острова Средиземнаго моря и окрестныя страны сверхъестественными дивами—волшебниками и волшебницами, великанами, людодѣлами, гарпіями, горгонами, центavraми, циклонами. Лазурный сводъ неба былъ поломъ Олимпа; тамъ Зевесъ, окруженный богами съ ихъ женами и любовницами, имѣлъ свой дворъ, занимался такими же дѣлами, какъ у людей, и не воздерживался отъ дѣяній, свойственныхъ человѣческой страсти и преступленію.

√ Морской берегъ, чрезвычайно изрѣзанный, архипелагъ, въ которомъ были прелестнѣйшіе острова, внушили Грекамъ вкусъ къ мореплаванію, къ географическимъ открытіямъ и колонизаціи. Ихъ корабли странствовали по всему Черному и Средиземному морямъ. Оказывалось, что издревле извѣстныя чудеса, прославленныя въ «Одиссеѣ» и освященныя народною вѣрою, вовсе не существовали. Когда пріобрѣтено было лучшее знаніе природы, оказалось, что лазурный сводъ есть иллюзія зрѣнія; люди нашли, что Олимпа нѣтъ, и что вверху только пространство и звѣзды. Съ исчезновеніемъ жилищъ, исчезли и боги, какъ боги іонійскаго типа, у Гомера, такъ и боги дорическаго типа, у Гезіода.

Но все это произошло не безъ сопротивленія. Сначала, народъ, и въ особенности его жреческая часть, обвинили возникшія сомнѣнія какъ безбожіе. Однихъ изъ этихъ оскорбителей преданія они лишали имущества, другихъ изгоняли, нѣкоторыхъ предали смерти. Они утверждали, что то, чему благочестивые люди вѣрили въ древнія времена и что устояло въ теченіе вѣковъ, должно быть непременно истинно. Затѣмъ, когда доказательства противнаго стали неотразимы, они допустили

только, что эти старыя чудеса были аллегорія, подъ которыми мудрость древнихъ скрываетъ много священныхъ и таинственныхъ вещей. Они старались помирить то, что могло, — какъ они опасались и предчувствовали, — оказаться только мифомъ, съ ихъ развивающимся умственнымъ состояніемъ. Но ихъ усилія были напрасны, потому что есть предопредѣленные фазисы, черезъ которые должны пройти въ подобныхъ случаяхъ народныя понятія. Общественное мнѣніе начинаетъ сомнѣваться въ томъ, что принимало съ почтеніемъ; потомъ оно предлагаетъ новыя истолкованія; затѣмъ впадаетъ въ разногласіе и кончаетъ тѣмъ, что отвергаетъ все преданіе, какъ чистый мифъ.

За философами и историками послѣдовали, въ этомъ отступленіи отъ общаго мнѣнія, и поэты. Эврипидъ подвергся обвиненію въ ереси. Эсхилъ едва избѣжалъ побіенія камнями за богохульство. Но неистовыя усилія людей, желающихъ поддержать заблужденіе, всегда оказываются безуспѣшны. Деморализація неудержимо распространилась на все отрасли литературы, и наконецъ достигла до массы народа.

✓ Греческій философскій критицизмъ подалъ помощь греческому философскому изысканію въ этомъ разрушеніи старыхъ національныхъ вѣрованій. Онъ поддержалъ многообразными аргументами широко распространившееся невѣріе. Онъ сравнивалъ между собою ученія различныхъ школъ и изъ ихъ противорѣчій указывалъ, что человѣкъ не имѣетъ критеріума истины; что такъ какъ его понятія о добрѣ и о злѣ бываютъ различны по различію странъ, гдѣ онъ живетъ, то эти понятія не имѣютъ никакого основанія въ Природѣ, и должны быть вполнѣ результатомъ воспитанія; что справедливость и несправедливость ничто иное какъ фикціи, созданныя обществомъ для его собственныхъ цѣлей. Въ Афинахъ, нѣкоторые изъ наиболѣе

развитыхъ классовъ дошли до того, что не только отвергали невидимое, сверхъестественное, но даже утверждали, что и міръ есть только мечта, призракъ, и что ничего не существуетъ въ дѣйствительности.

Топографическія очертанія Греціи отпечатлѣлись на ея политическомъ состояніи. Онѣ раздѣлили ея населеніе на двѣ различныя массы съ противоположными интересами, и сдѣлали ихъ неспособными къ централизаціи. Безпрестанныя внутреннія войны между соперничавшими государствами мѣшали ея развитію. Она была бѣдна; люди, руководившіе ея дѣлами, стали продажны. Они всегда были готовы мѣнять патріотическія соображенія за иностранное золото, продавать себя за персидскій подкупъ. Обладая пониманіемъ красоты, которое выразилось въ греческой скульптурѣ и архитектурѣ въ такой степени, какъ это никогда не было достигнуто другими народами, ни прежде, ни послѣ, Греція потеряла практическое пониманіе добра и истины.

Въ то время какъ Европейская Греція, полная идеями свободы и независимости, отвергала господство Персіи, Греція Азіатская признала это господство безъ сопротивленія. Персидская монархія по пространству земель равнялась тогда половинѣ новѣйшей Европы. Она касалась водъ Средиземнаго, Эгейскаго, Чернаго, Каспійскаго, Индѣйскаго, Персидскаго и Краснаго морей. Въ ея земляхъ протекали шесть изъ величайшихъ рѣкъ въ свѣтѣ — Евфратъ, Тигръ, Индъ, Яксартъ, Оксусъ, Нилъ, изъ которыхъ каждая имѣла болѣе тысячи миль протяженія. Ея поверхность простиралась отъ тысячи трехъ сотъ футовъ ниже морскаго уровня до двадцати тысячъ футовъ выше его. Она представляла, поэтому, всякаго рода земледѣльческія произведенія. Ея минеральное богатство было безгра-

нично. Она наслѣдовала славу царствъ Мидійскаго, Вавилонскаго, Ассирійскаго, Халдейскаго, лѣтописи которыхъ восходили въ древность болѣе чѣмъ на двадцать столѣтій.

Персія всегда считала Европейскую Грецію политически ничтожной, потому что по своему территоріальному пространству она едва равнялась половинѣ какой-нибудь изъ персидскихъ сатрапій. Но походы, предпринятые Персией для подчиненія Греціи, показали ей военныя качества этого народа. Въ числѣ ея военныхъ силъ были греческіе наемники, составлявшіе лучшую часть ея войска. Персія не опасалась иногда отдавать предводительство надъ своими арміями греческимъ полководцамъ, и начальство надъ флотомъ греческимъ мореходамъ. Въ политическихъ потрясеніяхъ, какія Персія испытывала, ея соперничавшіе военачальники нерѣдко пользовались греческими войсками. Эти военныя дѣла повели къ важному результату. Они открыли проницательному взгляду воинственныхъ греческихъ наемниковъ политическую слабость персидскаго царства и возможность достигнуть его центра. По смерти Кира въ сраженіи при Кунаксѣ, безсмертное отступление десяти тысячъ Грековъ подъ начальствомъ Ксенофонта показало, что греческое войско можетъ проложить себѣ путь къ сердцу Персіи и обратно.

Уваженіе къ военному искусству азіатскихъ полководцевъ, глубоко внушенное Грекамъ такими подвигами инженернаго искусства, какъ постройка моста черезъ Геллеспонтъ и прорытіе перешейка у Аѳонской горы Ксерксомъ, это уваженіе было уничтожено при Саламинѣ, Платеѣ, Микале. Грабежъ богатыхъ персидскихъ областей сталъ недолимымъ соблазномъ. Таковъ былъ походъ спартанскаго царя Агезилая, блестящіе успѣхи котораго персидское правительство остановило, впрочемъ, при-

бѣгнувъ къ испытанной политикѣ — къ подкупу сосѣдей Спарты, съ тѣмъ, чтобы они напали на нее. «Я былъ побѣжденъ тридцатью тысячами персидскихъ стрѣлковъ», съ горечью воскликнулъ Агезилай, при возвращеніи домой, намекая на персидскую монету, на которой выбивалось изображеніе стрѣлка.

Наконецъ македонскій царь Филиппъ рѣшился возобновить эти попытки, съ гораздо болѣе страшными средствами и съ болѣе широкими планами. Онъ хотѣлъ явиться полководцемъ всей Греціи, не съ цѣлью одного набѣга на азіатскія сатрапіи, но съ цѣлью низверженія персидской династіи въ самомъ центрѣ ея владычества. Онъ былъ убитъ, когда приготовленія еще не были окончены, и ему наследовалъ сынъ его Александръ, еще юноша. Общее собраніе Грековъ въ Коринѣѣ единогласно выбрало его на мѣсто отца. Въ то время произошли нѣкоторыя замѣшательства въ Иллиріи; для усмиренія ихъ, Александръ долженъ былъ повести свою армію на сѣверъ, до Дуная. Въ его отсутствіе Фиванцы, съ нѣкоторыми другими, составили противъ него заговоръ. Возвратившись, онъ взялъ Фивы приступомъ. Онъ умертвилъ шесть тысячъ изъ жителей города, тридцать тысячъ продалъ въ рабство и совершенно разрушилъ городъ. Военная мудрость этой жестокости обнаружилась при его азіатскомъ походѣ. Его не обезпokoило уже никакое возстаніе въ тылу.

Весной 334 до Р. Х. Александръ переправился черезъ Гелеспонтъ въ Азію. Войско его состояло изъ тридцати четырехъ тысячъ пѣхоты и четырехъ тысячъ конницы. Съ нимъ было только семьдесятъ талантовъ деньгами. Онъ пошелъ прямо на персидское войско, которое, далеко превосходя его силами, рас-

положилось по чертѣ р. Граника. Александръ перешелъ черезъ рѣку, разбилъ непріятеля, и обладаніе Малой Азіей, съ ея сокровищами, было плодомъ побѣды. Конецъ этого года онъ провелъ въ военномъ устройствѣ завоеванныхъ областей. Между тѣмъ персидскій царь Дарій выставилъ шестисотъ-тысячное войско, чтобы воспрепятствовать переходу Македонянъ въ Сирію. Въ сраженіи, происшедшемъ въ горныхъ тѣснинахъ при Иссъ, Персы были опять разбиты. Побойще было таково, что Александръ и Птолемей, одинъ изъ его военачальниковъ, перешли одинъ оврагъ, заваленный трупами. Потерю Персовъ считали не менѣе какъ въ девяносто тысячъ пѣхоты и десять тысячъ конницы. Въ руки побѣдителя достался царскій шатеръ, и съ нимъ жена и нѣсколько дѣтей Дарія. Такимъ образомъ Сирія прибавилась къ греческимъ завоеваніямъ. Въ Дамаскѣ найдено было много наложницъ Дарія и его главныхъ военачальниковъ, вмѣстѣ съ большими богатствами.

Прежде чѣмъ пуститься въ равнины Месопотаміи для окончательной борьбы, Александръ, съ цѣлью обезпечить свой тылъ и сохранить сообщенія съ моремъ, прошелъ на югъ до берега Средиземнаго моря, подчиняя себѣ города, встрѣчавшіеся на пути. Въ своей рѣчи на военномъ совѣтѣ послѣ сраженія при Иссъ, Александръ сказалъ своимъ военачальникамъ, что они не должны преслѣдовать Дарія, когда Тиръ остается не покореннымъ, когда Персія еще владѣетъ Египтомъ и Кипромъ, потому что, если бы Персія заняла опять свои морскіе порты, она перенесла бы войну въ Грецію, и что ему совершенно необходимо быть господиномъ и на морѣ. Владѣя Кипромъ и Египтомъ, онъ могъ не беспокоиться о Греціи. Осада Тира заняла у него болѣе полугода. Въ отмщеніе за это замедленіе, онъ, говорятъ, казнилъ на крестѣ двѣ тысячи плѣнныхъ. Иерусалимъ сдался

добровольно, и поэтому съ нимъ было поступлено мягко; но переходъ македонской арміи въ Египетъ встрѣтилъ препятствіе при Газѣ, персидскій правитель которой, Бетисъ, оказалъ самое упорное сопротивленіе, и этотъ городъ, послѣ двухмѣсячной осады, взятъ былъ приступомъ, десять тысячъ его жителей были убиты, а остальные съ женами и дѣтьми проданы въ рабство. Самого Бетиса протащили живымъ кругомъ города у колесницы побѣдителя. Далѣе уже не было сопротивленія. Египтяне, ненавидѣвшіе персидское правленіе, приняли завоевателя съ открытыми объятіями. Александръ устроилъ правленіе страны въ своихъ интересахъ, поручивъ всю военную команду македонскимъ военачальникамъ и оставивъ гражданское управленіе въ рукахъ природныхъ Египтянъ.

Въ то время, когда дѣлались приготовленія къ окончательному походу, Александръ предпринялъ путешествіе ко храму Юпитера Аммона, который находился въ оазисѣ Ливійской пустыни, въ разстояніи двухъ сотъ миль. Оракулъ объявилъ его сыномъ этого бога, который обманулъ его мать Олимпіаду, принявши видъ змѣя. Сверхъестественныя зачатія и низхожденія боговъ на землю были въ тѣ времена такимъ обыкновеннымъ представленіемъ, что если кто совершалъ что-нибудь особенно замѣчательное въ людскихъ дѣлахъ, то ему приписывали сверхъестественное происхожденіе. Даже въ Римѣ, нѣсколько вѣковъ спустя, нельзя было бы безопасно отрицать сказаніе, что своимъ основателемъ Ромуломъ городъ обязанъ былъ случайной встрѣчѣ бога Марса съ дѣвицей Реей Сильвіей, когда она шла съ своимъ кувшиномъ за водой къ источнику. Египетскіе ученики Платона съ негодованіемъ взглянули бы на людей, которые стали бы отвергать легенду, что мать этого великаго философа, Периктіона, чистая дѣвица, испытала сверхъесте-

ственное зачатіе черезъ вліяніе Аполлона, и что этотъ богъ объявилъ Аристону, которому она была обручена, о происхожденіи ребенка. Когда Александръ посылалъ свои письма, повелѣнія и указы, называя себя «царемъ Александромъ, сыномъ Юпитера Аммона», они являлись для жителей Египта и Сиріи съ авторитетомъ, о которомъ теперь мы едва можемъ составить понятіе. Но свободно мыслящіе Греки умѣли давать этой сверхъестественной генеалогіи ея настоящую цѣну. Олимпіада, конечно, лучше всѣхъ знавшая факты этого дѣла, говорила шутя, что она «желала бы, чтобы Александръ пересталъ ссорить ее безпрестанно съ женой Юпитера». Историкъ македонскаго похода Арріанъ замѣчаетъ: «Я не могу осудить его за то, что онъ старался внушить своимъ подданнымъ вѣру въ его божественное происхожденіе, и не могу считать этого за большое преступленіе, потому что весьма основательно можно думать, что этимъ онъ хотѣлъ только пріобрѣсти большее значеніе у своихъ воиновъ».

Когда такимъ образомъ все было обезпечено у него въ тылу, Александръ возвратился въ Сирію и направилъ свою армію, состоявшую теперь изъ пятидесяти тысячъ ветерановъ, на востокъ. Перешедши Евфратъ, онъ держалъ путь у Мазійскихъ холмовъ, чтобы избѣжать сильнаго жара расположенныхъ южнѣе равнинъ Месопотаміи; на этомъ пути можно было также найти и обильный фуражъ для конницы. На лѣвомъ берегу Тигра, близъ Арбелы, онъ встрѣтилъ огромную армію въ миллионъ ето тысячъ человѣкъ, приведенную Даріемъ изъ Вавилона. Смерть персидскаго царя, вскорѣ послѣ понесеннаго имъ пораженія, оставила македонскаго полководца повелителемъ всѣхъ странъ отъ Дуная до Инда. Впослѣдствіи онъ простеръ свои завоеванія до Ганга. Забранныя имъ сокровища были почти невѣ-

рѣятны. По словамъ Арріана, въ одной Сузѣ онъ нашелъ пятьдесятъ тысячъ талантовъ деньгами.

Новѣйшіе военные люди не могутъ безъ удивленія смотрѣть на эти изумительные походы. Переправа черезъ Геллеспонтъ; сраженіе при Граникѣ; зима, проведенная въ политическомъ устройствѣ завоеванной Малой Азіи; походъ праваго крыла и центра арміи вдоль сирійскаго берега Средиземнаго моря; инженерныя трудности, побѣжденные при осадѣ Тира; взятіе Газы; разобщеніе Персіи отъ Греціи; закрытіе Средиземнаго моря для персидскаго флота; умѣнье помѣшать всѣмъ ея попыткамъ войти въ интриги или подкупить афинянъ или спартанцевъ, къ чему прежде Персія прибѣгала такъ часто и съ успѣхомъ; подчиненіе Египта; другая зима, проведенная въ политическомъ устройствѣ этой достопочтенной страны; соединеніе и направленіе всей арміи отъ Чернаго и Краснаго морей къ солончаковымъ равнинамъ Месопотаміи на слѣдующую весну; переходъ черезъ Евфратъ, окаймленный его плакучими ивами, у разрушеннаго моста при Тапсакѣ; переходъ черезъ Тигръ; ночная рекогносцировка передъ великой и достопамятной битвой при Арбелѣ; боковое движеніе на полѣ битвы; прорывъ непріятельскаго центра — маневръ, которому суждено было повториться много вѣковъ спустя при Аустерлицѣ; энергическое преслѣдованіе персидскаго царя, — вотъ подвиги, которыхъ не превзошелъ ни одинъ полководецъ позднѣйшихъ временъ.

Все это послужило могущественнымъ стимуломъ для умственной дѣятельности Грековъ. Были люди, которые прошли съ македонскимъ войскомъ отъ Дуная до Нила, отъ Нила до Ганга. Они испытали холодный гинерборейскій вѣтеръ странъ, лежащихъ за Чернымъ моремъ, самумы и песчаные ураганы египетскихъ пустынь. Они видѣли пирамиды, стоявшія уже

двадцать столѣтій, покрытые гіероглифами обелиски Луксора, ряды безмолвныхъ и таинственныхъ сфинксовъ, колоссы монарховъ, царствовавшихъ на утрѣ міра. Въ залахъ Эсар-гаддона они стояли передъ престолами угрюмыхъ древнихъ ассирійскихъ царей, которые оберегались крылатыми быками. Въ Вавилонѣ еще оставались его стѣны, имѣвшія нѣкогда болѣе шестидесяти миль въ окружности, и которыя, послѣ трехъ-вѣковыхъ опустошеній отъ трехъ завоевателей, все еще были болѣе восьмидесяти футовъ въ вышину; тамъ еще оставались развалины храма, окруженнаго облакомъ Бела, на вершинѣ его была сооружена обсерваторія, гдѣ халдейскіе астрономы имѣли ночное сообщеніе съ звѣздами; еще были слѣды двухъ дворцовъ съ ихъ висячими садами, гдѣ большія деревья росли надъ землей, и съ остатками гидравлической машины, доставлявшей для нихъ воду изъ рѣки. Воды изъ тающихъ снѣговъ арменскихъ горъ были собраны въ искусственномъ озерѣ съ обширнымъ аппаратомъ водопроводовъ и шлюзовъ, и въ своемъ теченіи черезъ городъ задерживались запрудой Евфрата. Всего изумительнѣе, быть можетъ, былъ туннель, проложенный подъ рѣкою.

Если Халдея, Ассирія, Вавилонъ представляли удивительныя и почтенныя древности, уходящія во мракъ времени, то Персія имѣла свои, болѣе новыя чудеса. Уставленныя колоннами залы Персеполя были наполнены чудесами искусства — рѣзными вещами, скульптурой, финифтью, алебастровыми бібліотеками, обелисками, сфинксами, колоссальными быками. Эббатана, прохладная лѣтняя резиденція переидскихъ царей, защищаема была семью рядами стѣнъ изъ тесаного и полированнаго камня, изъ которыхъ каждая внутренняя стѣна была все выше, и всѣ выкрашены были разными цвѣтами, въ астрологическомъ соотвѣтствіи съ семью планетами. Дворецъ былъ покрытъ се-

ребриной черепицей; его деревянные столбы были выложены золотомъ. Ночью, въ его залахъ съ солнечнымъ свѣтомъ соперничали ряды нефтяныхъ свѣтильниковъ. Въ серединѣ города былъ разведенъ великолѣпный садъ—эта роскошь восточныхъ монарховъ. Персидское царство, отъ Геллеспонта до Инда, было настоящимъ садомъ міра.

Я посвятилъ нѣсколько страницъ разсказу объ этихъ изумительныхъ походахъ, потому что военный талантъ, который они питали, повелъ къ основанію математическихъ и практическихъ школъ Александріи,—настоящаго начала науки. Начало всѣхъ нашихъ точныхъ познаній мы находимъ въ македонскихъ походахъ. Гумбольдтъ справедливо замѣтилъ, что знакомство съ новыми и великими предметами природы расширяетъ человѣчскій умъ. Воины Александра и люди, слѣдовавшіе за его лагеремъ, на каждомъ шагу встрѣчали неожиданное и живописное зрѣлище. Изъ всѣхъ людей, Греки были всего наблюдательнѣе, они были всего доступнѣе для впечатлѣній и всего глубже ихъ чувствовали. Здѣсь были нескончаемыя песчаныя равнины, тамъ горы, вершины которыхъ терялись въ облакахъ. Въ пустыняхъ были миражи, на склонахъ холмовъ пробѣгали тѣни облаковъ, пронесившихся надъ лѣсами. Они были въ странѣ финиковыхъ пальмъ и кипарисовъ, тамарисковъ, зеленыхъ миртовъ и олеандровъ. При Арбелѣ они сражались противъ индѣйскихъ слоновъ; въ кустарникахъ у Каспійскаго моря они поднимали изъ логовища скрывавшагося тамъ царскаго тигра. Они видѣли животныхъ, которыя въ сравненіи съ европейскими были не только странны, но колоссальны—носорога, гинопотама, верблюда, крокодиловъ Нила и Ганга. Они встрѣчали людей многообразнаго склада и костюмовъ: смуглаго Сирійца, оливковаго Перса,

чернаго Африканца. Даже о самомъ Александрѣ разсказываютъ, что на смертномъ одрѣ онъ велѣлъ своему адмиралу Нearchу сѣсть подлѣ себя, и находилъ утѣшеніе, слушая приключенія этого моряка, — исторію его путешествія отъ Инда къ Персидскому заливу. Завоеватель съ удивленіемъ видѣлъ морской приливъ и отливъ. Онъ построилъ корабли для изслѣдованія Каспійскаго моря, предполагая, что это море и Черное могли быть заливами великаго океана, какъ Нearchъ открылъ это относительно Персидскаго и Краснаго моря. Онъ рѣшилъ, что флотъ его долженъ попытаться проплыть кругомъ Африки и войти въ Средиземное море черезъ Геркулесовы столбы — подвигъ, который, какъ утверждали, былъ исполненъ Фараонами.

Не только величайшіе греческіе полководцы, но и величайшіе философы нашли въ завоеванномъ царствѣ многое, что могло возбудить удивленіе Греціи. Каллисѣенъ пріобрѣлъ въ Вавилонѣ рядъ халдейскихъ астрономическихъ наблюденій, восходившихъ за 1903 года; онъ послалъ ихъ Аристотелю. Такъ какъ онѣ были писаны на жженныхъ кирпичахъ, то, быть можетъ, дублиеты ихъ будутъ найдены въ глиняныхъ библіотекахъ ассирійскихъ царей. Египетскій астрономъ Птолемей имѣлъ вавилонскій списокъ затмѣній, восходившій за 747 лѣтъ до нашей эры. Необходимы были продолжительныя и внимательныя наблюденія, прежде чѣмъ можно было опредѣлить нѣкоторые изъ тѣхъ астрономическихъ результатовъ, какіе достигли нашего времени. Такъ Вавилоняне опредѣляли продолжительность тропическаго года съ разницей только въ двадцать пять секундъ отъ настоящей; ихъ опредѣленіе сидерическаго года превышало настоящее только на двѣ минуты. Они открыли предвареніе равноденствій. Они знали причины затмѣній, и съ помощью своего цикла, называемаго Саросъ, могли предсказывать ихъ. Ихъ опредѣленіе вели-

чины этого цикла, — имѣющаго болѣе 6,585 дней, — расходилось съ настоящимъ только на девятнадцать съ половиной минутъ.

Подобные факты доставляютъ неопровержимое доказательство терпѣнія и искусства, съ какими изучалась астрономія въ Месопотаміи, и эти факты показываютъ, что, при весьма несовершенныхъ инструментахъ, астрономія достигла здѣсь немамоважнаго совершенства. Эти древніе наблюдатели составили каталогъ звѣздъ, раздѣлили зодіакъ на двѣнадцать знаковъ; они раздѣлили день на двѣнадцать, и ночь на двѣнадцать часовъ. По словамъ Аристотеля, они долгое время наблюдали закрытіе звѣздъ луной. Они имѣли правильное понятіе объ устройствѣ солнечной системы, и знали порядокъ расположенія планетъ. Они устраивали солнечные часы, клепсидры, астролябіи, гномоны.

Не безъ интереса можемъ мы взглянуть и на образчики ихъ способа печатанія. Они вырѣзывали, клинообразными письменами, свои записи на обращающемся валѣ, и затѣмъ, прокатывая его на мягкой глинѣ, сформованной въ плиты, производили неистребимые оттиски. Въ ихъ черепичныхъ библіотекахъ мы еще собираемъ литературную и историческую жатву. Они имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія и въ оптикѣ. Выпуклое стекло, найденное въ Нимрудѣ, показываетъ, что они не были незнакомы съ увеличительными инструментами. Въ ариѳметикѣ они открыли значеніе числовыхъ знаковъ по ихъ положенію, хотя имъ неизвѣстно было великое индійское изобрѣтеніе цифръ.

√ Какое зрѣлище для побѣдителей Грековъ, которые до того времени не занимались опытами и не дѣлали наблюдений! Они довольствовались одними размышленіями и бесплодными отвлеченностями.

√ Но греческое умственное развитіе, происходившее такимъ

образомъ отчасти отъ болѣе широкаго взгляда на природу, нашло сильную поддержку въ приобрѣтенномъ тогда знаніи религіи завоеванной страны. Идолопоклонство Греціи всегда было предметомъ отвращенія для Персовъ, которые въ своихъ нашествіяхъ никогда не пропускали разрушать храмы и наносить поруганія святилищамъ этихъ грубыхъ божествъ. Безнаказанность, съ которой могли быть совершены эти святотатства, производила глубокое впечатлѣніе и не мало содѣйствовала тому, чтобы подкнать эллинскую религію. Но теперь поклонникъ пошлыхъ олимпійскихъ божествъ, безстыдная жизнь которыхъ должна была неприятно поражать всякаго благочестиваго человѣка, встрѣчался съ великой, торжественной, послѣдовательной религіозной системой, опиравшейся на философскомъ основаніи. Персія, какъ бывало со всеми долго жившими государствами, прошла черезъ нѣсколько смѣнъ религіи. Она слѣдовала единобожію Зороастра; затѣмъ приняла дуализмъ, и потомъ смѣнила его на религію маговъ. Во время македонскаго похода, она признавала одинъ всеобщій Разумъ, создателя, хранителя и правителя всѣхъ вещей, священнѣйшую сущность истины, подателя всѣхъ благъ. Онъ не могъ быть представляемъ никакимъ образомъ, никакой вырѣзанной формой. И такъ какъ во всѣхъ земныхъ вещахъ мы видимъ результатъ двухъ противодѣйствующихъ силъ, то подъ нимъ было два равныя и равно вѣчныя начала, представляемыя въ образѣ свѣта и тьмы. Эти начала находятся въ не кончающейся никогда борьбѣ. Міръ есть ихъ поле битвы, человѣкъ есть ихъ награда.

✓ Въ древнихъ сказаніяхъ дуализма, злой духъ, какъ говорятъ, послалъ змѣя разрушить рай, созданный добрымъ духомъ. Эти сказанія сдѣлались извѣстны жителямъ Палестины во время паѣна въ Вавилонѣ.

✓ Существованіе злаго начала есть необходимая принадлежность существованія добраго начала, какъ тѣнь есть необходимая принадлежность присутствія свѣта. Такимъ образомъ могло быть объяснено существованіе зла въ мірѣ, творецъ и правитель котораго въ высочайшей степени благъ. Каждое изъ олицетворенныхъ началъ свѣта и тьмы, Ормуздъ и Ариманъ, имѣли своихъ подчиненныхъ духовъ, своихъ совѣтниковъ, свое войско. Долгъ добраго человѣка исполнять истину, чистоту и трудолюбіе. Когда здѣшняя жизнь проходитъ, человѣкъ можетъ ждать впереди жизни въ другомъ свѣтѣ, и надѣяться на воскресеніе тѣла, безсмертіе души и сознательное будущее бытіе.

Въ послѣдніе годы царства, начала Магіанизма мало по малу стали брать верхъ надъ началами Зороастра. Магіанизмъ былъ прежде всего поклоненіемъ стихіямъ. Изъ нихъ, огонь считался наиболѣе достойнымъ представителемъ высшаго существа. На жертвенникахъ, поставленныхъ не въ храмахъ, а подъ голубымъ сводомъ неба, горѣли неугасавшіе огни, и восходящее солнце считалось благороднѣйшимъ предметомъ для человѣческаго обожанія. Въ обществѣ Азіи, все исчезало предъ монархомъ; на пространствѣ неба, все предметы исчезали въ присутствіи солнца.

Преждевременно оторванный отъ различныхъ великихъ замысловъ, Александръ умеръ въ Вавилонѣ, не доживъ до тридцати-трехъ лѣтъ (323 до Р. Х.). Было подозрѣніе, что онъ былъ отравленъ. Его нравъ сдѣлался такъ необузданъ, его страсти такъ свирѣпы, что его полководцы и даже близкіе друзья жили въ постоянномъ страхѣ. Одного изъ послѣднихъ, Клита, онъ закололъ въ минуту ярости. Каллисѣна, который былъ посредникомъ между нимъ и Аристотелемъ, онъ велѣлъ повѣсить или,

какъ положительно утверждали люди, знавшіе факты, онъ предалъ его пыткамъ и потомъ казнилъ на крестѣ. Быть можетъ, заговорщики рѣшились на его убійство изъ самосохраненія. Но, безъ сомнѣнія, только клевета присоединила къ этому дѣлу имя Аристотеля. Онъ скорѣе перенесъ бы самое худшее, что могъ причинить Александръ, чѣмъ пристать къ совершенію столь великаго преступленія.

Послѣдующіе годы представили зрѣлище смятенія и кровопролитія, и оно не прекратилось даже тогда, когда македонскіе полководцы раздѣлили имперію. Въ числѣ событій этого времени одно въ особенности требуетъ нашего вниманія. Птолемей, который былъ сыномъ царя Филиппа отъ прекрасной наложницы Арсиной и который въ отроческіе годы былъ посланъ въ ссылку съ Александромъ, когда они подпали гнѣву отца, — который былъ товарищемъ Александра во многихъ изъ его битвъ и походовъ, сдѣлался правителемъ и наконецъ царемъ Египта.

При осадѣ Родоса, Птолемей сдѣлалъ столь важную услугу его гражданамъ, что въ благодарность они оказали ему божескія почести и привѣтствовали его титуломъ Сотера (спасителя). Этимъ обозначеніемъ Птолемей Сотерь отличается отъ послѣдующихъ царей македонской династіи въ Египтѣ.

Онъ основалъ мѣстопробываніе правительства не въ какой нибудь изъ старыхъ столицъ Египта, а въ Александріи. Во время странствованія къ храму Юпитера Аммона, македонскій завоеватель положилъ основаніе этого города, предвидя, что онъ можетъ стать торговымъ посредникомъ между Азіей и Европой. Должно въ особенности замѣтить, что самъ Александръ вывелъ много Евреевъ изъ Палестины для заселенія этого города, и не только Птолемей Сотерь перевелъ сюда еще сто тысячъ послѣ осады Іерусалима, но и Птолемей Филадельфъ, его преемникъ,

освободилъ отъ рабства сто девяносто восемь тысячъ этого народа, заплативъ ихъ египетскимъ владѣльцамъ ихъ стоимость. Всѣмъ этимъ Евреямъ были даны тѣже привилегіи какъ Македонянамъ. Вслѣдствіе этихъ благородныхъ дѣйствій, большое число ихъ соотечественниковъ и много Сирійцевъ добровольно переселились въ Египеть. Имъ дано было названіе эллинистическихъ Евреевъ. Подобнымъ образомъ, множество Грековъ, привлеченныхъ краткимъ правленіемъ Сотера, искали убѣжища въ этой странѣ, и нападенія Пердикки и Антигона показали, что греческіе воины охотно перебѣгали въ арміи Птолемея отъ другихъ македонскихъ полководцевъ.

√ Населеніе Александріи состояло поэтому изъ трехъ разныхъ національностей: 1) природныхъ Египтянъ; 2) Грековъ; 3) Евреевъ — фактъ, оставившій свой отпечатокъ на религіозныхъ вѣрованіяхъ новѣйшей Европы.

√ Греческіе архитекторы и инженеры сдѣлали Александрію прекраснѣйшимъ городомъ древняго міра. Они наполнили ее великолѣпными дворцами, храмами, театрами. Въ центрѣ ея, на пересѣченіи двухъ большихъ улицъ, сходящихся подъ прямыми углами, и среди садовъ, фонтановъ, обелисковъ, стоялъ мавзолей, въ которомъ покоилось тѣло Александра, бальзамированное по обычаю Египтянъ. Въ похоронномъ путешествіи, продолжавшемся два года, оно было принесено съ большой торжественностью изъ Вавилона. Сначала гробъ его сдѣланъ былъ изъ чистаго золота, но когда это повлекло къ нарушенію могилы, онъ былъ замѣненъ алебастровымъ. Но не это, даже не большой маякъ, Фаросъ, построенный изъ плитъ бѣлаго мрамора и такой высокій, что огонь, постоянно горѣвшій на его вершинѣ, виденъ былъ съ моря за много миль, — Фаросъ считался однимъ изъ семи чудесъ свѣта, — не эти великолѣпныя произведе-

нія архитектуры останавливаютъ наше вниманіе; настоящей, славнѣйшей памятникъ македонскихъ царей Египта есть Музей. Его вліянія останутся даже тогда, когда исчезнутъ пирамиды.

Александрійскій Музей начатъ былъ Птолемеємъ Сотеромъ и оконченъ его сыномъ, Птолемеємъ Филадельфомъ. Онъ находился въ Брухіонѣ, аристократическомъ кварталѣ города, подлѣ царскаго дворца. Онъ былъ построенъ изъ мрамора и окруженъ площадью, на которой жители его могли гулять и бесѣдовать. Его украшенныя рѣзьбой залы заключали въ себѣ филиладельфійскую библіотеку и были наполнены изящнѣйшими статуями и картинами. Эта библіотека имѣла впослѣдствіи четыреста тысячъ томовъ. Съ теченіемъ времени, вѣроятно, вслѣдствіе недостатка помѣщенія для такого количества книгъ, въ сосѣднемъ кварталѣ Ракотисъ основана была дополнительная библіотека и помѣщена была въ Серапіонѣ или храмѣ Сераписа. Число томовъ въ этой библіотекѣ, названной дочерью Музейной библіотеки, дошло впослѣдствіи до трехъ сотъ тысячъ. Такимъ образомъ, въ этомъ царскомъ собраніи было семьсотъ тысячъ томовъ.

Александрія была не только столицею Египта; она была и умственной метрополіей міра. Здѣсь, какъ было справедливо сказано, геній востока встрѣтился съ геніемъ запада, и этотъ Парижъ древности сдѣлался центромъ изящныхъ развлеченій и всеобщаго скептицизма. Въ приманкахъ ея чарующаго общества даже Евреи забыли свой патріотизмъ. Они покинули языкъ своихъ предковъ и приняли греческій.

При основаніи Музея, Птолемей Сотеръ и его сынъ Филадельфъ имѣли въ виду три цѣли: 1) сохраненіе тѣхъ знаній, какія были тогда на свѣтѣ; 2) ихъ расширеніе; 3) ихъ распространеніе.

1. Сохраненіе знаній. Главному бібліотекарю дано было повелѣніе покупать на царскій счетъ все книги, какія онъ могъ. Въ Музей былъ штатъ писцовъ, обязанныхъ дѣлать вѣрныя копіи съ тѣхъ книгъ, которыхъ владѣльцы ихъ не желали продавать. Все книги, привозимыя въ Египетъ иноземцами, тотчасъ брались въ Музей и по снятіи вѣрнаго списка, копія отдавалась владѣльцу, а подлинникъ помѣщался въ бібліотекѣ. Часто платились за книги большія денежныя вознагражденія. Такъ о Птолемѣ Эвергетѣ разсказываютъ, что, получивши изъ Аѳинъ произведенія Эврипида, Софокла и Эсхила, онъ послалъ ихъ владѣльцамъ копіи и вознагражденіе въ сумму около пятидесяти тысячъ долларовъ. По возвращеніи изъ сирійскаго похода, онъ принесъ назадъ въ триумфъ все египетскіе памятники изъ Экбатаны и Сузы, которые унесены были изъ Египта Камбизомъ и другими завоевателями. Онъ поставилъ ихъ на прежнія мѣста, или прибавилъ въ качествѣ украшеній къ своимъ музеямъ. За переписку или за переводъ книгъ платились суммы, которыя могутъ показаться почти невѣроятными, какъ это было при переводѣ Библии семьюдесятью толковниками, сдѣланномъ по повелѣнію Птолемея Филадельфа.

2. Расширеніе знаній. Одною изъ главныхъ цѣлей Музея было служить пріютомъ для людей, которые посвящали себя занятію науками и были помѣщены и получали содержаніе на счетъ царя. Иногда онъ и самъ сидѣлъ за ихъ столомъ. Анекдоты, относящіеся къ такимъ торжественнымъ случаямъ, дошли до нашего времени. По первоначальному устройству Музея, принадлежащія къ нему лица дѣлились на четыре отдѣла—литературы, математики, астрономіи, медицины. Меньшія отрасли были должнымъ образомъ отнесены въ эти главные отдѣлы; такъ естественная исторія считалась отраслью медицины. Весь-

ма важное должностное лицо начальствовало надъ учрежденіемъ и имѣло общее попеченіе объ его интересахъ. Первымъ назначенъ былъ Димитрій Фаларейскій, быть можетъ, ученѣйшій человекъ своего вѣка, бывшій многіе годы правителемъ Аѳинъ. Ему подчиненъ былъ библіотекаръ; эту должность занимали иногда люди, имена которыхъ дошли до нашего времени, какъ Эратосѣенъ и Аполлоній Родосскій.

Въ связи съ Музеемъ былъ ботаническій и зоологическій садъ. Эти сады, какъ показываютъ ихъ имена, были устроены для облегченія изученія растений и животныхъ. Была также астрономическая обсерваторія, гдѣ находились армиллярныя сферы, глобусы, кольца солнцестоянія и экваторіальныя кольца, астролэбии, паралактическіе и другіе приборы, употреблявшіеся въ то время; на дѣленіяхъ инструментовъ означены были градусы и шестыя доли. На полу этой обсерваторіи проведена была линія меридіана. Сильно чувствовался недостатокъ въ правильныхъ средствахъ измѣренія времени и температуры; для перваго весьма несовершенно служила кленсидра Ктезибія, для втораго—гидрометръ, плававшій въ чашѣ воды; онъ измѣрялъ переменны температуры переменными плотностями. Филладельфъ, котораго къ концу жизни мучилъ невыносимый страхъ смерти, посвящалъ много своего времени на открытіе элексира. Для этихъ занятій Музей былъ снабженъ химической лабораторіей. Нанерекоръ предразсудкамъ того времени, и особенно нанерекоръ предразсудкамъ египетскимъ, въ связи съ медицинскимъ отдѣломъ находилась анатомическая зала для разсѣченій, и не только мертвыхъ, но и живыхъ, осужденныхъ за преступленія.

3. Распространеніе знаній. Въ Музеѣ, посредствомъ чтеній, беедъ и другихъ пригодныхъ способовъ, происходило препода-

даваніе по всѣмъ различнымъ отдѣламъ человѣческаго знанія. Въ этому великому умственному центру стекались слушатели изъ всѣхъ странъ. Говорятъ, что одно время было не менѣе четырнадцати тысячъ слушателей. Впослѣдствіи даже христіанская церковь получила отсюда нѣсколько изъ замѣчательнѣйшихъ учителей, какъ Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Афанасій.

Библіотека Музея сгорѣла во время осады Александріи Юліемъ Цезаремъ. Чтобы вознаградить эту великую потерю, Маркъ Антоній подарилъ царицѣ Клеопатрѣ библіотеку, собранную царемъ пергамскимъ, Эвменомъ. Первоначально, эта библіотека основана была изъ соперничества съ Птолемеями. Она была прибавлена къ собранію, находившемуся въ Серапіонѣ.

Остается теперь описать вкратцѣ философское основаніе Музея, и нѣкоторые изъ его вкладовъ въ запасъ человѣческаго знанія.

Въ память знаменитаго основателя этого благороднѣйшаго учрежденія — которое древность любила называть «божественной Александрійской школой» — мы должны вспомнить, во первыхъ, его «Исторію походовъ Александра». Великій какъ воинъ и правитель, Сотерь еще увеличилъ свою славу какъ писатель. Время, которое не могло уничтожить памяти того, чѣмъ мы ему обязаны, было несправедливо къ его произведенію. Оно теперь не существуетъ.

Какъ можно было бы ожидать по дружбѣ, существовавшей между Александромъ, Птолемеемъ и Аристотелемъ, аристотелевская философія была умственнымъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ утверждался Музей. Царь Филиппъ поручилъ воспитаніе Александра Аристотелю, и въ продолженіе персидскихъ

походовъ завоеватель оказалъ, не только деньгами, но и другими средствами, большое содѣйствіе «Естественной исторіи», которую приготавливалъ тогда Аристотель.

Существенный принципъ Аристотелевской философіи состоялъ въ томъ, чтобы отъ изученія частныхъ восходить къ знанію общихъ началъ, достигая до нихъ путемъ индукціи (наведенія). Индукція бываетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ многочисленнѣе факты, на которыхъ она опирается; ея правильность несомнѣнна, если она даетъ намъ возможность предсказывать другіе факты, до тѣхъ поръ неизвѣстные. Эта система предполагаетъ безконечный трудъ собранія фактовъ, какъ опытомъ, такъ и наблюденіемъ; она предполагаетъ также и внимательное размышленіе о нихъ. Поэтому, этотъ методъ есть, прежде всего и въ особенности, методъ труда и разума, а не методъ воображенія. Ошибки, въ которыя часто впадалъ самъ Аристотель, вовсе не доказываютъ несостоятельности этой системы, и скорѣе доказываютъ ея достовѣрность. Это — ошибки, происходяція отъ недостатка нужныхъ фактовъ.

Нѣкоторые изъ результатовъ, достигнутыхъ Аристотелемъ, весьма важны. Такъ, онъ выводилъ, что все готово перейти въ жизнь и что разныя органическія формы, представляемыя намъ природой, суть тѣ, какія допускаются существующими условіями. Если условія перемѣнятся, измѣнятся также и формы. Поэтому, существуетъ непрерывная цѣпь отъ простой стихіи, черезъ растенія и животныя, до человѣка, гдѣ различныя группы незамѣтными оттѣнками переходятъ одна въ другую.

Индуктивная философія, установленная такимъ образомъ Аристотелемъ, есть методъ великой силы. Ему обязаны всѣ новѣйшіе успѣхи въ наукѣ. Въ своей наиболѣе улучшенной формѣ онъ восходитъ индукціями отъ явленій къ ихъ причинамъ

и затѣмъ, подражая методу Академіи, онъ нисходитъ дедукціями отъ этихъ причинъ къ подробностямъ явленій.

Когда, такимъ образомъ, научная Александрійская школа была основана на положеніяхъ одного великаго аѳинскаго философа, нравственная школа была основана на положеніяхъ другаго, — потому что Зенонъ, хотя кипріотъ или финикіянинъ родомъ, много лѣтъ провелъ въ Аѳинахъ. Его ученики приняли имя Стоиковъ. Его ученія надолго пережили его и во времена, когда для человѣка не было иного утѣшенія, подавали опору въ часы испытанія и непоколебимое руководство въ превратностяхъ жизни, не только для знаменитыхъ Грековъ, но и для многихъ великихъ философовъ, государственныхъ людей, полководцевъ и императоровъ Рима.

Цѣлью Зенона было доставить руководство для ежедневной жизни, сдѣлать людей добродѣтельными. Онъ настаивалъ, что воспитаніе есть истинное основаніе добродѣтели, потому что, если мы знаемъ, въ чемъ состоитъ благо, мы будемъ склонны дѣлать благо. Мы должны довѣрять чувству, собирать знанія, и разумъ будетъ должнымъ образомъ соединять ихъ. Въ этомъ ярко видно родство Зенона съ Аристотелемъ. Всякое стремленіе, похоть, желаніе, происходятъ отъ несовершеннаго знанія. Наша природа налагается на насъ Судьбой, но мы должны научиться управлять своими страстями, и жить свободными, разумными, добродѣтельными, во всемъ согласно съ разумомъ. Наше существованіе должно быть осмысленное, мы должны съ душевнымъ равновѣсіемъ смотрѣть на всё удовольствія и на всё страданія. Мы не должны никогда забывать, что мы свободные люди, а не рабы общества. «Я владѣю», говорилъ Стоикъ, «сокровищемъ, котораго весь свѣтъ не можетъ у меня отнять — никто не можетъ лишить меня смерти». Мы должны помнить, что природа

въ своихъ дѣйствіяхъ стремится ко всеобщему, и никогда не щадить индивидуумовъ, но употребляетъ ихъ, какъ средство для исполненія своихъ цѣлей. Поэтому, намъ должно подчиняться Судьбѣ, стараясь пріобрѣсти — какъ вещи необходимыя для добродѣтели — знаніе, умѣренность, твердость, справедливость. Мы должны помнить, что все кругомъ насъ измѣняется; смерть слѣдуетъ за воспроизведеніемъ, воспроизведеніе за смертью, и что бесполезно роптать на смерть въ мірѣ, гдѣ все умираетъ. Какъ водопадъ каждый годъ сохраняетъ неизмѣнный видъ, хотя вода, составляющая его, безпрестанно мѣняется, такъ видъ природы есть ничто иное, какъ потокъ вещества, представляющій непрочную форму. Вселенная, разсматриваемая въ цѣломъ, неизмѣнна. Нѣтъ ничего вѣчнаго, кромѣ пространства, атомовъ, силы. Формы природы, которыя мы видимъ, по самой сущности своей измѣняемы, всѣ онѣ должны исчезнуть.

Мы должны помнить, что большинство людей воспитаны несовершенно, и потому не должны безъ необходимости оскорблять религіозныя идеи нашего вѣка. Довольно для насъ самихъ знать, говорили Стоики, что хотя есть верховная Сила, нѣтъ верховнаго Существа. Есть невидимое начало, но не личный Богъ, — и приписывать ему форму, чувства, страсти человѣка было бы не столько богохульствомъ, сколько неразуміемъ. Всякое сношеніе съ небомъ есть, поэтому, чистая фикція. То, что люди называютъ случаемъ, есть дѣйствіе неизвѣстной причины. Даже въ случаяхъ есть законъ. Провидѣнія нѣтъ, потому что природа дѣйствуетъ по непреодолимымъ законамъ, и въ этомъ отношеніи вселенная есть только великая автоматическая машина. Жизненная сила, проникающая міръ, есть то, что необразованные люди называютъ божествомъ. Видоизмѣненія, черезъ которыя проходятъ всѣ вещи, совершаются непреодолимымъ

образомъ, и потому можно сказать, что прогрессъ міра подъ властью Судьбы, уподобляется зерну, — оно можетъ развиваться только предопредѣленнымъ способомъ.

Душа человѣка есть искра жизненнаго пламени, общаго жизненнаго начала. Подобно теплу, она переходитъ отъ одного къ другому и въ заключеніе поглощается или соединяется опять съ всеобщимъ началомъ, изъ котораго произошла. Поэтому мы должны ждать не уничтоженія, а воссоединенія, и, какъ усталый человѣкъ ждетъ безчувственности сна, такъ философъ, наскучившій міромъ, долженъ ждать спокойствія конца. Впрочемъ, объ этихъ вещахъ мы должны думать съ сомнѣніемъ, такъ какъ умъ не можетъ создать несомнѣннаго знанія одними внутренними своими средствами. Искать первыхъ причинъ — не философично; мы должны имѣть дѣло только съ явленіями. Главное, мы никогда не должны забывать, что человѣкъ не можетъ опредѣлить абсолютной истины, и что окончательный результатъ человѣческаго изслѣдованія матеріи есть тотъ, что мы неспособны къ совершенному знанію; что, если бы даже истина была въ нашемъ владѣніи, мы не можемъ быть въ ней совершенно увѣрены.

Что же, тогда, остается для насъ? Не остается ли для насъ — пріобрѣтеніе знанія, храненіе добродѣтели и дружбы, наблюденіе вѣрности и истины, безропотное подчиненіе тому, что можетъ съ нами случиться, жизнь, проводимая въ согласіи съ разумомъ?

Но, хотя Александрійскій Музей былъ въ особенности предназначенъ для разработки Аристотелевской философіи, не должно предполагать, что другія системы были исключены. Платонизмъ былъ не только доведенъ до своего полнаго развитія, но наконецъ и смѣнилъ философію перипатетиковъ, и черезъ посред-

ство Новой Академіи оставилъ прочный отпечатокъ на христіанствѣ. Философскій методъ Платона былъ обратный методу Аристотеля. Его исходной точкой были общія начала, самая сущность которыхъ была дѣломъ вѣры, и отъ нихъ онъ нисходилъ къ частностямъ, или подробностямъ. Аристотель, напротивъ, восходилъ отъ подробностей къ общимъ началамъ, достигая до нихъ индукціей.

Такимъ образомъ, Платонъ довѣрялся воображенію, Аристотель — разуму. Первый нисходилъ отъ разложенія первоначальной идеи на частности, второй соединялъ частности въ общее представленіе. Поэтому, методъ Платона способенъ былъ быстро создавать результаты, которые казались блестящими, хотя на дѣлѣ не были существенны; методъ Аристотеля былъ медленнѣе по своему дѣйствию, но гораздо прочнѣе. Онъ предполагалъ безконечный трудъ собиранія фактовъ, утомительный путь опыта и наблюденій, примѣненіе доказательствъ. Философія Платона есть великолѣпный воздушный замокъ; философія Аристотеля — прочная постройка, съ трудомъ и со многими ошибками, основанная на крѣпкой скалѣ.

Обращеніе къ воображенію гораздо заманчивѣе, чѣмъ употребленіе разума. При умственномъ упадкѣ Александріи, лѣтныя методы стали получать предпочтеніе передъ копотливымъ наблюденіемъ и суровой работой мысли. Школы Нео-Платонизма были переполнены умозрительными мистиками, какъ Аммоній Саккасъ и Плотинъ. Они заняли мѣсто строгихъ геометровъ стараго Музея.

Александрійская школа представляетъ первый примѣръ той системы, которая въ рукахъ новѣйшихъ натуралистовъ привела къ столь изумительнымъ результатамъ. Она отвергала воображеніе, дѣлала свои теоріи выраженіемъ фактовъ, полученныхъ

опытомъ и наблюдениемъ, при помощи математическаго изысканія. Она настаивала на томъ принципѣ, что истинный методъ изученія природы есть экспериментальный вопросъ. Изслѣдованіе Архимеда объ удѣльномъ вѣсѣ и сочиненія Птолемея объ оптикѣ похожи на наши нынѣшнія изслѣдованія въ экспериментальной физикѣ, и стоятъ въ поразительномъ контрастѣ съ умозрительными блужданіями предшествовавшихъ писателей. Лапласъ говоритъ, что единственное наблюдение, какое представляетъ намъ исторія астрономіи и какое было сдѣлано Греками до Александрійской школы, есть наблюдение лѣтняго солнцестоянія 432 года до Р. Х. Метонъ и Эвтемонъ. Въ этой школѣ мы имѣемъ впервые связную систему наблюдений, сдѣланныхъ съ инструментами для измѣренія угловъ и вычисленныхъ по тригонометрическимъ методамъ. Астрономія приняла тогда форму, которую послѣдующіе вѣка могли только усовершенствовать.

Въ объемъ и въ планъ настоящаго труда не входитъ подробный отчетъ о тѣхъ вкладахъ, какіе сдѣлалъ Александрійскій Музей въ запасъ человѣческаго знанія. Достаточно того, что читатель могъ получить общее впечатлѣніе объ его характерѣ. Для подробностей, я могу указать шестую главу моей «Исторіи умственнаго развитія Европы».

Выше было замѣчено, что Стоическая философія сомнѣвалась въ томъ, можетъ ли умъ опредѣлить абсолютную истину. Когда Зенонъ предавался этимъ сомнѣніямъ, Эвклидъ приготавлилъ свое великое произведеніе, которому предназначено было не найти противорѣчія во всемъ человѣческомъ родѣ. Послѣ двадцати-двухъ столѣтій оно еще живетъ, какъ образецъ точности, ясности, строгой доказательности. Этотъ великій гео-

метръ не только писалъ о другихъ математическихъ предметахъ, какъ напримѣръ, Коническихъ Сѣченія и Поризмы, но ему приписываются и трактаты о Гармоніи и Оптикѣ, гдѣ послѣдній предметъ разсматривается съ точки зрѣнія гипотезы о лучахъ, падающихъ отъ глаза на предметъ.

Къ Александрійскимъ математикамъ и физикамъ должно причислить Архимеда, хотя внослѣдствіи онъ жилъ въ Сициліи. Въ числѣ его математическихъ сочиненій были двѣ книги о Шарѣ и Цилиндрѣ, гдѣ онъ доказывалъ, что плотное содержаніе шара составляетъ двѣ трети описывающаго его цилиндра. Онъ давалъ этому предмету такое большое значеніе, что приказывалъ, чтобы этотъ чертежъ былъ вырѣзанъ на его могильномъ камнѣ. Онъ писалъ также о квадратурѣ круга и о параболѣ; писалъ о коноидахъ и сфероидахъ, о спирали, носящей его имя, и объясненіе которой сдѣлано было имъ по внушенію его друга, Конона Александрійскаго. Европа въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ не произвела равнаго ему математика. Въ физической наукѣ, онъ положилъ основаніе гидростатики; изобрѣлъ способъ опредѣленія удѣльнаго вѣса; изслѣдовалъ равновѣсіе плавающихъ тѣлъ; открылъ истинную теорію рычага, и изобрѣлъ винтъ, который еще носить его имя, для подъема воды изъ Нила. Ему также должно приписывать безконечный винтъ и особый родъ зажигательнаго зеркала, которымъ, при осадѣ, онъ, какъ говорятъ, зажегъ римскій флотъ.

Эратосвенъ, одно время завѣдывавшій библіотекой, былъ авторомъ многихъ важныхъ сочиненій. Изъ числа ихъ можно упомянуть его опредѣленіе разстоянія между тропиками, и попытку опредѣленія величины земли. Онъ разсматривалъ расположеніе и протяженіе материковъ, положеніе горныхъ хребтовъ, дѣйствіе облаковъ, геологическое погруженіе земель, возвыше-

ніе стараго дна морей, происхожденіе Дарданеллъ и Гибралтарскаго пролива, и отношенія Эвксинскаго моря. Онъ составилъ полную систему земли, въ трехъ книгахъ—физическую, математическую, историческую—съ приложеніемъ карты всеѣхъ извѣстныхъ тогда частей земли. Только въ послѣдніе годы были справедливо оцѣнены отрывки, оставшіеся отъ его «Лѣтописей Фиванскихъ Царей». Въ теченіе многихъ вѣковъ, ихъ подвергали сомнѣнію, основываясь на авторитетѣ нашей существующей нелѣпой книжной хронологіи.

Нѣтъ надобности приводить аргументы, на основаніи которыхъ Александрійцы доказывали шарообразную форму земли. Они имѣли правильныя понятія объ ученіи о сферѣ, ея полюсахъ, оси, экваторѣ, арктическихъ и антарктическихъ кругахъ, точкахъ равноденствія, солнцестоянійхъ, распредѣленіи климатовъ и проч. Я могу только упомянуть трактаты о Коническихъ Сѣченіяхъ, и о Maxima и Minima Аполлонія, который, какъ говорятъ, первый ввелъ слова эллипсъ и гипербола. Точно также я только назову астрономическія наблюденія Аристилла и Тимохариса. Наблюденіямъ послѣдняго надъ Spica Veneris Гиппархъ обязанъ былъ своимъ великимъ открытіемъ предваренія равноденствій. Гиппархъ первый опредѣлилъ также неравенства въ движеніи луны, уравненіе центра. Онъ принялъ теорію эпицикловъ и эксцентрическихъ круговъ, геометрическое представленіе съ цѣлью разрѣшить видимыя движенія небесныхъ тѣлъ на принципѣ круговаго движенія. Онъ также предпринялъ составленіе каталога звѣздъ по способу проведенія линій, то есть, указаніемъ звѣздъ, находящихся на одной видимой прямой линіи. Такимъ образомъ онъ внесъ въ каталогъ 1,080 звѣздъ. Стараясь такимъ образомъ изобразить видъ неба, онъ хотѣлъ сдѣлать то же и для поверхности земли, отмѣчая

положеніе городовъ и другихъ мѣстъ по линіямъ широты и долготы. Онъ первый составилъ таблицы солнца и луны.

Среди такого блестящаго созвѣздія геометровъ, астрономовъ, физиковъ, ярко свѣтитъ Птолемей, авторъ великаго произведенія «*Syntaxis*», трактата о математическомъ построеніи неба. Онъ сохранялъ свое значеніе почти полторы тысячи лѣтъ, и дѣйствительно былъ устраненъ только знаменитыми «*Principia*» Ньютона. Онъ начинаетъ съ ученія, что земля шарообразна и утверждена въ пространствѣ, описываетъ построеніе таблицы хордъ и инструменты для наблюденія солнцестояній, доказываетъ наклонность эклиптики, находитъ земныя широты посредствомъ гномона, описываетъ климаты, показываетъ, какъ обыкновенное время можетъ быть обращено въ сидерическое, даетъ причины для предпочтенія тропическаго года сидерическому, излагаетъ теорію солнца на томъ принципѣ, что орбита солнца есть простой эксцентрической кругъ, объясняетъ уравненіе времени, переходитъ къ изслѣдованію движеній луны, говоритъ о первомъ неравенствѣ, о затмѣніяхъ луны, и движеніи ея узловъ. Затѣмъ, трактатъ даетъ собственное великое открытіе Птолемея—сдѣлавшее имя его бессмертнымъ—открытіе эвекціи или втораго неравенства луны, объясненнаго имъ по теоріи эпицикловъ. Онъ пытается опредѣлить разстояніе солнца и луны отъ земли,—впрочемъ, не съ полнымъ успѣхомъ. Онъ разсматриваетъ предвареніе равноденствій, открытіе Гиппарха, полный періодъ котораго есть двадцать пять тысячъ лѣтъ. Онъ даетъ каталогъ 1,022 звѣздъ, говоритъ о природѣ млечнаго пути, и самымъ мастерскимъ образомъ разсматриваетъ движенія планетъ. Этотъ пунктъ составляетъ другое право Птолемея на научную славу. Его опредѣленіе планетныхъ орбитъ сдѣлано было посредствомъ сравненія его собственныхъ наблюденій съ

наблюденіями прежнихъ астрономовъ, въ томъ числѣ съ наблюденіями Тимохариса надъ планетой Венерой.

Въ Александрійскомъ Музеѣ, Ктезибій изобрѣлъ пожарную трубу. Его ученикъ, Геронъ, улучшилъ инструментъ, давши ему два цилиндра. Здѣсь работала также первая паровая машина. Она была также изобрѣтеніе Герона, и была реактивная машина, построенная на принципѣ эолипила. Безмолвіе залъ Сераписа нарушалось водяными часами Ктезибія и Аполлонія, которые измѣряли время паденіемъ капель. Когда римскій календарь пришелъ въ такое замѣшательство, что сдѣлалось абсолютно необходимымъ исправить его, Юлій Цезарь взялъ изъ Александріи астронома Созигена. По совѣту его, лунный годъ былъ уничтоженъ, гражданскій годъ измѣрялся только по солнцу, и введенъ былъ Юліанскій календарь.

Македонскихъ правителей Египта порицали за то, какъ они относились къ религіозному чувству своего времени. Они протитуировали его въ видахъ государственной пользы, находя въ немъ средство для управленія низшими классами; людямъ образованнымъ они давали философію.

✓ ✓ Но безъ сомнѣнія они защищали эту политику своимъ опытомъ, пріобрѣтенымъ въ тѣхъ великихъ походахъ, которые сдѣлали Грековъ первымъ народомъ въ мірѣ. Они видѣли, что мифологическія представленія страны ихъ предковъ становились баснями; чудеса, которыми древніе поэты украсили Средиземное море, оказались заблужденіями, лишенными всякаго основанія. Съ Олимпа исчезли его божества; самый Олимпъ оказался призракомъ воображенія. Гадесъ потерялъ свои ужасы; для него нельзя было найти мѣста. Изъ лѣсовъ, гротовъ и рѣкъ Малой Азіи ушли мѣстные боги и божества; даже ихъ усердные по-

клонники начали сомнѣваться, были ли они здѣсь когда нибудь. Если сирійскія дѣвушки еще оплакивали, въ своихъ любовныхъ нѣсныхъ, судьбу Адониса, это дѣлалось только по воспомина-
 нію, а не въ дѣйствительности. Персія нѣсколько разъ пере-
 мѣняла свою національную религію. Въмѣсто откровенія Зоро-
 астра она приняла Дуализмъ; затѣмъ подъ новыми политиче-
 скими вліяніями она приняла Магіанизмъ. Она поклонялась огню,
 и жертвенники ея горѣли на вершинахъ горъ. Она поклонялась
 солнцу. Когда пришелъ Александръ, она почти впала къ пан-
 теизмъ.

✓ Для страны, которой, въ ея политической крайности, ту-
 земные боги оказались не въ состояніи дать какую нибудь за-
 щиту, переменна религіи неминуема. Почтенныя божества Египта,
 въ прославленіе которыхъ воздвигались обелиски и сооружа-
 лись храмы, нѣсколько разъ подпадали мечу иноземнаго за-
 воевателя. Въ странѣ пирамидъ, колоссовъ, сфинксовъ, изобра-
 женія боговъ перестали представлять живыя дѣйствительныя
 существа. Они перестали быть предметами вѣры. Нужны бы-
 ли другія божества, болѣе новаго рожденія, и съ Озирисомъ
 встрѣтился Сераписъ. Въ лавкахъ и улицахъ Александріи были
 тысячи Евреевъ, забывшихъ Бога, который обиталъ за завѣсой
 храма.

Преданіе, откровеніе, время, все потеряло свое вліяніе.
 Преданія европейской міѳологіи, откровенія азіатскія, освящен-
 ныя временемъ ученія Египта, все исчезло или быстро исчезало.
 Птолеми поняли, какъ эфемерны формы вѣрованій.

✓ Но Птолеми поняли также, что есть нѣчто болѣе прочное,
 чѣмъ формы вѣрованій, которыя, подобно органическимъ фор-
 мамъ геологическихъ вѣковъ, исчезнувъ разъ, исчезаютъ на-
 всегда, не имѣютъ никакого возобновленія, никакого возврата.

Они поняли, что въ этомъ мірѣ преходящихъ иллюзій и призраковъ есть міръ вѣчной истины.

Этого міра нельзя открыть въ пустыхъ преданіяхъ, которыя передаютъ намъ мифнія людей, жившихъ на утрѣ цивилизаціи, и нельзя открыть въ мечтахъ мистиковъ, считавшихъ себя вдохновенными. Этотъ міръ должно искать изслѣдованіями геометріи и практическимъ изысканіемъ природы. Они даютъ человѣчеству прочныя, безчисленныя и неоцѣненныя блага.

Никогда не придетъ день, въ который было бы отвергнуто какое нибудь изъ положеній Эвклида; никто отнынѣ не усумнится въ шарообразности земли, признанной Эратосѣеномъ; міръ не допуститъ, чтобы были забыты великія физическія изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя въ Александріи и Сиракузахъ. Имена Гиппарха, Аполлонія, Птолемея, Архимеда будутъ упоминаться съ почтеніемъ людьми всякаго религіознаго исповѣданія, — пока только люди будутъ говорить.

Такимъ образомъ Александрійскій Музей былъ родиной новѣйшей науки. Правда, и задолго до его основанія, дѣлались астрономическія наблюденія въ Китаѣ и Месопотаміи; математику, съ извѣстнымъ успѣхомъ, изучали въ Индіи. Но ни въ одной изъ этихъ странъ изслѣдованіе не приняло связной и послѣдовательной формы; ни въ одной изъ нихъ не прибѣгали къ физической экспериментации. Характеристическая черта Александрійской, какъ и новѣйшей науки, состоитъ въ томъ, что она не ограничилась наблюденіемъ, но опиралась на практическое изслѣдованіе природы.

ГЛАВА II.

Начало христіанской эпохи.

Въ политическомъ смыслѣ, Христіанство есть завѣщаніе Римской имперіи міру.

Въ эпоху перехода Рима отъ республиканской формы правленія къ императорской, всѣ независимыя національности вкругъ Средиземнаго моря были поставлены подъ управленіе этой центральной власти. Завоеваніе, постигшее ихъ одну за другой, вовсе не было бѣдствіемъ. Безпрестанныя войны, которыя они вели другъ съ другомъ, пришли къ концу; бѣдствія, происходившія отъ ихъ столкновеній, смѣнились всеобщимъ миромъ.

Не только въ знакъ сдѣланнаго завоеванія, но и въ удовольствіе своей гордости, побѣдоносная республика принесла боговъ побѣжденныхъ народовъ въ Римъ. Съ презрительной терпимостью, она дозволила поклоняться имъ всѣмъ. Тотъ верховный авторитетъ, который каждое божество имѣло въ своемъ первоначальномъ мѣстопробываніи, исчезъ съ разу въ толпѣ боговъ и богинь, въ какую оно было перенесено. Какъ мы видѣли, вѣра въ религіи старыхъ временъ была уже глубоко потре-

сена географическими открытіями и философской критикой. Эта политика Рима привела ее къ концу.

Цари всѣхъ завоеванныхъ областей исчезли; ихъ мѣсто занялъ одинъ императоръ. Боги также исчезли. Принявъ во вниманіе ту связь, какая во всѣ вѣка существовала между политической и религіозной идеями, вовсе не покажется страннымъ, что политеизмъ обнаружилъ стремленіе перейти въ монотеизмъ. Поэтому, божественныя почести оказывались сначала умершему, а наконецъ и живому императору.

Между тѣмъ, на Востокъ являлась новая религія... Не одно внесеніе греческаго скептицизма сдѣлало Римъ скептическимъ и подкопало старыя религіи...

Не всѣ классы населенія одинаково скоро приняли монотеистическіе взгляды. Прежде всего могли быть затронуты купцы, юристы и воины, которые по свойству своихъ занятій наиболѣе знакомы съ превратностями жизни; послѣ всего—сельскіе жители и земледѣльцы.

Когда имперія достигла своей высшей точки въ военномъ и политическомъ смыслѣ, — въ религіозномъ и общественномъ отношеніи она достигла высшей степени безнравственности. Она стала совершенно эпикурейской; ея правиломъ было, что жизнь должна быть праздникомъ, что добродѣтель есть только приправа наслажденій, а умѣренность — средство продолжить ихъ. Залы пиршествъ, блестящія золотомъ и инкрустированныя геммами, рабы въ великолѣпныхъ одеждахъ, очарованія женскаго общества, гдѣ всѣ женщины были развратны, великолѣпныя бани, театры, гладіаторы—таковы были предметы желаній римлянина. Завоеватели міра открыли, что единственная вещь, достойная поклоненія, есть сила. Ею можно было получить все, все, что прилежно собирали трудъ и торговля. Конфискація имѣній

и земель, наложеніе податей на провинціи, были наградой успѣшной войны, и императоръ былъ символомъ силы. Былъ общественный блескъ, но это былъ фосфорическій блескъ разложенія древняго Средиземнаго міра.

Въ одной изъ восточныхъ провинцій Сиріи, нѣсколько человѣкъ весьма скромной жизни соединились для человѣколюбивыхъ и религіозныхъ цѣлей. Ихъ ученія гармонировали съ тѣмъ чувствомъ всеобщаго братства, какое возникало изъ сліянія завоеванныхъ царствъ. Эти ученія были ученія Христа.

Еврейскій народъ имѣлъ тогда вѣрованіе, основанное на древнихъ преданіяхъ, что среди нихъ возстанетъ избавитель, который возвратитъ ихъ къ ихъ древнему блеску. Ученики Христа увидѣли въ немъ давно ожиданнаго Мессію. Но еврейское левитство, полагая, что ученія Христа были вредны его интересамъ, обвинило Христа передъ римскимъ правителемъ, который, чтобы удовлетворить ихъ воплямъ, противъ желанія передалъ его на смерть.

Но ученія о человѣколюбіи и братствѣ не пали отъ этого событія. Ученики, вмѣсто того, чтобы разсѣяться, организовались. Они соединились въ братскую общину; каждый вносилъ въ нее все свое имущество и всѣ свои прибыли. Такимъ образомъ, вдовы и сироты общины получали содержаніе, бѣдные и больные имѣли поддержку. Изъ этого зерна развилось новое, и какъ показали событія, всемогущее общество—церковь; новое, потому что ничего подобнаго не существовало въ древности; могущественное, потому что мѣстныя церкви, сначала разъединенныя, вскорѣ начали вступать въ союзъ для ихъ общаго интереса. Черезъ эту организацію Христіанство совершило всѣ свои политическіе триумфы.

Какъ мы сказали, военное господство Рима принесло все-

общій миръ и породило чувство братства между побѣжденными націями. Поэтому, положеніе вещей было благопріятно для быстраго распространенія по всей имперіи новаго, христіанскаго, начала. Изъ Сиріи оно распространилось по всей Малой Азіи, затѣмъ послѣдовательно достигло Кипра, Греціи, Италиі, наконецъ, проникло на западъ до Галліи и Британіи.

Распространеніе его было ускорено проповѣдниками, которые возвѣщали его во всѣхъ направленіяхъ...

Политическія условія опредѣлили границы новой религіи. Подъ конецъ, это были границы Римской имперіи; Римъ, сомнительное мѣсто смерти апостола Петра, а не Іерусалимъ, безспорное мѣсто смерти нашего Спасителя, сдѣлался религіозной столицей того времени. Для римской церкви казалось лучше владѣть императорскимъ семиколнымъ городомъ, чѣмъ Гевеманіей и Голгоѳой со всѣми ихъ священными воспоминаніями.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Христіанство обнаруживалось, въ общественномъ смыслѣ, какъ система, внушающая три вещи— поклоненіе передъ Богомъ, чистоту въ жизни личной, и любовь къ ближнему въ жизни общественной. Въ первыя времена своей виѣшной слабости, оно пріобрѣтало послѣдователей только убѣжденіемъ, но съ увеличеніемъ его численности и вліянія, оно начало обнаруживать политическія стремленія, расположеніе образовать правительство въ правительствѣ, государство въ государствѣ. Эти стремленія затѣмъ уже не терялись. И въ самомъ дѣлѣ, они были логическимъ результатомъ его развитія. Римскіе императоры, увидѣвъ, что оно совершенно несовмѣстимо съ императорскою системою, старались подавить его силой. Это было согласно съ духомъ ихъ военныхъ правилъ, которыя не имѣли иного средства, кромѣ силы, для установленія единства.

Зимой 302—303 г. по Р. Х. христіанскіе войны въ нѣкоторыхъ легіонахъ отказались принять участіе въ древнихъ обычныхъ празднествахъ для умиловивленія боговъ. Возстаніе распространилось такъ быстро, обстоятельство было такъ настоятельно, что императоръ Діоклетіанъ вынужденъ былъ собрать совѣтъ для рѣшенія, какъ поступить. Трудность положенія, быть можетъ, объяснится, если припомнить, что жена и дочь самого Діоклетіана были христіанки. Онъ былъ человекъ съ большимъ умомъ и обширными политическими взглядами; онъ видѣлъ, что отпоръ, который надо было дать новой партіи, былъ политической необходимостью, но онъ положительно требовалъ, чтобы кровопролитія не было допущено. Но кто можетъ сдержать бѣшеное раздраженіе гражданскаго волненія? Никомидійская церковь была разрушена до основанія; въ возмездіе за это, сожженъ былъ императорскій дворецъ, — эдиктъ подвергся открытому оскорбленію и былъ сорванъ. Христіанскіе начальники въ арміи были отставлены; повсюду происходили мученичества и убійства. Ходъ событій былъ такъ непреодолимъ, что самъ императоръ не могъ остановить гоненія.

Становилось ясно, что христіане составляли въ государствѣ сильную партію, которая одушевлена была негодованіемъ къ вынесеннымъ жестокостямъ и рѣшилась не терпѣть ихъ дольше. Послѣ отреченія Діоклетіана (305 г. по Р. Х.), Константинъ, одинъ изъ искателей порфиры, сталъ во главѣ христіанской партіи. Это доставило ему, во всѣхъ частяхъ имперіи, приверженцевъ, мужчинъ и женщинъ, готовыхъ встрѣтить мечъ и огонь въ его пользу; это дало ему рѣшительныхъ послѣдователей въ каждомъ легіонѣ его арміи. Въ рѣшительной битвѣ, близъ Мильвійскаго моста, побѣда увѣнчала его планы. Смерть

Максимиана, и потомъ Лицинія, удалила всѣ препятствія. Онъ вступилъ на престолъ цезарей — первымъ христіанскимъ императоромъ.

Мѣста, выгоды, власть — могли ожидать всякаго, кто присоединялся къ побѣдившей партіи. Множество мірскихъ людей, очень равнодушныхъ къ религіознымъ идеямъ, стали теперь ихъ горячими защитниками. Въ душѣ они оставались язычниками, и ихъ вліяніе выказалось вскорѣ привитіемъ къ новому ученію старыхъ формъ и понятій... Императоръ также не сдѣлалъ ничего, чтобы противодѣйствовать ихъ вліянію. Но лично онъ принималъ виѣшнія требованія церкви не раньше конца своей жизни, въ 337 г. по Р. Х.

Чтобы ясно оцѣнить видоизмѣненія, наложенныя теперь на христіанское общество, — видоизмѣненія, которыя, наконецъ, привели его въ столкновеніе съ наукой, — мы должны, для сравненія, привести указаніе о томъ, чѣмъ оно было въ свои лучшіе дни. Такое указаніе мы имѣемъ, къ счастью, въ «Апологіи или Защитѣ христіанъ противъ обвиненій язычниковъ», написанной Тертуліаномъ, въ Римѣ, во время гоненія Севера. Онъ обратилъ эту апологію не къ императору, а къ чиновникамъ, которымъ принадлежалъ судъ надъ обвиненными. Это — торжественная и самая серьезная защита, выставляющая все, что можно было сказать въ объясненіе предмета, изложеніе вѣры и дѣла христіанъ, заявленное въ императорской столицѣ передъ лицомъ всего міра; не бранчивое и пристрастное клерикальное воззваніе, а серьезный историческій документъ. Эта Апологія всегда считалась однимъ изъ самыхъ даровитыхъ произведеній древней христіанской литературы. Она относится ко времени около 200 г. по Р. Х.

Не безъ большого искусства Тертуліанъ открываетъ свои

аргументы. Онъ говоритъ чиновникамъ, что Христіанство есть странникъ на землѣ, и что оно ожидаетъ встрѣтиться съ врагами въ странѣ, которая не есть его родина. Оно проситъ только, чтобы его не осудили не выслушавши и чтобы римскія власти позволили ему защищаться; что для законовъ имперіи будетъ славой, если судъ будетъ произнесенъ надъ нимъ по изслѣдованіи дѣла, но что этой славы не будетъ, если оно будетъ осуждено безъ выслушанія дѣла; что несправедливо ненавидѣть вещь, о которой мы ничего не знаемъ, хотя бы даже это и была вещь, достойная ненависти; что римскіе законы имѣютъ дѣло съ дѣйствіями, а не съ одними именами; и что, несмотря на то, были наказаны извѣстные лица за то, что они назывались христіанами, и притомъ безъ всякаго обвиненія въ какомъ нибудь преступленіи.

Онъ переходитъ потомъ къ изложенію начала, свойствъ и дѣйствій Христіанства, указывая, что оно основано на еврейскомъ писаніи, наиболѣе достойной почтенія изъ всѣхъ книгъ. Онъ говоритъ чиновникамъ: «Книги Моисеевы, въ которыхъ Богъ заключилъ, какъ въ сокровищницѣ, всю религію Евреевъ, и потомъ всю христіанскую религію, несравненно древнѣе всѣхъ вашихъ книгъ, древнѣе даже всѣхъ вашихъ общественныхъ памятниковъ, древнѣе основанія вашего государства, основанія множества великихъ городовъ — древнѣе всего, что вы имѣете въ вѣкахъ исторіи и въ памяти временъ; избрѣтенія письменъ, которыя служатъ истолкователями науки и хранителями всѣхъ прекрасныхъ вещей. Я думаю, что могу сказать больше — древнѣе вашихъ боговъ, вашихъ храмовъ, вашихъ оракуловъ и жертвъ. Авторъ этой книги жилъ за тысячу лѣтъ до осады Трои, и болѣе чѣмъ за полторы тысячи до Гомера». Время есть союзникъ истины, и мудрые люди вѣрятъ только тому, что до-)

стовѣрно, что повѣряется временемъ. Главное значеніе этихъ писаній основывается на ихъ почтенной древности. Ученѣйшій изъ Птолемеевъ, прозванный Филадельфомъ, превосходный государь, по совѣту Димитрія Фаларейскаго прибрѣлъ экземпляръ этихъ священныхъ книгъ. Его можно найти и теперь въ его библіотекѣ. Божественность этихъ писаній доказывается тѣмъ, что все, совершившееся въ наши дни, можно найти въ нихъ предсказаннымъ; онѣ заключаютъ въ себѣ все, что произошло съ тѣхъ поръ въ глазахъ народовъ.

Исполненіе пророчества не есть ли свидѣтельство его истинны? Можно ли порицать насъ за то, что мы, видя, какъ прошедшія событія оправдали эти пророчества, вѣримъ имъ и въ тѣхъ событіяхъ, которыя должны придти? И какъ мы вѣримъ вещамъ, которыя были предсказаны и совершились, такъ мы вѣримъ вещамъ, которыя намъ сказаны, но еще не совершились, потому что все они были предсказаны тѣми же самыми писаніями—какъ тѣ, которыя оправдываются каждый день, такъ и тѣ, которымъ еще предстоитъ исполниться.

Это священное писаніе научаетъ насъ, что есть одинъ Богъ, который создалъ міръ изъ ничего, который невидимъ, хотя и видимъ для насъ каждый день; его безконечность извѣстна только ему самому; его великость скрываетъ, но въ тоже время открываетъ его. Онъ опредѣлилъ людямъ, смотря по ихъ жизни, награды и наказанія; онъ воскреситъ всѣхъ мертвыхъ, какіе только жили съ сотворенія міра, повелитъ имъ принять свои тѣла, и затѣмъ присудитъ ихъ или къ безконечному блаженству, или къ вѣчному пламени. Адскіе огни и есть то скрытое пламя, которое земля заключаетъ въ своихъ недрахъ. Въ прошедшія времена Богъ посылалъ въ міръ проповѣдниковъ или пророковъ. Пророки этихъ древнихъ временъ были Евреи; свои пророче-

ства, потому что это были пророчества, — они обращали къ Евреямъ, которые собрали ихъ въ писаніи. На этомъ писаніи, какъ сказано, основано Христіанство, хотя христіанинъ въ своихъ обрядахъ отличается отъ Еврея. Насъ обвиняютъ, что мы поклоняемся человѣку, а не Богу Евреевъ. Это невѣрно. Честь, которую мы приносимъ Христу, не уменьшаетъ чести, которую мы приносимъ Богу.

Велѣдствіе добродѣтели этихъ древнихъ патріарховъ, Евреи были одни любимымъ народомъ Бога; онъ самъ соизволялъ вступать съ ними въ рѣчь собственными устами. Онъ поднялъ ихъ до удивительнаго величія. Но съ развращеніемъ нравовъ они впали въ злочестіе и перестали почитать Бога; они перемѣнили Его законы въ мірескую обрядность. Онъ предварилъ ихъ, что возьметъ себѣ слугъ болѣе вѣрныхъ, чѣмъ они и, за ихъ преступленіе, наказалъ ихъ изгнаніемъ изъ ихъ отечества. Теперь они разсѣяны по всему міру; они скитаются по веѣмъ странамъ: они не могутъ пользоваться воздухомъ, которымъ дышали при рожденіи; у нихъ нѣтъ царя — ни человѣка, ни Бога. Какъ Богъ угрожалъ имъ, такъ и сдѣлалъ. Онъ взялъ себѣ, во веѣхъ народахъ и странахъ земли, слугъ болѣе вѣрныхъ, чѣмъ они. Черезъ своихъ пророковъ онъ объявилъ, что эти слуги получатъ большія милости, что долженъ придти Мессія, чтобы дать людямъ новый законъ. Этотъ Мессія былъ Иисусъ, который есть также и Богъ. Потому что Богъ можетъ произойти отъ Бога, какъ свѣтъ свѣтильника можетъ быть взятъ отъ свѣта другаго свѣтильника. Богъ и его сынъ есть тотъ же единый Богъ, какъ свѣтъ есть тотъ же свѣтъ, какъ и тотъ, отъ котораго онъ взятъ.

Писаніе возвѣщаетъ два пришествія сына Божія; первое въ униженіи, второе въ день суда, во власти. Евреи могли бы

знать все это отъ пророковъ, но грѣхи такъ ихъ ослѣпили, что они не узнали его при первомъ пришествіи, и все еще тщетно ожидаютъ его. Они думали, что всё чудеса, имъ произведенныя, были дѣломъ магіи. Книжники и первосвященники завидовали ему; они обвинили его передъ Пилатомъ. Онъ былъ распятъ на крестѣ, умеръ, былъ погребенъ, и черезъ три дня воскресъ. Въ теченіе сорока дней онъ оставался съ своими учениками. Затѣмъ онъ былъ окруженъ облакомъ и вознесся на небо— истина, болѣе несомнѣнная, чѣмъ всё человѣческія свидѣтельства о вознесеніи на небо Ромула или какогонибудь другаго римскаго государя.

Тертуліанъ описываетъ потомъ происхожденіе и свойство злыхъ духовъ, которые, подъ властью Сатаны, ихъ князя, производятъ болѣзни, неправильности въ воздухѣ, язвы, сожженіе цвѣтовъ земли;—которые соблазняютъ людей дѣлать жертвоприношенія, чтобы имѣть кровь жертвъ, которая есть ихъ пища. Они легки и подвижны какъ птицы и потому знаютъ все, что происходитъ на землѣ; они живутъ въ воздухѣ, и потому могутъ подсмотрѣть, что дѣлается на небѣ; по этой причинѣ они могутъ дѣйствовать на людей мнимыми пророчествами, или давать оракулы. Такъ они возвѣстили въ Римѣ, что будетъ одержана побѣда надъ царемъ Персеемъ, когда на самомъ дѣлѣ они узнали, что битва была уже выиграна. Они ложно изцѣляютъ болѣзни, потому что, овладѣвъ тѣломъ человѣка, они производятъ въ немъ какуюнибудь болѣзнь и затѣмъ, предписавъ употреблять какоенибудь средство, перестаютъ его мучить, и люди думаютъ, что произошло изцѣленіе.

Христіане, хотя и отвергаютъ, что императоръ есть богъ, но тѣмъ не менѣе молятся о его благополучіи, потому что общее разрушеніе, угрожающее вселенной, сожженіе міра, заме-

дятся, пока существуетъ славное величіе торжествующей Римской имперіи. Они не желаютъ присутствовать при гибели природы. Они признаютъ только одну республику, но это—цѣлый міръ; они составляютъ одно общество, поклоняются одному Богу и стремятся къ вѣчному блаженству. Они молятся не только за императора и правителей, но и за міръ. Они читаютъ писаніе, чтобы питать свою вѣру, возвысить надежду, и усилить свою увѣренность въ Богѣ. Они собираются, чтобы увѣщевать другъ друга; они удаляютъ грѣшниковъ изъ своихъ обществъ; у нихъ есть епископы, начальствующіе ими, одобренные мнѣніемъ тѣхъ, которыми они должны управлять. Въ концѣ каждаго мѣсяца всякій приносить что хочетъ, но никого не принуждаютъ давать; деньги, собранныя такимъ образомъ, суть залогъ благочестія; они не тратятся на яствы и питье, но на питаніе бѣдныхъ, на погребеніе ихъ, на содержаніе дѣтей, лишенныхъ родителей и имущества, на помощь престарѣлымъ, которые употребили лучшее время жизни на служеніе вѣрнымъ,—на помощь людямъ, потерявшимъ свое имѣніе отъ кораблекрушеній, или тѣмъ, кто осужденъ въ рудники, или былъ изгнанъ на острова, или заключенъ въ тюрьму, за то, что исповѣдовали религію истиннаго Бога. Только одно у христіанъ не общее, это ихъ жены. Они не дѣлаютъ празднествъ,—какъ будто завтра они должны были умереть; не строятъ,—какъ будто они никогда не должны были умереть. Цѣль ихъ жизни—невинность, справедливость, терпѣніе, умѣренность, чистота.

Къ этому благородному изложенію христіанской вѣры и жизни въ свое время, Тертуллианъ не усумнился прибавить зловѣщее предостереженіе чиновникамъ, къ которымъ онъ обращался—зловѣщее, потому что это было предсказаніе великаго событія, которое скоро должно было совершиться: «Наше начало

недавнее, но мы уже наполняемъ все, что признаетъ вашу власть—города, крѣпости, острова, провинціи, народныя собранія, кварталы Рима, дворець, сенать, публичныя площади, и особенно войско. Мы оставили вамъ только ваши храмы. Подумайте, какія войны мы въ состояніи предпринять! Съ какой быстротой могли бы мы вооружиться, если бы насъ не воздерживала наша религія, которая учитъ насъ, что лучше быть убитымъ, чѣмъ убить!»!

Прежде чѣмъ кончить свою защиту, Тертуліанъ повторяетъ мысль, которая, будучи осуществлена на дѣлѣ, какъ это впоследствии случилось, отразилась на умышленномъ состояніи Европы. Онъ объявляетъ, что писаніе есть сокровищница, изъ котораго извлечена была вся истинная мудрость міра; что ему обязаны все философы и все поэты. Онъ старается доказать, что это—образецъ и мѣра истины, и что все, что съ нимъ несогласно, должно быть по необходимости ложно.

Изъ даровитаго произведенія Тертуліана мы видимъ, чѣмъ было новое общество, когда оно несло преслѣдованіе и боролось за свое существованіе. Взглянемъ теперь, чѣмъ оно стало, когда получило императорскую власть. Есть большая разница между христіанскимъ обществомъ времени Севера и при Константинѣ. Многія изъ понятій, господствовавшихъ въ послѣднемъ періодѣ, въ прежнемъ были неизвѣстны.

Двѣ причины повели къ смѣшенію христіанскаго общества съ языческимъ: 1) политическія необходимости новой династіи; 2) политика, принятая послѣдователями новой религіи для ея распространенія.

1. Хотя христіанская партія въ имперіи оказалась достаточно сильной для того, чтобы дать имперіи главу, но она все-таки не была довольно сильна для того, чтобы уничтожить своего про-

тивника, язычество. Исходомъ борьбы между ними было сліяніе двухъ обществъ и понятій. Въ этомъ, Христіанство отличалось отъ Могаммеданства, которое совершенно уничтожало своего противника и распространяло свои ученія безъ всякой уступки.

Своими дѣйствіями Константинъ постоянно показывалъ, что онъ чувствовалъ необходимость быть безпристрастнымъ властителемъ своего народа, а не только представителемъ одержавшей верхъ партіи. Поэтому, если онъ строилъ христіанскія церкви, то возобновлялъ и языческіе храмы; если онъ слушался духовныхъ, то совѣщался и съ аруспіціями; если онъ собралъ Никейскій соборъ, то отдавалъ почести и статуѣ Фортуны; если онъ принялъ потомъ обрядъ крещенія, то и выбилъ также медаль съ титуломъ «божественнаго». Его статуя, на вершинѣ большой порфировой колонны въ Константинополѣ, состояла изъ древняго изображенія Аполлона, черты котораго были замѣнены чертами императора, и къ статуѣ были прибавлены христіанскіе аксессуары...

Чувствуя, что должно сдѣлать уступки побѣжденной языческой партіи, согласно съ ея идеями, онъ благопріятно относился къ тѣмъ движеніямъ этого рода, какія происходили въ его собственномъ дворѣ...

2. Императору, имѣвшему въ виду политическія цѣли, безъ сомнѣнія казалось наилучшимъ для него самого, для имперіи, для спорившихъ партій, христіанской и языческой, содѣйствовать сколько возможно ихъ соединенію или сліянію. Даже искренніе христіане не были, кажется, противъ этого; быть можетъ, они думали, что новыя ученія распространятся всего болѣе, воспринявъ въ себя идеи, заимствованныя изъ старыхъ, что въ концѣ концовъ истина возьметъ верхъ, и нечистота упадетъ прочь.

Съ теченіемъ времени, вѣра, описанная Тертулліаномъ, превратилась въ обществѣ въ болѣе изящную, но гораздо менѣе возвышенную. Христіанское искусство нерѣдко основывалось на типахъ древняго искусства. Въ религіозныхъ представленіяхъ не было прежней простоты.

Словомъ, въ новомъ обществѣ, получавшемъ теперь господство, являлось множество различныхъ воспоминаній язычества, которыя проникали въ понятія, вѣщность и проч. . .

Но, хотя эти уступки старымъ и популярнымъ идеямъ были допущены и даже поощряемы, господствующая религіозная партія никогда ни мало не колебалась давать своимъ рѣшеніямъ поддержку гражданской власти, — и власть охотно оказывала эту поддержку. Такъ Константинъ привелъ въ дѣйствіе постановленія Никейскаго собора. Гражданская власть строго преслѣдовала еретиковъ и ихъ мнѣнія. . .

Къ языческой партіи принадлежало много старыхъ знатныхъ фамилій имперіи; въ числѣ своихъ приверженцевъ она считала всѣхъ учениковъ старыхъ философскихъ школъ. Она смотрѣла на своего противника съ пренебреженіемъ. Она утверждала, что знаніе можетъ быть приобрѣтено только трудолюбивымъ примѣненіемъ человѣческаго наблюденія и человѣческаго разума.

Христіанская партія утверждала, что все знаніе уже находится въ Писаніи и въ преданіяхъ; что здѣсь данъ не только критеріумъ истины, но и все, что суждено свыше намъ знать. Поэтому здѣсь весь объемъ и конецъ всякаго знанія. Теологи, съ императоромъ во главѣ, не допустили бы никакого умственного соперничества.

Такъ выступили такъ называемыя теологическое и мірское, свѣтское знаніе; такъ встрѣтились двѣ противоположныя

партии: одна, опиравшаяся на человеческомъ разумѣ, какъ руководствѣ, другая на теологическомъ преданіи. Язычество искало опоры въ ученіи своихъ философовъ; Христіанство—въ вдохновеніи патристическихъ писателей.

√ Такимъ образомъ теологическая власть, опираясь на гражданскую, выступила какъ хранитель и судья знанія и этимъ приняла направленіе, опредѣлившее всю ея будущую роль.

Царствованіе Константина отмѣчаетъ эпоху, когда Христіанство стало политической системой; и хотя, съ одной стороны, система понятій новаго общества впадала въ идолопоклонство, съ другой она возвысилась до болѣе развитой старой греческой мифологіи. Въ общественномъ, какъ и механическомъ мірѣ, одинаково имѣетъ силу правило, что когда два тѣла сталкиваются, форма ихъ измѣняется, что мы видимъ на взаимныхъ отношеніяхъ старой и новой религіи.

Въ тринитаріанскомъ спорѣ, который впервые возникъ въ Египтѣ — странѣ тринитаріанскихъ представленій, главнымъ предметомъ спора было опредѣленіе втораго лица. Аріій, жившій въ Александріи пресвитерь, не имѣвшій успѣха кандидатъ на епископское достоинство, исходилъ въ этомъ спорѣ изъ того обстоятельства, что было время, когда, по самой природѣ сыновности, второе лицо не существовало, и было время, когда оно начало существовать. Но это мнѣніе очевидно отрицало равную вѣчность трехъ лицъ; оно предполагало подчиненіе или неравенство между ними, и предполагало время, когда троичности не было. Поэтому происходили всенародно споры, въ которыхъ епископъ обличалъ Арія. Для Евреевъ и язычниковъ, которыхъ было много въ Александріи, споръ былъ непонятенъ...

Споръ дошелъ до такой рѣзкости, что дѣло было доведено до императора. Сначала, онъ счелъ его совершенно незначитель-

нымъ; но вліяніе окружающихъ было такъ сильно, что онъ долженъ былъ наконецъ созвать Никейскій соборъ, который произнесъ извѣстное строгое осужденіе Арія... Константинъ поддерживалъ рѣшеніе гражданской властью.

✓ Нѣсколько лѣтъ спустя императоръ Феодосій запретилъ жертвоприношенія, поставилъ гаданія по внутренностямъ животныхъ въ уголовное преступленіе, и запретилъ кому бы то ни было входить въ языческіе храмы. Онъ учредилъ инквизиторовъ вѣры и повелѣлъ, чтобы все, кто не принимаетъ исповѣданіе вѣры Дамаса, епископа римскаго, и Петра, епископа александрійскаго, были отправляемы въ ссылку и лишались гражданскихъ правъ. Тѣхъ, кто вздумалъ бы праздновать Пасху въ одинъ день съ Евреями, онъ осуждалъ на смерть. Греческій языкъ переставалъ быть извѣстнымъ на западѣ, и древняя ученость начинала исчезать.

Въ это время епископство въ Александріи занималъ Теофилъ. Древній храмъ Озириса былъ отданъ христіанамъ этого города для построенія церкви, и случилось, что при заложеніи фундамента для новой церкви, найдены были обсценные символы прежней религіи. По приказанію епископа, эти предметы, болѣе ревностно, нежели скромно, выставлены были на площади для публичнаго осмѣянія. Съ меньшимъ терпѣніемъ, чѣмъ показала его христіанская партія, когда она была оскорбляема въ театрѣ во время тринитаріанскаго спора, язычники прибѣгли къ силѣ, и произошло возстаніе. Серапіонъ былъ ихъ главной квартирой. Беспорядокъ и кровопролитіе были таковы, что императоръ долженъ былъ вмѣшаться. Онъ послалъ въ Александрію указъ, повелѣвавшій Теофилу разрушить Серапіонъ, и великая бібліотека, собранная Птолемеями и спасшаяся отъ огня при Юліи Цезарѣ, была уничтожена...

Епископство александрійское впоследствии занималъ племянникъ Θεофила, Кириллъ, который приобрѣлъ одобреніе тамошнихъ общинъ какъ ораторъ, изящный и имѣвшій большой успѣхъ. Онъ принималъ большое участіе при введеніи почитанія Богоматери. Но его вліяніе на аудиторію этого легкомысленнаго города было очень ослабляемо Гипатіей, дочерью математика Теона, которая прославилась не только своимъ изложеніемъ ученій Платона и Аристотеля, но и своими толкованіями на сочиненія Аполлонія и другихъ геометровъ. Каждый день передъ ея академіей стоялъ длинный рядъ экипажей; ея аудиторія была наполнена богатой и изящной публикой Александріи. Къ ней приходили слушать ея разсужденія о тѣхъ вопросахъ, какіе человѣкъ дѣлалъ во всё вѣка, но на которые еще никогда не имѣлъ отвѣта: «Что я? Гдѣ я? Что я могу знать?»

Два противоположныя начала не могли существовать вмѣстѣ... Когда Гипатія появилась вновь въ своей академіи, на нее напала толпа монаховъ. Съ нея сорвали одежду, обнаженную повлекли по улицѣ въ церковь, и тамъ она была убита... Тѣло ея было изрублено въ куски, мясо содрано съ костей, и остатки брошены въ огонь. За это преступленіе виновники никогда не были привлечены къ отвѣту.

Такъ кончилась греческая философія въ Александріи; такъ пришла къ безвременному концу наука, для успѣха которой такъ много сдѣлали Птолемен. «Библіотека-дочь», библіотека Серапіона, исчезла. Судьба Гипатіи была предостереженіемъ для всѣхъ, кто бы сталъ заниматься мірскимъ знаніемъ. Въ самыхъ Аѳинахъ философія ожидала своего приговора. Наконецъ, Юстиніанъ запретилъ ея преподаваніе и велѣлъ закрыть всѣ философскія школы въ этомъ городѣ.

Въ то время, какъ эти событія совершались въ восточныхъ

областяхъ римской имперіи, духъ, произведшій ихъ, обнаруживался и на Западѣ. Британскій монахъ, принявшій имя Пелагія, прошелъ западную Европу и сѣверную Африку, уча, что смерть не была введена въ міръ грѣхомъ Адама; что, напротивъ, онъ былъ по необходимости и отъ природы смертенъ, и если бы не согрѣшилъ, то умеръ бы тѣмъ не менѣе; что послѣдствія его грѣховъ ограничивались имъ самимъ, и не оказывались на его потомствѣ. Изъ этихъ посылокъ Пелагій извлекалъ нѣсколько важныхъ теологическихъ заключеній.

Въ Римѣ, Пелагія приняли благосклонно; въ Карфагенѣ, по внушенію Августина, онъ подвергся обвиненію. На соборѣ въ Дюспольт онъ былъ оправданъ отъ ереси, но когда дѣло было перенесено къ епископу римскому, Иннокентію I, онъ былъ, напротивъ, осужденъ. Случилось, что въ это время Иннокентій умеръ, а преемникъ его, Зосимъ, отмѣнилъ его рѣшеніе и объявилъ, что мнѣнія Пелагія правильны. На эти противорѣчивыя постановленія еще нерѣдко указываютъ противники папской непогрѣшимости. Дѣла были въ такомъ смутномъ положеніи, когда хитрые африканскіе епископы, черезъ вліяніе комеса Валерія, достали отъ императора эдиктъ, обвинявшій Пелагія въ ереси; онъ и его единомышленники были присуждены къ изгнанію и конфискаціи ихъ имѣній.

Весьма любопытно разсмотрѣть принципы, на которыхъ основано было это рѣшеніе. Такъ какъ вопросъ былъ чисто философскій, можно было бы предположить, что онъ будетъ разбираться на естественныхъ основаніяхъ; вмѣсто того, были приведены только теологическія соображенія. Внимательный читатель замѣтитъ, въ Тертуліановомъ изложеніи основаній Христіанства, полное отсутствіе ученій о первородномъ грѣхѣ, совершенной испорченности, предопредѣленій, благодати и искуп-

леніи. Цѣль Христіанства, въ его представленіи, не имѣеть ничего общаго съ искупленіемъ, какъ оно объяснялось спустя два вѣка. Точнымъ изложеніемъ этихъ важныхъ предметовъ мы обязаны кароагенянину Августину.

При рѣшеніи вопроса, была ли смерть въ мірѣ до паденія Адама, или это было наказаніе, наложенное на міръ за его грѣхъ, принятый путь состоялъ въ томъ, чтобы опредѣлить, были ли взгляды Пелагія согласны или несогласны съ теологическими ученіями Августина. И результатъ былъ таковъ, какого можно было ожидать.

Изъ рѣшенія пелагіанскаго спора произошло послѣдствіе великой важности. Книга Бытія сдѣлана была основаніемъ патристическихъ ученій о человѣкѣ и природѣ... Если, съ теологической точки зрѣнія, дано было такое значеніе ея разсказу о грѣхѣ въ Эдемскомъ саду, о прегрѣшеніи и наказаніи Адама, то и съ философской точки зрѣнія она стала великимъ авторитетомъ патристической науки. Астрономія, геологія, географія, антропологія, хронологія, и наконецъ, всѣ различныя области человѣческаго знанія, должны были сообразоваться съ ней.

Такъ какъ ученія Августина имѣли то дѣйствіе, что поставили, такимъ образомъ, теологію въ антагонизмъ съ наукой, то можетъ быть интересно разсмотрѣть вкратцѣ нѣкоторыя изъ болѣе чисто философскихъ взглядовъ этого великаго человѣка. Съ этой цѣлью, мы можемъ удобно выбрать часть его разсужденій о первой главѣ книги Бытія, заключающихся въ одиннадцатой, двѣнадцатой и тринадцатой книгахъ его «Confessiones».

Они состоятъ изъ философскихъ разсужденій, обильно перемѣшанныхъ съ рапсодіями. Онъ приноситъ молитву, чтобы ему дано было уразумѣть писанія и открыть былъ ихъ смыслъ; онъ

объявляетъ, что въ нихъ нѣтъ ничего излишняго, но что слова имѣютъ многоразличный смыслъ.

Видъ творенія свидѣтельствуешь, что былъ творецъ; но тотчасъ возникаетъ вопросъ, «какъ и когда создалъ онъ небо и землю? Они не могли быть созданы *на* небѣ и землѣ, мѣръ не могъ быть созданъ *въ* мѣрѣ, и они не могли быть созданы, когда не было ничего, изъ чего могли они быть созданы». Рѣшеніе этого основнаго изслѣдованія Августинъ находитъ въ изреченіи: «ты сказалъ, и они создались».

Но трудность не кончается здѣсь. Августинъ замѣчаетъ, что слоги, произнесенные творцомъ, явились послѣдовательно, и что должна была существовать какая нибудь созданная вещь, чтобы выразить слова. Эта созданная вещь должна была, по-этому, существовать ранѣе неба и земли, и однако никакой тѣлесной вещи не могло быть ранѣе неба и земли. Должно было быть какое нибудь твореніе, потому что слова были изречены и пришли къ концу; но мы знаемъ, что «слово Господа сохранится во вѣки».

Кромѣ того, ясно, что слова, такимъ образомъ сказанныя, не могли быть говоримы послѣдовательно, но вдругъ, иначе было бы время и перемѣна — такъ какъ послѣдовательность по своей природѣ предполагаетъ время, между тѣмъ, тогда не было ничего кромѣ вѣчности и безсмертія. Богъ знаетъ и изрекаетъ вѣчно, что происходитъ во времени.

Августинъ опредѣляетъ потомъ, не безъ большаго мистицизма, что означаютъ первыя слова Книги Бытія: «Въ началѣ». Къ своему заключенію онъ приходитъ при помощи другаго мѣста писанія: «какъ чудны дѣла Твои, Господи, въ мудрости Ты сотворилъ ихъ все». Эта «мудрость» и есть «начало» и въ этомъ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю.

«Но», прибавляет онъ, «кто нибудь можетъ спросить: что дѣлалъ Богъ прежде чѣмъ создалъ небо и землю? потому что, если въ какой нибудь частный моментъ Онъ началъ дѣйствовать, это означаетъ время, а не вѣчность. Въ вѣчности ничто не начинается—присутствуетъ цѣлое». Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ не можетъ остеречься отъ тѣхъ риторическихъ приѣмовъ, которыми онъ такъ славился: «Я не буду отвѣчать на этотъ вопросъ, говоря, что онъ готовилъ адъ для проникающихъ Его тайны. Я говорю, что прежде чѣмъ Богъ создалъ небо и землю, онъ не дѣлалъ ничего, потому что никакое созданіе не могло быть сдѣлано прежде, чѣмъ сдѣлано было какое нибудь созданіе. Самое время есть созданіе, и потому оно не могло существовать прежде созданія.

«Но, что такое время? Прошедшаго нѣтъ, будущаго нѣтъ, настоящее—кто можетъ сказать, что оно есть, кромѣ того, что оно есть то, что не имѣетъ продолженія между двумя несуществующими вещами? Нѣтъ ни «долгаго времени», ни «короткаго времени», потому что нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго. Они не имѣютъ существованія, кромѣ какъ въ душѣ».

Стиль, которымъ Августинъ излагалъ свои идеи, есть рапсодическая бесѣда съ Богомъ. Чтобы читатель могъ провѣрить это замѣчаніе, я приведу почти на удачу одинъ изъ его параграфовъ. Вотъ отрывокъ изъ двѣнадцатой книги:

«И такъ вотъ, что я разумѣю, о мой Богъ, когда слышу, что писаніе говорить — въ началѣ Богъ создалъ небо и землю, и земля была невидима и неустроена, и тьма была надъ бездной, — и не упоминаетъ, въ какой день Ты сотворилъ ихъ; вотъ что я разумѣю, — что здѣсь говорится о небѣ небесъ — томъ умственномъ небѣ, котораго умы знаютъ все вдругъ, не частію, не темно, не сквозь стекло, но какъ цѣлое, въ проявленіи, ли-

цѣмъ къ лицу; не одну вещь теперь, а другую тотчасъ послѣ; но (какъ я сказалъ) знаютъ все вдругъ, безъ всякой послѣдовательности временъ; и говорится о землѣ невидимой и безформенной, безъ всякой послѣдовательности временъ, которая представляетъ «эту вещь теперь, а другую тотчасъ послѣ»; потому что гдѣ нѣтъ формы, нѣтъ и различія вещей; и такъ, слѣдовательно, по причинѣ этихъ двухъ вещей, одной первоначально устроенной, и другой первоначально неустроенной; одной, т. е. неба, но неба небесъ; другой, т. е. земли, но движущейся и безформенной,—по причинѣ этихъ двухъ вещей, какъ я разумѣю, Твое писаніе говорить безъ упоминанія дней: въ началѣ Богъ создалъ небо и землю. Потому что далѣе тотчасъ прибавлено, о какой землѣ было говорено; и точно также, когда упоминается, что твердь сотворена во второй день и названа небомъ, это показываетъ намъ, о какомъ небѣ писаніе говорило прежде, безъ упоминанія дней.

«Удивительная глубина Твоихъ словъ! которой поверхность, вотъ она! передъ нами, привлекательная для малыхъ; но они — удивительная глубина, о мой Богъ, удивительная глубина! страшно взглянуть въ нее; страхъ почитанія, и трепеть любви. Я ненавижу враговъ ея; о, порази ихъ Твоимъ обоюду-острымъ мечомъ, чтобы они не могли больше быть ея врагами; потому что я такъ люблю, чтобы пусть они были бы убиты въ себѣ, чтобы могли жить въ Тебѣ».

Въ примѣръ герменевтическаго пріема, которымъ Августинъ разъяснялъ скрытые факты писанія, я приведу слѣдующее изъ тринадцатой книги «Confessiones»: цѣль его показать, что ученіе о Троицѣ заключается въ Моисеевомъ разсказѣ о твореніи:

«Вотъ, теперь является передо мной темно въ зеркалѣ Троица, которая есть Ты, мой Богъ, потому что Ты, о Отецъ,

создалъ небо и землю въ томъ, кто есть начало нашей мудрости, которая есть Твоя мудрость, рожденная отъ тебя, равная Тебѣ и равно вѣчная, то есть въ Твоемъ Сынѣ. Много мы говорили теперь о небѣ небесъ и о землѣ невидимой и безформенной, и о мракѣ бездны, относительно измѣнчиваго непостоянства ея духовнаго безобразія, еслибы она не обратилась къ тому, отъ кого она получила тогда свою степень жизни, и отъ его просвѣщенія стала прекрасною жизнью, и небомъ этого неба, которое было потомъ поставлено между водами и водами. И подъ именемъ Бога, я разумѣю теперь Отца, который сдѣлалъ эти вещи; и подъ именемъ начала разумѣю Сына, въ которомъ онъ сдѣлалъ эти вещи; и такъ какъ я вѣрую въ моего Бога какъ въ Троицу, то я искалъ дальше въ его святыхъ словахъ и вотъ! Твой Духъ носился надъ водами. И такъ вотъ Троица, мой Богъ! — Отецъ, и Сынъ, и Святой Духъ, Творецъ всего творенія».

Принимая въ соображеніе высокій авторитетъ, который придавался сочиненіямъ Августина религіознымъ міромъ почти пятнадцать столѣтій, о нихъ должно говорить съ почтеніемъ. И нѣтъ надобности говорить о нихъ иначе. Приведенные параграфы сами даютъ свою критику. Никто болѣе этого писателя не содѣйствовалъ тому, чтобы поставить въ извѣстное отношеніе науку и религіозный міръ. Когда примѣръ разъ былъ данъ, не было недостатка въ послѣдователяхъ; произведенія великихъ греческихъ философовъ были заклеены какъ профанныя; славныя созданія Александрійскаго Музея были скрыты отъ глазъ облакомъ мистицизма и непонятнаго технического языка.

Подобное понятіе о наукѣ не допускаетъ никакого улучшенія, никакой перемѣны, никакого успѣха. Оно не одобряетъ,

какъ вещь бесполезную и даже притязательную, всякія новыя открытія, вида въ нихъ незаконное вывѣдываніе вещей, которыя Богу угодно было скрыть.

Въ чемъ же состояла та высшая наука, которую патристическіе писатели представляли какъ вершину всякаго знанія?

Она уподобляла все явленія, естественныя и духовныя, человѣческимъ дѣйствіямъ.

Относительно земли, она утверждала, что это есть плоская поверхность, надъ которой небо раскинута подобно своду, или, какъ говоритъ Августинъ, протянута какъ кожа. На немъ движутся солнце, луна и звѣзды, такъ что они могутъ давать человѣку свѣтъ и днемъ и ночью... Надъ твердью находится небо; въ мрачномъ и огненномъ пространствѣ подъ землею—адъ. Земля есть центральное и главнѣйшее тѣло во вселенной, все другія существуютъ только для нея и подчинены ей.

Что касается до человѣка, онъ созданъ изъ праха земли. Сначала онъ былъ одинъ, но потомъ изъ ребра его сотворена была женщина. Это величайшее и лучшее изъ твореній Бога... Онъ жилъ въ раю, потомъ былъ изъ него изгнанъ.

Потомки перваго человѣка, неустрашенные его наказаніемъ, вели столь дурную жизнь, что стало необходимо истребить ихъ. Поэтому, потопъ покрылъ поверхность земли и поднялся надъ вершинами горы. Исполнивъ свое назначеніе, вода была высушена вѣтромъ.

Отъ этой катастрофы спаслись въ ковчегѣ Ной и его сына, съ ихъ женами. Изъ этихъ сыновей, Симъ остался въ Азіи и вновь населилъ ее. Хамъ населилъ Африку; Іафетъ—Европу. Такъ какъ патристическіе писатели не знали объ Америкѣ, они не указали родоначальника для ея народа.

Прислушаемся къ тому, что говорятъ нѣкоторые изъ этихъ

авторитетовъ въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Такъ Лактанцій, упоминаемая еретическое ученіе о шарообразности земли, говоритъ: «Возможно ли, чтобы люди могли быть такъ безумны и повѣрили, что жатва и деревья на другой сторонѣ земли висятъ внизъ, и что у людей ноги выше головъ? Если вы ихъ спросите, какъ они защищаютъ эти чудовищныя нелѣпости, какъ вещи не упадутъ съ земли на той сторонѣ, они отвѣчаютъ, что природа вещей такова, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія, какъ, напр., облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра во всѣ стороны къ небесамъ. Я, право, не нахожусь что сказать о тѣхъ, которые, внавѣ однажды въ ошибку, упорствуютъ въ своемъ безуміи, и одно нелѣпое мнѣніе защищаютъ другимъ». По вопросу объ антиподахъ, Августинъ утверждаетъ, что «невозможно, чтобы были жители на противоположной сторонѣ земли, потому что никакое подобное племя не упоминается въ писаніи между потомками Адама».

Мнѣ нѣтъ надобности говорить что либо относительно введенія смерти въ міръ, постояннаго вмѣшательства-спиритуальныхъ силъ въ ходъ событій..., ожидаемаго сожженія земли, о Вавилонской башнѣ, о смѣшеніи языковъ, о разсѣяніи человечества, объ истолкованіи явленій природы, каковы затмѣнія, радуга и т. д.

Но, быть можетъ, я могу привести изъ Козьмы Индикоплейста (Индикоплова) взгляды, какіе существовали въ шестомъ столѣтіи. Онъ написалъ сочиненіе подъ названіемъ «Христіанская Топографія», главной цѣлью которой было опровергнуть еретическое мнѣніе о шарообразности земли, и языческое утвержденіе, что есть умѣренный поясъ на югъ отъ жаркаго. Онъ утверждаетъ, что по истинно ортодоксальной географической системѣ земля есть четырехъ-угольная плоскость, прости-

рающаяся на четыреста дней пути отъ востока къ западу и ровно на половину этого отъ сѣвера къ югу; что она окружена горами, на которыя опирается небо; что одна изъ горъ на сѣверной сторонѣ, болѣе громадная чѣмъ другія, закрывая отъ насъ лучи солнца, производитъ ночь, и что плоскость земли не совершенно горизонтальна, но слегка наклонена отъ сѣвера; поэтому Евфратъ, Тигръ и другія рѣки, текущія къ югу, быстры, а Ниль, которому приходится идти вверхъ, по необходимости течетъ весьма медленно.

Бада Достопочтенный, писавшій въ седьмомъ столѣтїи, рассказываетъ намъ, что «твореніе произведено было въ шесть дней, и что земля есть его средоточіе и главная цѣль. Небо имѣетъ огненную и тонкую природу, оно кругло и вездѣ, какъ сводъ, отстоитъ одинаково отъ центра земли. Оно обращается каждодневно кругомъ съ несказанной быстротой, умѣряемою только сопротивленіемъ семи планетъ, изъ которыхъ три выше солнца — Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, затѣмъ — солнце, и три ниже солнца — Венера, Меркурій, Луна. Звѣзды обращаются на своихъ опредѣленныхъ путяхъ, и сѣверныя совершаютъ самый короткій кругъ. Высшее небо имѣетъ свой особенный предѣлъ; оно заключаетъ ангельскія добродѣтели, которыя сходятъ на землю, принимаютъ эфирныя тѣла, совершаютъ человѣческія дѣйствія и возвращаются. Небо умѣряется ледяными водами, въ предохраненіе отъ того, чтобы оно не загорѣлось. Нижнее небо называется твердью, потому что оно отдѣляетъ падающія сверху воды отъ нижнихъ водъ. Воды тверди ниже духовнаго неба, выше всѣхъ тѣлесныхъ существъ и сохраняются, какъ нѣкоторые говорятъ, для втораго потопа; другіе болѣе вѣрно говорятъ, что онѣ служатъ для умѣренія огня неподвижныхъ звѣздъ».

Неужели для такого представленія вещей нужно было бросить произведенія греческихъ философовъ? Когда великіе критики, явившіеся во время реформаціи, сравнивъ произведенія этихъ писателей однѣ съ другими, поставили ихъ на ихъ настоящее мѣсто, и научили насъ смотрѣть съ презрѣніемъ на средневѣковое невѣжество, — это было вовсе не слишкомъ рано.

Самой странной частью этой притязательной схоластической системы была ея логика, свойство ея доказательствъ. Извѣстный фактъ считался доказаннымъ посредствомъ изумительнаго проявленія чего нибудь другаго. Одинъ Арабскій писатель говоритъ относительно этого: «Еслибы какой нибудь волшебникъ сказалъ мнѣ: три больше десяти, и въ доказательство этого я превращу эту палку въ змѣю, — я былъ бы удивленъ его ловкостью, но не согласился бы съ его мнѣніемъ». И однако, въ теченіе болѣе чѣмъ тысячи лѣтъ, такова была общепринятая логика.

Такъ какъ партія, пріобрѣвшая господство въ имперіи, не могла представить научныхъ произведеній равной умственной силы съ произведеніями древнихъ великихъ писателей, и такъ какъ ей невозможно было принять низшее положеніе, — то возникла политическая необходимость — не давать поощренія профанной наукѣ, и даже преслѣдовать ее. Изъ этой необходимости произошло преслѣдованіе Платониковъ при Валентиніанѣ. Они были обвинены въ магіи, и многіе изъ нихъ были преданы смерти. Философская профессія стала опасною — она была государственнымъ преступленіемъ....

ГЛАВА III.

Метафизическіе споры.

Политика Византійскаго двора дала первобытнымъ христіанскимъ понятіямъ ту форму, о которой выше говорено, и которую она распространила у всѣхъ идолопоклонническихъ населеній, составлявшихъ имперію. Здѣсь было сліяніе двухъ сторонъ. Христіанство видоизмѣнило понятія стараго общества, и взаимно подверглось его вліяніямъ. Границами Христіанства, въ его формахъ этого времени, были границы Римской имперіи.

Съ этимъ обширнымъ пространствомъ побѣдившая сторона пріобрѣтала политическое вліяніе и богатство. Не малая часть обширныхъ государственныхъ доходовъ переходила въ руки церкви...

При первыхъ императорахъ, завоеваніе достигло своего высшаго пункта; имперія была довершена; для военной жизни не оставалось достаточной цѣли; времена военной наживы и грабежа провинцій окончились. Но для людей честолюбивыхъ открывалась другая дорога, представлялись другія цѣли...

Клерикальная исторія, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительная доля политической исторіи этого времени, вертится на борьбѣ о пер-

венствѣ между епископами трехъ метрополій — Константинополя, Александріи, Рима: Константинополь основывалъ свои права на томъ, что онъ былъ настоящею столицею имперіи; Александрія указывала на свое торговое и литературное значеніе; Римъ — на свои воспоминанія. Но патріархъ Константинопольскій имѣлъ ту невыгоду, что онъ былъ слишкомъ близокъ къ свѣтской власти и, какъ случалось ему испытывать, подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ императора. Разстояніе давало безопасность епископствамъ Александріи и Рима.

Религіозные споры на востокъ вращались вообще на различіи мнѣній относительно природы и свойствъ Божества; на западѣ — на отношеніяхъ и жизни человѣка. Эта особенность паразитально обнаружилась въ тѣхъ формахъ религіозности, какія образовались въ Азіи и въ Европѣ. Вслѣдствіе этого, въ то время, о которомъ мы говоримъ, всѣ восточныя провинціи Римской имперіи представляли умственную анархію. Происходили самые ожесточенные споры о разныхъ метафизическихъ вопросахъ теологіи... Торжество то одной, то другой стороны подтверждалось иногда заявленіями о какомъ нибудь чудѣ, иногда кровопролитіемъ. Ни та, ни другая сторона не думала подвергнуть соперничавшія мнѣнія логическому изслѣдованію. Но всѣ партіи соглашались въ томъ, что обманъ старыхъ классическихъ формъ языческой религіи доказывался той легкостью, съ какою онѣ были испровергнуты. Торжествующіе побѣдители провозглашали, что идолы боговъ не защитили себя, когда пришло время испытанія.

Политическія идеи всегда были въ ходу у южныхъ Европейскихъ племенъ; племена Семитическія поддерживали монотеизмъ. Быть можетъ, это происходило, какъ думалъ одинъ новейшій писатель, отъ того факта, что разнообразная мѣстность

горь и долинь, острововъ, рѣкъ и заливовъ, изстари предрасполагала человѣка къ вѣрѣ въ многочисленныя божества. Обширная песчаная пустыня, безграничный океанъ, напечатлѣваютъ въ немъ мысль объ единомъ Божествѣ.

Политическія соображенія побуждали императоровъ благопріятно смотрѣть на смѣшеніе христіанской религіозности съ преданіями старой жизни, и, безъ сомнѣнія, это средство нѣсколько уменьшило ожесточенное соперничество двухъ противниковъ.

Но если люди малообразованные никогда не задавали себѣ вопроса о томъ, каковы были подробности небесной жизни, какую они себѣ представляли, — то не такъ было съ людьми уметвенно развитыми... Между высшими лицами клерикальнаго міра были люди, съ негодованіемъ отвергавшіе плотскія, матеріалистическія понятія и возвышавшіе свой голосъ въ защиту свойствъ Вездѣсущаго, Всемогущаго Бога.

Когда такимъ образомъ новая религіозность воспринимала черты и воспоминанія старыхъ вѣрованій, интересъ каждаго мѣтнаго клерикальнаго правителя состоялъ въ томъ, чтобы достигнуть принятія идей, которыя были въ ходу въ управляемой имъ общинѣ. Такимъ образомъ Египтяне настаивали на своихъ особенныхъ тринитаріанскихъ взглядахъ и успѣли ввести ихъ.

Около этого времени, Несторъ, епископъ Антиохійскій, державшійся философскихъ взглядовъ Θεодора Моисвестійскаго, призванъ былъ императоромъ Θεодосіемъ Младшимъ на епископскій престолъ въ Константинополѣ (427 по Р. Х.). Несторъ отвергалъ народный антропоморфизмъ, считая его почти богохульнымъ, и представлялъ себѣ грозное вѣчное Божество, проникающее вселенную и не имѣющее никакихъ свойствъ и формъ человѣка. Несторъ былъ глубоко напитанъ ученіями Аристоте-

ля, и старался согласить ихъ съ тѣмъ, что онъ считалъ за ортодоксальныя положенія Христіанства. Вслѣдствіе того возникла ссора между нимъ и епископомъ или патріархомъ Александрійскимъ. Они представляли собой двѣ, боровшіяся тогда стороны христіанской религіозности... Патріархъ Александрійскій былъ тотъ Кириллъ, въ управленіе котораго умерщвлена была Гипатія. Кириллъ имѣлъ намѣреніе ввести церковное почитаніе Богоматери; Несторъ противился этому.

Константинопольское монашество, возбуждаемое Александрійскимъ, возстало противъ Нестора. Раздоры дошли до того, что императоръ вынужденъ былъ созвать соборъ въ Эфесѣ. Между тѣмъ Кириллъ счумѣлъ, черезъ главнаго евнуха, пріобрѣсти сильную поддержку при дворѣ, отъ сестры императора. На соборѣ, гдѣ предѣдательствовалъ Кириллъ, дѣло было рѣшено противъ Нестора, еще до прибытія Сирійскихъ епископовъ. Затѣмъ, когда они прибыли, они заявили протестъ... Произошло возстаніе и кровопролитіе въ церкви св. Іоанна. Несторъ былъ покинутъ дворомъ, и наконецъ сосланъ въ Египетскій оазисъ, гдѣ онъ былъ въ рукахъ своихъ враговъ...

Но низверженіе и наказаніе Нестора (Несторія) не уничтожили его мнѣній. Онъ и его послѣдователи, настаивая на прямомъ смыслѣ Матѳ. I, 25; XIII, 55, 56, никакъ не хотѣли признать общепринятаго тогда ученія объ этомъ предметѣ. Ихъ философскія стремленія обнаружались тогда и въ ихъ дѣйствіяхъ. Въ то время какъ ихъ учитель томился въ африканскомъ оазисѣ, многіе изъ нихъ выселились на Евфратъ и основали Халдейскую церковь. Подъ ихъ вліяніемъ основана была Эдесская школа. Изъ школы въ Низибисѣ вышли тѣ учителя, которые распространили ученія Нестора въ Сиріи, Аравіи, Индіи, Татаріи, Китаѣ, Египтѣ. Несторіане, конечно, приняли фи-

философію Аристотеля и перевели произведенія этого великаго писателя на Сирійскій и Персидскій языкъ. Они сдѣлали также подобныя переводы и позднѣйшихъ писателей, какъ, напр., Плинія. Въ соединеніи съ Евреями они основали медицинскую школу въ Джондесабурѣ. Ихъ миссіонеры распространили Несторіанскую форму Христіанства въ Азіи до такой степени, что ея послѣдователи наконецъ превысили численностью всѣхъ европейскихъ христіанъ Греческой и Римской церкви вмѣстѣ. Можно замѣтить въ особенности, что они имѣли своего епископа въ Аравіи.

Такимъ образомъ раздоры между Константинополемъ и Александріей наполнили всю западную Азію сектаторами, ожесточенно враждовавшими между собою, и многіе изъ нихъ пылали ненавистью къ императорской власти за гоненія, какимъ она ихъ подвергала. Результатомъ былъ религіозный переворотъ, послѣдствія котораго чувствуются еще въ наше время. Онъ коснулся всего міра.

Мы получимъ ясное понятіе объ этомъ великомъ событіи, если разсмотримъ отдѣльно два акта, изъ которыхъ оно состояло: 1) Временное низверженіе азіатскаго Христіанства Персами; 2) полное и окончательное устраненіе его Арабами.

1. Велѣдствіе одного изъ переворотовъ, столь частыхъ при восточныхъ дворахъ, случилось (590 по Р. Х.), что Хозрой, законный наслѣдникъ Персидскаго престола, принужденъ былъ искать убѣжища въ Византійской имперіи и умолять о помощи императора Маврикія. Эта помощь была охотно дана. Короткая и успѣшная война возстановила Хозроя на престолѣ его предковъ.

Но слава этой великодушной войны не спасла самого Маврикія. Въ римской арміи вспыхнулъ мятежъ, руководимый центуріономъ Фокой. Статуи императора были низвергнуты. Патрі-

архъ Константинопольскій, объявивъ, что онъ увѣрился въ ортодоксію Фоки, вѣнчалъ его какъ императора. Несчастнѣйшій Маврикій былъ вытасченъ изъ святилища, гдѣ онъ искалъ спасенія; его пять сыновей были обезглавлены передъ нимъ, а затѣмъ онъ былъ преданъ смерти. Императрицу выманили изъ церкви св. Софіи, пытали и обезглавили вмѣстѣ съ ея тремя молодыми дочерьми. Приверженцы истребленной фамиліи были преслѣдуемы съ жестокой метительностью: нѣкоторыхъ изъ нихъ ослѣпили, другимъ вырвали языки, или отрубили руки и ноги, нѣкоторыхъ забичевали до смерти, другихъ сожгли.

Когда извѣстіе о томъ пришло въ Римъ, папа Григорій принялъ его съ восторгомъ и молясь, чтобы рука Фоки укрѣпилась противъ всѣхъ его враговъ. Въ воздаяніе за эту услужливость, его привѣтствовали какъ «вселенскаго епископа». Причиной этого поступка, какъ и поступка Константинопольскаго патріарха, былъ безъ сомнѣнія тотъ фактъ, что Маврикія подозревали въ наклонности къ магізму, въ который онъ былъ завлеченъ Персами. Константинопольская чернь провожала его по улицамъ съ криками, позоря его какъ маркіонита, — это была секта, вѣрившая въ магійское ученіе о двухъ противополоствующихъ началахъ.

Совеѣмъ съ другими чувствами услышалъ Хозрой объ убійствѣ своего друга. Фока послалъ ему головы Маврикія и его сыновей. Персидскій царь съ ужасомъ отвернулся отъ страшнаго зрѣлища, и тотчасъ приготовился мстить войной за зло, причиненное его благодѣтелю.

Экзархъ Африки, Гераклій, одно изъ главныхъ лицъ въ государствѣ, также съ негодованіемъ принялъ эти поразительныя извѣстія. Онъ рѣшилъ, что императорская порфира не должна быть узурпирована какимъ то низкородившимъ центуріономъ.

непріятнаго вида. «По наружности, Фока былъ небольшой ростомъ и уродливый; у него были густыя сросшіяся брови, рыжіе волосы, борода безъ волосъ, его щека была изуродована страшною язвой. Не зная грамоты, законовъ, и даже оружія, онъ бралъ себѣ обширную привиллегію разгула и пьянства». Сначала Гераклій отказалъ ему въ дани и повиновеніи; потомъ, побуждаемый старостью и болѣзнями, онъ поручилъ опасное предпріятіе открытаго сопротивленія—своему сыну, того же имени. Счастливое путешествіе скоро привело молодого Гераклія къ стѣнамъ Константинополя. Измѣнчивое духовенство, сенатъ, и народъ столицы присоединились къ нему; узурпаторъ былъ схваченъ въ своемъ дворцѣ и обезглавленъ.

Но революція, происшедшая въ Константинополѣ, не остановила движеній персидскаго царя. Его магійскіе жрецы совѣтовали ему дѣйствовать независимо отъ Грековъ, которыхъ суевѣріе, по словамъ ихъ, лишено было всякой истины и справедливости. Поэтому, Хозрой перешелъ Евфратъ; его армія принята была съ восторгомъ сирійскими сектаторами; вездѣ вспыхивали возстанія въ его пользу. Одинъ за другимъ сдавались города Антіохія, Цезарей, Дамаскъ; самый Іерусалимъ былъ взятъ штурмомъ; мѣсто погребенія Христа, храмы Константина и Елены были преданы огню; крестъ Спасителя былъ посланъ какъ трофей въ Персію; богатства церквей были расхищены; священныя реликвіи... были разсѣяны. Египетъ подвергся также нашествію, былъ завоеванъ и присоединенъ къ Персіи; патріархъ Александрійскій спасся бѣгствомъ въ Кипръ; африканскій берегъ былъ захваченъ до Триполи. На сѣверѣ, Персы покорили Малую Азію, и въ теченіи десяти лѣтъ Персидскія силы стояли лагеремъ на берегахъ Босфора, противъ Константинополя.

Доведенный до крайности, Гераклій просилъ мира. «Я не дамъ мира Римскому императору», отвѣчалъ гордый Персъ, «пока онъ не отречется отъ своего распятаго Бога и не будетъ поклоняться солнцу». Но, впрочемъ, послѣ долгаго промедленія, договоръ былъ заключенъ, и Римская имперія откупилаь цѣной «тысячи талантовъ золота, тысячи талантовъ серебра, тысячи шелковыхъ одеждъ, тысячи лошадей и тысячи дѣвухекъ».

Но Гераклій подчинился не надолго. Онъ нашелъ средства не только поправить свои дѣла, но и отомстить Персидскому царству. Подвиги, которыми онъ достигъ этого результата, достойны были самыхъ блестящихъ дней Рима.

Хотя его военная слава была такимъ образомъ восстановлена, хотя завоеванныя земли были возвращены, — было нѣчто, что Римская имперія потеряла безвозвратно. Нельзя было воротить прежней религіозной вѣры. Передъ глазами міра, магіанизмъ оскорбилъ Христіанство, профанируя самыя священныя его мѣста — Вавелемъ, Геѳсиманію, Голгоѳу, — сожегши мѣсто погребенія Христа, разграбивъ и разрушивъ церкви, уничтоживъ реликвіи...

Изумленіе овладѣло христіанскими населеніями Востока, когда они видѣли, что персидскія святотатства были произведены безнаказанно... Въ странѣ чудесъ, за изумленіемъ послѣдовала горестъ, — горестъ кончилась въ невѣрїи.

2. Но, какъ ни страшно было персидское завоеваніе, оно было только прелюдїей обширнаго событія, исторію котораго мы должны теперь разсказать — южнаго движенія, враждебнаго Христіанству. Исходомъ этого событія была потеря девяти-десятихъ его географическихъ владѣній — Азіи, Африки и части Европы.

Лѣтомъ 581 г. христіанскаго лѣтосчисленія, въ Бозру, го-

родъ на границахъ Сиріи, на югъ отъ Дамаска, пришелъ караванъ верблюдовъ. Онъ былъ изъ Мекки, и нагруженъ былъ драгоценными произведениями южной Аравіи—Аравіи Счастливой. Предводитель каравана, Абу-Талейбъ, и племянникъ его, мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, нашли гостепріимство въ несторіанскомъ монастырѣ этого города.

Монахи этого монастыря вскорѣ узнали, что ихъ молодой посѣтитель, Халиби или Мохаммедъ, былъ племянникъ хранителя Каабы, священнаго храма Арабовъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Багира, употреблялъ все старанія къ обращенію его изъ идолопоклонства, въ которомъ онъ былъ воспитанъ. Онъ нашелъ, что мальчикъ не только уменъ не по лѣтамъ, но и жадно ищетъ познаній, особенно по предметамъ религіи.

На родинѣ Мохаммеда главнымъ предметомъ Меккскаго поклоненія былъ черный метеорическій камень, который хранился въ Каабѣ, съ тремястами шестидесятью второстепенныхъ идоловъ, представлявшихъ дни года, какъ годъ тогда считался.

Въ это время, какъ мы видѣли, христіанское общество находилось въ состояніи анархіи... По разнымъ поводамъ, созываемы были иногда соборы, которые часто сопровождались сценами насилія и подкупа. На западѣ, искушенія богатства, роскоши и власти, соединявшіеся съ положеніемъ епископа, были таковы, что избраніе епископа часто было нарушаемо страшными убійствами. На Востокѣ, вслѣдствіе политики Константинопольскаго двора, общество было разрываемо на части раздорами и схизмами. Изъ безчисленной толпы спорившихъ можно назвать Аріанъ, Василидіанъ, Карпократіанъ, Коллиридіанъ, Евтихіанъ, Гностиковъ, Якобитовъ, Маркіонитовъ, Маріонитовъ, Несторіанъ, Савелліанъ, Валентиніанъ. Изъ нихъ, Маріониты считали Троицу состоящей изъ Бога Отца, Бога сына и Бога Пр.

Дѣвы; Коллиридіане поклонялись Пр. Дѣвѣ какъ божеству, принося ей въ жертву особыя хлѣбы; Несторіане отвергали, чтобы Богъ имѣлъ «матерь». Они гордились тѣмъ, что были наследниками, владѣтелями науки древней Греціи.

Но, хотя они были непримиримы въ дѣлахъ вѣры, въ одномъ всѣ секты были согласны—въ жестокой ненависти и преслѣдованіи другъ друга. Аравія, непобѣжденная страна свободы, простиравшаяся отъ Индѣйскаго океана до Сирійской пустыни, давала убѣжище имъ всѣмъ, когда судьба бывала къ нимъ неблагоприятна. Такъ это было съ древнихъ временъ. Сюда, послѣ завоеванія Римлянами Палестины, бѣжало множество Евреевъ; сюда, тотчасъ послѣ своего обращенія, удалился св. Павелъ, какъ онъ говоритъ объ этомъ Галатамъ. Пустыни были теперь наполнены христіанскими отшельниками, и между главными племенами Арабовъ было приобрѣтено много прозелитовъ. Коегдѣ были построены церкви. Христіанскіе государи Абиссиніи, которые были несторіанами, владѣли южною областью Аравіи—Йеменомъ.

Отъ монаха Багиры, въ Бозрѣ, Мохаммедъ узналъ ученія несторіанъ; отъ нихъ молодой Арабъ узналъ исторію ихъ преслѣдованій. Эти бесѣды внушили ему ненависть къ виѣшной обрядности, которую онъ считалъ «Идолопоклонствомъ», и ко всякому идолопоклонству; изъ этихъ бесѣдъ, онъ научился въ своей удивительной исторіи, никогда не говорить о Христѣ, какъ Сынѣ Бога, а всегда какъ «Иисусѣ, сынѣ Маріи». Его необработанный, но дѣятельный умъ не могъ не быть глубоко пораженъ какъ философскими, такъ и религіозными идеями его наставниковъ, которые хвалились, что они—живые представители Аристотелевской науки. Его послѣдующая судьба показываетъ, какъ сильно имъ овладѣли ихъ религіозныя мысли, и,

его поступки не разъ обнаруживали его вниманіе къ нимъ и привязанность. Его собственная жизнь была посвящена развитію и распространенію ихъ теологическаго ученія, и когда оно было разъ прочно установлено, его преемники энергически приняли и распространили ихъ научныя, Аристотелевскія мнѣнія.

Когда Мохаммедъ достигъ лѣтъ мужества, онъ сдѣлалъ другія поѣздки въ Сирію. Быть можетъ, можно предположить, что при этихъ случаяхъ не были забыты монастырь и его гостепріимные жители. Онъ имѣлъ таинственное почтеніе къ этой странѣ. Богатая меккская вдова, Хадиза, поручила его попеченію свою торговлю въ Сиріи. Она была очарована его дарованіями и вѣрностью, и (такъ какъ онъ, говорятъ, отличался удивительной мужской красотой и самымъ изящнымъ обращеніемъ) была очарована его личностью. Во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ женское сердце одинаково. Она поручила одному невольнику объяснить ему, что происходило въ ея умѣ, и въ остальные двадцать четыре года ея жизни Мохаммедъ былъ ея вѣрнымъ мужемъ. Въ странѣ многоженства, онъ никогда не оскорблялъ ее присутствіемъ соперницы. Много лѣтъ спустя, когда онъ былъ на высотѣ своей власти, Айеша, которая была одной изъ прекраснѣйшихъ женщинъ въ Аравіи, сказала ему: «Развѣ она не была стара? Развѣ Богъ не далъ во мнѣ для тебя лучшей жены на ея мѣсто?» «Клянусь Богомъ, нѣтъ!» воскликнулъ Мохаммедъ, «лучшей жены не можетъ быть. Она вѣрила въ меня, когда люди меня презирали, она поддержала меня, когда я былъ бѣденъ и свѣтъ меня преслѣдовалъ».

Женитьба на Хадизѣ доставила ему средства къ жизни въ довольствѣ и дала возможность послѣдовать своимъ наклонностямъ къ религіозному размышленію. Случилось, что его родственникъ, Варака, родомъ Еврей, обратился въ Христіанство.

Онъ первый предпринялъ переводъ Библіи на арабскій языкъ. Въ разговорахъ съ нимъ, отвращеніе Мохаммеда къ идолопоклонству усилилось.

По примѣру христіанскихъ отшельниковъ въ ихъ уединеніяхъ въ пустынѣ, Мохаммедъ удалился въ пещеру горы Геры, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мекки, и предался размышленію и молитвѣ. Въ этомъ уединеніи, рассматривая внушающія благоговѣйный трепеть свойства Всемогущаго и Вѣчнаго Бога, онъ обратилъ къ своей совѣсти торжественный вопросъ, — можетъ ли онъ принять, не совершая грѣха противъ этихъ свойствъ, тѣ ученія, какія онъ слышалъ отъ восточныхъ послѣдователей Христіанства.

Своими уединенными размышленіями въ пещерѣ Мохаммедъ пришелъ къ заключенію, что черезъ облако догматическихъ положеній и споровъ, его окружавшихъ, можно отличать одну великую истину—единство Бога. Прислонясь къ стволу пальмоваго дерева, онъ излагалъ свои взгляды объ этомъ предметѣ своимъ сосѣдямъ и друзьямъ, и объявилъ, что онъ долженъ посвятить свою жизнь проповѣди этой истины. Въ своихъ рѣчахъ и въ Коранѣ онъ постоянно повторялъ: «Я не болѣе какъ проповѣдникъ... я проповѣдую единство Бога». Таково было его собственное представленіе объ его такъ называемомъ посланничествѣ. Съ тѣхъ поръ, до дня своей смерти, онъ носилъ на пальцѣ перстень съ печатью, на которой было выражено: «Мохаммедъ, посланникъ Бога».

Врачамъ извѣстно, что продолжительное лишеніе пищи и душевная тревога неизбѣжно производятъ галлюцинаціи. Быть можетъ, не было религіозной системы, введенной самоотверженными, серьезными людьми, которая не представляла бы примѣровъ сверхъестественныхъ искушеній и сверхъестествен-

ныхъ повелѣній. Таинственные голоса поощряли арабскаго проповѣдника твердо слѣдовать своему рѣшенію; тѣни страннаго вида проходили передъ нимъ. Въ воздухѣ онъ слышалъ звуки, подобныя звукамъ отдаленнаго колокола. Во время сна ночью онъ былъ отнесенъ Гаврииломъ изъ Мекки въ Іерусалимъ, и затѣмъ черезъ шесть небесъ. На седьмое небо ангелъ боялся проникнуть, и Мохаммедъ одинъ перешелъ въ грозное облако, всегда закрывающее Всемогущаго. «Трепетъ охватилъ его сердце, когда онъ почувствовалъ на плечѣ холодное прикосновеніе Бога».

Его публичное служеніе своему дѣлу встрѣтило большое сопротивленіе и въ началѣ мало успѣха. Изгнанный изъ Мекки защитниками господствующаго идолопоклонства, онъ искалъ убѣжища въ Мединѣ, городѣ, гдѣ было много Евреевъ и Несторіанъ; послѣдніе тотчасъ сдѣлались прозелитами его вѣры. Онъ уже долженъ былъ послать свою дочь и другихъ своихъ учениковъ въ Абиссинію, царь которой былъ несторіанскій христіанинъ. Въ концѣ шести лѣтъ онъ имѣлъ только полторы тысячи обращенныхъ. Но въ трехъ небольшихъ стычкахъ, превеличенныхъ въ послѣдующія времена въ сраженія при Бедерѣ, Огудѣ и въ сраженіе народовъ, Мохаммедъ открылъ, что самый убѣдительный аргументъ есть его мечъ. Впослѣдствіи онъ говорилъ съ восточнымъ краснорѣчіемъ: «Рай можно найти въ тѣни скрещенныхъ мечей». Послѣ ряда хорошо веденныхъ военныхъ дѣйствій, его враги были совершенно низложены. Арабское идолопоклонство было окончательно истреблено; провозглашаемое имъ ученіе, что «Богъ одинъ», было принято всѣми его соотечественниками, и его посланничество признано.

Мы не будемъ разсказывать его бурной жизни, и послуша-

емъ только, что онъ говорилъ, когда, на вершинѣ земнаго могущества и славы, онъ приближался къ концу этой жизни.

Твердый въ своемъ заявленіи единства Бога, онъ отправился изъ Медины въ свое послѣднее пилигримство въ Мекку, во главѣ ста четырнадцати тысячъ поклонниковъ, съ верблюдами, украшенными гирляндами цвѣтовъ и развѣвавшимися флагами. Приблизившись къ священному городу, онъ произнесъ торжественную молитву: «Я здѣсь, на служеніи твоёмъ, о Богъ! Ты не имѣешь помощника. Тебѣ одному подобаешь поклоненіе. Тебѣ одному принадлежитъ царство. Ты ни съ кѣмъ не раздѣляешь его».

Своей собственной рукой онъ принесъ верблюдовъ въ жертву. Онъ думалъ, что первобытное учрежденіе столько же священно какъ молитва, и что нельзя привести никакого доказательства въ защиту одного, которое не было бы также сильно и въ защиту другаго.

Съ каедры въ Каабѣ, онъ повторялъ: «О мои слушатели, я такой же человѣкъ, какъ вы». Вспоминали, что онъ сказалъ однажды человѣку, который приближался къ нему робкими шагами: «Чего ты страшисься? Я не царь. Я только сынъ арабской женщины, которая ѣла мясо, высушенное на солнцѣ».

Онъ возвратился въ Медину умереть. Въ своемъ прощаньи съ слушателями, онъ сказалъ: «Всякая вещь случается по волѣ Бога, и имѣеть свое назначенное время, котораго нельзя ни ускорить, ни избѣжать. Я возвращаюсь къ тому, кто послалъ меня, и мое послѣднее приказаніе вамъ, чтобы вы любили, почитали и поддерживали другъ друга, чтобы вы убѣждали другъ друга къ вѣрности и постоянству въ вѣрѣ, и къ совершенію благочестивыхъ дѣлъ. Моя жизнь была для вашего блага, для него же будетъ и моя смерть».

Въ послѣдней агоніи, голова его склонилась на колѣни Айеши. Отъ времени до времени онъ опускалъ руку въ сосудъ съ водою, и мочилъ свое лицо. Наконецъ, онъ прекратилъ это, и обративъ глаза вверхъ, сказалъ отрывистыми словами: «О Богъ—прости мои грѣхи—да будетъ. Я иду».

Будемъ ли мы говорить объ этомъ человѣкѣ съ неуваженіемъ? Его правила составляютъ, въ настоящее время, религіозное руководство цѣлой трети человѣческаго рода.

Въ Мохаммедѣ, который уже разорвалъ съ древнимъ идолопоклонствомъ своей родины, сдѣлано было приготовленіе къ отверженію тѣхъ ученій, несогласныхъ съ разумомъ и совѣстью, какія были ему сообщены его несторіанскими учителями. И хотя въ первыхъ страницахъ Корана онъ объявляетъ о своей вѣрѣ въ то, что было передано Моисею и Христу, и о своемъ почтеніи къ нимъ лично, онъ постоянно высказываетъ свое почитаніе Всемогущаго. Онъ рѣшительно отвергаетъ всю другую догматику и антропоморфизмъ, о которыхъ узналъ отъ Несторіанъ...

Его первая и господствующая идея была просто религіозная реформа—низвергнуть арабское идолопоклонство и положить конецъ крайнему сектаторству Христіанства. Что онъ предполагалъ основать новую религію, это была клевета, выдуманная противъ него въ Константинополѣ...

Но, хотя онъ съ негодованіемъ отвергалъ все, что могло казаться нарушающимъ ученіе о единствѣ Бога, онъ былъ неспособенъ освободиться отъ антропоморфическихъ представленій. Богъ Корана вполне человѣченъ, и тѣлесно и умственно, если можно такъ выразиться. Впрочемъ, послѣдователи Мохаммеда весьма скоро освободились отъ этихъ грубыхъ идей и возвысились до болѣе благородныхъ.

Представленный здѣсь взглядъ на первобытный характеръ

Мохаммеданства былъ давно принятъ многими серьезными авторитетами. Сэръ Вильямъ Джонсъ, слѣдуя Локку, находитъ, что главный пунктъ различія между Мохаммеданствомъ и Христіанствомъ состоитъ «въ рѣзкомъ отрицаніи качества нашего Спасителя какъ Сына, и его равенства какъ Бога съ Отцомъ, объ единствѣ и свойствахъ котораго мохаммедане имѣютъ и выражаютъ самыя благоговѣйныя понятія». Это мнѣніе было очень распространено въ Италіи. Данте считалъ Мохаммеда только авторомъ схизмы, и въ Исламизмѣ видѣлъ только аріанскую секту. Въ Англій, Уэтли видитъ въ немъ испорченное Христіанство. Это былъ отпрыскъ Несторіанства, и только послѣ того, какъ Исламизмъ нанесъ греческому міру пораженіе во многихъ великихъ битвахъ, быстро распространился въ Азіи и Африкѣ и оныянѣлъ отъ своихъ удивительныхъ успѣховъ, онъ отрекся отъ своихъ первоначальныхъ ограниченныхъ намѣреній и сталъ утверждать, что основанъ былъ на отдѣльномъ и особенномъ откровеніи.

Жизнь Мохаммеда почти вся занята была обращеніемъ или завоеваніемъ его родной страны. Но къ концу жизни, онъ почувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы грозить нашествіемъ Сиріи и Персіи. Онъ не принялъ никакихъ мѣръ для сохраненія своего господства, и потому преемникъ его былъ назначенъ не безъ борьбы. Наконецъ, избранъ былъ Абубекеръ, отецъ Айеши. Онъ былъ провозглашенъ первымъ халифомъ, или наслѣдникомъ пророка.

Есть весьма большое различіе между распространеніемъ Мохаммеданства и распространеніемъ Христіанства. Послѣднее не было никогда достаточно сильно, чтобы низвергнуть и искоренить идолопоклонство въ Римской имперіи.

Но въ Аравіи Мохаммедъ низвергнулъ и совершенно уни-

чтожилъ старое язычество. Никакого слѣда его нѣтъ въ ученіяхъ, которыя проповѣдывалъ Мохаммедъ и его преемники. Черный камень, упавшій съ неба—метеоритъ Каабы—и окружавшіе его идолы, совершенно исчезли изъ виду. Существенный догматъ новой вѣры — «Есть только одинъ Богъ» — распространялся безъ всякой примѣси. Военные успѣхи сдѣлали религію Корана выгодной, въ житейскомъ смыслѣ; и въ такомъ случаѣ, каковы бы ни были догматы, будетъ много обращенныхъ.

Я не буду говорить о популярныхъ ученіяхъ Мохаммеданства. Читатель, интересующійся этимъ предметомъ, найдетъ отчетъ о нихъ въ обзорѣ Корана въ одиннадцатой главѣ моей «Исторія умственного развитія Европы». Здѣсь довольно замѣтить, что ихъ небо устроено было въ семь этажей и было только дворцомъ восточныхъ плотскихъ наслажденій. Оно было наполнено черноглазыми конкубинами и слугами. Форма божества, быть можетъ, была болѣе благоговѣйная, чѣмъ было въ средне-вѣковомъ суевѣріи... Но антропоморфизмъ никогда не устранится изъ понятій человѣка неразвитаго. Мохаммеданскій Богъ, въ лучшемъ случаѣ, ни что иное какъ исполинская тѣнь человѣка—громадный призракъ человѣчества—подобно одному изъ тѣхъ альпійскихъ фантомовъ, какіе можно видѣть среди облаковъ, повернувшись спиной къ солнцу.

Едва Абубекеръ утвердился въ халифатѣ, какъ издалъ слѣдующее воззваніе:

«Во имя милосерднѣйшаго Бога! Абубекеръ всѣмъ истиннымъ вѣрующимъ желаетъ здоровья и счастья. Милость и благословеніе Бога да будетъ надъ вами. Я прославляю высочайшаго Бога. Я молюсь за его пророка Мохаммеда.

«Этимъ извѣщаю васъ, что хочу послать истинныхъ вѣрующихъ въ Сирію, взять ее изъ рукъ невѣрныхъ. И я хотѣлъ бы,

чтобы вы знали, что сразиться за религію есть дѣло повиновенія Богу».

Со стороны Сарацинъ, завоеваніе Сиріи ведено было съ жестокимъ благочестіемъ. Вѣра Сирійскихъ христіанъ возбуждала въ ихъ противникахъ чувство негодованія. Сарацины считали ихъ идолопоклонниками, невѣрующими въ единого Бога...

Халифъ не имѣлъ намѣренія самъ предводительствовать своей арміей; эта обязанность возложена была номинально на Абу-Обейда, въ дѣйствительности на Халеда. На смотру, при отправленіи войска, халифъ предписывалъ ему справедливость, милосердіе и соблюденіе вѣрности въ своихъ обязательствахъ; онъ приказывалъ воинамъ воздерживаться отъ всякихъ легкомысленныхъ разговоровъ и отъ вина, и строго наблюдать часы молитвы; быть кроткими къ простому народу, среди котораго они будутъ проходить, но не давать никакой пощады духовнымъ.

На востокъ отъ рѣки Іордана находится Бозра, крѣпкій городъ, гдѣ Мохаммедъ впервые встрѣтилъ своихъ наставниковъ изъ несторіанскихъ христіанъ. Это была одна изъ Римскихъ крѣпостей, которыхъ было много въ этой странѣ. Сарацинская армія стала лагеремъ передъ этой крѣпостью. Гарнизонъ былъ сильный, стѣны были покрыты крестами и освященными знаменами. Она могла бы долго защищаться. Но начальникъ ея, Романусъ, измѣнилъ своему долгу и тайно отворилъ ворота осаждающимъ. Его поступокъ показываетъ, до какого печальнаго состоянія дошло населеніе Сиріи. Послѣ сдачи, онъ открыто призналъ передъ народомъ свою измѣну и отреченіе отъ Христіанства... Со времени персидскаго нашествія, Малая Азія, Сирія и даже Палестина, были полны предателями и отступниками, готовыми присоединиться къ Сарацинамъ. Романусъ былъ только

одинъ изъ многихъ тысячъ, впавшихъ въ невѣріе вслѣдствіе побѣдъ Персовъ.

Отъ Бозры было только семьдесятъ миль къ сѣверу до Дамаска, столицы Сиріи. Сюда немедленно направилась сарацинская армія. Городу тотчасъ было предложено на выборъ—обращеніе, дань или мечъ. Въ своемъ дворцѣ въ Антиохіи, всего въ полтора-ста миляхъ еще далѣе къ сѣверу, императоръ Гераклій получилъ извѣстіе о грозномъ приближеніи непріятеля. Онъ тотчасъ послалъ армію въ семьдесятъ тысячъ человекъ. Сарацины были принуждены снять осаду. Сраженіе произошло на равнинахъ Айзидина, и Римская армія была разбита и разсѣяна. Халедъ снова появился передъ Дамаскомъ съ чернымъ орломъ на знамени, и послѣ новой осады, длившейся семьдесятъ дней, Дамаскъ сдался.

Изъ арабскихъ историковъ этихъ событій мы можемъ увидѣть, что до сихъ поръ сарацинскія войска были почти только фанатическая чернь. Многіе изъ воиновъ сражались нагіе. Нерѣдки бывали случаи, что воинъ выступалъ впередъ фронта и вызывалъ противника на смертный поединокъ. Мало того, даже женщины участвовали въ битвахъ. До насъ дошли живописные рассказы, передающіе, какъ храбро онѣ исполняли свое дѣло.

Отъ Дамаска сарацинская армія двинулась на сѣверъ, руководимая снѣжными вершинами Ливана и прекрасной рѣкой Оронтъ. На дорогѣ, она взяла Баальбекъ, столицу Сирійской долины, и Эмезу, главный городъ восточной равнины. Чтобы воспротивиться ея дальнѣйшему движенію, Гераклій собралъ войско въ сто сорокъ тысячъ. Сраженіе произошло при Ермукѣ; правое крыло Сарацинъ было разбито, но воины были прогнаны опять въ битву фанатическими настояніями женщинъ. Битва окончилась полнымъ пораженіемъ Римской арміи. Сорокъ тысячъ

было взято въ плѣнъ, большое число было убито. Вся страна была теперь открыта побѣдителямъ. Ихъ армія двигалась на востокъ отъ Іордана. Ясно было, что прежде чѣмъ коснуться Малой Азіи, нужно было обезпечить себѣ сильные и важные города Палестины, оставшіеся въ тылу. У предводителей вышло разногласіе о томъ, слѣдовало ли сдѣлать сначала нападеніе на Цезарею, или на Іерусалимъ. Дѣло было доведено до халифа, который, справедливо предпочитая нравственныя выгоды взятія Іерусалима военнымъ выгодамъ взятія Цезареи, велѣлъ, чтобы святой городъ былъ взятъ, и во что бы то ни стало. Поэтому, онъ былъ обложенъ тѣсной осадой. Жители его, вспоминая жестокости, произведенныя Персами, и святотатства, совершенныя противъ гробницы Спасителя, приготовились къ рѣшительной защитѣ. Но, послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады, патріархъ Софроній явился на городской стѣнѣ, спрашивая объ условіяхъ сдачи. При взятіи Дамаска, между военачальниками произошли недоразумѣнія, слѣдствіемъ которыхъ было истребленіе убѣгавшихъ жителей. Поэтому, Софроній требовалъ, чтобы сдача Іерусалима происходила въ присутствіи самого халифа. Халифъ Омаръ прибылъ по этому случаю изъ Медины. Онъ путешествовалъ на рыжемъ верблюдѣ, имѣлъ при себѣ мѣшокъ съ хлѣбомъ и мѣшокъ съ финиками, деревянную чашку и кожаный мѣхъ съ водой. Арабскій завоеватель вѣхалъ въ Іерусалимъ рядомъ съ христіанскимъ патріархомъ, и передача столицы Христіанства предводителю Мохаммеданства совершилась безъ нарушенія порядка и безъ оскорбленій. Приказавъ, чтобы возлѣ храма Соломонова была выстроена мечеть, халифъ воротился къ гробу пророка въ Медину.

Гераклій видѣлъ ясно, что бѣдствія, быстро падавшія на Христіанство, происходили отъ раздоровъ его сектъ, спорившихъ

между собою, и потому стараясь защитить имперію своими арміями, онъ заботливо старался объ умиреніи этихъ раздоровъ. Съ этой цѣлью онъ настаивалъ на скорѣйшемъ принятіи моно-еелитскаго ученія о природѣ Христа. Но теперь было уже поздно. Алешио и Антиохія были взяты. Ничто не могло помѣшать захвату Сарацинами Малой Азіи. Гераклій самъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Сирія, которая была прибавлена къ Римскимъ провинціямъ Помпеемъ Великимъ, соперникомъ Цезаря, за семьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ, — Сирія, мѣсто рожденія Христіанства, мѣсто самыхъ священныхъ и драгоцѣнныхъ его воспоминаній, страна, изъ которой самъ Гераклій выгналъ нѣкогда персидскаго пришельца, — была потеряна безвозвратно. Это бѣдствіе произвели отступники и предатели. Разсказываютъ, что когда корабль, везшій Гераклія въ Константинополь, отплылъ отъ берега, онъ долго смотрѣлъ на удаляющіеся холмы, и въ горькой тоскѣ воскликнулъ: «прощай, Сирія, прощай навсегда!»

Нѣтъ надобности останавливаться на остальныхъ подробностяхъ сарацинскаго завоеванія: какъ преданы были Триполи и Тиръ; какъ взята была Цезарей; какъ изъ ливанскихъ деревьевъ былъ построенъ сарацинскій флотъ и наполненъ финикійскими моряками, и какъ онъ загналъ греческій флотъ въ Геллеспонтъ; какъ были опустошены Кипръ, Родосъ и Циклады, и Колоссы, считавшійся однимъ изъ чудесъ свѣта, проданъ былъ одному Еврею, который нагрузилъ девять сотъ верблюдовъ его мѣдью; какъ арміи халифа дошли до Чернаго моря и даже располагались въ виду Константинополя — все это было уже ничто послѣ паденія Іерусалима.

Паденіе Іерусалима! потеря метрополии Христіанства! Въ понятіяхъ того вѣка двѣ враждебныя формы религіи отдались на рѣшеніе Божьяго суда. Побѣда присудила премію битвы, Іеруса-

лимъ, Мохаммеданамъ; и не смотря на временные успѣхи Крестоносцевъ, онъ уже болѣе тысячи лѣтъ остается въ ихъ рукахъ до сего дня. Византійскіе историки могутъ имѣть извиненіе за тотъ пріемъ, въ которомъ ихъ упрекаютъ: «Они оставили совершенно безъ вниманія великую тему паденія Восточной церкви». А что касается до Западной церкви, то даже низко павшіе папы среднихъ вѣковъ—временъ крестовыхъ походовъ—не могли видѣть безъ негодованія, что они были вынуждены основывать права Рима быть метрополіей Христіанства на легендарномъ разсказѣ о посѣщеніи св. Петромъ этого города; между тѣмъ какъ настоящая метрополія, великое, священное мѣсто рожденія, жизни и смерти самого Христа, была въ рукахъ невѣрныхъ! Византійскіе историки не одни пытались утаить эту великую катастрофу. Писатели европейскіе по всевозможнымъ предметамъ, исторіи, религіи, наукѣ, употребляли подобный пріемъ противъ побѣдоносныхъ антагонистовъ. Ихъ постояннымъ правиломъ было скрывать то, чего они не могли унижить, и унижать, чего не могли скрыть.

Я не имѣю возможности, и въ планъ моего сочиненія не входитъ—разсказывать, съ такой же подробностью, съ какой я говорилъ о паденіи Іерусалима, о другихъ завоеваніяхъ Сарацинъ—завоеваніяхъ, которыя, наконецъ, основали мохаммеданскую имперію, далеко превосходившую своимъ географическимъ протяженіемъ имперію Александра и даже Рима. Но посвящая нѣсколько словъ этому предмету, можно сказать, что Магіанизмъ получилъ худшій ударъ, чѣмъ какой былъ нанесенъ Христіанству. Судьба Персіи была рѣшена сраженіемъ при Кадезіи. При разграбленіи Ктезифона, казна, царское оружіе и огромная добыча достались въ руки Сарацинъ. Они не безъ основанія называли сраженіе при Негавендѣ «побѣдою побѣдъ». Въ одномъ направленіи они

подвинулись до Каспійскаго моря, въ другомъ, къ югу, вдоль Тигра до Персеполя. Персидскій царь искалъ спасенія жизни въ бѣгствѣ за великую Соляную Пустыню, отъ колоннъ и статуй того города, который лежалъ въ развалинахъ со времени буйнаго пиршества Александра. Одинъ отрядъ арабской арміи загналъ персидскаго царя за Оксусъ. Онъ былъ убитъ Турками. Сынъ его былъ изгнанъ въ Китай, гдѣ сдѣлался однимъ изъ начальниковъ гвардіи китайскаго императора. Страна за Оксусомъ была покорена. Она платила дань въ два милліона золотыхъ монетъ. Въ то время какъ императоръ въ Пекинѣ просилъ дружбы мединскаго халифа, знамя Пророка развѣвалось на берегахъ Инда.

Въ числѣ полководцевъ, особенно отличавшихся въ Сирійскихъ войскахъ, былъ Амру, которому предназначено было быть завоевателемъ Египта; потому что халифы, не довольствуясь своими побѣдами на Сѣверѣ и Востокѣ, обратили свои взгляды на Западъ и готовили присоединеніе Африки. Какъ въ прежнихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, сектаторское предательство помогло имъ. Сарацинская армія была привѣтствуема какъ освободительница Якобитской церкви; монофизитскіе Христіане Египта, то есть тѣ, которые, на языкѣ Аванасіева символа, смѣшивали существо Сына, объявили, чрезъ своего предводителя, Мокаваса, что они не желаютъ никакого общенія съ Греками, ни въ этомъ мірѣ, ни въ будущемъ, что они навсегда отrekliсь отъ византійскаго тирана... Они успѣли заплатить дань халифу, исправить дороги и мосты, и доставить съѣстные припасы и свѣдѣнія войску, совершавшему нашествіе.

Мемфисъ, одна изъ древнихъ столицъ Фараоновъ, скоро палъ, и Александрія была обложена. Открытое море позади города давало Гераклію возможность постоянно подкрѣплять гарнизонъ. Съ своей стороны Омаръ, который былъ теперь хали-

фомъ, послалъ на помощь осаждающей арміи ветерановъ сирійскаго войска. Было сдѣлано много приступовъ и много вылазокъ. Въ одной изъ нихъ самъ Амру былъ взятъ осажденными въ плѣнъ, но бѣжалъ, благодаря ловкости одного невольника. Послѣ четырнадцати мѣсяцевъ осады и потерявъ двадцать три тысячи человекъ, Сарацины взяли городъ. Въ своемъ извѣщеніи халифу, Амру перечислялъ богатства великаго города Запада, «его четыре тысячи дворцовъ, четыре тысячи бань, четыреста театровъ, двѣнадцать тысячъ лавокъ для продажи растительной пищи и сорокъ тысячъ платившихъ дань Евреевъ».

Такъ палъ второй великій городъ Христіанства—судьба Іерусалима постигла Александрію, городъ Аванасія, Арія и Кирилла... Въ своемъ Константинопольскомъ дворцѣ Гераклій получилъ роковыя извѣстія. Онъ былъ пораженъ горестью и прожилъ едва мѣсяць послѣ потери этого города.

Но Александрія была существенно важна Константинополю по доставленію ежедневной пищи. Египеть былъ житницей Византійцевъ. Поэтому они два раза пытались съ могущественными флотами и арміями возвратить этотъ городъ, и Амру дважды долженъ былъ возобновлять свое завоеваніе. Онъ видѣлъ, какъ легко можно было дѣлать эти нападенія, такъ какъ городъ былъ открытъ съ моря; онъ видѣлъ, что было только одно, и роковое, средство: «Клянусь живымъ Богомъ, если это повторится въ третій разъ, я сдѣлаю Александрію такою же открытой для всякаго, какъ домъ публичной женщины!» Онъ поступилъ однако лучше, чѣмъ обѣщали эти слова; потому что снялъ укрѣпленія Александріи и сдѣлалъ ее неспособной къ защитѣ.

Халифы не думали ограничить своихъ завоеваній Египтомъ. Османъ обдумывалъ присоединеніе всего берега Сѣверной Африки. Его полководецъ, Абдалла, двинулся отъ Мемфиса съ со-

река тысячами войска, прошелъ пустыню Барка и осадилъ Триполи. Но въ его войскѣ открылась моровая язва, и онъ вынужденъ былъ вернуться въ Египеть.

Всѣ попытки были теперь приостановлены на двадцать лѣтъ. Тогда Акба проложилъ путь отъ Нила до Атлантическаго Океана. Въ виду Канарскихъ острововъ, онъ вошелъ на своей лошади въ море и воскликнулъ: «Великій Богъ! Если бы не былъ остановленъ этимъ моремъ, я пошелъ бы дальше въ неизвѣстныя царства Запада, проповѣдуя единство твоего святаго имени и поражая мечомъ непокорные народы, которые поклоняются другимъ богамъ кромѣ тебя».

Эти сарацинскіе походы шли по внутренности страны, потому что византійскіе императоры, владѣвшіе пока Средиземнымъ моремъ, сохраняли власть надъ береговыми городами. Наконецъ, халифъ Абдальмалекъ рѣшился на завоеваніе Карфагена, важнѣйшаго изъ этихъ городовъ и настоящей столицы Сѣверной Африки. Его полководецъ, Гассанъ, взялъ городъ приступомъ; но подкрѣпленія изъ Константинополя, поддержанныя нѣкоторыми сицилійскими и готскими войсками, принудили его къ отступленію. Но освобожденіе было только временное. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Гассанъ возобновилъ нападеніе. Оно было успѣшно, и онъ предалъ Карфагенъ огню.

Иерусалимъ, Александрія, Карфагенъ, три изъ пяти великихъ христіанскихъ столицъ, были потеряны. Паденіе Константинополя было только вопросомъ времени. Послѣ его паденія, остался одинъ Римъ.

Въ развитіи Христіанства, Карфагенъ игралъ немаловажную роль. Онъ далъ Европѣ ея латинскую форму вѣры, и нѣкоторыхъ изъ ея величайшихъ теологовъ. Онъ былъ родиной бл. Августина.

Никогда въ исторіи міра, религія не распространялась такъ быстро и такъ широко, какъ Мохаммеданство. Оно господствовало теперь отъ Алтайскихъ горъ до Атлантическаго Океана, отъ середины Азіи до западнаго края Африки.

Затѣмъ, халифъ Альвалидъ разрѣшилъ нашествіе на Европу, завоеваніе Андалузій или Вечерней Страны. Полководецъ его, Муза, какъ часто случалось и въ другихъ мѣстахъ, имѣлъ двухъ дѣятельныхъ союзниковъ, сектаторство и измѣну — архіепископа Толедскаго и готскаго полководца, графа Юліана. Подъ ихъ руководительство, въ самую критическую минуту битвы при Хересѣ, большая доля арміи перешла къ непріятелю; испанскій король долженъ былъ бѣжать съ поля сраженія, и во время преслѣдованія утонулъ въ Гвадалквивирѣ.

Тарикъ, помощникъ Музы, быстро двинулся съ поля битвы въ Толедо, и затѣмъ на Сѣверь. По прибытіи Музы, покореніе Испанскаго полуострова было довершено, и остатокъ готской арміи былъ прогнанъ за Пиренеи во Францію. Считая завоеваніе Испаніи только первымъ шагомъ своихъ побѣдъ, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи идти на Италію и проповѣдовать единство Бога въ Ватиканѣ. Отсюда онъ хотѣлъ идти на Константинополь и, положивъ конецъ Римской имперіи и Христіанству, перейти въ Азію и положить свой побѣдоносный мечъ къ ногамъ халифа въ Дамаскѣ.

Но этого не случилось. Муза, завидуя своему помощнику Тарику, поступилъ съ нимъ самымъ недостойнымъ образомъ. Друзья Тарика при дворѣ халифа нашли средство отомстить. Посланецъ изъ Дамаска арестовалъ Музу въ его лагерь; онъ былъ представленъ къ своему повелителю, наказанъ публичнымъ бичеваніемъ и умеръ съ горя.

Но Сарацины, съ другими предводителями, пытались однако

завоевать Францію. Въ предварительный походъ была занята страна отъ устья Гаронны до устья Луары. Затѣмъ Абдеррахманъ, сарацинскій военачальникъ, раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны, съ восточной перешелъ Рону и осадилъ Арль. Христіанская армія, пытавшаяся освободить крѣпость, была отражена съ тяжелой потерей. Западная колонна, дѣйствовавшая также съ успѣхомъ, перешла Дордоню, разбила другую христіанскую армію, нанеши ей такую страшную потерю, что, по словамъ ея бѣглецовъ, «одинъ Богъ могъ сосчитать убитыхъ». Вся центральная Франція была также занята; Сарацины достигли береговъ Луары; церкви и монастыри лишились своихъ сокровищъ.

Успѣхъ нашествія былъ наконецъ остановленъ Карломъ Мартелемъ (732 по Р. Х.). Между Туромъ и Пуатье дано было сраженіе, продолжавшееся семь дней. Абдеррахманъ былъ убитъ. Сарацины отступили, и вскорѣ потомъ принуждены были перейти назадъ за Пиренеи.

Поэтому, берега Луары обозначаютъ предѣлъ движенія Мохаммеданъ въ западную Европу. Гиббонъ, въ своемъ разсказѣ объ этихъ великихъ событіяхъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Побѣдоносная линія похода шла на тысячу миль отъ Гибралтарской скалы до береговъ Луары—повтореніе такого пространства привело бы Сарацинъ къ границамъ Польши и къ Highlands Шотландіи».

Мнѣ нѣтъ надобности прибавлять къ этому очерку военнаго распространенія Мохаммеданства дѣйствія Сарацинъ на Средиземномъ морѣ, завоеваніе ими Крита и Сициліи, оскорбленіе ими Рима. Мы увидимъ однако, что ихъ присутствіе въ Сициліи и южной Италіи произвело значительное вліяніе на умственное развитіе Европы.

Оскорбленіе ими Рима! Что могло быть унизительнѣе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно произошло (846 г. по Р. Х.)? Незначительный сарацинскій отрядъ вошелъ въ Тибръ и явился подъ стѣнами города. Слишкомъ слабый, чтобы вступить въ городъ, онъ поругалъ и ограбилъ окраины, святотатственно нарушивъ гробницы св. Петра и св. Павла. Еслибы ограбленъ былъ самый городъ, то нравственное впечатлѣніе не было бы сильнѣе. Изъ церкви св. Петра былъ взятъ ея серебряный алтарь и посланъ въ Африку — алтарь св. Петра, самая эмблема Римскаго Христіанства!

Константинополь уже не разъ былъ осаждаемъ Сарацинами; паденіе его было предопредѣлено и только отложено на время. Римъ получилъ самое ужасное оскорбленіе, самую великую потерю, какая могла быть ему нанесена; почтенныя церкви Малой Азіи перестали существовать; Христіанинъ не могъ ступить ногой въ Іерусалимъ безъ позволенія; мечеть Омара стояла на мѣстѣ Соломонова храма. Между развалинами Александріи «мечеть милосердія» обозначала то мѣсто, гдѣ сарацинскій военачальникъ, пресыщенный убійствами, съ презрительнымъ сожалѣніемъ пощадилъ бѣгущіе остатки враговъ Мохаммеда; отъ Карфагена остались только почернѣвшія развалины. Внезапно выросла самая могущественная религіозная имперія, какую міръ когда либо видѣлъ. Она простиралась отъ Атлантическаго океана до Китайской стѣны, отъ береговъ Каспійскаго моря до Индѣйскаго океана и, въ одномъ смыслѣ, она еще не достигла своего высшаго пункта. Долженъ былъ прійти день, когда она должна была изгнать преемниковъ Цезарей изъ ихъ столицы, покорить Греческій полуостровъ, оспаривать у Христіанства власть надъ Европой въ самомъ центрѣ этого континента, а въ Африкѣ распространить свои догматы и вѣру чрезъ палящія пустыни и

вредоносные лѣса отъ Средиземнаго моря до странъ, лежащихъ далеко на югъ отъ равноденственной линіи.

Но, хотя Мохаммеданство еще не достигло своего высшаго пункта, господство халифовъ его достигло. Не мечъ Карла Мартея, но внутренній раздоръ въ обширной Арабской имперіи былъ спасеніемъ Европы. Хотя Омміадскіе халифы были любимы въ Сиріи, въ другихъ мѣстахъ ихъ считали узурпаторами; родъ самого пророка считался и законнымъ представителемъ его вѣры. Три партіи, отличавшіяся своими цвѣтами, раздирали халифатъ своими несогласіями и посрамляли его своими жестокостями. Цвѣтъ Омміадовъ былъ бѣлый, Фатимитовъ—зеленый, Аббасидовъ—черный; послѣдніе представляли партію Аббаса, дяди Мохаммеда. Результатомъ этихъ раздоровъ было раздѣленіе, въ десятомъ столѣтіи, Мохаммеданской имперіи на три части—халифаты Багдадскій, Каирскій и Кордовскій. Единство политическихъ дѣйствій Мохаммеданства кончилось, и Христіанство нашло спасеніе свое въ ссорахъ соперничавшихъ властей. Къ внутреннимъ несогласіямъ присоединились наконецъ чужеземныя давленія; и Арабизмъ, сдѣлавшій такъ много для умственного преуспѣянія міра, пришелъ къ концу, когда власть получили Турки и Берберы.

Сарацины стали совершенно невнимательны къ Европейской оппозиціи—они были вполне увлечены своими домашними раздорами. Окли (Oskley) справедливо говоритъ въ своей исторіи: «У Сарациновъ едва ли былъ какой нибудь второстепенный правитель или военачальникъ, который не счелъ бы для себя величайшимъ позоромъ, способнымъ запятнать его неизгладимымъ посрамленіемъ, еслибы онъ допустилъ оскорбить себя соединеннымъ силамъ всей Европы. И если кто спроситъ, почему Греки не употребили болшихъ усилій для истребленія людей, производив-

шихъ эти наглыя нашествія, то для всякаго, кто знакомъ съ характерами этихъ людей, достаточно будетъ сказать, что въ Александріи имѣлъ свою резиденцію Амру, а въ Дамаскѣ Моавія».

Что касается до ихъ презрѣнія, то достаточно слѣдующаго примѣра. Римскій императоръ Никифоръ послалъ халифу Гаруну-аль-Рашиду угрожающее письмо, и отвѣтъ былъ таковъ: «Во имя всемилосердаго Бога, Гарунъ-аль-Рашидъ, повелитель правовѣрныхъ, Никифору, римскому собакѣ! Я читалъ твое письмо, о ты, сынъ невѣрной матери. Ты не услышишь моего отвѣта, ты увидишь его!» Онъ былъ написанъ буквами изъ крови и огня на поляхъ Фригій.

Нація можетъ оправиться отъ конфискаціи ея провинцій, отъ конфискаціи ея богатства; она можетъ пережить наложеніе огромныхъ военныхъ контрибуцій; но она никогда не можетъ оправиться отъ самаго страшнаго изъ всѣхъ актовъ войны, отъ конфискаціи ея женщинъ. Когда Абу-Обейда послалъ къ Омару извѣстіе о взятіи Антіохіи, Омаръ любезно упрекнулъ его, что онъ не позволилъ своимъ войскамъ имѣть съ собой женщинъ. «Если они захотятъ жениться въ Сиріи, пусть женятся, и пусть они имѣютъ столько женщинъ рабынь, сколько имъ будетъ удобно». Это учрежденіе полигаміи, основанное на конфискаціи женщинъ въ побѣжденныхъ странахъ, и обезпечило прочно Мохаммеданское правленіе. Дѣти отъ этихъ союзовъ гордились своимъ происхожденіемъ отъ отцовъ-завоевателей. Дѣйствительность этой политики не имѣетъ доказательства лучше того, какое представила Сѣверная Африка. Неодолимое дѣйствіе многоженства на утвержденіе новаго порядка вещей было поразительно. Немного болѣе чѣмъ въ одно поколѣніе, халифъ былъ извѣщенъ своими правителями, что дань должна прекратиться,

потому что всё дѣти, родившіеся въ этой странѣ, были Мохаммеданами, и всё говорили по-арабски.

Мохаммеданство, въ томъ видѣ, какъ оно было оставлено своимъ основателемъ, было религіей антропоморфической. Его Богъ былъ только исполинскій человѣкъ, его небо—мѣсто плотскихъ наслажденій. Болѣе образованные классы весьма скоро освобождались отъ этихъ несовершенныхъ идей, замѣнивъ ихъ другими, болѣе философскими, болѣе правильными. Подъ конецъ, эти идеи достигли согласія съ тѣми, какія были провозглашены въ наше время Ватиканскимъ соборомъ, какъ ортодоксальныя. Такъ Аль-Гаццали говоритъ: «Знаніе Бога не можетъ быть получено посредствомъ того знанія, какое человѣкъ имѣеть о самомъ себѣ, или о своей душѣ. Свойства Бога не могутъ быть опредѣлены свойствами человѣка. Его верховное владычество и правленіе не могутъ подлежать ни сравненію, ни измѣренію».

ГЛАВА IV.

Возстановленіе науки на югѣ.

«Въ теченіе моея долгой жизни», говорилъ халифъ Али, «я часто замѣчалъ, что люди бываютъ болѣе похожи на тѣ времена, когда они живутъ, чѣмъ на своихъ отцовъ». Это глубоко философское замѣчаніе зятя Мохаммеда строго вѣрно, потому что хотя личныя, тѣлесныя черты человѣка могутъ указывать его родство, но складъ его ума и потому направленіе его мыслей опредѣляются обстановкой, въ которой онъ живетъ.

Когда Амру, намѣстникъ халифа Омара, завоевалъ Египетъ и присоединилъ его къ Сарацинской имперіи, онъ нашелъ въ Александріи греческаго грамматика, Іоанна, по прозванію Филопона, или Трудолюбца. Разсчитывая на дружбу, возникшую между ними, Грекъ просилъ себѣ, какъ дара, остатковъ великой бібліотеки — остатковъ, какіе были пощажены войной, временемъ и изувѣрствомъ. Поэтому Амру послалъ къ халифу, чтобы доставить Греку это удовольствіе. «Если», отвѣчалъ халифъ, «эти книги согласны съ Кораномъ, словомъ Бога, онѣ безплезны и ихъ нечего сохранять; если онѣ съ нимъ несогласны, то онѣ вредны. Пусть ихъ уничтожатъ». Вслѣдствіе того, книги

были розданы по Александрійскимъ банямъ, и говорятъ, что едва въ шесть мѣсяцевъ могли сжечь ихъ.

. Хотя этотъ фактъ и былъ отвергаемъ, едва ли сомнительно, что Омаръ далъ это приказаніе. Халифъ былъ человекъ безъ образованія; его обстановка была обстановка фанатизма и невѣжества. Поступокъ Омара давалъ примѣръ на замѣчаніе Али.

Но не должно предполагать, что книги, привлекавшія Іоанна Трудлюбца, были тѣ самыя, которыя составляли великую бібліотеку Птолемеевъ и Эвмена, царя пергамскаго. Прошла почти тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Птолемей Филадельфъ началъ свое собраніе. Юлій Цезарь сжегъ больше половины; патриархи Александрійскіе не только позволяли, но сами производили растрату почти всего остальнаго. Орозій положительно говоритъ, что онъ видѣлъ пустые ящики или полки бібліотеки двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Теофілъ, дядя Кирилла, получилъ отъ императора Θεодосія указъ объ ея уничтоженіи. Если бы даже это вѣкогда знаменитое собраніе и никогда не испытало такихъ насилій, то его сильно уменьшило бы одно изветшаніе книгъ и, быть можетъ, можно прибавить, воровство въ теченіе тысячи лѣтъ. Хотя Іоаннъ, какъ показываетъ его прозваніе, и былъ бы доволенъ изобиліемъ труда, но можно быть увѣреннымъ, что забота о бібліотекѣ въ полмилліона книгъ превысила бы и его испытанныя силы; и издержки ея сохраненія и поддержанія требовавшія обширныхъ средствъ Птолемеевъ и Цезарей, были далеко выше средствъ грамматика. И время, которое потребовалось для сожженія или уничтоженія бібліотеки, не можетъ служить указаніемъ ея обширности. Изъ всѣхъ матеріаловъ для топки, пергаментъ есть, быть можетъ, самый дурной. Бумага и папирусъ составляютъ отличный горючій матеріалъ, но мы можемъ быть увѣрены, что Александрійскіе бань-

щики не прибѣгали къ пергаменту, пока могли найти что нибудь другое, а изъ пергамента состояла очень большая часть этихъ книгъ.

И такъ, что Омаръ отдалъ приказъ объ истребленіи этой библіотеки, подѣ впечатлѣніемъ ея безполезности или ея противорелигіознаго направленія, въ этомъ можно сомнѣваться не больше, какъ и въ томъ, что Крестоносцы сожгли библіотеку въ Триполисѣ, о которой фантастически говорили, что она состояла изъ трехъ милліоновъ томовъ. Когда, вошедши въ первую комнату, увидѣли, что въ ней находится только одинъ Коранъ, то предположили, что и всѣ другія книги также — сочиненія Арабскаго обманщика, и вслѣдствіе того они были преданы огню. Въ обоихъ случаяхъ рассказъ заключаетъ нѣсколько правды и много преувеличенія. Впрочемъ, изувѣрство часто отличалось подобными подвигами. Испанцы сожгли въ Мексикѣ обширныя массы американскихъ рисовальныхъ писаній, — потеря невознаградимая; а кардиналъ Хименесъ предалъ огню, на площадкѣ Гранады, восемьдесятъ тысячъ арабскихъ рукописей, изъ которыхъ многія заключали переводы классическихъ авторовъ.

Мы видѣли, какъ инженерный талантъ, возбужденный персидскимъ походомъ Александра, повелъ къ удивительному развитію чистой науки при Птолемахъ; подобный же результатъ можно указать и относительно военныхъ предпріятій Сарацинъ.

Дружба, которую Амру, завоеватель Египта, свелъ съ Іоанномъ Грамматикомъ, показываетъ, какъ сильно арабскій умъ былъ предрасположенъ къ либеральнымъ идеямъ. Переходъ отъ идолопоклонства Каабы къ единобожію Мохаммеда приготовилъ этотъ умъ къ тому, чтобы разлиться въ обширныя и завлекательныя поля литературы и философіи. Было два вліянія, которыхъ онъ постоянно подлежалъ. Они согласно опредѣлили его

дорогу. Это были: 1, вліяніе Несторіанъ въ Сиріи; 2, вліяніе Евреевъ въ Египтѣ.

Въ предыдущей главѣ я сказалъ вкратцѣ о преслѣдованіи Несторія и его учениковъ. Черезъ много страданій они пронесли свои понятія объ единствѣ Божества.

При этихъ взглядахъ, Несторіане безъ затрудненій вступили въ связи съ ихъ сарацинскими завоевателями, которые не только относились къ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ, но довѣряли имъ и самыя важныя мѣста въ государствѣ. Мохаммедъ строжайшимъ образомъ запретилъ своимъ послѣдователямъ наносить имъ какія нибудь оскорбленія. Ихъ первосвященникъ, Іесуіабба, заключалъ договоры и съ Пророкомъ и съ Омаромъ, а впослѣдствіи халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ поставилъ всѣ свои публичныя школы подъ начальство несторіанина, Іоанна Масуэ.

Къ вліянію Несторіанъ прибавилось вліяніе Евреевъ. Когда христіанское общество обнаружило тѣ стремленія къ уступкамъ старому міру, о которыхъ говорено выше, обращеніе Евреевъ остановилось; оно прекратилось совершенно, когда введены были тринитаріанскія ученія. Города Сиріи и Египта были полны Евреевъ. Въ одной Александріи, во время ея взятія Амру, ихъ было сорокъ тысячъ, платившихъ дань. Вѣка бѣдствія и преслѣдованія только утвердили ихъ въ ихъ монотеизмѣ. Соединившись съ Несторіанами, они перевели на сирійскій языкъ много греческихъ и латинскихъ философскихъ произведеній, которыя затѣмъ еще разъ были переведены на арабскій. Въ то время какъ Несторіанинъ занимался воспитаніемъ дѣтей большихъ мохаммеданскихъ семействъ, Еврей проникалъ въ нихъ въ качествѣ медика.

Подъ этими вліяніями, жестокой фанатизмъ Сарацинъ ослабѣлъ, ихъ нравы смягчились, ихъ мысли стали возвышеннѣе.

Они также быстро прошли царства Философіи и Науки, какъ прошли они провинціи Римской имперіи. Они покинули заблужденія народнаго Мохаммеданства и приняли на ихъ мѣсто научную истину.

Въ мірѣ, преданномъ язычеству, мечъ Сарацина защищалъ величіе Божества. Ученіе фатализма, внушаемое Кораномъ, могущественно содѣйствовало этому результату. «Человѣкъ не можетъ ни предварить, ни отсрочить своего предопредѣленнаго конца. Смерть достанетъ насъ даже на высокихъ башняхъ. Богъ отъ начала опредѣлилъ мѣсто, гдѣ каждый человѣкъ долженъ умереть». На своемъ фигуральномъ языкѣ Арабъ говорилъ: «Ни одинъ человѣкъ не можетъ уйти бѣгствомъ отъ своего предопредѣленія. Судьбы ѣздятъ ночью на своихъ лошадяхъ... Ангелъ смерти найдетъ тебя и соннаго въ постели и въ бурѣ сраженія». «Я убѣжденъ», говорилъ Али, о мудрости котораго мы уже упоминали, «я убѣжденъ, что людскія дѣла идутъ по божественному повелѣнію, а не по нашимъ намѣреніямъ». Мусульмане съ покорностью подчиняются волѣ Бога. Они примирили судьбу и свободную волю, говоря: «Очеркъ намъ данъ, мы раскрашиваемъ картину жизни какъ хотимъ». Они говорили, что если бы мы хотѣли преодолѣть законы Природы, мы должны не сопротивляться имъ, мы должны уравнивать ихъ одинъ противъ другаго.

Это мрачное ученіе приготовило своихъ приверженцевъ къ совершенію великихъ дѣлъ — такихъ, какія были совершены Сарацинами. Оно превращало отчаяніе въ самоотверженіе, и научило людей пренебрегать надеждой. У нихъ была пословица, что «отчаяніе есть свободный человѣкъ, надежда есть невольникъ».

Но многіе изъ военныхъ случаевъ показали ясно, что лекарства могутъ облегчить страданіе, что искусство можетъ за-

крыть раны, что люди, несомнѣнно умирающіе, могутъ быть вырваны у могилы. Еврейскій врачъ явился живымъ, признаннымъ протестомъ противъ фатализма Корана. Мало по малу смягчалась суровость предопредѣленія, и допущено было, что въ индивидуальной жизни есть дѣйствіе, идущее отъ свободной воли; что человѣкъ, своими добровольными поступками, можетъ въ извѣстныхъ границахъ опредѣлить свою жизнь. Но, что касается націй, то онѣ не могутъ представить Богу никакой личной отвѣтственности, и потому поставлены подъ управленіе неизмѣннаго закона.

Въ этомъ отношеніи, былъ поразительный контрастъ между христіанскими и мохаммеданскими націями: средневѣковой христіанинъ думалъ, что въ управленіи міра вовсе нѣтъ никакого закона. Онъ думалъ, что молитвами онъ можетъ достигнуть того, что Богъ измѣнитъ теченіе дѣлъ. Исламъ основывался на благочестивой покорности неизмѣнной волѣ Божества. Молитва христіанина была главнымъ образомъ усиленное ходатайство за ожидаемыя блага; молитва сарацина—благочестивое выраженіе благодарности за прошедшее. Оба замѣнили молитвой экстатическое созерцаніе Индіи. Для средневѣковаго христіанина прогрессъ міра былъ проявленіе безсвязныхъ одинъ съ другимъ импульсовъ, внезапныхъ неожиданностей. Для мохаммеданина этотъ прогрессъ имѣлъ совсѣмъ иной видъ. Каждое тѣлесное движеніе происходило отъ какого нибудь предшествующаго движенія; каждая мысль отъ предшествующей мысли; каждое историческое событіе было порожденіемъ какого нибудь предшествующаго событія; каждое человѣческое дѣйствіе было результатомъ какого нибудь прежняго и совершеннаго дѣйствія. Въ длинныхъ лѣтописяхъ человѣческаго рода ничто никогда не было введено вдругъ. Была правильная, неизбѣжная послѣдовательность отъ событія къ

событію. Есть желѣзная цѣпь судьбы, звеньями которой бывають факты; каждый стоитъ на своемъ предназначенномъ мѣстѣ—ни одинъ не былъ нарушенъ, ни одинъ не былъ устраненъ. Каждый человѣкъ приходилъ въ міръ безъ своего собственнаго вѣдома, и долженъ уйти изъ него, быть можетъ, противъ своего собственнаго желанія. Пусть же онъ спокойно сложить руки и ожидаетъ исхода судьбы.

Совпадая съ этой переменной понятій относительно управленія личной жизни, явилась переменна относительно механическаго устройства міра. По Корану, земля есть четырехъ-угольная плоскость, окаймленная большими горами, которыя служатъ для двойной цѣли — держать ее въ равновѣсіи на ея мѣстѣ, и поддерживать сводъ небесной тверди. Зрѣлище этого обширнаго хрупкаго хрустальнаго пространства, поставленнаго безопасно на свое мѣсто безъ всякой трещины или другаго поврежденія, должно возбуждать наше благочестивое удивленіе передъ могуществомъ и мудростью Бога. Надъ твердью, и опираясь на ней, находится небо, построенное въ семь этажей; самый верхній изъ нихъ есть обиталище Бога, который, въ видѣ исполинскаго человѣка, сидитъ на престолѣ, имѣя по обѣимъ сторонамъ крылатыхъ быковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе находятся во дворцахъ Ассирійскихъ царей.

Эти понятія, которыя въ сущности не принадлежатъ исключительно Мохаммеданству, а поддерживаются у всѣхъ людей на извѣстной степени ихъ умственнаго развитія какъ религіозныя истины, были очень скоро покинуты болѣе развитыми мохаммеданами и смѣнились другими, научно правильными. Но, какъ было и въ христіанскихъ странахъ, успѣхъ сдѣланъ былъ безъ сопротивленія со стороны защитниковъ переданной Пророкомъ истины. Такъ, когда Аль-Мамунъ, познакомившись съ ша-

шарообразной формой земли, далъ своимъ математикамъ и астрономамъ приказаніе измѣрить градусъ одного большаго круга на ней, то одинъ изъ славнѣйшихъ Мохаммеданскихъ теологовъ того времени, Таки-Уддинъ, обвинялъ злонамѣреннаго халифа, объявляя, что Богъ конечно накажетъ его за то, что онъ дерзко прерываетъ молитвы вѣрныхъ, поощряя и распространяя между ними ложную и безбожную философію. Но Аль-Мамунъ настоялъ на своемъ. На берегахъ Краснаго Моря, на Шинарской равнинѣ, съ помощью астролябіи опредѣлено было возвышеніе полюса надъ горизонтомъ на двухъ станціяхъ по одному и тому же меридіану, на точномъ разстояніи одного градуса. Затѣмъ разстояніе между двумя станціями было измѣрено, и оказалось въ двѣсти тысячъ хашемитскихъ локтей; это давало для всей округности земли около двадцати-четыре тысячъ нашихъ миль, опредѣленіе, не далекое отъ истины. Но такъ какъ сферическая форма не могла быть положительно выводима изъ одного подобнаго измѣренія, то халифъ велѣлъ сдѣлать другое, близъ Куфы въ Месопотаміи. Его астрономы раздѣлились на двѣ партіи, и исходя изъ даннаго пункта, каждая партія измѣрила дугу въ одинъ градусъ, одна на сѣверъ, другая на югъ. Результатъ былъ означенъ въ локтяхъ. Если употребленный при этомъ локоть былъ тотъ, который извѣстенъ подъ именемъ «царскаго локтя», то длина градуса была опредѣлена съ точностью на одну треть мили отъ дѣйствительной величины. По этимъ измѣреніямъ халифъ заключилъ, что шарообразная форма земли доказана.

Замѣчательно, какъ быстро свирѣпый фанатизмъ Сарацинъ перешелъ въ страсть къ умственнымъ занятіямъ. Сначала Коранъ былъ помѣхой для литературы и науки. Мохаммедъ превознесъ его какъ величайшее изъ всѣхъ сочиненій, и приводилъ

его недостижимое совершенство какъ доказательство своего божественнаго посланничества. Но, менѣе чѣмъ въ двѣсти лѣтъ по его смерти, опытъ, пріобрѣтенный въ Сиріи, Персіи, Малой Азіи, Египтѣ, произвелъ поразительное дѣйствіе, и Али, царствовавшій въ это время халифъ, открыто поощрялъ все роды литературныхъ занятій. Моавія, основатель Омйадской династіи, наступившей съ 661 г., произвелъ переворотъ въ правленіи. Оно было избирательное, онъ сдѣлалъ его изслѣдственнымъ. Онъ перенесъ столицу изъ Медины въ болѣе центральное мѣсто, Дамаскъ, и вступилъ на путь роскоши и великолѣбія. Онъ порвалъ узы суроваго фанатизма и явился любителемъ и покровителемъ литературы. Тридцать лѣтъ просвѣли удивительную перемѣну. Одинъ персидскій сатранъ, которому случилось представляться Омару, второму халифу, нашелъ его слящимъ между нищими на ступеняхъ Мединской мечети: но иноземные посланники, имѣвшіе случай видѣть Моавію, шестаго халифа, были представляемы ему въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ изящными арабесками, окруженномъ цвѣтниками и фонтанами.

Менѣе чѣмъ столѣтіе спустя послѣ смерти Мохаммеда, на арабскій языкъ переведены были главные греческіе философскіе писатели; поэмы, какъ «Иліада» и «Одиссея», — въ которыхъ видѣли нерелигіозное направленіе по ихъ мифологическому содержанію, — переведены были на сирійскій языкъ, чтобы удовлетворить любопытству ученыхъ людей. Альмаизоръ, въ продолженіе своего халифата (753 — 775 по Р. X.), перенесъ резиденцію правительства въ Багдадъ, который онъ превратилъ въ блестящую метрополию; онъ употреблялъ много своего времени на изученіе и поддержаніе астрономіи, и основалъ школы медицины и права. Его внукъ, Гарунъ-аль-Рашидъ (786 по Р. X.),

слѣдовалъ его примѣру, и приказалъ, чтобы при каждой мечети въ его владѣніяхъ учреждена была школа. Но цвѣтущимъ въ-комъ азіатской учености былъ халифатъ Аль-Мамуна (813—832 по Р. Х.). Онъ сдѣлалъ Багдадъ центромъ науки, собралъ большія библіотеки и окружилъ себя учеными людьми.

Возвышенный вкусъ, воспитанный такимъ образомъ, продолжался и послѣ того, какъ внутреннія несогласія раздѣлили Сарацинскую имперію на три части. Абассидская династія въ Азій, Фатимитская въ Египтѣ и Омміадская въ Испаніи, сдѣлались соперниками не только въ политикѣ, но также въ литературѣ и наукѣ.

Въ литературѣ Сарацины занимались всѣми предметами, которые могли дать уму развлеченіе или назиданіе. Въ позднѣйшія времена они хвалились, что произвели больше поэтовъ, чѣмъ всѣ другія націи вмѣстѣ. Въ наукѣ ихъ великая заслуга состоитъ въ томъ, что они обрабатывали ее по способу Александрійскихъ Грековъ, а не по способу Евронейскихъ Грековъ. Они поняли, что науки нельзя вести впередъ одними умозрѣніями; что единственный вѣрный прогрессъ ея достигается практическимъ изслѣдованіемъ природы. Существенная отличительная черта ихъ метода есть опытъ и наблюденіе. Геометрію и математическія науки они считали орудіями разсужденія. Въ ихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ о механикѣ, гидростатикѣ, оптикѣ, любопытно замѣтить, что рѣшеніе проблемы всегда получается производствомъ опыта или инструментальнымъ наблюденіемъ. Это и сдѣлало ихъ родоначальниками химіи, это повело ихъ къ изобрѣтенію всякаго рода аппаратовъ для дистилляціи, сублимаціи, плавленія, фильтраціи и пр.; это побудило ихъ въ астрономіи обращаться къ инструментамъ съ дѣяніями, какъ квадранты и астролябіи; въ химіи употреблять вѣсы, съ теоріей

которыхъ они были знакомы въ совершенствѣ; составлять таблицы удѣльнаго вѣса и астрономическія таблицы, какъ Багдадскія, Испанскія, Самаркандскія; это произвело ихъ великія усовершенствованія въ геометріи, тригонометріи, изобрѣтеніе алгебры и принятіе индѣйской нумераціи въ ариѳметикѣ. Таковы были результаты того, что они предпочли индуктивный методъ Аристотеля и отвергли мечтанія Платона.

Для основанія и расширенія общественныхъ библіотекъ усердно собираемы были книги. Такъ, говорятъ, халифъ Аль-Мамунъ привезъ въ Багдадъ массы рукописей, нагруженныхъ на сотняхъ верблюдовъ. Въ договорѣ, заключенномъ имъ съ греческимъ императоромъ Михаиломъ III, онъ поставилъ въ условіе, чтобы ему выдана была одна изъ Константинопольскихъ библіотекъ. Въ числѣ прибрѣтенныхъ такимъ образомъ сокровищъ былъ трактатъ Птолемея о математическомъ построеніи неба. Онъ тотчасъ перевелъ его на Арабскій языкъ подъ названіемъ «Альмагестъ». Добытыя такимъ образомъ собранія бывали иногда весьма обширны; такъ фатимитская библіотека въ Каирѣ заключала сто тысячъ томовъ, изъячно переписанныхъ и переплетенныхъ. Въ этомъ числѣ было шесть тысячъ пятьсотъ объ одной астрономіи и медицинѣ. Правила этой библіотеки позволяли брать изъ нея книги ученымъ, жившимъ въ Каирѣ. Она имѣла также два глобуса, одинъ изъ массивнаго серебра, другой изъ зеленой мѣди; послѣдній, говорятъ, былъ сдѣланъ Птолемеемъ; первый стоилъ три тысячи золотыхъ монетъ. Большая библіотека испанскихъ халифовъ считала наконецъ шестьсотъ тысячъ томовъ; одинъ каталогъ ея заключалъ сорокъ четыре тома. Кромѣ того, было семьдесятъ публичныхъ библіотекъ въ Андалузіи. Собранія, принадлежавшія частнымъ лицамъ, были иногда очень обширны. Одинъ врачъ, частный человекъ, отказался отъ

приглашенія Бухарскаго султана отъ того, что перевозка его книгъ потребовала бы четыреста верблюдовъ.

Въ каждой большой библіотекѣ было отдѣленіе для списыванія книгъ или для приготовления переводовъ. Такіе переводы часто были также дѣломъ частнаго предпріятія. Гоніанъ, Несторіанскій врачъ, имѣлъ заведеніе такого рода въ Багдадѣ (850 по Р. Х.). Онъ издалъ переводы Аристотеля, Платона, Гиппократъ, Галена и проч. Что касается до самостоятельныхъ трудовъ, то начальства коллегій обыкновенно требовали отъ профессоровъ составленія трактатовъ объ указанныхъ предметахъ. У каждаго халифа былъ собственный историкъ. Романическіе рассказы и сказки, какъ «Тысяча и одна ночь», свидѣтельствуютъ о творческой фантазіи Сарацинъ. Кромѣ того, были сочиненія о всевозможныхъ предметахъ — исторіи, юриспруденціи, политикѣ, философіи, біографіи — не только знаменитыхъ людей, но и славныхъ лошадей и верблюдовъ. Эти книги выходили безъ всякой цензуры и стѣсненія, хотя, въ позднѣйшія времена, сочиненія по теологіи требовали разрѣшенія для публикаціи. Было много справочныхъ книгъ, географическихъ, статистическихъ, медицинскихъ, историческихъ, словарей, и даже сокращенныя изложенія ихъ, какъ, напримѣръ, «Энциклопедическій Словарь всѣхъ наукъ», Мохаммеда Абу-Абдаллы. Большую гордость полагали въ чистотѣ и бѣлизнѣ бумаги, въ искусномъ расположеніи разнаго цвѣта чернилъ и въ разрисовкѣ заглавій позолотой и другими украшеніями.

Сарацинская имперія была усыпана училищами. Онѣ были основаны въ Монголіи, Татаріи, Персіи, Месопотаміи, Сиріи, Египтѣ, Сѣверной Африкѣ, Марокко, Фецѣ, Испаніи. На одной оконечности этой великой страны, далеко превышавшей географическимъ пространствомъ Римскую имперію, было учи-

лице и астрономическая обсерваторія въ Самаркандѣ, на другой — Джиральда въ Испаніи. Гиббонъ, говоря объ этомъ покровительствѣ наукамъ, замѣчаетъ: «Этой царской прерогативы искали независимые эмиры провинцій и ихъ соревнованіе распространило вкусъ къ наукѣ и поощреніе ея отъ Самарканда и Бухары до Феса и Кордовы. Визирь одного султана назначилъ сумму въ двѣсти тысячъ золотыхъ монетъ на основаніе училища въ Багдадѣ, которому онъ далъ годовой доходъ въ пятнадцать тысячъ динаровъ. Плоды образованія сообщаемы были, быть можетъ, въ различное время, шести тысячамъ учениковъ всякихъ слоевъ общества, отъ сына знатнаго человѣка до сына рабочаго; достаточное содержаніе давалось бѣднымъ ученикамъ, и заслуга или старательность профессоровъ вознаграждались соотвѣтственнымъ жалованьемъ. Въ каждомъ городѣ списывались и собирались произведенія арабской литературы, вслѣдствіе любознательности людей ученыхъ и тщеславія богатыхъ людей». Завѣдываніе этими школами было поручаемо съ благородныхъ либерализмомъ иногда Несторіанамъ, иногда Евреямъ. Все равно, въ какой бы странѣ человѣкъ ни родился, какія были его религіозныя мнѣнія; единственное, на что обращалось вниманіе были ученые достоинства. Великій халифъ Аль-Мамунъ объявилъ, что «они — избранники Бога, его лучшіе и полезнѣйшіе слуги, жизнь которыхъ посвящена усовершенствованію ихъ ума; что учителя мудрости — истинныя свѣтила и законодатели этого міра, который, безъ ихъ помощи, впалъ бы снова въ невѣжество и варварство».

По примѣру медицинскаго училища въ Каирѣ, другія медицинскія училища требовали отъ своихъ учениковъ исполненія строгаго экзамена. Затѣмъ кандидатъ получалъ право на практику по своей профессіи. Первая медицинская школа, учрежденная въ

Европѣ, основана была Сарацинами въ Салерно, въ Италиі. Первая астрономическая обсерваторія построена ими въ Севильѣ, въ Испаніи.

Мы перешли бы границы этой книги, если бы захотѣли дать подробное указаніе результатовъ этого замѣчательнаго научнаго движенія. Древнія науки были много распространены — новыя начали существовать. Введена была индѣйская метода ариѳметики, прекрасное изобрѣтеніе, которое выражаетъ всѣ числа десятию знаками, давая имъ значеніе безотносительное и значеніе по положенію, и доставляя простыя правила для легкаго производства всякаго рода вычисленій. Алгебра, или универсальная ариѳметика — методъ вычисленія неопредѣленныхъ количествъ, или изслѣдованія отношеній, существующихъ между количествами всякаго рода, ариѳметическими или геометрическими — развилась изъ начатковъ, оставленныхъ Діофантомъ. Мохаммедъ Бенъ - Муза далъ рѣшеніе квадратныхъ уравненій, Омаръ-Бенъ-Ибрагимъ — рѣшеніе кубическихъ уравненій. Сарацины дали также тригонометріи ея новую форму, замѣнивъ синусами употреблявшіяся прежде хорды; они возвысили ее въ отдѣльную науку. Упомянутый выше Муза былъ авторомъ «Трактата о сферической тригонометріи». Аль-Багадади оставилъ трактатъ о землемѣріи, столь прекрасный, что нѣкоторые объявляли, что это была конія потеряннаго теперь сочиненія Эвклида объ этомъ предметѣ.

Въ астрономіи, они составляли не только каталоги, но карты звѣздъ, видимыхъ на ихъ небѣ, давая звѣздамъ болѣшихъ величинъ арабскія имена, которыя онѣ еще носятъ на нашихъ небесныхъ глобусахъ. Какъ мы видѣли, они опредѣлили величину земли измѣреніемъ одного градуса на ея поверхности, опредѣлили наклоненіе эклиптики, издали исправленныя таблицы

солнца и луны, указывали продолжительность года, провѣряли предвареніе равноденствій. Лапласъ съ уваженіемъ говорить о «Наукѣ звѣздъ»; онъ обращаетъ также вниманіе на важный отрывокъ Ибнъ-Юниса, астронома египетскаго халифа Гакема, 1000 по Р. Х., — заключающій длинный рядъ наблюденій, со временъ Альманзора, наблюденій затмѣній, равноденствій, солнцестояній, соединенія планетъ, скрятія звѣздъ, — наблюденій, которыя бросили много свѣта на великія измѣненія въ системѣ міра. Арабскіе астрономы посвящали также свои труды устройству и усовершенствованію астрономическихъ инструментовъ, измѣренію времени часами разнаго рода, клепсидами и солнечными часами. Они первые ввели съ этою цѣлью употребленіе маятника.

Въ экспериментальныхъ наукахъ, они дали начало химіи; они открыли нѣкоторые изъ ея важнѣйшихъ реагентовъ — сѣрную кислоту, селитрянную кислоту, алкоголь. Они приложили эту науку къ медицинской практикѣ, впервые издавши фармакопей и диспензаторіи, и включивши въ нихъ минеральные препараты. Въ механикѣ они опредѣлили законы паденія тѣлъ, имѣли довольно ясныя представленія о свойствѣ тяжести; они знакомы были съ теоріей механическихъ силъ. Въ гидростатикѣ они составили первыя таблицы удѣльнаго вѣса тѣлъ, и писали трактаты о плаваніи или погруженіи тѣлъ въ водѣ. Въ оптикѣ, они исправили невѣрное представленіе Грековъ, что лучъ исходитъ изъ глаза и касается видимаго предмета, — введши гипотезу, что лучъ идетъ отъ предмета къ глазу. Они понимали явленія отраженія и преломленія свѣта. Альгазенъ сдѣлалъ великое открытіе криволинейнаго пути луча свѣта черезъ атмосферу, и доказывалъ, что мы видимъ солнце и луну прежде, чѣмъ они вошли и послѣ того, какъ они сѣли.

Вліянія этой научной дѣятельности ясно видны въ большихъ

улучшеніяхъ, которыя имѣли мѣсто во многихъ промышленныхъ искусствахъ. Земледѣліе показываетъ это въ лучшихъ способахъ орошенія, въ искусномъ употребленіи удобрений, въ разведеніи улучшенныхъ породъ скота, въ изданіи благоразумныхъ кодексовъ сельскихъ законовъ, во введеніи обработки риса, а также сахара и кофе. Мануфактуры указываютъ это влияние въ большомъ распространеніи обработки шелка, хлопчатой бумаги, шерсти; въ фабрикаціи кордовской и мароккской кожи и бумаги; въ горномъ дѣлѣ, въ литейномъ искусствѣ и различныхъ металлургическихъ операціяхъ; въ изготовленіи таледскихъ клинковъ.

Страстные любители поэзіи и музыки, Сарацины посвящали большую долю своего досуга этимъ изящнымъ занятіямъ. Они научили Европу шахматной игрѣ; сообщили ей вкусъ къ произведеніямъ фантазіи — роману и повѣсти. Они любили и болѣе серьезныя области литературы: они имѣли много замѣчательныхъ сочиненій о такихъ предметахъ какъ непостоянство человѣческаго величія; послѣдствія невѣрія; превратности счастья; происхожденіе, существованіе и конецъ свѣта. Иногда, не безъ удивленія, встрѣчаемся у нихъ съ идеями, которыя, какъ мы льстимъ себя, принадлежатъ нашему собственному времени. Такъ въ ихъ школахъ излагались наши новѣйшія ученія объ эволюціи и развитіи. На дѣлѣ, они вели ихъ гораздо дальше, чѣмъ мы расположены это дѣлать, — распространяя ихъ даже на неорганическія или минеральныя вещества. Основной принципъ алхиміи былъ естественный процессъ развитія металлическихъ тѣлъ. «Когда простые люди», говоритъ Аль-Хазини, писавшій въ двѣнадцатомъ столѣтіи, «слышать отъ естествоиспытателей, что золото есть тѣло, которое достигло до совершенства зрѣлости, до послѣдней полноты, они твердо вѣрятъ, что это

есть нѣчто, постепенно достигающее этого совершенства, проходя черезъ формы всѣхъ другихъ металлическихъ тѣлъ, такъ что, по ихъ мнѣнію, золото было сначала свинцомъ; потомъ сдѣлалось жестью, далѣе мѣдью, серебромъ и наконецъ достигло развитія золота; они не знаютъ, что, говоря это, естествоиспытатели думаютъ только нѣчто подобное тому, что они думаютъ, говоря о человѣкѣ и приписывая ему полноту и равновѣсіе въ природѣ и сложеніи — не то, что человѣкъ былъ нѣкогда быкомъ и потомъ перемѣнялся въ осла, затѣмъ въ лошадь, послѣ того въ обезьяну, и наконецъ сталъ человѣкомъ».

ГЛАВА V.

Столкновеніе относительно природы души. — Ученіе объ эманаци и поглощеніи.

Языческіе Греки и Римляне думали, что духъ человѣка походитъ на его тѣлесную форму, измѣняя свой видъ съ измѣненіемъ формы и выростая вмѣстѣ съ ея ростомъ. Герои, которымъ дозволено было сойти въ Аидъ, узнали поэтому очень легко своихъ прежнихъ друзей. Они удержали не только свой тѣлесный видъ, но даже свою обыкновенную одежду.

Первобытные христіане, которыхъ представленіе о будущей жизни, о небѣ и адѣ, жилищахъ блаженныхъ и грѣшниковъ, были гораздо болѣе живы, чѣмъ у ихъ языческихъ предшественниковъ, приняли и усилили эти древнія идеи. Они не сомнѣвались, что въ будущемъ мірѣ они встрѣтятъ своихъ друзей и будутъ бесѣдовать съ ними, какъ дѣлали на землѣ — ожиданіе, которое даетъ утѣшеніе человѣческому сердцу, примиряя его съ самыми горестными лишеніями и возвращая ему утраченныхъ имъ.

Въ неизвѣстности о томъ, что дѣлается съ душою въ промежуткѣ между ея отдѣленіемъ отъ тѣла и суднымъ днемъ, со-

ставилось много разныхъ мѣній. Нѣкоторые думали, что она витаетъ надъ могилой, другіе, что она странствуетъ безутѣшная по воздуху. Въ народномъ вѣрованіи, св. Петръ былъ пріватникомъ у дверей неба. Онъ, по своему усмотрѣнію, допускалъ или изгонялъ души людей. Многие, однако, расположены были отвергать у него эту власть, такъ какъ его рѣшенія предвосхищали бы судный день, который такимъ образомъ сдѣлался бы ненужнымъ. Послѣ Григорія Великаго всеми (на Западѣ) принято было ученіе о чистилищѣ. Для отшедшихъ душъ найдено было мѣсто отдохновенія.

Что души умершихъ иногда посѣщаютъ живыхъ людей, или навѣщаютъ свои прежнія жилища, это во все вѣка, во всехъ Европейскихъ странахъ, было твердымъ вѣрованіемъ, которое не ограничивалось людьми грубыхъ понятій, но раздѣляемо было и людьми образованными. Какой то пріятный страхъ собираеть въ зимній вечеръ къ огню, при разсказѣ о привидѣніяхъ, домовыхъ, духахъ. Въ древнія времена Римляне имѣли своихъ ларовъ, или духовъ людей, которые вели добродѣтельную жизнь; своихъ ларвъ и лемуровъ, духовъ злыхъ людей; свои тѣни — духовъ людей, достоинства которыхъ были сомнительны. Если человѣческое свидѣтельство о подобныхъ вещахъ можетъ имѣть какую нибудь цѣну, то существуетъ масса доказательствъ, идущихъ отъ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ до нашего времени, и такихъ же обширныхъ и неопровержимыхъ, какія только можно найти въ защиту чего бы то ни было, — что эти тѣни умершихъ собираются близъ могильныхъ камней, или находятъ себѣ свои тайныя обиталища въ мрачныхъ залахъ разрушенныхъ замковъ, или странствуютъ при лунномъ свѣтѣ въ угрюмыхъ пустынныхъ мѣстахъ.

Въ то время, какъ эти мѣнія находили всеобщую народную

вѣру въ Европѣ, другія весьма непохожія на то миѣнія имѣли обширное господство въ Азіи, и притомъ были очень распространены въ высшихъ областяхъ мысли. Клерикальный авторитетъ успѣлъ подавить ихъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, но онѣ никогда не исчезали совершенно. Въ наше время онѣ такъ распространились, молча и обширно, въ Европѣ, такъ что найдено было полезнымъ въ папскомъ Силлабусѣ вывести ихъ, самымъ открытымъ образомъ, на свѣтъ; а Ватиканскій соборъ, соглашаясь съ этимъ взглядомъ на ихъ вредную тенденцію и тайное распространеніе, столь же открытымъ и рѣшительнымъ образомъ, въ числѣ первыхъ своихъ каноновъ, предалъ анаѹемѣ людей, имѣющихъ эти миѣнія. «Да будетъ анаѹема тотъ, кто говорить, что духовныя вещи суть эманации божественной сущности, или что божественная сущность чрезъ проявленіе или развитіе становится всѣмъ». Въ виду столь авторитетнаго дѣйствія, необходимо разсмотрѣть характеръ и исторію этихъ миѣній.

Идеи о природѣ Божества необходимо оказываютъ вліяніе на идеи о природѣ души. Восточные Азіатцы усвоили представленіе о безличномъ Богѣ и, относительно души, усвоили необходимое послѣдствіе этого представленія, ученіе объ эманации и поглощеніи.

Такъ, Ведическая теологія основана на признаніи универсальнаго духа, проникающаго всѣ вещи. «Есть по истинѣ только одно Божество, высшій Духъ; онъ той же природы какъ душа человѣка». И Веды и законы Ману утверждаютъ, что душа есть эманация всепроникающаго Разума и что она необходимо предназначена быть опять поглощенной. Они полагаютъ, что она не имѣетъ формы, и что видимая Природа, со всѣми ея красотами и гармоніями, есть только тѣнь Бога.

Веданзмъ развился въ Буддизмъ, который сдѣлался вѣрова-
ніемъ большинства человѣческаго рода. Эта система признаетъ,
что есть высшее Могущество, но отвергаетъ, что есть высшее
Существо. Она разсматриваетъ существованіе Силы, дающей на-
чало матеріи, какъ своему проявленію. Она принимаетъ теорію
эманации и поглощенія. Въ горящей свѣчѣ она видитъ изобра-
женіе человѣка—воплощеніе матеріи и развитіе силы. Если
мы спросимъ ее о судьбѣ души, она спрашиваетъ насъ, что
стало съ пламенемъ, когда оно потухло, и въ какомъ состояніи
было оно, когда свѣча не была зажжена? Было оно небытіемъ?
Было оно уничтожено? Она допускаетъ, что идея личности, ко-
торая обольщала насъ въ теченіе жизни, можетъ быть, не уга-
саетъ мгновенно при смерти, но теряется медленно и постепенно.
На этомъ основано ученіе о переселеніи душъ. Но наконецъ со-
вершается соединеніе съ универсальнымъ Разумомъ, достигается
Нирвана, пріобрѣтается забвеніе, состояніе, которое не имѣетъ
никакого отношенія къ матеріи, пространству или времени, со-
стояніе, въ которое перешло потухшее пламя догорѣвшей свѣчи,
состояніе, въ которомъ мы были прежде чѣмъ родились. Таковъ
конецъ, котораго мы должны надѣяться; это—обратное погло-
щеніе въ универсальной Силѣ, — высшее блаженство, вѣчный
покой.

Черезъ Аристотеля эти ученія впервые введены были въ
Восточную Европу; впоследствии, какъ увидимъ, онъ даже счи-
тался ихъ авторомъ. Онѣ оказывали господствующее вліяніе въ
позднѣйшемъ періодѣ Александрійской школы. Еврей Филонъ,
жившій во времена Калигулы, основалъ свою философію на тео-
ріи эманации. Плотинъ не только принималъ эту теорію, какъ
приложимую къ душѣ человѣка, но какъ дающую объясненіе
свойствъ Троицы. Потому что, какъ лучъ свѣта исходитъ отъ

солнца и какъ теплота исходитъ отъ луча, когда онъ касается матеріальныхъ тѣлъ, такъ отъ Отца эмануируетъ (исходитъ) Сынъ, и затѣмъ Св. Духъ. Изъ этихъ понятій Плотинъ выводилъ практическую религіозную систему, учившую благочестиваго человѣка, какъ переходить въ состояніе экстаза, предвкушеніе поглощенія въ универсальной міровой душѣ. Въ этомъ состояніи душа теряетъ свое индивидуальное сознаніе. Подобнымъ образомъ Порфирій искалъ поглощенія въ Богѣ или соединенія съ нимъ. Онъ былъ Тиріецъ родомъ, основалъ школу въ Римѣ и писалъ противъ Христіанства; на его трактатъ объ этомъ предметѣ отвѣчали Евсевій и св. Іеронимъ, но императоръ Θεодосій заставилъ его умолкнуть болѣе дѣйствительнымъ способомъ, велѣвши сжечь все экземпляры книги. Порфирій сѣтуетъ на свое собственное недостойнство, говоря, что онъ соединялся съ Богомъ въ экстазѣ только однажды въ восемьдесятъ шесть лѣтъ, тогда какъ его учитель Плотинъ соединялся такимъ образомъ шесть разъ въ шестьдесятъ лѣтъ. Полная система теологіи, основанная на теоріи эманации, была построена Прокломъ, который умозрѣніемъ опредѣлялъ способъ, какъ происходитъ поглощеніе: поглощается ли и воссоединяется ли душа тотчасъ въ минуту смерти, или на время сохраняетъ ощущеніе личности и приходитъ къ полному воссоединенію послѣдовательными ступенями.

Отъ Александрійскихъ Грековъ эти идеи перешли къ Сарацинскимъ философамъ, которые очень скоро послѣ взятія великаго египетскаго города оставили низшимъ классамъ ихъ антропоморфическія понятія о природѣ Божества и о формѣ человѣческаго духа, подобной виѣшнему виду человѣка. Когда Арабизмъ развился въ особенную научную систему, теоріи объ эманации и поглощеніи стали въ числѣ его характеристическихъ чертъ.

Въ этомъ отступленіи отъ народнаго Мохаммеданства, очень помогъ примѣръ Евреевъ. Они также покинули антропоморфизмъ своихъ предковъ; они замѣнили Бога, который издревле жилъ за завѣсой храма, безконечнымъ Разумомъ, проникающимъ все-ленную, и признавая свою неспособность понять, чтобы какая нибудь вещь, внезапно призванная къ существованію, могла быть способна къ безсмертію, они утверждали, что душа чело-вѣка связана съ прошедшимъ, не имѣющимъ начала, и съ бу-дущимъ, не имѣющимъ конца.

Въ умственной исторіи Арабизма, мы постоянно видимъ Евреевъ и Сарацинъ вмѣстѣ. Тоже самое было въ ихъ политической исторіи, будемъ ли мы разсматривать ее въ Сиріи, Египтѣ или Испаніи. Отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, Западная Европа заимствовала свои философскія идеи, которыя съ теченіемъ времени имѣли свою высшую точку въ Аверроизмѣ; Аверроизмъ есть философскій Исламизмъ. Европейцы вообще считали Аверроэса авторомъ этихъ ересей и, сообразно съ этимъ, ортодоксальные клеймили его; но онъ былъ не болѣе какъ ихъ собиратель и комментаторъ. Его произведенія проникли въ христіанское общество двумя путями: изъ Испаніи черезъ Южную Францію они достигли Верхней Италіи, порождая на дорогѣ множество ересей; изъ Сициліи они перешли въ Неаполь и Южную Италію, подъ покровительствомъ Фридриха II.

Но задолго до того, какъ Европа подверглась этому великому умственному нашествію, были уже, такъ сказать, спорадическіе случаи Оріентализма. Какъ примѣръ, можно указать взгляды Іоанна Эригены (800 по Р. Х.). Онъ принялъ и излагалъ философію Аристотеля; совершилъ пилигримство къ мѣсту рожденія этого философа и питалъ надежду на соединеніе философіи и религіи тѣмъ способомъ, какой предлагали христіан-

скіе духовные, учившіеся тогда въ мохаммеданскихъ университетахъ Испаніи. Самъ онъ былъ родомъ изъ Британіи.

Въ письмѣ къ Карлу Лысому, Анастасій выражаетъ свое удивленіе, «какъ такой варварскій человѣкъ, приходившій отъ самаго края земли, и удаленный отъ человѣческой бесѣды, могъ понять вещи такъ ясно и перевести ихъ на другой языкъ такъ хорошо». Общая цѣль его сочиненій была, какъ мы сказали, соединить философію съ религіей, но его изложеніе этихъ предметовъ навлекло на него церковное осужденіе, и нѣкоторыя изъ его сочиненій были приговорены къ сожженію. Самая важная его книга называется «De Divisione Naturae».

Философія Эригены основывается на томъ, извѣстномъ изъ наблюденія и признанномъ фактѣ, что всякое живое существо происходитъ отъ чего нибудь, что жило прежде. Видимый міръ, будучи міромъ жизни, необходимо поэтому происходилъ изъ какого нибудь первобытнаго существованія, и это существованіе есть Богъ, который есть такимъ образомъ создатель и хранитель всего. Все, что мы видимъ, поддерживается, какъ видимая вещь, силою, происходящею отъ него, и еслибы эта сила была отнята, оно необходимо должно исчезнуть. Такимъ образомъ Эригена понимаетъ Божество какъ постояннаго участника въ Природѣ, который ее охраняетъ, поддерживаетъ, даетъ ей опору, и въ этомъ отношеніи соотвѣтствуетъ міровой душѣ Грековъ. Частная жизнь индивидуумовъ есть поэтому часть общаго бытія, то есть, міровой души.

Еслибы когда нибудь произошло удаленіе поддерживающей силы, всё вещи должны возвратиться къ источнику, изъ котораго они вышли—то есть, они должны возвратиться къ Богу и быть поглощены въ немъ. Такимъ образомъ, вся видимая Природа должна, наконецъ, вернуться назадъ въ «Разумъ». «Смерть

плоти есть предзнаменованіе возстановленія вещей, и возвращенія къ ихъ древнему сохраненію. Такъ, звуки возвращаются въ воздухъ, въ которомъ они родились и которымъ были подерживаемы, и болѣе не слышны; никто не знаетъ, что съ ними сдѣлалось. Въ этомъ конечномъ поглощеніи, которое, по истеченіи извѣстнаго времени, должно необходимо наступить, Богъ будетъ все во всемъ, и ничто не будетъ существовать кромѣ его одного». «Я разсматриваю его какъ начало и причину всѣхъ вещей; всѣ вещи, которыя есть и которыя были, но которыхъ уже нѣтъ, были созданы изъ него, имъ и въ немъ. Я считаю его также за начало и не переходимый предѣлъ всѣхъ вещей... Есть четыре способа пониманія всеобщей Природы—два взгляда на Божественную Природу, какъ начало и конецъ; и два также на созданную Природу, причины и дѣйствія. Нѣтъ ничего вѣчнаго кромѣ Бога».

Возвращеніе души къ универсальному Разуму обозначается Эригеной какъ «теозисъ» или обожествленіе. Въ этомъ конечномъ поглощеніи теряется всякое воспоминаніе объ ея прошедшихъ опытахъ. Душа возвращается къ состоянію, въ которомъ она была прежде, чѣмъ одушевляла тѣло. Поэтому, Эригена необходимо подпалъ гнѣву Церкви.

Въ Индіи люди впервые признали фактъ, что сила неразрушима и вѣчна. Это предполагаетъ болѣе или менѣе ясныя идеи о томъ, что мы называемъ теперь «соотношеніемъ и сохраненіемъ силы». Соображенія, связанныя съ прочнымъ постоянствомъ вселенной, даютъ опору этому взгляду, такъ какъ ясно, что еслибы было увеличеніе или уменьшеніе силъ, то прекратился бы порядокъ міра. Поэтому, опредѣленное и неизмѣнное количество энергіи во вселенной должно быть принято какъ науч-

ный фактъ. Переменны, которыхъ мы бываемъ свидѣтелями, состоятъ только въ ея распредѣленіи.

Но такъ какъ душа должна считаться активнымъ принципомъ, то призвать новую къ существованію, значитъ необходимо сдѣлать прибавку къ силѣ, находившейся въ мірѣ прежде. И еслибы это дѣлалось при каждомъ новомъ рожденіи человѣка, и повторялось для каждаго новаго человѣка потомъ, то сумма этой силы должна бы постоянно увеличиваться.

Кромѣ того, для многихъ благочестивыхъ лицъ есть нѣчто очень возмутительное въ предположеніи, что Всемогущій служить прихотямъ и страстямъ человѣка, и что, въ извѣстный срокъ послѣ зарожденія, ему необходимо создавать душу для зародыша.

Если разсматривать человѣка, какъ состоящаго изъ двухъ частей, души и тѣла, то очевидныя отношенія послѣдняго могутъ бросить много свѣта на таинственныя, темныя отношенія первой. Но субстанція, изъ которой состоитъ тѣло, получается изъ общей массы матеріи, насъ окружающей, и послѣ смерти возвращается къ этой общей массѣ. И такъ, въ происхожденіи, измѣненіяхъ и судьбѣ матеріальной части нашей, тѣла, не поставила ли природа предъ нашими глазами откровенія, которое можетъ руководить насъ къ знанію происхожденія и судьбы его спутницы, духовной части, души?

Послушаемъ на минуту одного изъ даровитѣйшихъ Мохамеданскихъ писателей:

«Богъ создалъ духъ человѣка изъ капли своего собственнаго свѣта; судьба его—возвратиться къ нему. Не обманывайте себя пустымъ предположеніемъ, что духъ умретъ, когда умираетъ тѣло. Видъ, который вы имѣли, вступая въ этотъ міръ, и вашъ настоящій видъ не одинъ и тотъ же; поэтому нѣтъ необходимо-

сти, чтобы вы погибли отъ того, что погибаетъ ваше тѣло. Вашъ духъ пришелъ въ этотъ міръ странникомъ; онъ только живетъ здѣсь во временномъ жилищѣ. Отъ испытаній и бурь этой тревожной жизни, наше убѣжище — въ Богѣ. Въ соединеніи съ нимъ мы найдемъ вѣчный покой, покой безъ заботы, радость безъ страданія, силу безъ слабости, знаніе безъ сомнѣнія, спокойное и однако экстатическое видѣніе источника жизни и свѣта и славы, источника, изъ котораго мы пришли». Такъ говоритъ сарацинскій философъ, Аль-Гаццали (1010 по Р. Х.).

Въ камнѣ, матеріальныя частицы находятся въ состояніи прочнаго равновѣсія; поэтому, онъ можетъ сохраниться навсегда. Животное есть въ дѣйствительности только форма, черезъ которую безпрестанно протекаетъ потокъ матеріи. Оно получаетъ свои запасы и удаляетъ свои излишки. Въ этомъ оно походитъ на водопадъ, на рѣку, на пламя. Частицы, составляющія его въ одинъ моментъ, удаляются изъ него въ послѣдующій. Для продолженія своего оно нуждается во внѣшнихъ запасахъ. Оно имѣетъ опредѣленную продолжительность во времени, и приходитъ неизбѣжный моментъ, когда оно должно умереть.

Въ великой задачѣ психологіи мы не можемъ надѣяться достигнуть научнаго результата, если упорно хотимъ ограничивать себя разсмотрѣніемъ одного факта. Мы должны пользоваться всѣми доступными фактами. Человѣческая психологія никогда не можетъ быть вполне рѣшена иначе, какъ черезъ сравнительную психологію. Вмѣстѣ съ Декартомъ, мы должны изслѣдовать, не состоятъ ли души животныхъ въ родствѣ съ человѣческой душой, не есть ли это менѣе совершенные члены въ той же серіи развитія. Мы должны принять въ соображеніе и то, что мы открываемъ въ разумномъ началѣ муравья, и то, что мы отличаемъ въ разумномъ началѣ человѣка. Чѣмъ была бы человѣ-

ческая физиологія, если бы она не была освѣщаема яркими лучами сравнительной физиологіи?

Броди, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія фактовъ, утверждаетъ, что умъ животныхъ въ сущности есть тотъ же, что и умъ человѣка. Всякій, знакомый съ собакой, допустить, что это существо отличаетъ доброе отъ худаго, и сознаетъ, когда сдѣлаетъ ошибку. Многія домашнія животныя имѣютъ способность разсужденія, и употребляютъ должныя сдѣдства для достиженія цѣлей. Какое множество анекдотовъ разсказывается о намѣренныхъ дѣйствіяхъ слона и обезьяны! И этотъ видимый умъ происходитъ не отъ подражанія, не отъ встрѣчъ ихъ съ человѣкомъ, потому что дикія животныя, не имѣющія этихъ отношеній, представляютъ такія же свойства. Въ различныхъ видахъ, способности и характеры чрезвычайно разнообразны. Такъ, собака не только умнѣе кошки, но имѣетъ общественныя и нравственныя качества, которыхъ у нея нѣтъ; первая любитъ своего хозяина, послѣдняя—свой домъ.

Дюбуа-Реймонъ дѣлаетъ слѣдующее поразительное замѣчаніе: «Съ изумленіемъ и благоговѣніемъ долженъ изучающій Природу смотрѣть на эту микроскопическую молекулу нервной субстанции, которая есть вмѣстелище трудолюбивой, строительной, любящей порядокъ, правдивой, неустрашимой души муравья. Она развилась до своего настоящаго состоянія черезъ безконечный рядъ поколѣній». Какой назидательный выводъ можемъ мы извлечь изъ словъ Губера, также писавшаго объ этомъ предметѣ: «Если вы наблюдали одного муравья за дѣломъ, вы можете сказать, что онъ будетъ дѣлать потомъ!» Онъ разсматриваетъ матерію и разсуждаетъ какъ разсуждаете вы. Послушайте одинъ изъ множества анекдотовъ, которые правдиво и вмѣстѣ безыскусственно разсказываетъ Губеръ: «При осмотрѣ работъ

муравьемъ надсмотрщикомъ, когда рабочіе начали кровлю слишкомъ рано, онъ осмотрѣлъ ее и снялъ, поднялъ стѣну на должную высоту, и изъ обломковъ стараго былъ построенъ новый потолокъ». Конечно, эти насѣкомыя не автоматы, они обнаруживаютъ намѣреніе. Они узнаютъ своихъ старыхъ товарищей, которые были спрятаны отъ нихъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и показываютъ чувство радости при ихъ возвращеніи. Ихъ разговоръ съ помощью усиковъ способенъ къ разнообразному выраженію; онъ приспособленъ къ внутренности гнѣзда, гдѣ все темно.

Въ то время какъ одинокія насѣкомыя не живутъ достаточно, чтобы вырастить своихъ дѣтенышей, насѣкомыя общественныя имѣютъ бо́льшій срокъ жизни; они обнаруживаютъ нравственныя ощущенія и воспитываютъ своихъ маленькихъ. Образцы терпѣнія и трудолюбія, нѣкоторыя изъ этихъ ничтожныхъ существъ будутъ работать шестнадцать или восемнадцать часовъ въ день. Немногіе люди способны къ постоянной умственной работѣ больше, чѣмъ на четыре или на пять часовъ.

Сходство послѣдствій указываетъ на сходство причинъ; сходство дѣйствій требуетъ сходства органовъ. Я попросилъ бы читателя этихъ параграфовъ, знакомаго съ обычаями животныхъ и особенно съ общественными отношеніями того удивительнаго насѣкомаго, на которое мы указывали, — обратиться къ девятнадцатой главѣ моего труда объ «Умственномъ развитіи Европы», гдѣ онъ найдетъ описаніе соціальной системы Перуанскихъ Инковъ. Быть можетъ, въ виду сходства общественныхъ учрежденій и личнаго поведенія насѣкомаго, съ общественными учрежденіями и личнымъ поведеніемъ цивилизованнаго Индійца — ничтожной крапинки и человѣка — онъ не будетъ оспаривать моего мнѣнія, что «отъ пчель, осъ, муравьевъ и птицъ,

отъ всей этой низшей животной жизни, на которую человекъ смотритъ съ надменнымъ презрѣніемъ, ему предназначено нѣкогда узнать, что онъ самъ есть въ дѣствительности.»

Мысли Декарта, который считалъ всѣхъ насѣкомыхъ автоматами, едва ли можетъ быть принято безъ измѣненія. Насѣкомыя—автоматы лишь относительно дѣствія брюшной области и той части узловъ головного мозга, которыя имѣютъ дѣло съ одновременными впечатлѣніями.

Одна изъ функцій сосудисто-нервного матеріала состоитъ въ томъ, чтобы удерживать слѣды или остатки впечатлѣній, приносимыхъ имъ органами чувствъ; поэтому, нервные узлы, будучи составлены изъ этого матеріала, могутъ разсматриваться какъ управляющіе (регистрирующіе) аппараты. Они вводятъ также элементъ времени въ дѣствіе нервного механизма. Впечатлѣніе, которое безъ нихъ могло бы тотчасъ кончиться въ рефлексивномъ дѣствіи, задерживается, и съ этой продолжительностью являются всѣ тѣ важныя послѣдствія, которыя возникаютъ чрезъ взаимодѣствіе многихъ впечатлѣній, старыхъ и новыхъ, другъ на друга.

Такая вещь, какъ самопроизвольная, самовозникающая мысль, не существуетъ. Всякій умственный актъ есть послѣдствіе какого нибудь предшествующаго акта. Онъ получаетъ бытіе въ силу чего то, что происходило прежде. Два ума, построенные совершенно одинаково и поставленные подъ вліяніе совершенно одинаковой обстановки, должны произвести совершенно одинаковую мысль. На такую одинаковость дѣствія намекаетъ общеупотребительное выраженіе «*common sens*» (*sens commun*, общій, здравый смысл), — выраженіе полное значенія. Въ происхожденіи мысли есть два особыя условія: состояніе организма въ зависимости отъ предыдущихъ впечатлѣній

и въ зависимости отъ существующихъ физическихъ обстоятельствъ.

Въ узлахъ головного мозга насѣкомыхъ сберегаются остатки впечатлѣній, сдѣланныхъ на общіе периферическіе нервы, и въ нихъ задерживаются тѣ, которыя приносятся къ нимъ органами специальныхъ чувствъ—зрѣнія, обонянія, слуха. Взаимодѣйствіе ихъ возвышаетъ насѣкомыхъ надъ чисто механическими автоматами, въ которыхъ реакція тотчасъ слѣдуетъ за впечатлѣніемъ.

Во всѣхъ случаяхъ, дѣйствіе всякаго нервнаго центра, какова бы ни была степень его развитія, высокая или низкая, зависитъ отъ одного существеннаго химическаго условія—окисленія. Даже въ человѣкѣ, если бы хотя на одинъ моментъ остановленъ былъ запасъ артеріальной крови, нервный механизмъ теряетъ свою силу; если бы онъ уменьшился, соотвѣтственно ослабѣваетъ механизмъ; если, напротивъ, онъ увеличивается,—напримѣръ когда вдыхается закись азота, — является болѣе энергическое дѣйствіе. Отсюда необходимость возстановленія, потребность въ отдыхѣ и снѣ.

Двѣ основныя идеи существенно привязываются ко всѣмъ нашимъ воспріятіямъ внѣшнихъ вещей: — *Пространство* и *Время*, и для обѣихъ есть мѣсто въ нервномъ механизмѣ, когда онъ находится почти еще въ зачаточномъ состояніи. Глазъ есть органъ пространства, ухо—времени; и ихъ воспріятія посредствомъ выработаннаго механизма этихъ органовъ, становятся безконечно болѣе точными, чѣмъ было бы возможно, если бы приходилось пользоваться однимъ чувствомъ осязанія.

Есть нѣкоторые простые опыты, показывающіе слѣды гангліоническихъ впечатлѣній. Если на холодный, полированный металлъ, какъ, напримѣръ, новая бритва, положить какой ни-

будь предметъ, напримѣръ, облатку, и затѣмъ подышать на металлъ, и когда влажность сойдетъ, снять облатку, то самый внимательный осмотръ полированной поверхности не можетъ открыть никакого слѣда какой либо формы; но если подышать на металлъ еще разъ, то ясно бываетъ видно спектральное изображеніе облатки; и это можно повторить нѣсколько разъ. Мало того: если полированный металлъ старательно отложить, такъ чтобы ничто не могло испортить его поверхности, и держать такъ нѣсколько мѣсяцевъ, то подышавъ на него опять, можно опять видѣть такую же форму тѣни.

Примѣръ этотъ показываетъ, какъ такое грубое впечатлѣніе можетъ быть отмѣчено и сохранено. Но если на подобной неорганической поверхности можетъ быть такимъ образомъ неизгладимо отмѣчено впечатлѣніе, то, конечно, несравненно вѣроятнѣе оно въ ганглій, именно для этого построенномъ. Тѣнь никогда не падаетъ на стѣну, не оставляя на ней прочнаго слѣда, который можно сдѣлать видимымъ, употребивъ для этого должныя средства. Таковы фотографическія операціи. Портреты нашихъ друзей или ландшафты на чувствительной поверхности могутъ быть скрыты отъ глазъ, но они готовы появиться, какъ скоро мы употребимъ должныя раскрывающія средства. Призракъ скрывается на серебряной или стеклянной поверхности, пока мы, своей некромантіей, не выводимъ его въ видимый міръ. На стѣнахъ самыхъ интимныхъ нашихъ комнатъ, гдѣ мы считаемъ удаленнымъ всякій навязчивый глазъ и гдѣ не можетъ быть никогда нарушено наше уединеніе, существуютъ слѣды всѣхъ нашихъ дѣйствій, силуэты всего, что мы дѣлали.

Если мы, закрывши глаза на нѣсколько времени, какъ въ то время, когда мы въ первый разъ просыпаемся утромъ, вдругъ и пристально взглянемъ на какой нибудь ярко освѣщенный пред-

метъ и затѣмъ опять быстро закроемъ глаза, то въ неопредѣленномъ мракѣ передъ нами являються фантастическій образъ. Мы можемъ увѣриться, что это не воображеніе, а дѣйствительность, потому что многія подробности, которыхъ мы не въ состояніи были признать при моментальномъ взглядѣ, могутъ быть на свободѣ разсматриваемы въ фантомѣ. Такимъ образомъ мы можемъ разобрать очеркъ такого предмета какъ кружевные занавѣски на окнѣ, или вѣтви дерева за нимъ. Изображеніе постепенно дѣлается менѣе и менѣе яснымъ; въ минуту или двѣ оно исчезаетъ. Оно какъ будто уносится въ пустоту. Если мы попробуемъ слѣдить за нимъ, двигая глазами, оно вдругъ пропадаетъ.

Такая продолжительность впечатлѣній на сѣтчатой оболочкѣ глаза показываетъ, что дѣйствіе виѣшнихъ вліяній на нервныя сосуды не бываетъ необходимо мимолетное. Въ этомъ есть соотвѣтствіе съ продолжительностью, возникновеніемъ, исчезаніемъ впечатлѣній на фотографическихъ произведеніяхъ. Такъ, я видѣлъ ландшафты и архитектурныя виды, снятыя въ Мексикѣ, которые были «развиты», какъ говорятъ художники, нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Нью-Йоркѣ—причемъ изображенія, послѣ долгаго путешествія, выходили правильно во всѣхъ своихъ формахъ и во всей противоположности свѣта и тѣни. Фотографія не забыла ничего. Она одинаково сохранила и очеркъ вѣчныхъ горъ, и пролетающій дымъ бандитскаго выстрѣла.

И такъ, не сохраняются ли въ мозгу болѣе постоянно, какъ на сѣтчатой оболочкѣ болѣе мимолетно, слѣды впечатлѣній, которыя были собраны органами чувствъ? Не объясняетъ ли это памяти—Ума, созерцающаго такія картины прошедшихъ вещей и событій, какія были поручены его храненію. Въ безмолвной галлерей памяти не развѣшены ли микрографіи живыхъ и умер-

шихъ, мѣсть, которыя мы посѣтили, случаевъ, въ которыхъ принимали участіе? Бываютъ ли эти остающіяся впечатлѣнія простыми значками, подобно буквамъ книги, которыя сообщаютъ идеи уму? или это — дѣйствительныя картины, неизмѣримо меньшія, чѣмъ картины, представляемыя намъ художниками, — гдѣ, съ помощью микроскопа, мы, на пространствѣ не обширнѣе укола булавки, можемъ видѣть заразъ цѣлую семейную группу?

Эти фантомные образы на сѣтчатой оболочкѣ бываютъ незамѣтны при дневномъ свѣтѣ. Образы, существующіе въ чувствилищѣ такимъ же образомъ не привлекаютъ нашего вниманія, когда органы чувствъ находятся въ сильномъ дѣйствіи и заняты внесеніемъ новыхъ впечатлѣній. Но, когда эти органы утомляются и тупѣютъ, или когда мы испытываемъ сильное безпокойство, или бываемъ въ задумчивости, или спимъ, то скрытыя видѣнія оживляются отъ контраста и обступаютъ нашъ умъ. По той же причинѣ они овладѣваютъ нами въ бреду горячки, и безъ сомнѣнія также въ торжественныя минуты смерти. Въ теченіе трети нашей жизни, во время сна, мы устранены отъ внѣшнихъ вліяній; слухъ и зрѣніе, и другія чувства не дѣйствуютъ, но не засыпающій никогда умъ, какъ задумчивая, закрытая покрываломъ волшебница, въ своемъ таинственномъ пріютѣ, смотритъ на собранныя имъ амбротины — потому что это дѣйствительно неуывающія впечатлѣнія — и, соединяя ихъ вмѣстѣ, какъ случится, строить изъ нихъ панораму сна.

Такимъ образомъ въ организаціи каждаго человѣка Природа насадила средства, которыя сильно внушаютъ ему представленіе о безсмертіи души и будущей жизни. Даже окруженный мракомъ дикарь находитъ такимъ образомъ въ своихъ видѣніяхъ неясныя формы ландшафтовъ, которыя быть можетъ связаны

съ нѣкоторыми изъ его пріятнѣйшихъ воспоминаній; и какое другое заключеніе можетъ онъ извлечь изъ этихъ не дѣйствительныхъ картинъ, какъ не то, что онѣ предвѣщаютъ другую страну, виѣ той, куда брошенъ его жребій? Отъ времени до времени его посѣщаютъ во снѣ подобія тѣхъ, кого онъ любилъ или ненавидѣлъ при ихъ жизни; и эти появленія служатъ ему неопровержимыми доказательствами существованія и безсмертія души. Въ нашихъ, наиболѣе утонченныхъ условіяхъ мы неспособны совершенно освободиться отъ впечатлѣній такихъ случаевъ, и постоянно извлекаемъ изъ нихъ тѣже заключенія, какъ наши нецивилизованные предки. Болѣе возвышенное состояніе нашей жизни ни въ какомъ отношеніи не избавляетъ насъ отъ неизбѣжнаго дѣйствія нашей собственной организаціи, какъ оно не избавляетъ насъ отъ слабости и болѣзни.

Въ этихъ отношеніяхъ, всѣ люди на свѣтѣ равны. Дикіе или цивилизованные, мы носимъ въ себѣ механизмъ, доставляющій намъ воспоминанія о торжественнѣйшихъ фактахъ, которые могли къ намъ относиться. Ему нужны только моменты покоя или болѣзни, когда вліяніе внѣшнихъ вещей уменьшается, чтобы придти въ полное дѣйствіе, и въ эти именно моменты мы всего лучше приготовлены къ истинамъ, которыя онъ намъ внушаетъ. Этотъ механизмъ не обращаетъ вниманія на лица. Онъ не позволяетъ ни самымъ высшимъ быть свободными отъ его увѣщаній, и не оставляетъ самыхъ низшихъ безъ утѣшающаго знанія другой жизни. Недоступный никакому вліянію преднамѣренности или интереса, не требуя для своего дѣйствія никакого внѣшняго человѣческаго участія; но всегда присущій всякому человѣку, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ удивительно извлекаетъ изъ остатковъ впечатлѣній прошедшаго поразительныя доказательства реальностей будущаго, и почерпая силу изъ ис-

точника, который могъ бы показаться самымъ невѣроятнымъ, онъ нечувствительно ведетъ насъ, что бы и гдѣ бы мы ни были, къ глубокому вѣрованію въ безсмертное и не погибающее, отъ фантомовъ, которые едва появившись, уже готовы исчезнуть.

Насѣкомое отличается отъ простаго автомата тѣмъ, что оно подчиняется вліянію старыхъ, отмѣченныхъ впечатлѣній. Въ высшихъ формахъ животной жизни, эта отмѣтка впечатлѣній становится болѣе и болѣе полной, память становится совершеннѣе. Между виѣшной формой и ея гангліоническими впечатлѣніями нѣтъ никакого необходимаго сходства, точно также какъ нѣтъ этого сходства между словами телеграфной депеши и сигналами, которыя телеграфъ можетъ передавать на далекую станцію, или какъ нѣтъ необходимаго сходства между буквами напечатанной страницы и описываемыми въ нихъ дѣйствіями или сценами, но буквы ясно передаютъ уму читателя эти событія и сцены.

Животное безъ всякаго аппарата для задерживанія впечатлѣній должно быть чистымъ автоматомъ — оно не можетъ имѣть памяти. Отъ незначительныхъ и неопредѣленныхъ начатковъ такой аппаратъ постепенно растетъ, и по мѣрѣ того какъ подвигается развитіе, увеличивается интеллектуальная способность. У человѣка, это задерживаніе или регистрація впечатлѣній достигаетъ совершенства; онъ руководится прошедшими, также какъ и настоящими впечатлѣніями; на него вліяетъ опытъ; его поступки опредѣляются разумомъ.

Самый важный успѣхъ дѣлается тогда, когда животное пріобрѣтаетъ способность сообщать знаніе впечатлѣній, сохраняемыхъ въ его нервныхъ центрахъ, другому животному того же рода. Это обозначаетъ расширеніе жизни индивидуальной въ общественную, и составляетъ для послѣдней существенную не-

обходимость. У высшихъ насѣкомыхъ это достигается осязаніемъ, у человѣка—словомъ. Человѣчество, въ своихъ древнѣйшихъ дикихъ ступеняхъ, ограничивалось этимъ—знаніе одного лица могло быть передано другому въ разговорѣ. Дѣйствія и мысли одного поколѣнія могли быть переданы другому и оказать вліяніе на его дѣйствія и мысли.

Но преданіе имѣетъ свой предѣлъ. Способность разговора дѣлаетъ общество возможнымъ—не больше.

Не безъ интереса замѣчаемъ мы прогрессъ развитія этой способности. Изобрѣтеніе письма расширило и сдѣлало прочнымъ запоминаніе или регистрацію впечатлѣній. Эти впечатлѣнія, которыя до тѣхъ поръ сберегались въ мозгу одного человѣка, теперь могли быть переданы всему человѣческому роду и могли быть сохранены навсегда. Цивилизація становилась возможна, потому что цивилизація не можетъ существовать безъ письма, или средствъ запоминанія въ какой нибудь формѣ.

Съ этой психологической точки зрѣнія мы понимаемъ дѣйствительное значеніе изобрѣтенія книгопечатанія—того развитія письма, которое, усиливъ быстроту распространенія идей и обезпечивая ихъ сохранность, способствуетъ расширенію цивилизаціи и объединенію человѣческаго рода.

Въ предыдущихъ параграфахъ, относящихся къ нервнымъ впечатлѣніямъ, ихъ запоминанію и къ происходящимъ отъ того послѣдствіямъ, я привелъ сущность взглядовъ, изложенныхъ въ моемъ сочиненіи о «Физиологіи человѣка», изданномъ въ 1856 г., и потому могу для другихъ подробностей отослать читателя къ главѣ объ «Обратномъ, или Мозговомъ зрѣніи» (глава XIV, кн. I, и глава VIII, кн. II).

Единственный путь къ научной человѣческой психологіи

есть сравнительная психологія. Это путь длинный и утомительный, но онъ ведетъ къ истинѣ.

И такъ, есть ли обширная духовная сущность (existence), проникающая вселенную, также, какъ есть обширная сущность матеріи, проникающая ее, — есть ли духъ, который, по словамъ одного великаго германскаго писателя, «спитъ въ камнѣ, дремлетъ въ животномъ и пробуждается въ человѣкѣ»? Происходитъ ли душа изъ одной сущности, какъ тѣло изъ другой? Возвращаются ли они одинаково, каждый къ тому источнику, изъ котораго вышли? Если такъ, мы можемъ истолковывать человѣческое существованіе, и наши идеи могутъ оставаться въ согласіи съ научной истиной, и въ согласіи съ нашимъ представленіемъ о прочности, неизмѣнности вселенной.

Сарацины, слѣдуя Восточнымъ народамъ, давали этой духовной сущности обозначеніе «Дѣятельнаго Ума». Они думали, что душа человѣка исходитъ изъ него, какъ капля дождя исходитъ изъ моря и, послѣ извѣстнаго промежутка, возвращается въ него. Такъ возникли у нихъ знаменательныя ученія объ эманации и поглощеніи. Дѣятельный умъ есть Богъ.

Въ одной формѣ, какъ мы видѣли, эта идея была развиваема Шакья-Муни, въ Индіи, самымъ мастерскимъ образомъ и, воплощена въ обширной практической системѣ Буддизма; въ другой формѣ, эта идея съ меньшимъ искусствомъ была представлена у Сарацинъ Аверроэсомъ.

Но, быть можетъ, мы должны бы скорѣе сказать, что Европейцы считали Аверроэса авторомъ этого ученія, потому что не видѣли его предшественниковъ. Но Мохаммедане мало вѣрили въ его самобытность. Для нихъ, онъ является комментаторомъ Аристотеля, представлявшимъ мнѣнія Александрійской и другихъ философскихъ школъ до его времени. Слѣдующія извле-

ченія изъ «Историческаго опыта объ Аверроизмѣ», Рейана, покажутъ, какъ тѣсно сарацинскія идеи приближались къ идеямъ, изложеннымъ выше.

Эта система предполагаетъ, что, при смерти индивидуума, его разумное начало или душа не имѣетъ болѣе отдѣльнаго существованія, но возвращается или поглощается въ универсальный умъ, дѣятельный разумъ, міровую душу, которая есть Богъ,—отъ котораго она впервые эманировала или произошла.

Всеобщій или дѣятельный, или объективный Разумъ—не созданъ, безстрастенъ, невредимъ, не имѣетъ ни начала, ни конца; и онъ не увеличивается по мѣрѣ того какъ увеличивается число индивидуальныхъ душъ. Онъ совершенно отдѣленъ отъ матеріи. Это есть какъ бы космическій принципъ. Это единство дѣятельнаго разума есть существенный принципъ Аверроистической теоріи и находится въ согласіи съ основнымъ ученіемъ Мохаммеданства — единствомъ Бога.

Индивидуальный, или пассивный, или субъективный разумъ есть эманация изъ всеобщаго, и составляетъ то, что называется душой человѣка. Въ одномъ смыслѣ она погибаетъ и кончается съ тѣломъ, но въ вышемъ смыслѣ она сохраняется; потому что по смерти она возвращается или поглощается въ универсальной душѣ, и такимъ образомъ изъ всѣхъ человѣческихъ душъ остается наконецъ только одна — агрегатъ ихъ всѣхъ. Жизнь не есть собственность индивидуума; она принадлежитъ Природѣ. Конецъ человѣка—вступить въ болѣе и болѣе полное единеніе съ дѣятельнымъ разумомъ. Въ этомъ состоитъ счастье души. Наше назначеніе—спокойствіе. Аверроэсъ думалъ, что переходъ отъ индивидуальнаго къ всеобщему бываетъ мгновенный, при смерти; но Буддисты утверждаютъ, что человѣческая личность въ теченіе извѣстнаго времени продолжаетъ существовать

склоняющимся образомъ, прежде чѣмъ онъ достигаетъ небытія, Нирваны.

Философія никогда не предлагала иныхъ гипотезъ для объясненія системы міра, кромѣ двухъ: во-первыхъ, личный Богъ, существующій отдѣльно, и человѣческая душа, призванная къ бытію или созданная, и затѣмъ бессмертная; во-вторыхъ, безличный разумъ, или неопредѣленный Богъ, и душа, возникающая изъ него и возвращающаяся къ нему. Относительно происхожденія существъ есть два противоположныя мнѣнія: одно, что онѣ созданы изъ ничего; другое, что онѣ происходятъ развитіемъ отъ искони существующихъ формъ. Теорія созданія принадлежитъ первой изъ упомянутыхъ гипотезъ, теоріи развитія-последней.

Философія у Арабовъ приняла такимъ образомъ тоже направленіе, какое приняла она въ Китаѣ, Индіи, и вообще на всемъ Востокѣ. Весь ея духъ основывается на допущеніи неразрушимости матеріи и силы. Она видѣла аналогію между собираніемъ того матеріала, изъ котораго состоитъ тѣло человѣка, собираніемъ его изъ обширнаго запаса матеріи въ Природѣ, и его конечнымъ возвращеніемъ въ этотъ запасъ, и между эманацией человѣческаго духа изъ всеобщаго Разума, Божества, и его конечнымъ обратнымъ поглощеніемъ.

Указавши съ достаточной подробностью философскія особенности ученія объ эманации и поглощеніи, я долженъ теперь рассказать его исторію. Оно было введено въ Европу Испанскими Арабами. Испанія была тѣмъ фокусомъ, изъ котораго, распространяясь далѣе, оно перешло къ высшимъ и образованнѣйшимъ слоямъ общества во всей Европѣ, и въ Испаніи оно имѣло свой печальный конецъ.

Испанскіе халифы окружали себя всею роскошью восточной жизни. У нихъ были великолѣпные дворцы, очаровательные сады, серали, наполненные красивыми женщинами. Европа въ настоящее время представляетъ не болѣе вкуса, утонченности, изящества, чѣмъ можно было видѣть, въ описываемую нами эпоху, въ столицахъ Испанскихъ Арабовъ. Ихъ улицы были освѣщаемы и прочно вымощены. Дома украшались фресками и устилались коврами: зимой они согрѣвались печами, лѣтомъ освѣжались душистымъ воздухомъ, проведеннымъ черезъ подземныя трубы изъ цвѣтниковъ. У нихъ были бани, и библиотеки, и обѣденныя залы, фонтаны изъ ртути и воды. Городъ и провинція были полны веселой жизни, и плясокъ подъ лютию и мандолину. Въ противоположность пьянымъ оргіямъ и обжорству ихъ сѣверныхъ сосѣдей, пиршества Сарацинъ отличались трезвостью. Вина были запрещены. Очаровательные вечера Андалузій при лунномъ свѣтѣ Мавры проводили въ уединенныхъ волшебныхъ садахъ или апельсиновыхъ рощахъ, слушая сказочниковъ или предаваясь философскимъ бесѣдамъ, утѣшая другъ друга въ разочарованіяхъ жизни такими размышленіями, какъ, напр., что еслибы добродѣтель получала награду на этомъ свѣтѣ, то мы не имѣли бы ожиданій отъ будущей жизни; и примиряя себя съ ежедневными трудами — ожиданіемъ, что покой будетъ найденъ по смерти, покой, за которымъ уже никогда не послѣдуетъ трудъ.

Въ десятомъ столѣтіи халифъ Гакемъ II сдѣлалъ Андалузію земнымъ раемъ. Христіане, Мусульмане, Евреи жили вмѣстѣ безъ стѣсненій. Здѣсь, въ числѣ многихъ знаменитыхъ именъ, дошедшихъ до нашего времени, былъ Гербертъ, которому назначено было впоследствии сдѣлаться папой. Здѣсь былъ также Петръ Достопочтенный и многіе христіанскіе духовные. Петръ

говорить, что онъ здѣсь находилъ ученыхъ людей даже изъ Британіи, изучавшихъ астрономію. Здѣсь дружелюбно встрѣчали всѣхъ ученыхъ людей, изъ какой бы страны они ни приходили, каковы бы ни были ихъ религіозныя мнѣнія. Во дворцѣ халифа было цѣлая фабрика книгъ, переписчики, рисовальщики. Онъ держалъ скупщиковъ книгъ во всѣхъ большихъ городахъ Азіи и Африки. Его библіотека заключала четыреста тысячъ томовъ, великолѣпно переплетенныхъ и иллюминированныхъ.

Во всѣхъ мохаммеданскихъ владѣніяхъ въ Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи, низшій классъ Мусульманъ питалъ фанатическую ненависть къ учености. У людей болѣе благочестивыхъ—которые имѣли притязаніе быть ортодоксальными—были тягостныя сомнѣнія относительно спасенія великаго халифа Аль-Мамуна, —злаго халифа, какъ они его называли—потому что онъ не только смутилъ народъ, вводя сочиненія Аристотеля и другихъ греческихъ язычниковъ, но даже подкапывалъ существованіе неба и ада, говоря, что земля есть шаръ, и утверждая, что онъ могъ бы измѣрить его величину. Эти люди, по ихъ многочисленности, составляли политическую силу.

Альманзоръ, захватившій халифатъ, нарушивъ права Гакемова сына, думалъ, что поддержитъ свою узурпацію, ежели станетъ во главѣ правовѣрной партіи. Поэтому, онъ пересмотрѣлъ библіотеку Гакема и всѣ сочиненія научнаго и философскаго свойства велѣлъ вынести на площади и сжечь, или бросить въ цистерны дворца. Подобная придворная революція изгнала изъ Испаніи Аверроэса, уже престарѣлаго, —онъ умеръ въ 1198 по Р. Х.; религіозная партія восторжествовала надъ философскою. Онъ былъ обвиненъ какъ измѣнникъ религіи. Оппозиція противъ философіи организована была по всему мусульманскому міру. Едва ли былъ философъ, который избѣжалъ бы наказанія. Нѣ-

которые были преданы казни, и слѣдствіемъ было то, что Исламъ наполнился лицемѣрами.

Аверроизмъ неслышно проложилъ себѣ путь въ Италію, Германію, Англію. Онъ нашелъ благосклонность у Францисканцевъ, и средоточіе въ Парижскомъ университетѣ. Онъ былъ принятъ многими изъ передовыхъ умовъ. Но наконецъ, соперники Францисканцевъ, Доминиканцы, подняли тревогу. Они говорили, что онъ уничтожаетъ всякую личность, ведетъ къ фатализму и дѣлаетъ необъяснимымъ различіе и прогрессъ индивидуальныхъ умовъ. Утверждать, что есть только одинъ разумъ, есть заблужденіе, уничтожающее всѣ заслуги святыхъ, — это значитъ утверждать, что между людьми нѣтъ различія. Какъ? Развѣ нѣтъ различія между святою душой Петра и проклятою душою Іуды? Развѣ онѣ совершенно сходны? Аверроэсъ въ этомъ своемъ богохульномъ ученіи отвергаетъ сотвореніе міра, провидѣніе, откровеніе, Троицу, силу молитвъ, милостыни и молебствій; онъ не вѣритъ въ воскресеніе и въ безсмертіе; онъ ставитъ *summus bonum* въ простой произволь.

Аверроизмъ сильно распространился также между Евреями, которые были тогда передовыми умами міра. Ихъ великій писатель Маймонидъ принялъ его вполнѣ; школа его распространила Аверроизмъ во всѣхъ направленіяхъ. Жестокое преслѣдованіе началось со стороны правовѣрныхъ Евреевъ. Они прежде любили объявлять о Маймонидѣ, что онъ былъ «орломъ учителей, великимъ мудрецомъ, славой Запада, свѣтомъ Востока, вторымъ только послѣ Моисея». Теперь, они объявляли, что онъ оставилъ вѣру Авраама; отвергъ возможность творенія; вѣрилъ въ вѣчность міра; предался дѣламъ безбожниковъ; лишилъ Бога его свойствъ; сдѣлалъ изъ него *vacuum*; объявилъ его недоступнымъ молитвѣ и чуждымъ управленію міра. Сочиненія Май-

монида были преданы огню синагогами Монпелье, Барселоны и Толедо.

Едва побѣдоносное оружіе Фердинанда и Изабеллы низвергло арабское господство въ Испаніи, какъ папство приняло мѣры къ уничтоженію этихъ мѣній, которыя, какъ тогда думали, подкапывали Европейское Христіанство.

До Иннокентія IV (1243 г.) не было особеннаго трибунала противъ еретиковъ, отдѣльнаго отъ трибунала епископовъ. Инквизиція, введенная тогда въ соотвѣтствіе съ централизаціей тѣхъ временъ, была всеобщимъ и папскимъ трибуналомъ, который замѣнялъ собой всѣ мѣстные. Поэтому епископы съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣли на это нововведеніе, считая его вмѣшательствомъ въ ихъ права. Новое судилище было учреждено въ Италіи, Испаніи, Германіи и южныхъ областяхъ Франціи.

Свѣтскіе государи очень желали воспользоваться этимъ могущественнымъ орудіемъ для своихъ собственныхъ политическихъ цѣлей. Папы сильно протестовали противъ этого. Они не хотѣли, чтобъ употребленіе этого орудія вышло изъ церковныхъ рукъ.

Инквизиція, которую уже попробовали на югѣ Франціи, оказалась тамъ весьма дѣйствительной для истребленія ереси. Она введена была въ Арагонѣ. Теперь ей поручено было заняться Евреями.

Въ древнія времена, подъ Визиготскимъ правленіемъ, эти люди были въ цвѣтущемъ положеніи, но терпимость, которую къ нимъ показывали, смѣнилась жестокимъ преслѣдованіемъ, когда Визиготы оставили Аріанство и перешли въ ортодоксальный Католицизмъ. Противъ Евреевъ изданы были самыя безчеловѣчныя узаконенія: изданъ былъ законъ, осуждавшій ихъ

всѣхъ на рабство. Неудивительно, что когда произошло сарацинское нашествіе, Евреи сдѣлали все, что могло содѣйствовать его успѣху. Подобно Арабамъ, они были народъ Восточный, оба вели свой родъ отъ Авраама, ихъ общаго предка; оба вѣрили въ единство Бога. Ихъ защита этого ученія навлекла на нихъ ненависть ихъ визиготскихъ повелителей.

Подъ правленіемъ Сарацинъ, къ нимъ относились съ самымъ высокимъ уваженіемъ. Они стали отличаться своимъ богатствомъ и ученостью. По большей части они были послѣдователями Аристотеля. Они основали много школъ и коллегій. Ихъ торговые интересы повели ихъ къ путешествіямъ по всему свѣту. Въ особенности они изучали медицину. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ они были врачами и банкирами Европы. Изъ всѣхъ людей того времени они смотрѣли на ходъ человѣческихъ дѣлъ съ наиболѣе возвышенной точки зрѣнія. Изъ специальныхъ наукъ они оказали успѣхи въ математикѣ и астрономіи; они составили таблицы Альфонса и были причиною путешествія Васко де-Гамы. Они отличались также въ легкой литературѣ. Отъ десятаго до четырнадцатаго столѣтія ихъ литература была первая въ Европѣ. Ихъ можно было найти при дворахъ государей въ качествѣ врачей или казначеевъ, управлявшихъ государственными финансами.

Католическое духовенство въ Наваррѣ возбудило противъ нихъ народныя предрасудки. Чтобы избѣжать возникшаго преслѣдованія, многіе изъ нихъ приняли притворно Христіанство, и многіе изъ нихъ возвратились опять къ прежней вѣрѣ. Папскій нунцій при Кастильскомъ дворѣ поднялъ крикъ объ установленіи Инквизиціи. Евреевъ побѣдише обвиняли въ томъ, что они приносятъ въ жертву христіанскихъ дѣтей на Пасху, въ насмѣшку надъ распятіемъ; богатыхъ обвиняли въ Аверроизмѣ.

Подъ вліяніемъ доминиканскаго монаха Торквемады, духовника королевы Изабеллы, она просила у папы буллы на учрежденіе священнаго судилища. Въ ноябрѣ 1478 г. дѣйствительно дана была эта булла для открытія и уничтоженія ереси. Въ первый годъ дѣйствій Инквизиціи, 1481 г., двѣ тысячи жертвъ было сожжено въ Андалузїи; кромѣ того, много тысячъ было вырыто изъ могилъ и предано огню, семнадцать тысячъ было подвергнуто пенѣ или заключено на всю жизнь въ тюрьму. Всѣ, кто только могъ бѣжать, изъ преслѣдуемаго племени, искали спасенія въ бѣгствѣ. Торквемада, назначенный теперь генеральнымъ инквизиторомъ для Кастиліи и Леона, прославилъ жестокостію свое судилище. Принимались безыменныя обвиненія, обвиняемымъ не дѣлалось очныхъ ставокъ съ свидѣтелями, для улики прибѣгали къ пыткамъ; пытки производились въ подвалахъ, гдѣ никто не могъ слышать крика мучимыхъ людей. Такъ какъ, съ мнимымъ милосердіемъ, запрещено было пытать человѣка два раза, то съ ужаснымъ двоедушїемъ говорили, что пытка въ первый разъ не была кончена, но только отложена по человѣколюбію до слѣдующаго дня! Семейства уличенныхъ впадали въ непоправимое раззореніе. Льоренте, историкъ Инквизиціи, вычисляетъ, что Торквемада и его сотрудники, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, сожгли на кострѣ десять тысячъ двѣсти двадцать человѣкъ, и наказали другимъ образомъ девяносто семь тысячъ триста двадцать одного человѣка. Этотъ неистовый человѣкъ уничтожалъ Еврейскія Библіи, гдѣ только могъ ихъ найти, и сжегъ шесть тысячъ томовъ Восточной литературы въ Саламанкѣ, подъ предлогомъ, что они распространяли Іудейство. Съ невыразимымъ отвращеніемъ и негодованіемъ мы узнаемъ, что папское правительство выручило много денегъ, продавая богатымъ людямъ диспенсаціи, обезпечивавшія ихъ отъ Инквизиціи.

Но всё эти страшныя жестокости оказались безплодными. Обращеній было немного. Поэтому, Торквемада настаивалъ на немедленномъ изгнаніи всѣхъ некрещеныхъ Евреевъ. Марта 30. 1492 г., подписанъ былъ эдиктъ объ изгнаніи. Всѣ некрещеные Евреи, всякаго возраста, пола и состоянія, получили приказаніе оставить королевство къ концу слѣдующаго іюля. Если бы они вернулись туда, они подвергались смерти. Они могли продать свои вещи и взять ихъ цѣну товарами или векселями, но не золотомъ и серебромъ. Изгнанные такимъ образомъ внезапно изъ мѣста своего рожденія, изъ страны, гдѣ сотни лѣтъ жили ихъ предки, они не могли продать своихъ имуществъ на переполнившемся рынкѣ. Никто не хотѣлъ покупать того, что можно было взять задаромъ послѣ іюля. Испанское духовенство говорило на площадяхъ проповѣди, наполненные обвиненіями противъ его жертвъ, которыя, когда пришло время выселенія, покрыли толнами дороги и наполнили воздухъ криками своего отчаянія. Даже испанскіе зрители плакали при этой мучительной сценѣ. Но Торквемада издалъ приказъ, чтобы никто не подавалъ Евреямъ никакой помощи.

Изъ этихъ изгнанниковъ, нѣкоторые перешли въ Африку, другіе въ Италію; послѣдніе перенесли съ собою въ Неаполь злокачественную лихорадку, которая уничтожила въ этомъ городѣ не менѣе двадцати тысячъ человѣкъ и опустошила этотъ полуостровъ; нѣкоторые достигли Турціи, и немногіе — Англій. Тысячи людей, особенно матери съ грудными дѣтьми, дѣти и старики, умерли на дорогѣ; многіе — въ мученіяхъ жажды.

За этими дѣйствіями противъ Евреевъ послѣдовали вскорѣ дѣйствія противъ Мавровъ. Въ Севильѣ, въ февралѣ 1502 г., издана была прагматика, указывавшая обязанность Кастильцевъ изгнать враговъ Бога изъ страны, и повелѣвавшая, чтобы всѣ

некрещеные Мавры въ королевствахъ Кастильскомъ и Леонѣ, вышедшіе изъ дѣтскаго возраста, покинули страну къ концу апрѣля. Они могли продать свою собственность, но не увозить съ собою ни золота, ни серебра; имъ было запрещено высе- ляться въ мохаммеданскія владѣнія; наказаніемъ за неповино- веніе была смерть. Такимъ образомъ ихъ положеніе было еще хуже, чѣмъ положеніе Евреевъ, которымъ позволено было идти куда они хотѣли. Ожесточенная нетерпимость Испанцевъ была такова, что они утверждали, что правительство имѣло бы право лишить всѣхъ Мавровъ жизни за ихъ постыдное невѣріе.

Какая неблагодарная отплата за терпимость, какую Мавры давали Христіанамъ во время своего владычества! Слѣва, дан- наго этимъ жертвамъ, не считали нужнымъ держать. Гранада сдалась на торжественное ручательство за полное сохраненіе гражданской и религіозной свободы. По внушеніямъ кардинала Хименеса это обѣщаніе было нарушено, и послѣ восьмисотъ-лѣт- няго пребыванія въ странѣ Мохаммедане были изъ нея изгнаны.

Совмѣстное существованіе трехъ религій въ Андалузій — христіанской, мохаммеданской и іудейской — доставило удоб- ныя условія для развитія Аверроизма или философскаго Ара- бизма. Это было повтореніе того, что произошло въ Римѣ, когда боги всѣхъ завоеванныхъ странъ были поставлены рядомъ въ этой столицѣ, и результатомъ былъ общій упадокъ вѣры... Самъ Аверроэсъ былъ обвиняемъ въ томъ, что былъ сначала Мусуль- маниномъ, потомъ Христіаниномъ, затѣмъ Іудеемъ, и нако- нецъ невѣрующимъ. Утверждали, что онъ былъ авторомъ таин- ственной книги «De Tribus Impostoribus».

Въ средніе вѣка были двѣ знаменитыя еретическія книги: «Вѣчное Евангеліе» и «De Tribus Impostoribus». Последняя

приписывалась разнымъ лицамъ, папѣ Герберту, Фридриху II и Аверроэсу. Въ своей непримиримой ненависти Доминиканцы сваливали на Аверроэса всё богохульства, ходившія въ тѣ времена; они никогда не пропускали напоминать его извѣстныя въ то время и оскорбительныя для Христіанъ выраженія о евхаристіи. Его сочиненія въ первый разъ сдѣлались извѣстны христіанской Европѣ черезъ переводъ Михаила Скотта въ началѣ тринадцатаго столѣтія, но задолго до его времени литература Запада, какъ и литература Азій, были полны этими идеями. Мы видѣли, какъ ясно были онѣ изложены Эригеной. Арабы заражены были ими съ первыхъ своихъ занятій философіей; онѣ были въ ходу во всѣхъ коллегіяхъ трехъ халифатовъ. Разсматриваемыя не какъ складъ мысли, который самопроизвольно можетъ являться у всѣхъ людей на извѣстной степени умственного развитія, но какъ происходящія отъ Аристотеля, эти идеи постоянно находили благосклонный пріемъ у людей самаго высокаго развитія. Мы видимъ ихъ у Роберта Grosstête, у Рожера Бакона, и наконецъ у Спинозы. Аверроэсъ не былъ ихъ изобрѣтатель, онъ только далъ имъ ясность и выраженіе. Между Евреями тринадцатаго столѣтія онъ совершенно вытѣснилъ своего предполагаемаго учителя. Аристотель исчезъ изъ ихъ глазъ; на его мѣсть стоялъ его великій толкователь, Аверроэсъ. Число обратившихся къ ученію объ эманациі было въ Христіанствѣ такъ велико, что папа Александръ IV (1255 г.) счелъ необходимымъ вмѣшаться. По его приказанію, Альбертъ Великій написалъ сочиненіе противъ «Единства Разума». Говоря о происхожденіи и природѣ души, онъ старался доказать, что теорія объ «отдѣльномъ разумѣ, освѣщающемъ человѣка исхожденіемъ, предшествующимъ индивидууму и переживающимъ его, есть ужасное заблужденіе». Но самымъ знаменитымъ противникомъ великаго комментатора

былъ св. Тома Аквинатъ, разрушитель всѣхъ такихъ ересей, какъ единство разума, отрицаніе провидѣнія, невозможность міротворенія; побѣды этого «ангельскаго доктора» (учителя) были прославлены не только въ диспутаціяхъ Доминиканцевъ, но и въ художественныхъ произведеніяхъ живописцевъ Флоренціи и Пизы. Негодованіе этого учителя не имѣло предѣловъ, когда Христіане дѣлались учениками невѣрнаго, который былъ хуже чѣмъ Мохаммеданинъ. Гнѣвъ Доминиканцевъ, къ ордену которыхъ принадлежалъ Тома Аквинатъ, еще больше разгорался отъ того факта, что ихъ соперники, Францисканцы, были расположены къ мнѣніямъ Аверроэса; и Данте, который склонялся къ Доминиканцамъ, обвинялъ Аверроэса какъ автора самой опасной системы. На него пала теологическая ненависть всѣхъ господствующихъ религій; на него указывали какъ на изобрѣтателя той ужасной мысли, что «всѣ религіи ложны, хотя всѣ вѣроятнo полезны». На соборѣ въ Вьеннѣ сдѣлана была попытка совершенно истребить его сочиненія, и запретить всѣмъ Христіанамъ чтеніе ихъ. Доминиканцы, вооружившись средствами Инквизиціи, навели ужасъ на христіанскую Европу своими безжалостными преслѣдованіями. Все невѣріе тѣхъ временъ они приписывали арабскому философу. Но онъ оставался не безъ опоры. Въ Парижѣ и въ городахъ Сѣверной Италіи Францисканцы поддерживали его мнѣнія, и все Христіанство (Западное) волновалось этими спорами.

Подъ внушеніями Доминиканцевъ, Аверроэсъ сдѣлался для итальянскихъ живописцевъ олицетвореніемъ невѣрія. Во многихъ изъ итальянскихъ городовъ были картины или фрески Страшнаго Суда и Ада. На нихъ нерѣдко встрѣчается Аверроэсъ. Такъ, на подобной картинѣ въ Пизѣ, онъ является вмѣстѣ съ Аріемъ, Мохаммедомъ и Антихристомъ. На другой онъ изобра-

женъ какъ низвергнутый св. Томою Аквинатомъ. Онъ сталъ существеннымъ элементомъ въ триумфахъ великаго Доминиканскаго учителя. Онъ оставался извѣстенъ итальянскимъ живописцамъ съ этой стороны до шестнадцатаго столѣтія. Его ученія держались въ Падуанскомъ университетѣ до семнадцатаго вѣка.

Такова, въ короткихъ словахъ, исторія Аверроизма, распространившагося въ Европѣ изъ Испаніи. Подъ покровительствомъ Фридриха II, онъ, менѣе замѣчательнымъ образомъ, проникалъ изъ Сициліи. Этотъ государь принималъ его вполнѣ. Въ своихъ «Сицилійскихъ Вопросахъ» онъ искалъ объясненій вѣчности міра и природы души, и думалъ, что нашелъ эти объясненія въ отвѣтахъ Ибнъ-Сабина, послѣдователя этихъ ученій. Но въ своемъ столкновеніи съ папствомъ онъ былъ побѣжденъ, и съ нимъ эти ереси были уничтожены.

Въ Верхней Италіи, Аверроизмъ долго сохранялъ свою почву. Онъ былъ такой модой въ высшемъ обществѣ Венеціи, что каждый порядочный человѣкъ вынужденъ былъ имѣть эти мнѣнія. Наконецъ, церковь приняла противъ Аверроизма рѣшительныя мѣры. Латеранскій Соборъ, 1512 г., осудилъ потатчи-ковъ этихъ гнусныхъ ученій, какъ еретиковъ и невѣрующихъ. Какъ мы видѣли, недавній Ватиканскій Соборъ предалъ ихъ ана-ѳемѣ. Несмотря на это заключеніе, не должно забывать, что эти мнѣнія считаются за истинныя большинствомъ человѣческаго рода.

ГЛАВА VI.

Споръ относительно природы міра.

Я долженъ представить теперь разсужденія, возникшія относительно третьей великой философской проблемы — природы міра.

Некритическое наблюденіе вишняго вида Природы убѣждаетъ насъ, что земля есть обширная плоская поверхность, поддерживающая сводъ неба, тверди, которая дѣлитъ верхнія воды отъ нижнихъ водъ; что небесныя тѣла — солнце, луна, звѣзды — совершаютъ свой путь, двигаясь отъ востока къ западу, и ихъ незначительная величина и движеніе вокругъ неподвижной земли заявляютъ объ ихъ низшемъ значеніи. Изъ различныхъ органическихъ формъ, окружающихъ человѣка, ни одно не можетъ соперничать съ нимъ по достоинству, и поэтому человѣкъ, повидимому, правъ, когда заключаетъ, что всѣ вещи созданы для его употребленія — солнце, чтобы давать ему свѣтъ днемъ, луна и звѣзды ночью.

Сравнительная теологія показываетъ намъ, что это представленіе о природѣ есть общеприняемое въ ранніе періоды интеллектуальной жизни. Это есть вѣрованіе всѣхъ народовъ во

вѣхъ частяхъ свѣта въ началѣ ихъ цивилизаціи; оно—геоцентрическое, потому что дѣлаетъ землю центромъ вселенной; антропоцентрическое, потому что дѣлаетъ человѣка центральнымъ предметомъ на землѣ. И это не только заключеніе, къ которому самопроизвольно приходитъ человѣкъ при бѣгломъ, мало сознательномъ взглядѣ на природу; но это есть также философское основаніе различныхъ теорій... Здѣсь говорится также, что надъ хрустальнымъ сводомъ находится царство вѣчнаго свѣта и счастья—небо, жилище Бога и высшихъ духовъ, быть можетъ, также и жилище самого человѣка послѣ его смерти; а подъ землей—страна вѣчнаго мрака и бѣдствія, обиталище злыхъ. Такимъ образомъ, въ видимомъ мірѣ является изображеніе невидимаго.

На основаніи этого взгляда на устройство міра построены были великія религіозныя системы, и потому въ поддержкѣ этихъ взглядовъ участвовали большіе матеріальные интересы. Они сопротивлялись, прибѣгая иногда къ кровопролитію, тѣмъ попыткамъ, какія дѣлались для исправленія этихъ бесспорныхъ ошибокъ—сопротивленіе основывалось на подозрѣніи, что отъ этого можетъ пострадать локалізація неба и ада и высшее значеніе человѣка во вселенной.

Но что такія попытки являлись, это было неизбѣжно. Какъ только люди начали вообще размышлять объ этомъ предметѣ, они не могли не усумниться въ томъ утвержденіи, что земля есть громадная плоскость. Никто не можетъ усумниться, что солнце, видимое нами каждый день, есть тоже самое солнце, которое мы видѣли вчера. Его новое появленіе каждымъ утромъ непреодолимо внушаетъ мысль, что оно прошло около нижней стороны земли. Но это несовмѣстимо съ царствомъ мрака въ этихъ странахъ. Болѣе или менѣе ясно, это даетъ мысль о шарообразности земли.

Земля не может простираться бесконечно вниз; потому что солнце не может проходить сквозь нее, или сквозь какую нибудь щель или проходъ въ ней, потому что оно восходитъ и садится въ разныхъ положеніяхъ въ различныя времена года. Звѣзды также движутся подъ землей безчисленными путями. Поэтому, внизу должна быть свободная дорога.

Безъ сомнѣнія для того, чтобы примирить религіозное преданіе съ подобными, вносящими новую мысль, фактами, часто принимались планы, въ родѣ того, какой даетъ Козьма Индикопловъ въ своей «Христіанской Топографіи». На нее мы имѣли случай указать подробнѣе прежде. Она утверждала, что въ сѣверныхъ частяхъ плоской земли находится огромная гора, позади которой проходитъ солнце и производитъ тогда ночь.

Въ весьма отдаленномъ историческомъ періодѣ открытъ былъ механизмъ затмѣній. Затмѣнія луны показывали, что тѣнь земли всегда круговая. Поэтому, земля должна быть шарообразна. Тѣло, которое во всѣхъ положеніяхъ бросаетъ круглую тѣнь, само должно быть сферическое. Другія соображенія, знакомыя теперь каждому, не могли не доказывать, что форма земли именно такова.

Но опредѣленіе вида земли нисколько не отнимало у ней ея первостепеннаго положенія. Повидимому, она была много больше всѣхъ другихъ вещей, и потому естественно было разсматривать ее не только какъ центръ міра, но какъ самый міръ. Всѣ другіе предметы въ сложности казались крайне незначительны въ сравненіи съ нею.

Хотя слѣдствія, вытекавшія изъ допущенія шарообразной формы земли, весьма глубоко затронули существовавшія теологическія идеи, онѣ были гораздо менѣе важны, чѣмъ тѣ, какія проистекали отъ опредѣленія ея величины. Довольно было элементарнаго знанія геометріи, чтобы видѣть, что правильныя по-

нѣтія объ этомъ предметѣ можно было легко получить, измѣривъ градусъ на поверхности земли. Были, вѣроятно, еще въ древности попытки достигнуть этой цѣли, попытки, результаты которыхъ были потеряны. Но Эратосѣенъ исполнилъ одно такое измѣреніе между Сіеной и Александріей, въ Египтѣ, при чемъ предполагалось, что Сіена лежитъ какъ разъ подъ тропикомъ рака. Но два эти мѣста лежатъ не на одномъ меридіанѣ, и разстояніе между ними было опредѣлено по предположенію, но не измѣрено. Два столѣтія спустя, Посидоній сдѣлалъ другую попытку между Александріей и Родосомъ; яркая звѣзда Канопусъ касалась самаго горизонта въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, въ Александріи она была выше его на $7\frac{1}{2}$ градусовъ. Въ этомъ случаѣ, такъ какъ направленіе лежитъ по морю, разстояніе также опредѣлено было предположительно, но не измѣрено. Наконецъ, какъ мы уже сказали, халифъ Аль-Мамунъ сдѣлалъ два измѣренія, одно по берегу Краснаго моря, другое близъ Куфы, въ Месопотаміи. Общій результатъ этихъ различныхъ наблюденій далъ діаметръ земли отъ семи до восьми тысячъ миль.

Это приблизительное опредѣленіе величины земли способно было отнять у нея ея господствующее положеніе и дать начало весьма серьезнымъ теологическимъ результатамъ. Этому сильно содѣйствовали изслѣдованія Аристарха Самосскаго, одного изъ Александрійскихъ ученыхъ, 280 г. до Р. Х. Въ своемъ трактатѣ о величинахъ и разстояніяхъ солнца и луны, онъ объясняетъ остроумный, хотя несовершенный способъ, къ которому онъ прибѣгнулъ для разрѣшенія этой задачи. За много вѣковъ передъ тѣмъ Пифагоръ принесъ изъ Индіи въ Европу одно философское умозрѣніе. Оно представляло солнце какъ центръ системы. Вокругъ него обращались въ круговыхъ орбитахъ планеты, порядокъ которыхъ былъ — Меркурій, Венера, Земля,

Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, и предполагалось, что каждая изъ нихъ обращается и на своей оси, и обращается вокругъ солнца. По словамъ Цицерона, Никетасъ думалъ, что если будетъ допущено обращеніе земли около оси, то было бы устранено затрудненіе, представляемое непостижимою быстротою бѣга небесъ.

Есть основаніе думать, что труды Аристарха, въ Александрійской библіотекѣ, сгорѣли при пожарѣ во времена Цезаря. Единственный трактатъ его, дошедшій до насъ, есть упомянутый выше трактатъ о величинѣ и разстояніяхъ солнца и луны.

Аристархъ принималъ Пифагорову систему, какъ представляющую дѣйствительные факты. Это былъ результатъ признанія громаднаго отдаленія солнца, и потому его огромной величины. Гелиоцентрическая система, считая такимъ образомъ солнце за центральный шаръ, низводила землю въ весьма второстепенный рядъ, дѣлая ее только однимъ изъ группы шести вращающихся тѣлъ.

Но это не единственный вкладъ, внесенный въ астрономію Аристархомъ, потому что, обративъ вниманіе на то, что движеніе земли не измѣняетъ чувствительно видимаго положенія звѣздъ, онъ заключалъ, что онѣ удалены отъ насъ несравненно больше, нежели солнце. Поэтому, какъ замѣчаетъ Лапласъ, онъ одинъ изъ всѣхъ древнихъ имѣлъ наиболѣе правильныя понятія объ обширности вселенной. Онъ видѣлъ, что земля имѣетъ абсолютно незначительную величину, въ сравненіи съ звѣздными разстояніями. Онъ видѣлъ также, что надъ нами нѣтъ ничего, кромѣ пространства и звѣздъ.

Но взгляды Аристарха, относительно размѣщенія планетныхъ тѣлъ, не были приняты древностью; всеми была предпочтена система, предложенная Птолемеемъ и изложенная въ его «Syntaxis». Естественвѣдѣніе тѣхъ временъ было весьма

несовершенно, — и одно изъ возраженій Птолемея противъ Пифагоровой системы было то, что еслибы земля была въ движеніи, она оставила бы позади себя воздухъ и другія легкія тѣла. Поэтому, онъ ставилъ землю въ центральное положеніе, и послѣдовательно обращалъ вокругъ нея Луну, Меркурія, Венеру, Солнце, Марса, Юпитера, Сатурна; за орбитой Сатурна начиналось небо неподвижныхъ звѣздъ. Что касается до твердыхъ кристалльныхъ сферъ, движущихся одна отъ востока къ западу, другая отъ сѣвера къ югу, это были фантазіи Эвдокса, о которыхъ Птолемей не упоминаетъ.

Поэтому, Птолемеева система есть существенно геоцентрическая система. Она оставляла землю въ ея господствующемъ положеніи, и потому не давала поводовъ къ неудовольствію для религіозныхъ мифій, христіанскихъ и мохаммеданскихъ. Обширная слава ея автора, замѣчательная талантливость его великаго труда о механизмѣ небесъ, поддержали эту систему почти на тысячу четырехъ стлѣтъ — то есть, отъ втораго до шестнадцатаго вѣка.

Въ христіанскомъ обществѣ, бѣльшая доля этого длиннаго періода занята была спорами о природѣ Божества и борьбою о клерикальной власти. Авторитетъ патристическихъ писателей и господствующая вѣра, что въ церковныхъ книгахъ уже заключено все знаніе, ни мало не поощряли никакого изслѣдованія природы. Если возникалъ случайно мимолетный интересъ къ какому нибудь астрономическому вопросу, онъ тотчасъ рѣшался ссылкою на такіе авторитеты, какъ сочиненія Августина или Лактанція, а не вниманіемъ къ небеснымъ явленіямъ. Предпочтеніе, которое оказывалось клерикальной учености надъ свѣтскою, было такъ велико, что христіанское общество существовало полторы тысячи лѣтъ и не произвело ни одного астронома.

У мохаммеданскихъ народовъ было иначе. Ихъ занятія наукой начинаются отъ взятія Александріи, 638 г. по Р. Х. Это было только черезъ шесть лѣтъ по смерти Пророка. Менѣе чѣмъ въ два столѣтія они не только познакомились съ греческими научными писателями, но правильно оцѣнили ихъ. Какъ мы уже упоминали, халифъ Аль-Мамунъ, по договору съ Михаиломъ III, получилъ списокъ Птолемея «*Syntaxis*». Онъ тотчасъ перевелъ его на арабскій языкъ. Трудъ Птолемея съ этого же времени сталъ великимъ авторитетомъ для сарацинскихъ астрономовъ. Отъ этого основанія Сарацины дошли до рѣшенія нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ научныхъ задачъ. Они опредѣляли размѣры земли; они отмѣтили или внесли въ каталогъ всѣ звѣзды, видимыя на ихъ небѣ, давая звѣздамъ болѣе крупныхъ величинъ имена, которыя онѣ еще носятъ на нашихъ небесныхъ картахъ и глобусахъ; они опредѣлили истинную продолжительность года, открыли астрономическую рефракцію, изобрѣли часы съ маятникомъ, улучшили фотометрію звѣздъ, опредѣлили криволинейный путь луча свѣта въ воздухѣ, объяснили явленія горизонтальнаго солнца и луны, и какимъ образомъ мы видимъ эти свѣтила прежде, чѣмъ онѣ взошли и послѣ того, какъ онѣ сѣли; измѣряли высоту атмосферы, опредѣляя ее въ пятьдесятъ восемь миль; дали истинную теорію сумерекъ и мерцанія звѣздъ. Они построили первую обсерваторію въ Европѣ. Въ своихъ наблюденіяхъ они были такъ точны, что лучшіе новѣйшіе математики пользовались ихъ результатами. Такъ Лапласъ, въ своей «*Système du Monde*», приводитъ наблюденія Аль-Батегніи, какъ представляющія несомнѣнное доказательство уменьшенія эксцентриситета земной орбиты. Онъ пользуется наблюденіями Ибнъ-Юниса въ своемъ изслѣдованіи о наклонности

эклиптики и также относительно проблемъ большихъ неравенствъ Юпитера и Сатурна.

Это представляетъ только часть, и притомъ небольшую часть, заслугъ, оказанныхъ арабскими астрономами, въ рѣшеніи вопроса о природѣ міра. Между тѣмъ, состояніе христіанскаго общества было покрыто такимъ мракомъ, оно было въ такомъ плачевномъ невѣжествѣ, что нисколько не заботилось объ этихъ вещахъ. Его вниманіе было поглощено схоластическими толками...

Это равнодушіе продолжалось до конца пятнадцатаго столѣтія. Но даже и тогда не было научнаго побужденія. Возбуждающіе мотивы были совсѣмъ иного рода. Они произошли изъ торговаго соперничества, и вопросъ о формѣ земли былъ наконецъ рѣшенъ тремя мореплавателями, Колумбомъ, Де-Гамою и въ особенности Фердинандомъ Магелланомъ.

Торговля съ Восточной Азіей всегда была источникомъ огромнаго богатства для западныхъ народовъ, которые послѣдовательно овладѣвали ей. Въ средніе вѣка она сосредоточилась въ Верхней Италіи. Она велась по двумъ линіямъ: сѣверной, черезъ Черное и Каспійское моря, и затѣмъ, караванами верблюдовъ — главнымъ пунктомъ этой линіи была Генуя; и южной, черезъ сирійскіе и египетскіе порты и Арабское море — здѣсь главнымъ пунктомъ была Венеція. Купцы, торговавшіе по этой линіи, приобрѣли также большія выгоды транспортной работой во время Крестовыхъ походовъ.

Венеціанцы заботились о томъ, чтобы поддерживать дружескія отношенія съ мохаммеданскими властями въ Сиріи и Египтѣ; имъ позволено было имѣть свои консульства въ Александріи и Дамаскѣ и, несмотря на военныя потрясенія, сценой которыхъ были эти страны, торговля все-таки держалась въ сравнительно

цвѣтушемъ состояніи. Но сѣверная или генуэзская линія была совершенно разорвана нашествіями Татаръ и Турокъ, и военными и политическими смутами въ странахъ, черезъ которыя шла эта линія. Восточная торговля Генуи была не только въ опасномъ положеніи, — она была на краю гибели.

Круговой видимый горизонтъ и его погруженіе въ море, постепенное появленіе и исчезновеніе кораблей въ открытомъ морѣ, не могли не внушить разумнымъ мореплавателямъ понятія о шарообразности земли. Сочиненія мохаммеданскихъ астрономовъ и философовъ дали ходъ этому ученію въ Западной Европѣ, но, какъ можно было ожидать, оно было принято неблагосклонно теологами. Когда Генуя была такимъ образомъ на самомъ краю разоренія, нѣкоторымъ изъ ея моряковъ пришло въ голову, что еслибы этотъ взглядъ былъ справедливъ, то ея дѣла могли бы поправиться. Корабль, отправляющійся черезъ Гибралтарскій проливъ къ западу, черезъ Атлантическій океанъ, не могъ бы не придти въ Восточную Индію. Здѣсь были очевидно и другія большія выгоды. Можно было бы перевозить тяжелые грузы безъ утомительной и дорогой перевозки сухимъ путемъ и безъ перегрузки.

Между генуэзскими мореплавателями, имѣвшими эти взгляды, былъ Христофоръ Колумбъ.

Онъ говоритъ намъ, что его вниманіе къ этому предмету привлечено было сочиненіями Аверроэса, но въ числѣ его друзей былъ флорентинецъ Тосканелли, который занимался астрономіей и сдѣлался сильнымъ защитникомъ шарообразности земли. Въ самой Генуѣ Колумбъ встрѣтилъ мало поощреній. Тогда онъ потратилъ нѣсколько лѣтъ на старанія заинтересовать въ предположенномъ предпріятіи различныхъ государей. Испанскіе духовные указатели нерелигіозное направленіе этого предпріятія,

и оно было осуждено соборомъ въ Саламанкѣ; ортодоксальность предпріятія доказывалась изъ книги Бытія, Псалмовъ, Пророчествъ, Евангелія, Посланій и сочиненій отцовъ церкви, І. Златоуста, Августина, Иеронима, Григорія, Василія, Амвросія.

Но наконецъ, поощренный испанской королевой Изабеллой и получивъ существенную помощь отъ богатой мореходной фамиліи Пинцоновъ изъ Палоса, изъ которыхъ иные присоединились къ нему лично, Колумбъ отплылъ 3-го августа 1492 года съ тремя небольшими кораблями изъ Палоса, имѣя съ собою письмо отъ короля Фердинанда къ великому хану Татаріи, и также карту, составленную на основаніи карты Тосканелли. Незадолго до полуночи 11-го октября 1492 года, онъ увидѣлъ съ бака своего корабля движущійся свѣтъ на нѣкоторомъ разстояніи. Черезъ два часа сигнальный выстрѣлъ съ другаго корабля возвѣстилъ, что онъ завидѣлъ землю. При восходѣ солнца Колумбъ присталъ къ Новому Свѣту.

По возвращеніи его въ Европу, всѣ думали, что онъ достигъ восточныхъ частей Азіи и что поэтому теоретически путешествіе его было успѣшно. Самъ Колумбъ умеръ въ этой вѣрѣ. Но многочисленные путешествія, вскорѣ предпріятыя, сдѣлали извѣстнымъ общій очеркъ береговой линіи Америки, и открытіе Великаго Южнаго моря, сдѣланное Бальбоа, объяснило наконецъ истинные факты этого дѣла и ошибку, въ которую впали и Тосканелли, и Колумбъ, что въ путешествіи на западъ разстояніе отъ Европы до Азіи не можетъ превышать разстоянія, проходимаго въ путешествіи отъ Италіи до Гвинейскаго залива, — такое путешествіе Колумбъ дѣлалъ нѣсколько разъ.

Въ своемъ первомъ путешествіи, въ вечерніе сумерки 13-го сентября 1492 года, находясь тогда въ двухъ съ половиной градусахъ къ востоку отъ Корво, одного изъ Азорскихъ острововъ,

Колумбъ замѣтилъ, что стрѣлки компаса на корабляхъ не указываютъ уже немного къ востоку отъ сѣвера, но уклоняются къ западу. Отклоненіе дѣлалось болѣе и болѣе замѣтнымъ, по мѣрѣ того, какъ экспедиція двигалась впередъ. Онъ не первый открывалъ фактъ отклоненія, но безспорно онъ первый открылъ линію, гдѣ не было отклоненія. На возвратномъ пути замѣчено было обратное явленіе; отклоненіе къ западу уменьшилось, пока не былъ достигнутъ упомянутый меридіанъ, гдѣ стрѣлки опять какъ слѣдуетъ показывали сѣверъ. Затѣмъ, съ приближеніемъ къ берегамъ Европы, отклоненіе было къ востоку. Поэтому, Колумбъ пришелъ къ заключенію, что линія, гдѣ не было отклоненій, была опредѣленная географическая линія, или граница между восточнымъ или западнымъ полушаріями. Вслѣдствіе того, папа Александръ VI, въ буллѣ мая 1493 года, принявъ эту линію какъ постоянную границу между владѣніями Испаніи и Португаліи, когда рѣшалъ споры этихъ двухъ націй. Но впоследствии было однако замѣчено, что эта линія подвинулась къ востоку. Въ 1662 году, она совпадала съ меридіаномъ Лондона.

Папская булла означала границу Португальскихъ владѣній на востокъ линіей отклоненія. Португальское правительство получило свѣдѣніе, шедшее отъ какихъ-то египетскихъ Евреевъ, что можно было проплыть кругомъ материка Африки, на южномъ краю которой находится мысъ, который можно легко обойти. Юля 9-го 1497 г., отправилась экспедиція изъ трехъ кораблей подъ начальствомъ Васко-де-Гамы; она обошла мысъ 20-го ноября и достигла Калькутты, на берегу Индіи, 19-го мая 1498 года. По постановленію буллы, это путешествіе на востокъ давало Португальцамъ право на Индѣйскую торговлю.

До тѣхъ поръ, пока былъ обойденъ мысъ, направленіе кораблей Де-Гамы было вообще южное. Очень скоро замѣчено

было, что высота полярной звѣзды надъ горизонтомъ уменьшалась, и вскорѣ послѣ того, какъ достигнуть былъ экваторъ, эта звѣзда перестала быть видимой. Между тѣмъ появились новыя звѣзды, и нѣкоторыя изъ нихъ образовали великолѣбныя созвѣздія—это были звѣзды южнаго полушарія. Все это было согласно съ теоретическими ожиданіями, основанными на допущеніи шарообразности земли.

Политическія послѣдствія, тотчасъ происшедшія изъ этого, поставили Папское правительство въ очень затруднительное положеніе. Его преданія и политика запрещали ему допускать какую либо форму земли, кромѣ плоской... Скрыть факты было невозможно, софизмы были бесполезны. Торговое процвѣтаніе покинуло теперь и Венецію и Геную. Видъ Европы измѣнился. Морское могущество оставило страны Средиземнаго моря и перешло къ странамъ по берегу Атлантическаго океана.

Но испанское правительство не подчинилось преимуществамъ, которыя такимъ образомъ были безъ усилія приобрѣтены его торговымъ соперникомъ. Оно приняло представленія нѣкоего Фердинанда Магеллана, что можно достигнуть Индіи и Пряныхъ острововъ плывя на западъ, если только удастся найти проливъ или проходъ черезъ материкъ, который признанъ былъ теперь за «Американскій материкъ»; и, что если бы это было исполнено, то Испанія, по рѣшенію папской буллы, получила бы такое же право на индѣйскую торговлю какъ Португалія. Экспедиція изъ пяти кораблей, на которыхъ было двѣсти тридцать семь человекъ, отправлена была подъ начальствомъ Магеллана изъ Севильи, 10-го августа 1519.

Магелланъ тотчасъ смѣло направился къ берегамъ Южной Америки, надѣясь найти какой нибудь проходъ черезъ континентъ, которымъ онъ могъ бы достигнуть великаго Южнаго моря.

Въ теченіе семидесяти дней онъ имѣлъ штиль на этой линіи; его матросы утрачены были опасеніемъ, что они попали въ страну, гдѣ никогда не дуетъ вѣтеръ, и что имъ невозможно избавиться. Безвѣтріе, бури, возстаніе экипажа, бѣгство людей, ничто не могло поколебать его рѣшимости. Болѣе чѣмъ черезъ годъ онъ открылъ проливъ, носящій теперь его имя, и, какъ рассказываетъ сопровождавшій его итальянецъ, Пигафетта, онъ проливалъ слезы радости, когда увидѣлъ, что Богу угодно было наконецъ привести его туда, гдѣ онъ можетъ бороться съ неизвѣстными опасностями Южнаго моря, «Великаго и Тихаго океана».

Голодь заставлялъ его ѣсть куски кожи, которою кое-гдѣ скрѣплены были снасти корабля, ему приходилось пить стившую воду, его матросы умирали отъ голода и цынги, но этотъ человѣкъ, твердый въ своей вѣрѣ въ шарообразность земли, продолжалъ править къ сѣверо-западу, и почти четыре мѣсяца не видѣлъ ни разу обитаемой земли. Онъ считалъ, что проплылъ по Тихому океану не менѣе двѣнадцати тысячъ миль. Онъ перешелъ экваторъ, увидѣлъ опять полярную звѣзду и наконецъ присталъ къ Разбойничьимъ островамъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ авантюристовъ съ Суматры. Между этими островами онъ былъ убитъ, или дикарями, или своими собственными людьми. Его помощникъ, Себастьянъ д'Элькано, принялъ команду надъ кораблемъ, направляя его курсъ на Мысь Доброй Надежды, и встрѣтивъ страшныя тягости. Наконецъ онъ обогнулъ этотъ мысъ, и затѣмъ въ четвертый разъ перешелъ экваторъ. Сентября 7-го 1522, послѣ путешествія, продолжавшагося болѣе трехъ лѣтъ, онъ поставилъ свой корабль, Санъ-Витторіа, на якорь въ С. Лукарскомъ портѣ близъ Севильи. Этотъ корабль исполнилъ величайшій подвигъ въ исторіи человѣческаго рода. Онъ совершилъ плаваніе вокругъ земнаго шара.

Санъ-Витторіа, плывя на западъ, пришла назадъ къ своему исходному пункту. Съ тѣхъ поръ схоластическое ученіе о плоской формѣ земли было безвозвратно уничтожено.

Черезъ пять лѣтъ послѣ окончанія путешествія Магеллана, въ христіанскомъ мірѣ сдѣлана была первая попытка опредѣлить величину земли. Эту попытку совершилъ французскій естествоиспытатель Фернель, который, опредѣливъ высоту полюса въ Парижѣ, отправился оттуда на сѣверъ, пока прибылъ къ мѣсту, гдѣ высота полюса была именно на одинъ градусъ больше чѣмъ въ Парижѣ. Онъ измѣрилъ разстояніе между двумя станціями числомъ оборотовъ одного изъ колесъ его экипажа, къ которому придѣланъ былъ надлежащій указатель, и пришелъ къ заключенію, что окружность земли имѣетъ около двадцати-четырехъ тысячъ четырехъ сотъ восьмидесяти итальянскихъ миль.

Измѣренія, исполненныя съ бѣльшимъ или меньшимъ вниманіемъ, сдѣланы были во многихъ странахъ: Снеллемъ, въ Голландіи; Норвудомъ, между Лондономъ и Юркомъ въ Англіи; Пикаромъ, подъ покровительствомъ Французской Академіи Наукъ, во Франціи. Планъ Пикара состоялъ въ томъ, чтобы связать два пункта рядомъ треугольниковъ и, опредѣливъ такимъ образомъ длину дуги меридіана, заключающейся между ними, сравнить ее съ разницей широтъ, найденныхъ астрономическими наблюденіями. Станціи были Мальвуазинъ въ окрестностяхъ Парижа, и Сурдонъ, близъ Амьена. Разница широтъ была опредѣлена наблюденіемъ зенитныхъ разстояній звѣзды δ въ созвѣздіи Кассіопеи. Съ этой работой Пикара связаны два интересныя обстоятельства: здѣсь въ первый разъ употреблены были инструменты, снабженные телескопами; и результатъ работы, какъ мы скоро увидимъ, послужилъ для Ньютона первымъ подтвержденіемъ теоріи всеобщаго тяготѣнія.

Въ это время стало ясно изъ механическихъ соображеній, и въ особенности тѣхъ, какія были выведены Ньютономъ, что, такъ какъ земля есть вертящееся тѣло, то форма ея не можетъ быть совершеннымъ шаромъ, но должна быть сфероидомъ, сжатымъ у полюсовъ. Изъ этого должно было слѣдовать, что длина градуса должна быть больше у полюсовъ, чѣмъ у экватора.

Французская Академія рѣшилась распространить операцію Никара, продолживъ измѣренія по всѣмъ направленіямъ, и результатъ ихъ положить въ основаніе болѣе точной карты Франціи. Дѣло впрочемъ замедлилось, и не ранѣе какъ въ 1718 окончены были измѣренія отъ Дюнкирхена на сѣверѣ до южной оконечности Франціи. Истолкованіе этихъ измѣреній повело къ спору, такъ какъ одни утверждали, что эти измѣренія указываютъ удлинненный, другіе — сжатый сфероидъ; первая фигура можетъ быть популярно представлена лимономъ, вторая — апельсиномъ. Чтобы рѣшить споръ, французское правительство, при помощи Французской Академіи, послало двѣ экспедиціи для измѣренія градусовъ меридіана: одну — подъ экваторомъ, другую — какъ можно дальше на сѣверѣ; первая отправилась въ Перу, другая въ Шведскую Лапландію. Обѣ партіи встрѣтились съ чрезвычайными трудностями. Но Лапландская коммисія кончила свои наблюденія гораздо раньше Перуанской, которая потребовала не менѣе девяти лѣтъ. Результаты полученныхъ такимъ образомъ измѣреній подтвердили теоретическое ожиданіе сжатой формы. Съ тѣхъ поръ сдѣлано было много обширныхъ и точныхъ повтореній этого наблюденія, между которыми можно упомянуть наблюденія Англичанъ въ Англій и Индіи, и особенно Французовъ по поводу введенія метрической системы мѣръ и вѣсовъ. Последнія начаты были Делабромъ и Мешэномъ, отъ Дюнкирхена до Барселоны, и оттуда продолжены были Біо и Араго до острова

Форментеры близъ Минорки. Длина ихъ была около двѣнадцати съ половиной градусовъ.

Кромѣ этого способа прямого измѣренія, форму земли можно быть опредѣлять изъ наблюденія числа колебаній маятника одной неизмѣнной длины въ различныхъ широтахъ. Это наблюденіе, хотя подтверждаетъ предыдущіе результаты, даетъ землѣ нѣсколько бѣльшую эллиптичность, чѣмъ какую находятъ измѣреніемъ градусовъ. Маятникъ качается медленнѣе чѣмъ ближе къ экватору. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ здѣсь дальше отъ центра земли.

Изъ наибѣлье достовѣрныхъ измѣреній, какія были сдѣланы, размѣры земли могутъ быть опредѣлены такъ:

Большой или экваторіальный діаметръ	7,925 миль.
Меньшій или полярный діаметръ	7,899 >
Разница или полярное сжатіе	26 >

Таковъ былъ результатъ изслѣдованія о формѣ и величинѣ земли. Но когда это еще не было опредѣлено, возникъ другой споръ, богатый еще болѣе серьезными послѣдствіями. Это было столкновеніе по поводу положенія земли относительно солнца и планетныхъ тѣлъ.

Полякъ Коперникъ, около 1507 г., окончилъ книгу «De revolutionibus», или объ обращеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Въ молодости Коперникъ путешествовалъ въ Италіи, посвятилъ свое вниманіе астрономіи и учился математикѣ въ Римѣ. Изъ глубокаго изученія Птолемеевой и Пифагоровой системъ, онъ пришелъ къ заключенію въ пользу послѣдней, и цѣлью его книги было защищать эту послѣднюю. Зная, что его ученія были совершенно противоположны принятымъ теологическимъ положеніямъ, и предвидя, что онѣ навлекутъ ему наказаніе отъ церкви, онъ высказался осторожнымъ и апологетическимъ образомъ, говоря, что

онъ позволилъ только себѣ попытаться, нельзя ли, предположивъ движеніе земли, найти лучшія объясненія обращеній небесныхъ тѣлъ, чѣмъ какія даваемы были прежде; что дѣлая это, онъ воспользовался только правомъ, какое дано было и другимъ, дѣлать гипотезы, какія имъ вздумается. Предисловіе было обращено къ папѣ Павлу III.

Полный предчувствій о послѣдствіяхъ, какія могутъ произойти, онъ въ теченіе тридцати шести лѣтъ откладывалъ изданіе своей книги, думая, что «быть можетъ, лучше послѣдовать примѣру Пифагорейцевъ и другихъ, которые передавали свое ученіе только устно и друзьямъ». Наконецъ, по просьбѣ кардинала Шомберга онъ издалъ свою книгу въ 1543. Печатный экземпляръ былъ принесенъ къ его смертному одру. Судьба книги была такова, какъ онъ предвидѣлъ. Инквизиція осудила ее какъ еретическую. Въ своемъ постановленіи, запрещавшемъ ее, Конгрегация Индекса (указателя запрещенныхъ книгъ) обвинила систему Коперника какъ «ложное пифагорейское ученіе, совершенно противное Священному Писанію».

Астрономы справедливо утверждаютъ, что книга Коперника «De revolutionibus» измѣнила видъ ихъ науки. Она безспорно основала гелиоцентрическую теорію. Она показала, что отдаленіе неподвижныхъ звѣздъ безконечно велико, и что земля есть только точка на небесахъ. Предупреждая Ньютона, Коперникъ приписывалъ тяготѣніе солнцу, лунѣ и небеснымъ тѣламъ, но онъ впалъ въ заблужденіе, предположивъ, что небесныя движенія должны быть круговыя. Къ этой теоріи привели Коперника наблюденія надъ орбитой Марса и его различными діаметрами въ разное время.

Обвиняя такимъ образомъ Коперникову систему какъ противорѣчающую Св. Писанію, клерикальныя власти безъ сомнѣнія

глубоко побуждаемы были соображеніями о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ. Лишить землю ея центральнаго господствующаго положенія, дать ей много равныхъ и не мало превосходящихъ ее планетныхъ тѣлъ, — имъ казалось, что это значило уменьшить ея права на божественное вниманіе.

Въ 1608 году голландецъ Липперсгей открылъ, что если смотрѣть черезъ два, соединенныя извѣстнымъ образомъ, двойко-выпуклыя стекла, то отдаленные предметы увеличиваются и бываютъ очень ясно видны. Онъ изобрѣлъ телескопъ. Въ слѣдующемъ году флорентинецъ Галилей, знаменитый своими сочиненіями по математикѣ и другимъ наукамъ, услышавъ объ этомъ обстоятельствѣ, но не зная подробностей устройства, самъ изобрѣлъ форму инструмента. Совершенствуя его мало по малу, онъ успѣлъ сдѣлать инструментъ, увеличивавшій въ тридцать разъ. Изслѣдуя луну, онъ нашелъ, что на ней, какъ и на землѣ, есть долины и горы, бросающія тѣнь. Въ старыя времена говорили, что въ Плеядахъ было сначала семь звѣздъ, но легенда сообщала, что одна изъ звѣздъ таинственно исчезла. Направивши на нихъ свой телескопъ, Галилей нашелъ, что могъ легко насчитать въ Плеядахъ не менѣе сорока звѣздъ. Въ какомъ направленіи онъ ни смотрѣлъ, онъ открывалъ звѣзды, совершенно невидимыя невооруженному глазу.

Ночью 7-го января 1610, онъ замѣтилъ три звѣзды по прямой линіи, находившіяся близъ Юпитера, а черезъ нѣсколько вечеровъ и четвертую. Онъ нашелъ, что онѣ обращались по орбитамъ вокругъ планеты, и съ восторгомъ увидѣлъ, что онѣ представляли миньятюрное изображеніе Коперниковой системы.

Возвѣщеніе объ этихъ чудесахъ тотчасъ привлекло всеобщее вниманіе. Клерикальныя власти не замедлили открыть ихъ тенденцію, подвергающую опасности ученіе, что вселенная устроена

для человѣка. Въ созданіи мириадъ звѣздъ, до тѣхъ поръ невидимыхъ, безъ сомнѣнія должна была быть другая побудительная причина, чѣмъ освѣщать для него ночи.

На теорію Копернива возражали, что если планеты Меркурій и Венера движутся вокругъ солнца по орбитамъ, находящимся внутри орбиты земли, то онѣ должны бы имѣть свои фазисы, какъ луна; и что у Венеры, которая такъ видна и блестяща, эти фазисы должны быть очень замѣтны. Самъ Коперникъ признавалъ силу этого возраженія и напрасно старался найти объясненіе. Галилей, обративши свой телескопъ на эту планету, открылъ, что предположенные фазисы дѣйствительно существуютъ: Венера имѣла видъ луны, въ первой четверти, въ половинѣ, въ трехъ-четвертяхъ, и полной луны. До Коперника предполагали, что планеты свѣтятъ собственнымъ свѣтомъ; но фазисы Венеры и Марса доказали, что свѣтъ ихъ—отраженный. Аристотелевское понятіе, что небесныя тѣла отличаются отъ земныхъ своей невредимостью, получило сильный ударъ отъ открытій Галилея, что на лунѣ есть горы и долины, какъ на землѣ, что солнце не совершенно, но что на немъ есть пятна, и что оно обращается на своей оси, а не находится въ состояніи величественнаго покоя. Появленіе новыхъ звѣздъ уже набросило серьезныя сомнѣнія на эту теорію о невредимости.

Эти и многія другія прекрасныя открытія телескопа больше и больше подтверждали вѣрность теоріи Коперника и до крайности встревожили клерикальныя власти. Низшіе и невѣжественные клерики осуждали ихъ какъ заблужденіе или обманъ. Одни утверждали, что телескопу можно было довѣрять относительно земныхъ предметовъ, но относительно небесныхъ тѣлъ это было совсѣмъ иное. Другіе объявляли, что изобрѣтеніе телескопа было простымъ примѣненіемъ замѣчанія Аристотеля, что звѣзды

можно видѣть днемъ со дна глубокаго колодца. Галилей былъ обвиненъ въ обманѣ, въ ереси, въ богохульствѣ, въ безбожїи. Съ цѣлью защиты себя, Галилей написалъ письмо къ аббату Каstellи, высказывая мысль, что Писаніе никогда не назначалось быть научнымъ авторитетомъ, но только нравственнымъ руководствомъ. Дѣло стало отъ того еще хуже. Онъ былъ вызванъ предъ Священную Инквизицію, по обвиненію въ томъ, что онъ училъ, будто земля обращается вокругъ солнца, — ученіе, «совершенно противное Писанію». Ему велѣно было отречься отъ этой ереси, подъ страхомъ заключенія въ тюрьму. Ему совѣтовали отказаться отъ преподаванія и защиты Коперниковой системы, и обязаться, что онъ не будетъ впредь ни публиковать, ни защищать ее. Зная, что научная истина не нуждается въ мученикахъ, онъ согласился на требуемое отреченіе и далъ обѣщаніе, каковаго отъ него желали.

Шестнадцать лѣтъ клерикалы были спокойны. Но въ 1632 году Галилей рѣшился издать свой трудъ, подъ заглавіемъ «Система міра», цѣлью котораго было доказательство Коперникова ученія. Его снова вызвали въ Римъ предъ Инквизицію, и обвиняли въ томъ, что онъ утверждаетъ обращеніе земли около солнца. Ему объявили, что онъ навлекъ на себя наказаніе, налагаемое за ересь. На колѣняхъ, положивъ руку на Библию, онъ принужденъ былъ отречься и проклясть ученіе о движеніи земли. Какое зрѣлище! Этотъ почтенный человѣкъ, знаменитѣйшій человѣкъ своего времени, вынужденъ былъ подъ угрозою смерти отрицать факты, истинность которыхъ извѣстна была его судьямъ также, какъ ему! Его заключили потомъ въ тюрьму, обращались съ нимъ съ безжалостной суровостью въ остальные десять лѣтъ его жизни, и по смерти ему отказано было въ погребеніи на кладбищѣ... Миѣнія, которыя такимъ образомъ защи-

щала Инквизиція, служатъ теперь посмѣшникомъ всего образованнаго міра.

Одинъ изъ величайшихъ новѣйшихъ математиковъ, упоминаемая объ этомъ предметѣ, говоритъ, что пунктъ, подвергшійся тогда оспариванію, имѣлъ величайшій интересъ для человѣчества, вслѣдствіе того значенія, какое онъ опредѣлялъ обитаемой нами планетѣ. Если земля неподвижна среди вселенной, человѣкъ имѣетъ право считать себя главнымъ предметомъ попеченій Природы. Но если земля есть только одна изъ планетъ, обращающихся вокругъ солнца, незначительное тѣло въ солнечной системѣ, она совершенно исчезаетъ въ неизмѣримости небесъ, съ которой эта система, какъ ни обширную она представляется намъ, есть только незначительная точка.

Побѣдоносное утвержденіе Коперниковой системы должно считаться съ изобрѣтенія телескопа. Скоро во всей Европѣ нельзя было найти астронома, который не принималъ бы геліоцентрической теоріи съ ея существеннымъ основаніемъ, двоякимъ движеніемъ земли — вращеніемъ около своей оси, и движеніемъ вокругъ солнца. Ежели для этого послѣдняго нужно было еще лишнее доказательство, его доставило великое открытіе Брадлеемъ абераціи неподвижныхъ звѣздъ, абераціи, зависящей частію отъ прогрессивнаго движенія свѣта, частію отъ обращенія земли. Открытіе Брадлея равнялось по своей важности съ открытіемъ предваренія равноденствій. Открытіе прогрессивнаго движенія свѣта Рёмеромъ, хотя и было названо Фонтенелемъ соблазнительной ошибкой и не было принято Кассини, наконецъ проложило себѣ путь къ всеобщему признанію.

Далѣе, необходимо было получить правильныя понятія о

размѣрахъ солнечной системы, или, ставя задачу въ болѣе ограниченной формѣ, опредѣлить разстояніе земли отъ солнца.

Во время Коперника предполагали, что разстояніе отъ солнца не могло превышать пяти милліоновъ миль, и были даже многіе, которые находили это вычисленіе слишкомъ преувеличеннымъ. Но Кеплеръ, изъ обзора наблюденій Тихо Браге, заключилъ, что на дѣлѣ ошибка была въ противоположномъ смыслѣ, и что эта цифра должна быть поднята по крайней мѣрѣ до тринадцати милліоновъ. Въ 1670 году, Кассини доказалъ, что эти цифры совершенно не соотвѣтствуютъ фактамъ, и далъ свое вычисленіе въ восемьдесятъ пять милліоновъ.

Прохожденіе Венеры черезъ солнце, 3-го іюня 1769 года, было предвидѣно, и была оцѣнена его великая важность для рѣшенія этой основной задачи въ астрономіи. Различныя правительства съ похвальной ревностью оказали свое содѣйствіе къ производству наблюденій, такъ что въ Европѣ было пятьдесятъ станцій, въ Азійи шесть, въ Америкѣ семнадцать. Для этой цѣли Англійское правительство отправило капитана Кука въ его знаменитое первое путешествіе. Онъ прибылъ въ Отаити. Его путешествіе увѣнчалось успѣхомъ. Солнце взошло безъ облаковъ, и небо оставалось яснымъ въ теченіе цѣлаго дня. Прохожденіе Венеры на станціи Кука продолжалось почти отъ половины десятаго часа утра до половины четвертаго пополудни, и всѣ наблюденія произведены удовлетворительнымъ образомъ.

Но, при разсмотрѣніи наблюденій, сдѣланныхъ на разныхъ станціяхъ, найдено было, что въ нихъ не было согласія, какое было бы желательно — такъ какъ результатъ варьировалъ отъ восьмидесяти восьми до ста девяти милліоновъ. Поэтому знаменитый математикъ Энке пересмотрѣлъ ихъ въ 1822—24 г. и пришелъ къ заключенію, что горизонтальный параллаксъ солнца,

то есть, уголь, подъ которымъ видѣнъ съ солнца радіусъ земли, есть 8,576 секундъ; это давало разстояніе въ 95,274,000 миль. Впослѣдствіи эти наблюденія были снова разсмотрѣны Ганzenомъ, который далъ ихъ результатъ въ 91,659,000 миль. Еще позднѣе, Леверрье нашелъ 91,759,000. Айри и Стоунъ, по другому способу, нашли 91,400,000; одинъ Стоунъ, но пересмотру старыхъ наблюденій, 91,730,000; и наконецъ, Фуко и Физо, изъ физическихъ опытовъ, опредѣляющихъ быстроту свѣта, и слѣдовательно по своему свойству совершенно отличныхъ отъ наблюденій по прохожденію, нашли 91,400,000. До тѣхъ поръ, пока будутъ опредѣлены результаты наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры 1874 года, должно поэтому принимать, что разстояніе земли отъ солнца нѣсколько менѣе девяноста двухъ милліоновъ миль.

Когда это разъ опредѣлено, можно легко и съ точностью опредѣлить размѣры солнечной системы. Довольно упомянуть, что разстояніе Нептуна, самой отдаленной изъ извѣстныхъ донынѣ планетъ, отъ солнца приблизительно въ тридцать разъ больше разстоянія земли.

Съ помощью этихъ чиселъ мы можемъ впервые получать правильную оцѣнку ученія о человѣческомъ назначеніи вселенной — ученія, что все было создано для человѣка. Видимая съ солнца, земля умалется до простаго пятнышка, до пылинки, блестящей въ его лучахъ. Если читатель желаетъ болѣе точнаго указанія, пусть онъ держитъ страницу этой книги футахъ въ двухъ отъ глаза; затѣмъ пусть посмотритъ на одну изъ ея точекъ; эта точка въ нѣсколько сотъ разъ больше по своей поверхности, чѣмъ земля, видимая съ солнца!

Какое же значеніе можетъ имѣть такая почти неуловимая частица? Можно подумать, что ее возможно удалить или даже

уничтожить, и отсутствіе ея останется незамѣтно. Какое значеніе имѣеть одна изъ тѣхъ человѣческихъ монадъ, которыхъ болѣе тысячи милліоновъ кишитъ на поверхности этой едва видимой точки, и изъ милліона которыхъ едва ли одинъ оставить слѣдъ, что онъ когда нибудь существовалъ? Какое значеніе имѣеть человѣкъ, его радости или его страданія?

Въ числѣ аргументовъ, которые выставлялись противъ Коперниковой системы во время ея обнародованія, былъ аргументъ великаго датскаго астронома Тихо Браге, выставленный первоначально Аристархомъ противъ системы Пифагора, — онъ состоялъ въ томъ, что если, какъ утверждаютъ, земля движется вокругъ солнца, то должна бы быть переменна въ направленіи, въ которомъ являются неподвижныя звѣзды. Въ одно время мы бываемъ ближе къ извѣстной странѣ неба на разстояніе равное цѣлому діаметру земной орбиты, чѣмъ были за полгода передъ тѣмъ, и потому должна бы быть переменна въ относительномъ положеніи звѣздъ; должно бы казаться, что онѣ расходятся, когда мы приближаемся къ нимъ, и сближаются, когда мы отъ нихъ удаляемся; или, употребляя астрономическое выраженіе, эти звѣзды должны бы имѣть годовой параллаксъ.

Параллаксъ звѣзды есть уголъ, заключающійся между двумя линіями, проведенными отъ нея — одна къ солнцу, другая къ землѣ.

Въ это время, разстояніе земли отъ солнца опредѣлялось гораздо менѣе дѣйствительнаго. Если бы тогда было извѣстно, какъ теперь, что это разстояніе превышаетъ девяносто милліоновъ миль, или что діаметръ орбиты больше ста восьмидесяти милліоновъ, этотъ аргументъ имѣлъ бы безъ сомнѣнія весьма большой вѣсъ.

Въ отвѣтъ Тихо Браге говорили, что, такъ какъ параллаксъ

тѣла уменьшается по мѣрѣ увеличенія разстоянія, звѣзда можетъ быть такъ далеко, что ея параллаксъ остается незамѣтенъ. Этотъ отвѣтъ оказался вѣрнымъ. Открытіе параллакса звѣздъ зависѣло отъ улучшенія инструментовъ для измѣренія угловъ.

Параллаксъ звѣзды α въ созвѣздіи Центавра, прекрасной двойной звѣзды Южнаго Полушарія, которая считается теперь самой близкой изъ неподвижныхъ звѣздъ, былъ въ первый разъ опредѣленъ Гендерсономъ и Мэкклиромъ на мысѣ Доброй Надежды въ 1832—33 году. Онъ имѣетъ около девяти десятыхъ секунды. Потому, эта звѣзда почти въ двѣсти тридцать тысячъ разъ дальше отъ насъ, чѣмъ солнце. Видимое съ этой звѣзды, солнце, если бы даже было такъ велико, что наполняло бы всю орбиту земли или имѣло сто восемьдесятъ милліоновъ въ діаметрѣ, казалось бы одной точкой. Съ своимъ спутникомъ она обращается вокругъ ихъ общаго центра тяготѣнія въ восемьдесятъ одинъ годъ, и отсюда кажется, что ихъ соединенная масса меньше массы солнца.

Звѣзда 61 Лебеда есть звѣзда шестой величины. Ея параллаксъ въ первый разъ былъ найденъ Бесселемъ въ 1838 году, и имѣетъ около трети секунды. Поэтому, разстояніе ея отъ насъ гораздо болѣе чѣмъ въ пятьсотъ тысячъ разъ превышаетъ разстояніе земли отъ солнца. Съ своимъ спутникомъ она обращается вокругъ ихъ общаго центра тяготѣнія въ пятьсотъ двадцать лѣтъ. Ихъ общій вѣсъ составляетъ около одной трети вѣса солнца.

Есть основаніе думать, что большая звѣзда Сиріусъ, самая яркая звѣзда на небѣ, въ шесть разъ дальше чѣмъ α Центавра. Ея вѣроятный діаметръ есть двѣнадцать милліоновъ миль и свѣтъ, ея испускаемый, въ двѣсти разъ болѣе блестящъ, чѣмъ свѣтъ солнца. И однако, даже въ телескопъ, она не имѣетъ измѣримаго діаметра; она имѣетъ видъ только очень яркой искры.

И такъ, звѣзды отличаются не только видимой, но и дѣйствительной величиной. Какъ показываетъ спектроскопъ, онѣ очень отличаются химическимъ и физическимъ составомъ. Этотъ инструментъ открываетъ намъ также продолжительность жизни звѣзды, черезъ перемѣны въ способности преломленія испускаемаго свѣта. Хотя, какъ мы видѣли, ближайшая къ намъ звѣзда находится отъ насъ въ громадномъ разстояніи, это только первая ступень — есть другія звѣзды, лучи которыхъ потребовали тысячъ, быть можетъ, милліоновъ лѣтъ, чтобы достигнуть до насъ! Границы нашей системы находятся далеко за предѣломъ нашихъ самыхъ большихъ телескоповъ; что же сказать о другихъ системахъ? Міры разсѣяны какъ пыль въ безднахъ пространства.

Неужели эти исполинскія тѣла — міриады которыхъ размѣщены на такомъ обширномъ разстояніи, что нашъ невооруженный глазъ не можетъ примѣтить ихъ — неужели онѣ не имѣютъ другой цѣли, кромѣ той, какую приписываютъ имъ схоластики, — давать намъ свѣтъ? Ихъ громадная величина не показываетъ ли, что такъ какъ онѣ суть центры силы, онѣ должны быть центрами движенія — солнцами для другихъ системъ міровъ?

Въ то время, когда эти факты были еще извѣстны очень несовершенно — и даже были скорѣе умозрѣніями, чѣмъ фактами, — итальянецъ Джіордано Бруно, родившійся черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Коперника, издалъ сочиненіе о «Безконечности вселенной и міровъ»; онъ былъ также авторомъ «Вечернихъ бесѣдъ въ среду Великаго поста», апологіи Коперниковой системы и сочиненія о «Единой причинѣ вещей». Сюда можно еще прибавить аллегорію, изданную въ 1584 году, «Изгнаніе торжествующаго звѣря». Онъ собралъ также, для будущихъ астрономовъ, всѣ, какія могъ найти, наблюденія, относительно новой

звѣзды, внезапно явившейся въ Кассіопеѣ, 1572 г., — блескъ этой звѣзды все усиливался, такъ что наконецъ она превзошла всѣ другія звѣзды. Ее можно было ясно видѣть днемъ. Внезапно, ноября 11-го, она стала такъ свѣтла, какъ бываетъ Венера, когда она всего ярче. Въ слѣдующемъ мартѣ, она была какъ звѣзда первой величины. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она представляла разные оттѣнки свѣта, и исчезла въ мартѣ 1574 года.

Звѣзда, внезапно появившаяся въ *Serpentarius*, во времена Кеплера (1604 г.), была сначала ярче Венеры. Она держалась болѣе года, и перешедши разные оттѣнки пурпуроваго, желтаго, краснаго цвѣта, потухла.

Бруно вначалѣ готовился для духовнаго поприща. Онъ сдѣлался доминиканцемъ, но былъ введенъ въ сомнѣніе своими размышленіями о трансубстанціаціи и другихъ подобныхъ трудныхъ вопросахъ. Не стараясь скрывать свои мысли, онъ вскорѣ подпалъ осужденію клерикальныхъ властей, и нашелъ необходимымъ искать убѣжища сначала въ Швейцаріи, потомъ во Франціи, Англии, Германіи. Чуткія гончія Инквизиціи немилосердно гонялись по его слѣдамъ, и наконецъ загнали его назадъ въ Италію. Онъ былъ схваченъ въ Венеціи и заключенъ на шесть лѣтъ въ Пьюмби (свинцовая тюрьма), не имѣя ни книгъ, ни бумаги, ни друзей.

Въ Англии онъ читалъ лекціи о множествѣ міровъ, и въ этой странѣ написалъ, на итальянскомъ языкѣ, свои важнѣйшія произведенія. Ожесточеніе противъ него немало усилено было тѣмъ, что онъ постоянно возставалъ противъ неискренности, обмановъ его преслѣдователей; что куда онъ ни приходилъ, вездѣ онъ встрѣчалъ скептицизмъ, закрашенный или закрытый лицемѣріемъ: что онъ возставалъ не противъ вѣры людей, но противъ

ихъ мнимой вѣры; что онъ боролся противъ клерикализма, не имѣвшаго ни нравственности, ни вѣры.

Въ своихъ «Вечернихъ бесѣдахъ» онъ настаивалъ на томъ, что Писаніе никогда не предназначалось къ тому, чтобы преподавать науку, а только нравственность, и что нельзя его принимать какъ авторитетъ по астрономическимъ и физическимъ предметамъ. Въ особенности мы не можемъ принимать заключающагося въ немъ понятія объ устройствѣ міра, что земля есть плоская поверхность, поддерживаемая столбами; что небо есть твердь, полъ небесъ. Напротивъ, мы должны думать, что вселенная безконечна, и что она наполнена самосвѣтящими и темными мірами, изъ которыхъ многіе необитаемы; что надъ нами и вокругъ насъ нѣтъ ничего кромѣ пространства и звѣздъ. Его размышленія объ этихъ предметахъ привели его къ заключенію, что взгляды Аверроэса не далеки отъ истины—что есть Разумъ, одушевляющій вселенную, и что видимый міръ есть только эманация или проявленія этого Разума, порожденныя и поддерживаемыя силой, заимствованной изъ него, и что если бы эта сила была отнята, то всѣ вещи исчезли бы. Этотъ вѣчно-присутствующій, всепроникающій Разумъ есть Богъ, который живетъ во всѣхъ вещахъ, даже въ такихъ, которыя повидимому не живутъ; что всякая вещь готова сдѣлаться организмомъ, перейти въ жизнь. Поэтому Богъ есть «Единая причина вещей», «Все во Всемъ».

Такимъ образомъ Бруно можетъ считаться въ ряду философскихъ писателей, какъ посредствующій между Аверроэсомъ и Спинозой. Послѣдній полагалъ, что Богъ и Вселенная одно и то же, что всѣ событія происходятъ по неизмѣнному закону природы, по непобѣдимой необходимости; что Богъ есть Вселенная, производящая рядъ необходимыхъ движеній или актовъ, вслѣдствіе внутренней, неизмѣнной и непреодолимой энергіи.

По требованію клерикальныхъ властей, Бруно былъ переведенъ изъ Венеціи въ Римъ и заключенъ въ тюрьму Инквизиціи, обвиненный въ томъ, что онъ не только еретикъ, но ересіархъ, и написалъ вещи непристойныя относительно религіи; особенное обвиненіе противъ него было то, что онъ училъ о множествѣ міровъ — ученіе, по словамъ клерикальныхъ властей, противное всему содержанию Писанія и враждебное откровенной религіи, особенно же относительно искупленія. Послѣ двухъ-лѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, онъ былъ представленъ передъ своихъ судей, объявленъ виновнымъ въ упомянутыхъ дѣйствіяхъ, отлученъ отъ церкви, и послѣ его благороднаго отказа отречься отъ своихъ ученій, былъ переданъ свѣтскимъ властямъ, чтобы быть наказаннымъ «столь милосердо, сколько возможно, и безъ пролитія его крови» — ужасная формула, приговаривавшая къ сожженію на кострѣ. Зная, что хотя мучители его могутъ уничтожить его тѣло, но его мысли будутъ все-таки жить между людьми, онъ сказалъ своимъ судьямъ: «Быть можетъ, вы съ бѣльшимъ страхомъ постановляете приговоръ мнѣ, чѣмъ я принимаю его». Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и онъ былъ сожженъ въ Римѣ, 16 февраля 1600.

Невозможно безъ чувства жалости вспоминать страданія этихъ безчисленныхъ мучениковъ, которыхъ сначала одна партія, потомъ другая, возводила на костеръ за ихъ религіозныя мнѣнія. Но и тѣ и другіе въ свою послѣднюю минуту имѣли могущественную и вѣрную поддержку. Переходъ отъ этой жизни къ будущей, хотя и чрезъ тяжкое испытаніе, былъ переходомъ отъ временной суеты къ вѣчному блаженству, бѣгствомъ отъ свирѣпости земной къ милосердію неба. На своемъ пути черезъ мрачную юдоль мученикъ думалъ, что невидимая рука поведетъ его, что есть другъ, который будетъ руководить

его еще болѣе кротко и твердо при ужасахъ пламени. Для Бруно не было такой поддержки. Философскія мнѣнія, которымъ онъ пожертвовалъ своею жизнью, не могли дать ему никакого утѣшенія. Онъ долженъ былъ вынести послѣднюю борьбу одинъ. И не есть ли нѣчто очень высокое въ положеніи этого одинокаго человѣка, нѣчто, чему не можетъ не удивляться человѣческая природа, — когда онъ стоитъ въ сумрачной залѣ передъ своими неумолимыми судьями? Здѣсь нѣтъ ни обвинителя, ни свидѣтеля, ни защитника, и только служители священной Инквизиціи, одѣтые въ черномъ, движутся здѣсь урядкой. Мучители и орудія пытки внизу подъ сводами. Ему просто говорятъ, что онъ навлекъ на себя сильныя подозрѣнія въ ереси, такъ какъ онъ говорилъ, что есть другіе міры, кромѣ нашего. Его спрашиваютъ, хочетъ ли онъ отречься отъ своего заблужденія. Онъ не можетъ и не хочетъ отвергать того, истину чего онъ знаетъ, и быть можетъ — такъ какъ онъ часто дѣлалъ это прежде — онъ говоритъ своимъ судьямъ, что они сами, внутри себя, думаютъ тоже...

Быть можетъ, приближается день, когда потомство принесетъ искупленіе за это великое клерикальное преступленіе, и статуя Бруно будетъ открыта подъ куполомъ Св. Петра въ Римѣ.

ГЛАВА VII.

Споръ относительно древности земли.

Истинное положеніе земли во вселенной было опредѣлено только послѣ долгаго и сильнаго спора. Клерикальная партія употребляла всѣ силы, какія имѣла, даже до причиненія смерти, для поддержанія своихъ идей. Но все это было напрасно. Доказательства въ защиту Коперниковой теоріи становились непреодолимы. Наконецъ, всѣми было допущено, что солнце есть центральное правящее тѣло нашей системы; земля — только одна, и вовсе не самая большая, изъ семейства окружающихъ его планетъ.

Наученная исходомъ этого спора, клерикальная власть, когда предсталъ на разсмотрѣніе вопросъ о древности земли, не обнаружила активнаго сопротивленія, какое показала при первомъ случаѣ. Потому что, хотя ея преданія опять подвергались опасности, но по ея мнѣнію, нападенія не касались ихъ такъ жизненно. Лишить землю ея господствующаго положенія значило, какъ заявляли клерикальныя власти, подкопать самое основаніе откровенной истины; но разсужденія о времени творенія въ извѣстныхъ границахъ могли быть дозволены. Впрочемъ, эти

границы очень скоро были перейдены, и такимъ образомъ споръ сдѣлался столько же опасенъ, какъ былъ опасенъ прежній.

Не было возможности принять совѣтъ, данный Платономъ въ его «Тимей», когда онъ говорилъ объ этомъ предметѣ — происхожденіи вселенной: «и я, который говорю, и вы, которые судите, мы должны помнить, что мы люди, и потому, принимая вѣроятное мифологическое преданіе, мы уже не должны бы изслѣдовать его далѣе». Со времени Августина, церковныя книги сдѣланы были великимъ и окончательнымъ авторитетомъ во всѣхъ предметахъ науки, и теологи вывели изъ нихъ схемы хронологіи и космогоніи, которыя оказались камнями преткновенія для успѣховъ дѣйствительнаго знанія.

Намъ довольно только указать на нѣкоторыя главныя черты этихъ схемъ; ихъ подробности легко отличить съ достаточной ясностью. Такъ, изъ шести дней творенія и седьмого дня покоя, — такъ какъ мы читаемъ, что для Бога день какъ тысяча лѣтъ, — было заключено, что продолжительность міра будетъ шесть тысячъ лѣтъ страданія, и прибавочная тысяча, millennium покоя. Вообще полагали, что землѣ было около четырехъ тысячъ лѣтъ при рожденіи І. Христа, но Европа была такъ небрежна въ изученіи своихъ лѣтописей, что получила свою настоящую хронологію не ранѣе 527 по Р. Х. Въ это время, римскій аббатъ Діонисій Малый установилъ общепринятую эру и далъ Европѣ ея нынѣшнюю Христіанскую хронологію.

Способъ, принятый для полученія древнѣйшихъ хронологическихъ чиселъ, состоялъ въ счетѣ лѣтъ, основанномъ въ особенности на извѣстіяхъ о жизни патріарховъ. Много затрудненій встрѣчено было въ примиреніи числовыхъ разногласій... Въ тѣ некритическія времена всѣ извѣстія принимались буквально, и не принималось, напримѣръ, относительно Моисеевыхъ

книгъ, во вниманіе, что если онъ былъ авторомъ этихъ книгъ, то онъ разсказывалъ о событіяхъ, изъ которыхъ многія происходили болѣе, чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ до его рожденія... Численныя показанія книги Бытія въ различныхъ текстахъ были весьма несходны. Такъ, Самаританскій текстъ считалъ отъ сотворенія міра до потопа тысячу триста семь лѣтъ, Еврейскій — тысячу шестьсотъ пятьдесятъ шесть лѣтъ, переводъ Семидесяти толковниковъ — двѣ тысячи двѣсти шестьдесятъ три года. Текстъ Семидесяти считалъ отъ сотворенія міра до Авраама, на полторы тысячи лѣтъ больше чѣмъ Еврейскій. Но вообще болѣе расположены были предполагать, что потопъ происходилъ около двухъ тысячъ лѣтъ спустя послѣ сотворенія міра, и послѣ другаго промежутка въ двѣ тысячи лѣтъ, происходило рожденіе І. Христа. Люди, занимавшіеся много этимъ предметомъ, утверждали, что было не менѣе ста тридцати двухъ различныхъ мнѣній относительно года явленія Мессіи, и потому объявляли, что было бесполезно принимать слишкомъ точно числа Писанія, такъ какъ было ясно, изъ великаго разногласія въ различныхъ спискахъ, что Провидѣніе не употребило своего вмѣшательства для сохраненія правильнаго чтенія, и не было никакого знака, по которому люди могли бы притти къ одному достовѣрному чтенію. Даже тексты, пользовавшіеся величайшимъ уваженіемъ, заключали несомнѣнныя ошибки. Такъ, по тексту Семидесяти, Маѳусаилъ является живущимъ и послѣ потопа.

Думали, что въ допотопномъ мірѣ годъ состоялъ изъ трехъ сотъ шестидесяти дней. Нѣкоторые даже утверждали, что это было началомъ раздѣленія круга на триста шестьдесятъ градусовъ. Во время потопа, — такъ объявляли многіе теологи, — движеніе солнца измѣнилось, и годъ сталъ на пять дней и шесть

часовъ дольше. Господствующее мнѣніе было, что это поразительное событіе произошло 2-го ноября 1656 года отъ сотворенія міра. Но д-ръ Уистонъ (Whiston), искавшій бѣльшей точности, предпочиталъ отлагать его до 28-го ноября. Нѣкоторые думали, что радуга не была видима ранѣ потопа; другіе, очевидно съ бѣльшимъ основаніемъ, заключали, что она въ то время въ первый разъ была дана какъ знаменіе. При выходѣ изъ ковчега, люди получили дозволеніе употреблять мясо въ пищу, а допотопные люди питались только растеніями! Повидимому, потопъ не произвелъ никакихъ географическихъ перемѣнъ, потому что Ной, основываясь на своихъ свѣдѣніяхъ, предпринялъ дѣленіе земли между своими тремя сыновьями, давая Іафету Европу, Симу Азію, Хаму Африку. Объ Америкѣ упомянуто не было.

Въ семьдесятъ лѣтъ Азіатское семейство возрасло до нѣсколькихъ сотъ человекъ. Они прошли въ равнины Месопотаміи, и здѣсь, по побужденію, котораго мы не можемъ угадать, начали строить башню, «вершина которой достигала бы до небесъ». Евсевій сообщаетъ намъ, что этотъ трудъ продолжался сорокъ лѣтъ. Строители оставили его только послѣ того, какъ произошло чудесное смѣшеніе ихъ языковъ, разсѣявшее ихъ всѣхъ по землѣ. Амвросій доказываетъ, что это смѣшеніе не могло быть сдѣлано людьми. Оригенъ думаетъ, что даже не ангелы совершили его.

Сказаніе о смѣшеніи языковъ породило между теологами много любопытныхъ соображеній о первобытномъ языкѣ человека. Нѣкоторые думали, что языкъ Адама состоялъ исключительно изъ именъ, что онѣ были односложныя, и что смѣшеніе произведено было введеніемъ многосложныхъ. Но эти ученые люди упустили изъ виду многочисленные разговоры, приведенные въ

книгѣ Бытія... Въ нихъ встрѣчаются всѣ различныя части рѣчи. Но мнѣнія совпадали въ томъ, что первобытный языкъ былъ Еврейскій. Это такъ и должно было быть по общимъ принципамъ патристицизма.

Греческіе патристическіе писатели считали, что во время разсѣянія образовалось семьдесятъ два народа и съ этимъ заключеніемъ соглашается Августинъ. Но въ этихъ вычисленіяхъ, кажется, признаны были нѣкоторыя трудности; такъ, ученый д-ръ Шокфордъ (Shuckford), весьма подробно трактовавшій о всѣхъ упомянутыхъ пунктахъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «On the Sacred and Profane History of the World connected», указываетъ, что въ каждомъ изъ этихъ царствъ не могло быть больше двадцати одного, или двадцати двухъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Весьма существеннымъ пунктомъ въ этой системѣ хронологическаго счета, основаннаго на возрастахъ патриарховъ, была большая продолжительность жизни, какой они достигали. Вообще предполагалось, что до потопа «было постоянное равенство», и не было никакихъ переменъ въ Природѣ. Послѣ этого событія мѣрка жизни уменьшилась на половину, и во время Псалмопѣвца упала до семидесяти лѣтъ, на чемъ остается и до сихъ поръ. Относительно суровостей климата утверждали, что онѣ произошли отъ того, что при потопѣ сдвинулась ось земли, и къ этому дурному послѣдствію прибавились вредныя вліянія этой всеобщей катастрофы, которая, «превративъ поверхность земли въ обширное болото, породила броженія крови и ослабленіе фибръ».

Съ цѣлью избѣгать затрудненій, возникающихъ изъ необыкновенной продолжительности жизни патриарховъ, нѣкоторые теологи предполагали, что годы, о которыхъ говорится въ Пи-

саніи, были не обыкновенные, а лунные годы. Но, хотя это и могло привести возрастъ этихъ достопочтенныхъ людей къ новѣйшимъ размѣрамъ жизни, этимъ вводится другое неодолимое затрудненіе, такъ какъ при этомъ счетѣ имъ приходилось имѣть дѣтей, будучи только пяти или шести лѣтъ отъ роду.

По толкованію патристическихъ писателей, исторія этихъ древнѣйшихъ временъ представляла слѣдующіе факты: 1. что время творенія было относительно недавнее, не болѣе какъ четыре или пять тысячъ лѣтъ до Р. Х.. 2. что актъ творенія занялъ пространство шести обыкновенныхъ дней; 3. что потопъ былъ всемірный, и что животныя, пережившія его, были сохранены въ ковчегѣ; 4. что Адамъ былъ сотворенъ совершеннымъ по нравственности и уму, что онъ палъ, и что его потомство раздѣлило его грѣхъ и его паденіе.

На этомъ основаніи, клерикальныя власти принуждены были неблагопріятно смотрѣть на всѣ попытки отодвигать происхожденіе земли далѣе, къ неопредѣленно далекой эпохѣ, и на мохаммеданскую теорію о развитіи человѣка изъ низшихъ формъ или постепенномъ его развитіи до нынѣшняго состоянія въ теченіе долгаго времени.

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ видѣть, какъ неудовлетворительна была средневѣковая патристическая наука...

Научная космогонія начинается съ телескопическаго открытія, сдѣланнаго итальянскимъ астрономомъ Кассини, подъ управленіе котораго Людовикъ XIV отдалъ Парижскую обсерваторію, — открытія, что планета Юпитеръ есть не шаръ, а сфероидъ, сжатый при полюсахъ. Механическая философія показывала, что такая фигура есть необходимый результатъ вращенія растяжимой массы, и что чѣмъ движеніе быстрѣе, тѣмъ больше должно

быть сжатіе или, что одно и то же, тѣмъ больше должно быть экваторіальное утолщеніе этой массы.

Изъ соображеній—чисто механическаго свойства—Ньютонъ предугадалъ, что такова же, хотя и въ менѣе поразительномъ размѣрѣ, должна быть и фигура земли. Отъ выдающейся массы происходитъ предвареніе равноденствій, которое требуетъ для своего совершенія двадцать пять тысячъ восемьсотъ шестьдесятъ восемь лѣтъ, и также нутація земной оси, открытая Брэдлеемъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что экваторіальный діаметръ земли больше полярнаго на двадцать шесть миль.

Сжатіе земли при полюсахъ открываетъ два факта: 1. что земля находилась прежде въ мягкомъ или пластическомъ состояніи; 2. что она получила свою форму отъ механической и, слѣдовательно, второстепенной причины.

Но это вліяніе механическихъ причинъ обнаруживается не только во внѣшней формѣ земнаго шара, какъ сфероида, происходящаго отъ вращенія, но оно ясно оказывается и при изслѣдованіи расположенія ея вещества.

Если разсматривать нештуническіе породы, ихъ масса оказывается въ нѣсколько миль толщины; и однако же они безспорно составились изъ медленнаго осажденія. Матеріаль, изъ котораго они состоятъ, получался отъ размыванія древней почвы; онъ попалъ въ водные потоки и былъ распределенъ ими вновь. Дѣйствія этого рода, происходящія передъ нашими глазами, требуютъ весьма значительнаго времени, чтобы произвести зайтный результатъ—нштуническія породы могутъ такимъ образомъ измѣряться, въ своей толщинѣ, нѣсколькими дюймами на столѣтіе—что же можемъ мы сказать о времени, какое потребовалось для образованія этихъ наносовъ въ нѣсколько тысячъ ярдовъ?

Положеніе береговой линіи Египта извѣстно было гораздо болѣе двухъ тысячелѣтій. Въ это время, вслѣдствіе производимыхъ Ниломъ наносовъ, этотъ берегъ сдѣлалъ замѣтный захватъ отъ Средиземнаго моря. Но весь Нижній Египетъ былъ такого происхожденія. Береговая линія близъ устьевъ Миссиссипи хорошо извѣстна въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, и въ это время едва замѣтно подвинулась въ Мексиканскій заливъ; но было время, когда дельта этой рѣки была у города Сен-Луи, болѣе чѣмъ за семьсотъ миль отъ ея нынѣшняго положенія. Въ Египтѣ и въ Америкѣ—и въ сущности во всѣхъ странахъ—рѣки дюймъ за дюймою распространяли землю въ море; медленность этого ихъ дѣла и обширность его объема объясняютъ намъ, что для этой операціи мы должны признать громадныя періоды времени.

Къ тому же заключенію мы приходимъ, если будемъ разсматривать наполненіе озеръ, осажденіе травертиновъ, обнаженіе холмовъ, отрѣзывающее дѣйствіе моря на берегахъ, подмываніе скалъ, вывѣтриваніе камней атмосферической водой и углекислотой.

Осадочныя слои первоначально должны были осаживаться почти въ горизонтальныхъ плоскостяхъ. Обширное количество ихъ было приведено, или отдѣльными пароксизмами или постепеннымъ движеніемъ, въ наклоненныя положенія подъ всевозможными углами. Какія бы объясненія мы ни предлагали для этихъ безчисленныхъ и громадныхъ наклоненій и переломовъ, они, кажется, потребовали бы для своего совершенія невообразимо продолжительное время.

Каменно-угольные пласты въ Уэльсѣ, своимъ постепеннымъ погруженіемъ, достигли толщины 12,000 футовъ; въ Новой Шотландіи — 14,570 футовъ. Это погруженіе было такъ ме-

дленно и такъ постоянно, что на послѣдовательно идущихъ уровняхъ деревья прямо стоятъ одни на другихъ; на толщинѣ 4,515 футовъ можно насчитать семнадцать такихъ повтореній. Возрастъ деревьевъ показывается ихъ величиной, — нѣкоторыя имѣютъ четыре фута въ діаметрѣ. Вокругъ ихъ, когда они постепенно опускались съ осѣдавшей почвой, выросли каламиты, на одномъ уровнѣ за другимъ. Въ каменно-угольной копи Сиднея встрѣчается пятьдесятъ девять ископаемыхъ лѣсовъ, поставленныхъ одинъ на другомъ.

Мѣрскія раковины, находимыя на вершинахъ горъ далеко внутри материковъ, считались у клерикальныхъ писателей за безспорное объясненіе потопа. Но когда геологическія изученія сдѣлались болѣе точными, доказано было, что въ земной корѣ обширныя прѣсноводныя формаціи нѣсколько разъ перемѣшиваются съ обширными морскими формаціями, какъ листы книги, и потому стало очевидно, что одного катаклизма было совершенно недостаточно для объясненія такихъ результатовъ; что одна и таже страна, вслѣдствіе постепенныхъ измѣненій ея уровня и перемѣнъ въ ея топографической обстановкѣ, была иногда сушей, иногда покрывалась прѣсной, иногда морскою водой. Становилось ясно также, что для совершенія такихъ перемѣнъ требовались десятки тысячъ лѣтъ.

Къ этому доказательству отдаленнаго происхожденія земли, — извлеченному изъ обширнаго протяженія на поверхности громадной толщины и разнообразнаго характера ея пластовъ, — прибавились обильныя доказательства, основанныя на ископаемыхъ остаткахъ. Когда опредѣлена была относительная древность формаций, доказано было, что была постоянная фізіологическая прогрессія органическихъ формъ, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, отъ древнѣйшихъ и до самыхъ новыхъ; что тѣ фор-

мы, которыя населяютъ поверхность земли въ наше время, составляютъ только незначительный обломокъ изумительнаго множества формъ, населявшихъ ее прежде; что для каждаго вида, живущаго теперь, есть тысячи, которыя вымерли. Хотя спеціальныя формаціи такъ поразительно характеризуются какимъ нибудь преобладающимъ типомъ жизни, что оправдываютъ такія выраженія какъ вѣкъ моллюсковъ, вѣкъ пресмыкающихся, вѣкъ млекопитающихъ; но введеніе новыхъ пришельцевъ совершалось не вдругъ. Они постепенно возникали въ предыдущемъ вѣкѣ, достигали высшаго развитія въ томъ, который ими характеризуется, и затѣмъ постепенно вымирали въ послѣдующемъ... Они появляются не внезапно, а медленной метаморфозой, медленнымъ развитіемъ изъ ранѣе существующей формы. Здѣсь опять мы встрѣчаемъ необходимость допустить для такихъ результатовъ длинные періоды времени. Въ предѣлахъ нашей исторіи мы не были свидѣтелями ни одного замѣтнаго примѣра такого развитія, и мы съ нерѣшимостью говоримъ о сомнительныхъ примѣрахъ вымиранія. Но въ геологическія времена встрѣчаются міриады возникновеній и вымираній.

Когда такимъ образомъ, на опытѣ самого человѣка, не было наблюдаемо ни одного случая такой метаморфозы или развитія, то нѣкоторые склонны были совершенно отвергать ихъ возможность. Но, конечно, менѣе нефилософски—предполагать, что каждый видъ развился отъ предшественника видоизмѣненіемъ его частей, нежели что онъ внезапно возникъ изъ ничего. Не имѣетъ также большаго вѣса и то замѣчаніе, что самъ человѣкъ никогда не видѣлъ, чтобы происходило такое преобразование. Вспомнимъ, что человѣкъ никогда не видѣлъ и внезапнаго возникновенія органическихъ формъ, безъ всякаго родоначальника.

Постоянная, непрерывающаяся цѣпь организмовъ, которая простирается отъ палеозоическихъ формаций до формаций новыхъ временъ, цѣпь, въ которой каждое звѣно привязано къ предыдущему и поддерживаетъ послѣдующее, показываетъ намъ, что не только произведеніе одушевленныхъ существъ управляется закономъ, но что этотъ законъ не потерпѣлъ никакой перемѣны. Въ его дѣйствіи, въ теченіе мириадъ вѣковъ, не было никакихъ колебаній, никакихъ остановокъ.

Предшествующіе параграфы могутъ показать характеръ одной доли доказательствъ, съ которыми мы должны имѣть дѣло, разсматривая вопросъ о древности земли. Непрерстающіе труды геологовъ собрали такую громадную массу, что для изложенія всѣхъ подробностей потребовалось бы много томовъ. Эта масса доказательствъ извлечена изъ явленій, представляемыхъ всякаго рода пластами, — нептуническими, вулканическими, метаморфическими. Относительно первыхъ, геологія изслѣдуетъ ихъ толщину, наклонныя положенія, и какъ онѣ лежатъ безпорядочно одни на другихъ; какъ пласты прѣсноводные перемежаются съ морскими; какъ обширныя массы матеріала были удалены медленно-дѣйствующими причинами обнаженія, и большія географическія поверхности были передѣланы; какъ материки подвергались движеніямъ возвышенія и опущенія, какъ берега ихъ опускались въ океанъ, какъ морскіе берега и морскія скалы уходили далеко внутрь материка. Она разсматриваетъ зоологическіе и ботаническіе факты, фауну и флору послѣдовательныхъ вѣковъ, и какъ цѣпь органическихъ формъ, растений и животныхъ, правильно протянулась отъ своихъ неясныхъ и сомнительныхъ началъ до нашего времени. Изъ фактовъ, представляемыхъ пластами угля, — угля, который во всѣхъ своихъ разновидностяхъ произошелъ изъ уничтоженія растений, — она не

только указываетъ перемѣны, происшедшія въ земной атмосферѣ, но и всеобщія перемѣны климата. Изъ другихъ фактовъ она доказываетъ, что были колебанія температуры, періоды, въ которые среднее тепло вызвышалось, и періоды, въ которые полярные льды и снѣга покрывали большія пространства нынѣшнихъ континентовъ — ледяные періоды, какъ ихъ называютъ.

Одна школа геологовъ, основывая свой аргументъ на весьма сильномъ доказательствѣ, учить, что вся масса земли, изъ расплавленнаго, или, быть можетъ, газообразнаго состоянія, охладилась лучеиспусканіемъ въ теченіе милліоновъ вѣковъ, пока достигла настоящаго равновѣсія своей температуры. Астрономическія наблюденія даютъ большой вѣсъ этому толкованію, особенно насколько оно касается планетныхъ тѣлъ солнечной системы. Оно поддерживается и такими фактами, какъ небольшая средняя плотность земли, возрастаніе температуры при возрастающихъ глубинахъ, явленія вулкановъ, вкрапленныя жилы, и явленія вулканическихъ и метаморфическихъ породъ. Для совершенія физическихъ перемѣнъ, изучаемыхъ этою школою геологовъ, требовались мірады столѣтій.

Но при тѣхъ взглядахъ, какіе даетъ намъ принятіе Коперниковой системы, очевидно, что мы не можемъ разсматривать происхожденіе и біографію земли въ отдѣльности; вмѣстѣ съ ней мы должны включить все другіе члены системы или семейства, къ которымъ она принадлежитъ. Мало того, мы не можемъ ограничиться солнечной системой; мы должны въ нашихъ изслѣдованіяхъ объять и звѣздные міры. И такъ какъ мы освоились съ ихъ почти неизмѣримыми разстояніями другъ отъ друга, то мы уже приготовлены принять для ихъ происхожденія неизмѣримо отдаленное время. Есть звѣзды столь далекія, что ихъ

свѣтъ, какъ ни быстро онъ идетъ, употребилъ тысячи лѣтъ, чтобы достигнуть до насъ, и потому онъ должны были существовать уже многія тысячи лѣтъ.

Геологи единодушно согласились — потому что нѣтъ, вѣроятно, ни одного несогласнаго голоса — что хронологія земли должна быть сильно расширена, и сдѣланы были попытки опредѣлить ее. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ основаны были на астрономическихъ, другія на физическихъ принципахъ. Такъ, вычисленія, основанныя на извѣстныхъ перемѣнахъ эксцентриситета земной орбиты, съ цѣлью опредѣлить промежутокъ времени отъ начала послѣдняго ледянаго періода, дали двѣсти сорокъ тысячъ лѣтъ. Хотя и можно согласиться съ общимъ постулатомъ громадности геологическихъ періодовъ, такія вычисленія имѣютъ слишкомъ неясное теоретическое основаніе, чтобы доставить неоспоримые результаты.

Но, разсматривая все дѣло съ настоящей научной точки зрѣнія, становится яснымъ, что взгляды, представляемые клерикальными писателями, не могутъ быть допущены... Дѣлаемы были не разъ попытки для примиренія фактовъ, открытыхъ наукою, съ преданіемъ, но эти попытки оставались неудовлетворительными. Время, принимаемое преданіемъ, слишкомъ коротко, и хотя представленіе предмета гармонируетъ съ идеями, какія имѣли люди, когда ихъ умы впервые обратились къ пріобрѣтенію естественныхъ знаній, но оно несогласно съ ихъ настоящими понятіями о незначительности земли и о величій вселенной.

Въ числѣ недавнихъ геологическихъ открытій есть одно, имѣющее особый интересъ; это — открытіе человѣческихъ останковъ и человѣческихъ работъ въ формаціяхъ, которыя хотя геологически новы, но исторически весьма отдаленны.

Ископаемые останки людей, съ грубыми орудіями изъ необдѣланнаго или сглаженнаго кремня, изъ полированнаго камня, костей, бронзы, встрѣчены были въ Европѣ въ пещерахъ, въ наносахъ, подъ слоями торфа. Они показываютъ дикую жизнь, проходившую въ охотѣ и рыбной ловлѣ. Новыя изслѣдованія даютъ основаніе думать, что, на очень низменной ступени, существованіе человѣка можно прослѣдить назадъ до третичныхъ временъ. Онъ былъ современенъ съ южнымъ слономъ, съ носорогомъ *leptorhinus*, большимъ гиппопотамомъ, быть можетъ, даже въ миоценовомъ періодѣ современенъ съ мастодонтомъ.

Въ концѣ третичнаго періода, отъ причинъ еще неопредѣленныхъ, Сѣверное полушаріе подверглось большому пониженію температуры. Отъ знойнаго оно перешло къ ледяному состоянію. Послѣ необычайно длиннаго періода, температура опять возвысилась, и ледники, на такомъ обширномъ пространствѣ покрывавшіе поверхность, отступили. Еще разъ произошло пониженіе теплоты, и ледники снова надвинулись, но это время не было такъ продолжительно какъ прежде. Это предшествовало четверичному періоду, въ теченіе котораго температура очень медленно пришла къ своей настоящей степени. Водные осадки, которые происходили, потребовали тысячи вѣковъ для своего совершенія. Въ началѣ четверичнаго періода жили пещерный медвѣдь, пещерный левъ, земноводный гиппопотамъ, носорогъ съ кожистой носовой перегородкой, мамонтъ. Мамонтовъ было множество. Имъ правился сѣверный климатъ. Мало по малу размножились олень, лошадь, быкъ, бизонъ и стали оспаривать у него пищу. Отчасти по этой причинѣ, отчасти влѣдствіе возрастающаго тепла, мамонтъ вымеръ. Изъ средней Европы удался также олень. Его удаленіе обозначаетъ конецъ четверичнаго періода.

Итакъ, со времени прихода человѣка на землю, мы имѣемъ дѣло съ періодами, неисчислимо долгими. Обширныя перемѣны въ климатѣ и фаунѣ произведены были дѣйствіемъ причинъ, какія дѣйствуютъ и въ настоящее время. Цифры не могутъ дать намъ понятія о громадности этихъ періодовъ времени.

Кажется, удовлетворительно доказано, что племя, родственное Баскамъ, можно прослѣдить назадъ до Неолитическаго періода. Въ это время Британскіе острова подвергались измѣненію уровня, подобно тому, какое замѣчается теперь на Скандинавскомъ полуостровѣ. Шотландія повышалась, Англія опускалась. Въ плейстоценовомъ вѣкѣ въ центральной Европѣ существовало грубое племя охотниковъ и рыболововъ, тѣсно родственное съ Эскимосами.

Въ старыхъ ледяныхъ наносахъ Шотландіи находятся человѣческіе останки вмѣстѣ съ остатками ископаемаго слона. Это возвращаетъ насъ къ тому упомянутому прежде времени, когда большая доля Европы была покрыта льдомъ, который сходилъ изъ полярныхъ странъ до южныхъ широтъ и, какъ ледники, спускался съ вершинъ горныхъ цѣпей въ равнины. Безчисленные виды животныхъ погибли въ этомъ потоцѣ льда и снѣга, но человѣкъ пережилъ его.

Въ своемъ первобытномъ дикомъ состояніи, живя большею частью плодами, корнями, черепокожными, человѣкъ владѣлъ фактомъ, который впоследствии долженъ былъ обезпечить его цивилизацію. Онъ умѣлъ добывать огонь. Въ торфяныхъ болотахъ, подъ остатками деревьевъ, которыя въ этихъ мѣстностяхъ давно вымерли, еще находятъ остатки человѣка, и орудія, его сопровождающія, указываютъ ясный хронологическій порядокъ. Близъ поверхности находятся бронзовыя орудія, ниже ихъ орудія изъ кости или рога, еще ниже изъ полированного камня, и

ниже всего орудія изъ сглаженнаго или грубаго камня. Время происхожденія нѣкоторыхъ изъ этихъ болотъ не можетъ быть опредѣлено менѣе какъ за сорокъ или пятьдесятъ тысячъ лѣтъ.

Пещеры, изслѣдованныя во Франціи и въ другихъ мѣстахъ, доставили для Каменнаго вѣка, ножи, наконечники копій и стрѣлы, лопаты, топоры. Перемѣна отъ сглаженнаго до полированнаго, если можно такъ сказать, каменнаго періода была очень постепенна. Она совпадаетъ съ прирученіемъ собаки, эпохой въ охотничьей жизни. Она обнимаетъ тысячи вѣковъ. Появленіе наконечниковъ стрѣлы указываетъ на изобрѣтеніе лука, и возвышеніе человѣка отъ оборонительнаго къ наступательному образу жизни. Введеніе оперенныхъ стрѣлъ показываетъ, какъ раскрывался изобрѣтательный талантъ, костяные или роговые кончики показываютъ, что охотникъ включалъ въ свою добычу мелкихъ животныхъ и, быть можетъ, птицъ; костяные свистки указываютъ на его товарищество съ другими охотниками или съ своей собакой. Кремневые ножи для скобленія показываютъ употребленіе кожи для одежды, а грубая шила и иглы на ея изгтовленіе. Раковины, продолбленные для браслетовъ и ожерельевъ, доказываютъ, какъ скоро пріобрѣтенъ былъ вкусъ къ украшеніямъ; орудія, необходимыя для приготовленія красокъ, предполагаютъ окрашиваніе тѣла и, быть можетъ, татуировку; и начальническіе жезлы свидѣтельствуютъ о началѣ общественнаго устройства.

Съ величайшимъ интересомъ мы видимъ первые зародыши искусства у этихъ первобытныхъ людей. Они оставили намъ грубые очерки на слонової кости и на кускахъ кости, и рѣзныя фигуры животныхъ, которыя были имъ современны. На этихъ доисторическихъ рисункахъ, иногда не безъ остроумія, мы видимъ мамонтовъ, бой оленей. Одинъ представляетъ намъ человѣка,

который ловитъ острогой рыбу, другой — сцену охоты нагихъ людей, вооруженныхъ копьями. Человѣкъ есть единственное животное, которое имѣетъ склонность рисовать виѣшнія формы и пользоваться огнемъ.

Валы, состоящіе изъ костей и раковинъ, и изъ которыхъ иные справедливо могутъ быть названы обширными и относятся ко времени до-Бронзоваго вѣка, и полные каменными орудіями, носятъ во всѣхъ своихъ частяхъ указанія объ употребленіи огня. Они часто лежатъ вблизи существующихъ береговъ; но иногда они находятся далеко внутри страны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на пятьдесятъ миль. Ихъ содержаніе и положеніе указываетъ для нихъ эпоху послѣ эпохи большихъ вымершихъ млекопитающихъ, и раньше домашнихъ животныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ говорятъ, могутъ имѣть не меньше ста тысячъ лѣтъ древности.

Озерныя жилища въ Швейцаріи — хижины, построенныя на столбахъ или пняхъ, переплетенныхъ сучьями, — были начаты, какъ можно заключить изъ сопровождающихъ ихъ орудій, въ Каменномъ вѣкѣ и продолжались въ Бронзовомъ. Въ послѣднемъ періодѣ становятся многочисленны доказательства принятія земледѣльческой жизни.

Не должно думать, что періоды, на которые геологи нашли нужнымъ раздѣлить прогрессъ человѣка въ цивилизаціи, суть рѣзко отдѣленныя эпохи, одновременно существовавшія для всего человѣческаго рода. Такъ, кочевые Индійцы въ Америкѣ только въ настоящее время выходятъ изъ Каменнаго вѣка. Во многихъ мѣстахъ еще можно видѣть ихъ вооруженныхъ стрѣлами, съ наконечниками изъ кусковъ кремня. Нѣкоторые изъ нихъ только со вчерашняго дня получили отъ блага человѣка желѣзо, огнестрѣльное оружіе и лошадь.

Насколько сдѣлано теперь изслѣдованій, онѣ безспорно относить существованіе человѣка къ эпохѣ, отдаленной отъ насъ на многія сотни тысячъ лѣтъ. Должно помнить, что эти изслѣдованія совершенно новы и ограничиваются весьма небольшимъ географическимъ пространствомъ. Никакихъ изслѣдованій еще не было сдѣлано въ тѣхъ странахъ, которыя можно съ основаніемъ считать первобытнымъ обиталищемъ человѣка.

Такимъ образомъ, мы восходимъ неизмѣримо дальше числа лѣтъ, принимаемаго патристической хронологіей. Трудно назначить для послѣдняго ледянаго періода Европы болѣе короткое время, нежели четверть милліона лѣтъ, а человѣческое существованіе предшествуетъ ему. Но мы встрѣчаемся не только съ этимъ великимъ фактомъ; мы должны также допустить первобытное животное состояніе, и медленное, постепенное развитіе.

Я долженъ былъ вывести предметъ этой главы изъ его настоящаго хронологическаго порядка, для того, чтобы представить полнѣе то, что я хотѣлъ сказать относительно природы міра. Споры, возникшіе относительно древности земли, происходили долго спустя послѣ столкновенія относительно критерія истины, т. е. послѣ реформаціи; въ самомъ дѣлѣ, они въ сущности принадлежатъ настоящему столѣтію. Они были ведены съ такой умѣренностью, что болѣе оправдываютъ выраженіе «Controversy», поставленное мною въ началѣ этой главы, чѣмъ выраженіе «Conflict». Геологіи не пришлось встрѣтить такой мстительной оппозиціи, какую должна была вынести астрономія, и хотя, съ своей стороны, она настаивала на уступкѣ большой древности для земли, она сама указала невозможность принятія всѣхъ числовыхъ опредѣленій, какія были до сихъ поръ предло-

жены. Внимательный читатель этой главы не могъ не замѣтить несостоятельности приведенныхъ цифръ. Но, хотя эти цифры не отличаются точностью, онѣ оправдываютъ притязаніе на большую древность и приводятъ насъ къ заключенію, что мѣра времени міра соотвѣтствуетъ по величинѣ мѣрѣ его пространства.

ГЛАВА VIII.

Столкновеніе относительно критерія истины.

«Что есть истина?» Таковъ былъ страстный вопросъ Римскаго прокуратора въ одномъ изъ самыхъ многозначительныхъ событій въ исторіи. И Божественная Личность, которая стояла передъ нимъ, къ которой былъ обращенъ вопросъ, не дала отвѣта—если молчаніе не заключало въ себѣ отвѣтъ.

Часто и напрасно дѣлался этотъ вопросъ прежде — часто и напрасно дѣлался онъ послѣ. Никто еще не далъ на него удовлетворительнаго отвѣта.

Когда, на зарѣ науки въ Греціи, древняя религія исчезала какъ туманъ при восходѣ солнца, благочестивые и мыслящіе люди этой страны повергнуты были въ состояніе умственного отчаянія. Анаксагоръ жалобно восклицаетъ: «Ничего нельзя знать, ничего нельзя изучить, ничто не можетъ быть достоверно, чувства ограничены, разумъ слабъ, жизнь коротка». Ксенофанъ говоритъ намъ, что намъ невозможно быть увѣренными, даже когда мы высказываемъ истину. Парменидъ объявляетъ, что самое устройство человѣка не позволяетъ ему опредѣлить абсолютную истину. Эмпедоклъ утверждаетъ, что всѣ философ-

скія и религіозныя системы должны быть несостоятельны, потому что мы не имѣемъ никакого критерія для ихъ испытанія. Демокритъ увѣряетъ, что даже вещи истинныя не могутъ сообщить намъ достовѣрности; что окончательный результатъ человѣческаго изслѣдованія есть открытіе, что человѣкъ неспособенъ къ абсолютному знанію; что, еслибы даже онъ владѣлъ истиной, онъ не можетъ быть увѣренъ въ ней. Пирронъ велитъ намъ размышлять о необходимости останавливать наше сужденіе о вещахъ, такъ какъ у насъ нѣтъ никакого критерія истины; своимъ послѣдователямъ онъ внушилъ такое глубокое недовѣріе къ мысли, что они обыкновенно говорили: «Мы не утверждаемъ ничего; даже того, что мы ничего не утверждаемъ». Эпикуръ училъ своихъ послѣдователей, что истина никогда не можетъ быть опредѣлена разумомъ. Архезилай, отвергая и уметвенное и чувственное знаніе, публично признавалъ, что онъ ничего не знаетъ, даже собственнаго незнанія! Общій выводъ, къ которому приходили греческіе философы, былъ тотъ, что, въ виду противорѣчія въ показаніяхъ чувствъ, мы не можемъ отличить истины отъ лжи; и несовершенство разума таково, что мы не можемъ утверждать правильности никакого философскаго вывода.

Можно было бы думать, что новая эпоха принесетъ разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній и преодолѣетъ всякую оппозицію. Одинъ греческій философъ, менѣе отчаявшійся чѣмъ другіе, осмѣлился утверждать, что одновременное существованіе двухъ религій, приписывающихъ себѣ небесное происхожденіе, доказываетъ, что ни одна изъ нихъ не истинна. Но вспомнимъ, что людямъ трудно придти къ одному и тому же заключенію даже относительно матеріальныхъ и видимыхъ вещей, если только они не стоятъ на одной точкѣ зрѣнія. Если разногласіе и недовѣріе были состояніемъ философіи за три столѣтія до Р. Х., то разно-

гласіе и недовѣріе были состояніемъ религіи черезъ три столѣтія по Р. Х. Вотъ что говоритъ Гиларій, епископъ въ Пуатье, въ извѣстномъ мѣстѣ, написанномъ около времени Никейскаго собора:

«Равно печальная и опасная вещь — что между людьми столько же вѣръ, сколько мнѣній, столько же ученій, сколько наклонностей, и столько же источниковъ богохульства, сколько у насъ заблужденій, потому что мы произвольно составляемъ ученія и столь же произвольно объясняемъ ихъ. Каждый годъ, даже каждый мѣсяць, мы дѣлаемъ новыя ученія, чтобы объяснить невидимыя таинства; мы раскаяваемся въ томъ, что сдѣлали; мы защищаемъ тѣхъ, которые раскаяваются; мы предаемъ анаемѣ тѣхъ, кого защищаемъ; мы осуждаемъ или ученія другихъ въ самихъ себѣ, или самихъ себя въ ученіяхъ другихъ; и взаимно разрывая другъ друга въ клочки, мы были причиной разоренія другъ друга».

Это не одни слова; но значеніе этого самообвиненія могутъ вполне представить себѣ только тѣ, кто знакомъ съ церковной исторіей этихъ временъ. Когда уменьшился первый пылъ новаго ученія, какъ системы челоуѣколюбія, уже начались несогласія. Церковные историки утверждаютъ, что «уже со втораго вѣка начался споръ между вѣрою и разумомъ, теологіей и философіей, благочестіемъ и геніемъ». Чтобы примирить эти несогласія, чтобы найти какое нибудь авторитетное выраженіе, какой нибудь критерій истины, прибѣгли тогда къ собраніямъ для совѣщаній, принявшимъ впоследствии форму соборовъ. Долгое время они имѣли только совѣщательный авторитетъ; но когда, въ четвертомъ столѣтіи, къ Христіанству перешло императорское управленіе, ихъ указанія стали обязательными, поддерживаемыя свѣтскою властью. Это измѣнило весь видъ Христіанскаго общества....

Историкъ этихъ временъ, Мосгеймъ, указываетъ крайній упадокъ философскаго пониманія, распространеніе и силу невѣжества, ожесточенные догматическіе раздоры... Такъ въ одномъ четвертомъ вѣкѣ было тринадцать соборовъ противъ Арія, пятнадцать — за него, и семнадцать — за полу-аріанъ, всего сорокъ пять. Большинство нисколько не уважало мнѣній меньшинства, и послѣднее, гдѣ могло, пользовалось тѣмъ же оружіемъ.

Тотъ же историкъ указываетъ «два бѣдственныя заблужденія», возникшія въ IV-мъ вѣкѣ: во первыхъ—понятіе о дозволенности «благочестиваго обмана»; во вторыхъ, понятіе, что ошибки въ религіи, если не оставляются послѣ увѣщанія, должны быть наказываемы свѣтскими взысканіями и тѣлесными истязаніями.

Не безъ удивленія видимъ мы, что въ эти времена считалось вообще критеріемъ истины... Появились уже такъ называемые божьи суды. Въ послѣдующія шесть столѣтій они признавались окончательнымъ средствомъ для рѣшенія виновности или невинности, въ формѣ суда посредствомъ холодной воды, поединка, огня, креста.

Какое крайнее невѣжество о свойствѣ доказательства и его законовъ мы видимъ здѣсь! Обвиняемый человекъ тонетъ или плаваетъ, будучи брошенъ въ прудъ; онъ обжигается или остается невредимъ, когда держитъ въ рукѣ кусокъ раскаленнаго желѣза; боецъ, котораго онъ нанимаетъ за себя, побѣждаетъ или побѣжденъ въ поединкѣ; онъ можетъ держать руки, протянувъ ихъ на подобіе креста, или не можетъ сдѣлать этого дольше чѣмъ его обвинитель, и его невинность или виновность въ какомъ нибудь приписанномъ ему преступленіи доказана! Таковы были критеріи истины.

Удивительно ли, что вся Европа была наполнена мнимыми и самыми странными явлениями въ теченіе этихъ вѣковъ?...

Но неизбѣжный день наконецъ наступилъ. Мнѣнія и ученія, основанныя на такихъ превратныхъ доказательствахъ, подпали тому же недовѣрію, какое возбудили сами доказательства. Съ приближеніемъ тринадцатаго вѣка мы находимъ, что во всѣхъ направленіяхъ является невѣріе. Сначала, оно ясно видно въ монашескихъ орденахъ, затѣмъ оно быстро распространяется въ народной массѣ. Между первыми появляются книги какъ «Вѣчное Евангеліе»; въ послѣдней возникаютъ секты какъ Катары, Вальденсы, Петробруссіане. Они соглашались въ томъ, что «публичная и установленная религія есть пестрая система заблужденій и суевѣрій, и что господство, которое папа присвоилъ себѣ надъ Христіанами, есть незаконное и тиранническое; что заявленное Римомъ притязаніе, что епископъ Римскій есть верховный господинъ вселенной, и что ни князья и епископы, ни гражданскіе и церковные правители, не имѣютъ никакой законной власти въ церкви или государствѣ кромѣ той, какую получили отъ папы, — что это притязаніе не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, и есть узурпація правъ человѣка».

Чтобы противостать этому наплыву нечестія, папское правительство основало два учрежденія: 1. Инквизицію; 2. Тайную Исповѣдь — послѣднюю, какъ средство для открытія, первую какъ трибуналъ для наказанія.

Въ общемъ смыслѣ, обязанность Инквизиціи была искоренять религіозный расколъ терроризмомъ и окружать ересь самыми ужасными послѣдствіями; это необходимо предполагало власть опредѣлять — что составляетъ ересь. Такимъ образомъ критерій истины былъ во владѣніи этого трибунала, которому поручено было «отрывать и представлять къ суду еретиковъ,»

(которые таятся въ городахъ, домахъ, подвалахъ, лѣсахъ, пещерахъ и поляхъ». Она съ такой дикой ревностью выполняла свое назначеніе защищать интересы религіи, что между 1481 и 1808 годами она наказала триста сорокъ тысячъ человѣкъ, и изъ нихъ около тридцати двухъ тысячъ было сожжено! Въ свои первые годы, когда общественное мнѣніе не могло найти никакого средства протестовать противъ ея свирѣпостей, она «часто предавала смерти знатныхъ людей, клериковъ, монаховъ, пустынниковъ и свѣтскихъ людей всѣхъ сословій—въ тотъ же день, когда они были обвиняемы». Въ какомъ бы направленіи ни взглянули мыслящіе люди, воздухъ наполненъ былъ страшными тѣнями. Никто не могъ предаться свободѣ мысли, не ожидая наказанія. Дѣйствія Инквизиціи были такъ страшны, что восклицаніе Пальярричи было восклицаніемъ тысячъ людей: «Едва ли возможно человѣку быть Христіаниномъ и умереть въ своей постели».

Инквизиція истребила сектаторовъ Южной Франціи въ тринадцатомъ столѣтіи. Ея ничѣмъ не смущавшіяся жестокости искоренили Протестантизмъ въ Италіи и Испаніи. И она не ограничивалась религіозными дѣлами; она взялась также за подавленіе политическаго недовольства. Николай Эймерикъ, который почти пятьдесятъ лѣтъ былъ генеральнымъ инквизиторомъ королевства Арагонскаго и умеръ въ 1399 г., оставилъ страшное свидѣтельство своего образа дѣйствій и ужасающихъ свирѣпостей въ своемъ «Directorium Inquisitorum».

Это посяганіе Христіанства, да и всего человѣчества, имѣло въ разныхъ странахъ различное устройство. Папская инквизиція продолжала тираннію, и подъ конецъ замѣнила старыя епископскія инквизиціи. Авторитетъ епископовъ былъ безъ церемоніи устранилъ чиновниками папы.

Вслѣдствіе четвертаго Латеранскаго собора, въ 1215 г. по

Р. Х., власть Инквизиціи была страшно усилена — такъ какъ въ это время была формально установлена необходимость тайной исповѣди передъ священникомъ. Относительно домашней жизни, это дѣлало Инквизицію вездѣсущей и всевѣдущей. Никто не былъ въ безопасности. Въ рукахъ патера, который въ конфессіоналѣ могъ извлекать или вымучивать у нихъ самыя сокровенныя мысли, жена и прислуга были обращены въ шпионовъ. Призванный передъ страшный трибуналъ, человекъ просто былъ извѣщаемъ, что онъ подпалъ сильнымъ подозрѣніемъ въ ереси. Никакого обвинителя ему не называли; но винтъ для пальцевъ, дыба, «сапогъ» и клинъ или другое орудіе пытки скоро восполняли этотъ недостатокъ, и, невинный или виновный, онъ самъ обвинялъ себя!

Несмотря на все это могущество, Инквизиція не достигла своей цѣли. Когда еретикъ не могъ уже устоять противъ нея, онъ бѣжалъ отъ нея. Мрачное невѣріе тайкомъ проникло во всю Европу — отрицаніе Провидѣнія, безсмертія души, человѣческой свободной воли и того, что человекъ возможно сопротивляться абсолютной необходимости, судьбѣ, которая охватываетъ его. Идеи такого рода втайнѣ нравились людямъ, которыхъ загнали къ нимъ тиранническія дѣйствія клерикализма. Наперекоръ преслѣдованію, Вальденсы еще уцѣлѣли, чтобы распространять свое заявленіе, что Римская церковь, со временъ Константина, утратила свою чистоту и святость; чтобы протестовать противъ продажи индульгенцій, которыя, по словамъ ихъ, почти уничтожали молитву, постъ, милостыню; чтобы утверждать, что совершенно бесполезно молиться за души умершихъ, потому что онѣ уже должны были уйти или на небо или въ адъ. Хотя вообще думали, что философія или наука вредны интересамъ Христіанства, или истиннаго благочестія, мохаммеданская литера-

тура, господствовавшая тогда въ Испаніи, приобрѣтала послѣдователей во всеѣхъ классахъ общества: Мы очень ясно видимъ ея вліяніе во многихъ, возникшихъ тогда сектахъ; такъ, «Братья и Сестры Свободнаго Духа» думали, что «вселенная произошла посредствомъ эманации отъ Бога, и въ концѣ возвратится къ нему черезъ поглощеніе; что разумныя души суть частицы Высшаго Божества; и что Вселенная, разсматриваемая какъ одно великое цѣлое, есть Богъ». Такія идеи можно имѣть только въ значительно подвинувшемся впередъ умышленномъ состояніи. Объ этой сектѣ говорятъ, что многіе изъ нея подверглись сожженію съ невозмущенной ясностью духа, съ торжествующими чувствами веселья и радости. Ихъ ортодоксальные враги обвиняли ихъ, что они предавались своимъ страстямъ въ полуночныхъ собраніяхъ въ темныхъ комнатахъ, куда оба пола являлись безъ одежды. Какъ извѣстно, подобное обвиненіе возводилось изящнымъ обществомъ Рима и на первобытныхъ Христіанъ.

Вліянія Аверроистической философіи во многихъ изъ этихъ сектъ были очевидны. Эта мохаммеданская система, разсматриваемая съ христіанской точки зрѣнія, приводила къ еретическому вѣрованію, что цѣль наставленій Христіанства есть соединеніе души съ Высшимъ Существомъ, что Богъ и Природа имѣютъ тѣже отношенія между собою, какъ душа и тѣло; что есть только одинъ индивидуальный разумъ; и что одна душа совершаетъ все духовныя и разумныя функціи во всемъ человѣческомъ родѣ. Когда въ послѣдствіи, около временъ Реформаціи, Инквизиція потребовала отъ итальянскихъ Аверроистовъ отчета въ ихъ ученіяхъ, они старались доказать, что есть большое различіе между философскою и религіозною истиною; что вещи могутъ быть философски вѣрны, и однако теологически ложны—

оправдательная затѣя, осужденная наконецъ Латеранскимъ соборомъ во время Льва X.

Но, не смотря на тайную исповѣдь и на Инквизицію, эти еретическія тенденціи уцѣляли. Справедливо замѣчено было, что въ эпоху Реформаціи во многихъ частяхъ Европы скрывались лица, питавшія къ Христіанству самую ожесточенную вражду. Въ этомъ вредномъ классѣ людей были приверженцы Аристотеля, какъ Помпонцій; много философовъ и остроумныхъ людей, какъ Бодэнъ, Рабле, Монтэнъ; много Итальянцевъ, какъ папа Левъ X, кардиналъ Бембо, Бруно.

Вѣра въ сверхъестественныя юридическія доказательства начала упадать въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіяхъ. Сарказмы испано-маврѣтанскихъ философовъ сильно заставили многихъ изъ просвѣщеннѣйшихъ духовныхъ обратить серьезное вниманіе на ихъ обманчивость. Открытіе Пандектъ Юстиніана, въ Амальфи, въ 1130, безъ сомнѣнія оказало очень большое вліяніе на усиленіе изученія Римской юриспруденціи и на распространеніе болѣе здравыхъ понятій о свойствѣ юридическаго или философскаго доказательства. Галламъ подвергнувъ нѣкоторому сомнѣнію извѣстную исторію этого открытія, но онъ допускаеть, что знаменитый экземпляръ въ Лаврентіевской бібліотекѣ, во Флоренціи, есть единственный, заключающій всѣ пятьдесятъ книгъ. Двадцать лѣтъ спустя, монахъ Граціанъ собралъ различные папскіе эдикты, каноны соборовъ, заявленія отцовъ и учителей церкви, въ книгу, названную «*Decretum*», которая считается старѣйшимъ авторитетомъ въ каноническомъ правѣ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, Григорій IX издалъ пять книгъ Декреталій, а Бонифацій VIII прибавилъ потомъ шестую. За этимъ слѣдовали Климентовы Конституціи, седьмая книга Декреталій, и «книга Институтровъ», изданныя вмѣстѣ Григоріемъ XIII въ 1580, подѣ

названіемъ «Corpus juris Canonici». Каноническое право получило постепенно громадную власть черезъ тотъ контроль, который приобрѣло оно надъ завѣщаніями, опекой сиротъ, браками и разводами.

Устраненіе сверхъестественныхъ доказательствъ и замѣна ихъ доказательствами юридическими ускорили приближеніе Реформаціи. Невозможно было долѣе допускать требованія, которое въ прежнія времена выставилъ Ансельмъ, архіепископъ Кантерберійскій, въ своемъ трактатѣ «Cur Deus Homo», — что мы должны сначала вѣрить безъ изслѣдованія, и можемъ послѣ стараться понять то, чему такимъ образомъ повѣрили. Когда Каэтанъ сказалъ Лютеру: «Ты долженъ вѣрить, что одна капля Христовой крови достаточна для искупленія всего человѣческаго рода, а остальное количество, пролитое въ саду и на крестѣ, было оставлено въ наслѣдство папѣ, чтобы стать сокровищницей, изъ которой можно брать индульгенціи», — душа упорнаго германскаго монаха возмутилась противъ такого чудовищнаго положенія, и онъ не повѣрилъ бы ему, хотя бы тысяча чудесъ была произведена для его поддержки. Этотъ постыдный обычай продажи индульгенцій за совершеніе грѣховъ, явился между епископами, которые, когда нуждались въ деньгахъ для своихъ частныхъ удовольствій, получали ихъ этимъ путемъ. Аббаты и монахи, которымъ эта выгодная торговля была недоступна, собирали деньги, совершая торжественныя процессіи съ реликвіями и назначая плату за прикосновеніе къ нимъ. Папы, въ своихъ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, понимая, какъ прибыленъ можетъ сдѣлаться этотъ обычай, лишили епископовъ права производить эту торговлю и присвоили ее себѣ, и установили для нея агентства, главнымъ образомъ, изъ нищенствующихъ орденовъ. Между этими орденами было

сильное соперничество, каждый хвалился высшимъ достоинствомъ своихъ индульгенцій вслѣдствіе своего бѣльшого значенія при небесномъ дворѣ, своихъ ближайшихъ отношеній къ Мадоннѣ и главнымъ святымъ. Даже противъ самого Лютера, который былъ Августинскимъ монахомъ, была распространена клевета, что онъ въ первый разъ отдался отъ церкви вслѣдствіе того, что эта торговля была отдана Доминиканцамъ, а не его собственному ордену, въ то время, когда Левъ X собиралъ этими средствами деньги для строенія храма св. Петра въ Римѣ, въ 1517 по Р. Х.; и есть основаніе думать, что самъ Левъ, въ первыя времена Реформаціи, придавалъ вѣсь этому утвержденію.

Такимъ образомъ индульгенціи были непосредственной побудительной причиною Реформаціи, но очень скоро обнаружился дѣйствительный принципъ, одушевлявшій этотъ споръ. Поставленъ былъ вопросъ: получаетъ ли Библія свою достовѣрность отъ Церкви? или Церковь получаетъ свою достовѣрность отъ Библіи? Гдѣ критерій истины?

Мнѣ нѣтъ необходимости излагать здѣсь извѣстныя подробности этого спора, истребительныхъ войнъ и кровавыхъ сценъ, которыя онъ произвелъ: какъ Лютеръ выставилъ на двери Виттенбергскаго собора девяносто пять тезисовъ, и былъ призванъ въ Римъ къ отвѣту за это оскорбленіе; какъ онъ апеллировалъ отъ папы, дурно извѣщеннаго въ то время, къ папѣ, когда онъ будетъ лучше извѣщенъ; какъ онъ былъ осужденъ за ересь, и апеллировалъ на это къ всеобщему собору; какъ вслѣдствіе споровъ о чистилищѣ, трансубстанціаціи, тайной исповѣди, разрѣшеніи грѣховъ, ясно высказалась основная идея, лежавшая въ глубинѣ всего движенія, право личнаго сужденія; какъ Лютеръ былъ отлученъ отъ церкви, 1520 по Р. Х., и самъ, на зло своимъ врагамъ, сжегъ буллу отлученія и книги каноническихъ

законовъ, которыя онъ обвинилъ въ томъ, что онѣ имѣютъ цѣлью низверженіе всякаго гражданскаго правительства и возвышеніе папства; какъ этимъ искуснымъ маневромъ онъ привлекъ къ своимъ взглядамъ многихъ изъ нѣмецкихъ государей; какъ, вызванный передъ императорскою сеймъ въ Вормсѣ, онъ не согласился сдѣлать отреченіе и какъ въ то время, когда онъ былъ скрытъ въ Вартбургскомъ замкѣ, ученія его распространялись, и Реформація подъ предводительствомъ Цвингли вспыхнула въ Швейцаріи; какъ духъ сектаторства, лежавшій въ этомъ движеніи, произвелъ соперничество и раздоры между Нѣмцами и Швейцарцами, и даже раздѣлилъ послѣднихъ между собою подъ предводительствомъ Цвингли и Кальвина; какъ конференція въ Марбургѣ, сеймы въ Шпейерѣ и Аугсбургѣ не въ состояніи были успокоить этихъ смуть, и наконецъ Нѣмецкая Реформація получила политическую организацію въ Шмалькальденѣ. Ссоры между Лютеранами и Кальвинистами давали надежду Риму, что онъ можетъ возратить свои потери.

Левъ X скоро понялъ, что Лютерова Реформація была нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ ссора нѣсколькихъ монаховъ о прибыляхъ отъ продажи индульгенцій, и папство серьезно взялось за укрощеніе возставшихъ. Оно возбуждало страшныя войны, многіе годы опустошавшія Европу и оставившія за собой вражду, которой не могли примирить ни Вестфальскій миръ, ни Тридентскій соборъ послѣ восемнадцати лѣтъ совѣщаній. Нельзя читать безъ трепета о попыткахъ, какія дѣлались для распространенія Инквизиціи въ иноземныхъ государствахъ. Вся Европа, католическая и протестантская, была поражена ужасомъ отъ истребленія Гугенотовъ въ Вароломеевскую ночь (1572 по Р. X.). По предательству и свирѣпости, оно не имѣетъ себѣ ничего равнаго въ лѣтописяхъ міра.

Отчаянныя попытки, которыя дѣлало папство для низложенія своихъ противниковъ возбужденіемъ гражданскихъ войнъ, рѣзни и убійствъ, — оказались совершенно неудачными. Не лучшей результатъ имѣлъ и Тридентскій соборъ. Собранный, видимымъ образомъ, для того, чтобы исправить, объяснить и установить ученіе церкви, возобновить силу ея дисциплины, и преобразовать жизнь ея служителей, этотъ соборъ былъ веденъ такъ, что значительное большинство его членовъ были Итальянцы и подъ вліяніемъ папы. Поэтому, протестанты никакъ не могли принять его опредѣленій.

Исходомъ Реформаціи было принятіе всеми протестантскими церквами того догмата, что Библія есть достаточное руководство для каждаго Христіанина. Преданіе было отвергнуто, и обезпечено право частнаго истолкованія. Думали, что критерій истины былъ наконецъ приобрѣтенъ.

Авторитетъ, приданный такимъ образомъ Писанію, не былъ ограниченъ предметами чисто религіознаго или нравственнаго свойства; онъ простирался на философскіе факты и на объясненіе Природы. Многіе доходили до того, что въ старыя времена дѣлалъ Елифаній: онъ думалъ, что Библія заключала полную систему минералогіи! Реформаты никакъ не потерпѣли бы науки, которая была бы въ разногласіи съ книгой Бытія. Между ними было много людей, утверждавшихъ, что религія и благочестіе не могутъ процвѣтать, если не отдѣлятся отъ учености и науки. Роковое правило, что Библія заключаетъ сумму и сущность всякаго знанія, полезнаго или возможнаго для человѣка, — правило, которое въ старыя времена съ такимъ вреднымъ дѣйствіемъ употребляли Тертуліанъ и Августинъ, и которое такъ часто внушаемо было папскимъ авторитетомъ, — было здѣсь строго и настоятельно заявляемо. Предводители Реформаціи,

Лютеръ и Меланхтонъ, рѣшились изгнать философію изъ церкви. Лютеръ объявлялъ, что изученіе Аристотеля совершенно бесполезно; поношенія его противъ этого греческаго философа не знали границъ. По словамъ Лютера, это «по истинѣ дьяволъ, страшный клеветникъ, злой сикофантъ, князь тьмы, настоящій Аполліонъ, звѣрь, ужаснѣйшій обманщикъ человѣчества, въ которомъ едва ли есть какая нибудь философія, публичный и явный лжець, козелъ, полный эпикуреецъ, этотъ дважды проклятый Аристотель». Схоластики, по словамъ Лютера, были «саранча, гусеницы, лягушки, вши». Онъ питалъ къ нимъ отвращеніе. Такія же мнѣнія, хотя и не такъ сильно выраженные, имѣлъ и Кальвинъ. Относительно науки, мы ничѣмъ не обязаны Реформаціи. Передъ наукой все еще было Прокрустово ложе традиціоннаго авторитета.

Въ лѣтописяхъ Христіанскаго общества самымъ неблагополучнымъ днемъ былъ тотъ, когда новая религія отдѣлилась отъ науки. Это побудило Оригена, въ то время (231 по Р. Х.) главнаго представителя и поборника церкви, оставить свое мѣсто въ Александріи и удалиться въ Цезарею. Напрасно, въ теченіе многихъ послѣдующихъ столѣтій, ея руководящіе люди усиливались — какъ тогда говорилось — «извлечь изъ Писанія внутренній сокъ и сущность для объясненія вещей». Всеобщая исторія съ третьяго до шестнадцатаго вѣка показываетъ, какіе были результаты. Вѣка средневѣковаго мрака обязаны своимъ мракомъ этой роковой политикѣ. Правда, иногда являлись великіе люди, какъ императоръ Фридрихъ II и Альфонсъ X, которые, стоя на весьма возвышенной и широкой точкѣ зрѣнія, открыли важность науки для цивилизаціи, и среди мрачнаго зрѣлица, какое создавалъ клерикализмъ вокругъ нихъ, увидѣли, что наука одна можетъ улучшить общественное состояніе человѣка.

Въ эти времена все еще прибѣгали къ смертной казни за различіе мнѣній. Когда Кальвинъ велѣлъ сжечь Сервета въ Женевѣ, всякому было ясно, что духъ преслѣдованія не уменьшился. Преступленіе этого философа заключалось въ его мнѣніи. Это мнѣніе заключалось въ томъ, что истинныя ученія Христіанства были затеряны еще до временъ собора въ Никеѣ; что Святой Духъ одушевляетъ всю систему Природы, какъ душа міра, и что, въ концѣ всѣхъ вещей, онъ будетъ поглощенъ, вмѣстѣ съ Христомъ, въ существѣ Божества, изъ котораго они проистекли. За это онъ былъ сожженъ на медленномъ огнѣ. Была ли какая нибудь разница между этимъ протестантскимъ ауто-да-фе и католическимъ ауто-да-фе Ванини, который былъ сожженъ въ Тулузѣ Инквизиціей, въ 1629, за его «Диалоги о Природѣ»?

Изобрѣтеніе книгопечатанія, размноженіе книгъ, ввело опасности новаго рода, до которыхъ не могло достать преслѣдованіе Инквизиціи. Въ 1559, папа Павелъ IV учредилъ Конгрегацию Индекса (*Index Expurgatorius*). «Обязанность ея состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать книги и рукописи, предназначаемыя для публикаціи, и рѣшать, можно ли позволить народу читать ихъ; исправлять тѣ книги, ошибки которыхъ не многочисленны и въ которыхъ есть также и полезныя, спасительныя истины, — приводя ихъ въ согласіе съ ученіями церкви; осуждать тѣ начала которыхъ — еретическія и вредныя; и сообщать извѣстнымъ лицамъ особенную привиллегію пользоваться еретическими книгами. Эта конгрегация, которая иногда имѣетъ свои засѣданія въ присутствіи папы, а обыкновенно — во дворцѣ кардинала-президента, имѣетъ болѣе обширную область дѣйствій, чѣмъ область Инквизиціи, такъ какъ она беретъ въ свое вѣдѣніе не только тѣ книги, которыя содержатъ ученія, противныя Римско-Католической вѣрѣ, но и тѣ, которыя относятся къ обязанностямъ

прагматности, къ церковной дисциплинѣ, къ интересамъ общества. Имя ея производится отъ составляемыхъ ею алфавитныхъ таблицъ или указателей (индексовъ) еретическихъ книгъ и авторовъ».

Этотъ «Очистительный Указатель» (Index Expurgatorius) запрещенныхъ книгъ указывалъ сначала книги, которыя было не позволительно читать; но, когда это найдено было недостаточнымъ, запрещено было все, что не было позволено—смѣлая попытка не допустить до народа никакого знанія, кромѣ того, которое соответствовало намѣреніямъ церкви.

Два соперничавшіе отдѣла христіанской церкви — Протестантскій и Католическій—были такимъ образомъ согласны въ одномъ пунктѣ: не терять никакой науки, кромѣ той, какую они считали согласной съ Писаніемъ. Католицизмъ, обладая централизованной властью, могъ заставить уважать свои рѣшенія вездѣ, гдѣ было признано его значеніе, и внушалъ наставленія Индекса; Протестантство, вліяніе котораго разсѣяно было по многимъ центрамъ у разныхъ народовъ, не могло дѣйствовать такъ прямо и рѣшительно. Его способъ дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы возбуждать теологическую ненависть къ преступавшему, подвергать его общественной опалѣ—средство, быть можетъ, не менѣе дѣйствительное.

Какъ было указано въ прежнихъ главахъ, антагонизмъ между религіей и наукой существовалъ съ древнѣйшихъ временъ нашей эры. Въ теченіе столѣтій его можно открывать при каждомъ случаѣ, допускаяшемъ его обнаруженіе. Мы видимъ его при паденіи Александрійскаго Музея, въ судьбахъ Эригены и Виклефа, въ презрительномъ отверженіи еретиками тринадцатаго вѣка принятыхъ преданій о началѣ міра; но только во времена Коперника, Кеплера и Галилея усилія науки вырваться

изъ рабства, въ которомъ она была окована, стали неодолимы. Во всѣхъ странахъ политическая власть клерикализма сильно упала; его руководящіе люди замѣчали, что облачное основаніе, на которомъ онъ стоялъ, разсѣвается. Тѣхъ репрессивныхъ мѣръ противъ его антагонистовъ, къ которымъ съ успѣхомъ прибѣгали въ старыя времена, уже нельзя было съ выгодой употреблять теперь. Сожженіе того или другаго философа приносило больше вреда, нежели пользы интересамъ клерикаловъ. Въ своемъ великомъ столкновеніи съ астрономіей, — столкновеніи, гдѣ Галилей стоитъ центральною фігурой, — клерикализмъ получилъ совершенное пораженіе; и, какъ мы видѣли, когда напечатано было безсмертное произведеніе Ньютона, — онъ уже не могъ оказать никакого сопротивленія, хотя Лейбницъ утверждалъ передъ лицомъ Европы, что «Ньютонъ похитилъ у Бога-ства нѣкоторыя изъ его превосходнѣйшихъ атрибутовъ, и подкопалъ основаніе естественной религіи».

Со временъ Ньютона и до нашего времени, разногласіе науки съ традиціонными представленіями постоянно увеличивалось.

Но насколько достовѣрно то спеціальное преданіе, которое со втораго вѣка нашей эры ставили критеріумомъ научной истины?..

Въ древніе вѣка Христіанства, многіе изъ замѣчательнѣйшихъ патристическихъ писателей имѣли серьезныя сомнѣнія относительно составителя цѣлаго Пятикнижія... Этотъ предметъ имѣетъ теперь уже весьма обширную литературу, и мы можемъ, напримѣръ, указать читателямъ сочиненіе благочестиваго и ученаго декана Prideaux: «The Old and New Testament connected», — сочиненіе, которое служитъ однимъ изъ литературныхъ украшеній прошлаго вѣка; въ недавнее время этотъ предметъ былъ подробно изслѣдованъ епископомъ Коленсо.

Изъ многоразличныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ видно, что само преданіе, о которомъ идетъ рѣчь, не заявляетъ тѣхъ притязаній, какія ему приписываются; что оно носитъ слѣды двухъ различныхъ источниковъ, несогласныхъ между собою; что оно составилось гораздо позднѣе, чѣмъ полагается у клерикальных писателей; что въ немъ переданы, между прочимъ, ассирійскія легенды, которыя начинаютъ теперь открывать въ памятникахъ клинообразныхъ письменъ... Самыя ученія, какія основываютъ на этомъ преданіи, имѣли сравнительно позднее происхожденіе...

Относительно этого преданія, какъ критерія истины, Протестантство стояло на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Католицизмъ. Послѣдній въ наше время, кромѣ того, объявилъ непогрѣшимость папы. Могутъ сказать, что эта непогрѣшимость прилагается только къ нравственнымъ и религіознымъ вещамъ; но гдѣ провести раздѣлительную черту? Всевѣдѣніе не можетъ быть ограничено одной опредѣленной группой вопросовъ; по самой своей природѣ, оно предполагаетъ знаніе всего, и непогрѣшимость значитъ всевѣдѣніе.

Безъ сомнѣнія, если допустить основные принципы Итальянскаго Христіанства, ихъ логическій исходъ есть непогрѣшимый папа. Нѣтъ надобности останавливаться на нефилософичномъ свойствѣ этого представленія; оно уничтожается изслѣдованіемъ политической исторіи папства и біографіи папъ. Первая представляетъ всѣ заблужденія и ошибки, какимъ всегда подвержены учрежденія обыкновеннаго человѣческаго характера; послѣдняя — уже слишкомъ часто есть только исторія грѣха и позора.

Невозможно было, чтобы авторитетное провозглашеніе догмата папской непогрѣшимости встрѣтило между образованными

католиками общее признаніе. Оно произвело серьезное и широко распространенное несогласіе. Ученіе, столь возмущающее здравый смысл, и не могло имѣть другаго результата. Многіе утверждаютъ, что если только непогрѣшимость существуетъ, она заключается во вселенскихъ соборахъ, и однако такіе соборы не всегда были согласны другъ съ другомъ. Многіе вспоминаютъ также, что соборы низлагали папъ и полагали судъ надъ ихъ шумомъ и раздорами. Протестанты не безъ основанія спрашивали, какія доказательства можно привести и вообще за непогрѣшимость церкви? какія есть доказательства, чтобы церковь когда нибудь вполнѣ и вѣрно представлена была какимъ нибудь соборомъ? и почему истина можетъ быть опредѣлена голосами большинства, а не меньшинства? Какъ часто случалось, что человекъ, стоявшій на вѣрной точкѣ зрѣнія, усматривалъ истину, и послѣ того, какъ всѣ другіе его обвиняли и преслѣдовали, въ концѣ концовъ они принуждены бывали принять его мнѣнія? Не такова ли была исторія многихъ великихъ открытій?

Не дѣло науки примирять эти спорящія притязанія; не ея дѣло опредѣлять, гдѣ можетъ быть для религіознаго человека найденъ критерій истины, въ библіи, или во вселенскомъ соборѣ, или въ папѣ. Она требуетъ себѣ только права, которое такъ охотно предоставляетъ другимъ, — права принять свой собственный критерій. Если она съ недоувѣріемъ смотритъ на неисторическія легенды; если она съ совершеннымъ равнодушіемъ относится къ голосу большинства въ опредѣленіи истины; если она оставляетъ притязанія какого нибудь человѣческаго существа на непогрѣшимость быть рѣшенными непреклонною логикой послѣдующихъ событій, — то эту же холодную безстрастность, какую она обнаруживаетъ здѣсь, она выказываетъ и къ своимъ собственнымъ ученіямъ. Она не колеблясь оставила бы теорію

тяготѣнія или теорію волнъ, еслибы наша, что онѣ не могутъ быть примирены съ фактами. Для нея вдохновенная книга есть книга Природы, листы которой всегда раскрыты передъ глазами каждаго человѣка. Ставя все на очную ставку, она не нуждается ни въ какихъ обществахъ для своего распространенія. Человѣческое честолюбіе и человѣческій фанатизмъ никогда не въ состояніи были подкупить ее, безконечную по объему, вѣчную по продолжительности. На землѣ она проявляется всѣмъ, что великолѣпно и прекрасно, на небѣ буквы ея — солнца и міры.

ГЛАВА IX.

Споръ относительно управленія вселенной.

Способъ управленія міра можетъ имѣть два толкованія. Оно можетъ происходить посредствомъ постоянного сверхъестественнаго вмѣшательства, и дѣйствіемъ неизмѣннаго закона.

Клерикализмъ всегда будетъ склоненъ къ принятію перваго, потому что долженъ желать, чтобы его считали стоящимъ между молитвой вѣрующаго и провиденціальнымъ актомъ. Важность его увеличивается той властью, на какую заявляетъ притязаніе клерикализмъ—опредѣлять, каковъ долженъ быть этотъ актъ. Въ до-христіанской (римской) религіи, великой должностію жречества было открытіе будущихъ событій посредствомъ оракуловъ, предзнаменованій, наблюденія внутренностей животныхъ, и принесенія жертвъ для умилостивленія боговъ. Въ позднѣйшія времена средневѣковаго Христіанства, заявлялось притязаніе на большую власть; духовенство утверждало, что своимъ вмѣшательствомъ можетъ устраивать ходъ дѣлъ, отвращать опасности, обезпечивать блага, производить чудеса и даже измѣнять порядокъ Природы.

Поэтому, клерикализмъ не безъ причины неблагопріятно

смотрѣлъ на ученіе объ управленіи вселенной неизмѣннымъ закономъ. Это ученіе, казалось, унижало его достоинство, уменьшало его важность. Для него было что-то странное въ Божествѣ, которое не можетъ быть преклонено человѣческими мольбами, въ холодномъ, безстрастномъ божествѣ, — что то страшное въ фатализмѣ, судьбѣ.

Но во всё вѣка на наблюдателей размышляющихъ не могло не производить глубокаго впечатлѣнія правильное движеніе небесъ—восходъ и закатъ солнца; возрастаніе и уменьшеніе дневнаго свѣта; увеличеніе и уменьшеніе луны; возвращеніе временъ года въ ихъ должномъ порядкѣ; мѣрный ходъ странствующихъ планетъ на небѣ: что такое было все это и многое подобное, какъ не обнаруженіе правильного и неизмѣннаго хода событий? Вѣра въ такое истолкованіе у древнихъ наблюдателей, быть можетъ, колебалась, когда происходили такія явленія, какъ затмѣніе, внезапныя и таинственныя нарушенія обычнаго хода естественныхъ событий; но эта вѣра могла возвратиться съ удесятенной силой, какъ скоро сдѣлано было открытіе, что самыя затмѣнія возвращаются и могутъ быть предскаazyваемы.

Астрономическія предсказанія всякаго рода основываются на допущеніи того факта, что всё явленія были и будутъ подчинены дѣйствию естественныхъ законовъ. Научный философъ утверждаетъ, что состояніе міра въ каждый данный моментъ есть прямой результатъ его состоянія въ предыдущемъ моментѣ, и прямая причина его состоянія въ послѣдующемъ моментѣ. Законъ и случай — только различныя названія механической необходимости.

Около пятидесяти лѣтъ спустя по смерти Коперника, Іоаннъ Кеплеръ, уроженецъ Вюртемберга, принявшій геліоцентрическую теорію и глубоко пронизанный увѣренностью, что существуетъ

связь въ обращеніяхъ планетныхъ тѣлъ вокругъ солнца и что эта связь, будучи правильно изслѣдована, открыла бы законы, по которымъ совершаются эти движенія, — Кеплеръ посвятилъ себя изученію разстояній, періодовъ обращенія и быстроты планетъ, и формы ихъ орбиты. Его методъ состоялъ въ томъ, чтобы подвергнуть наблюденія, какія были ему доступны, какъ, на примѣръ, наблюденія Тихо Браге, вычисленіямъ, основаннымъ сначала на одной, потомъ на другой гипотезѣ, отвергая гипотезы, если бы оказывалось, что вычисленія не согласуются съ наблюденіями. Невѣроятный трудъ, взятый имъ на себя (онъ говоритъ: «я соображалъ и вычислялъ до того, что чуть не сошелъ съ ума»), былъ наконецъ вознагражденъ, и въ 1609 году онъ издалъ свою книгу «О движеніяхъ планеты Марса». Здѣсь онъ старался примирить движенія этой планеты съ гипотезой эксцентрическихъ круговъ и эпицикловъ, но наконецъ открылъ, что орбита планеты есть не кругъ, а эллипсъ, что солнце находится въ одномъ изъ его фокусовъ, и что площади, описываемыя линіей, идущей отъ планеты къ солнцу, пропорціональны временамъ. Это составляетъ такъ называемые теперь первый и второй законы Кеплера. Черезъ восемь лѣтъ онъ вознагражденъ былъ открытіемъ третьяго закона, опредѣляющаго отношеніе между средними разстояніями планетъ отъ солнца и временами ихъ обращенія: «квадраты періодовъ времени пропорціональны кубамъ разстояній». Въ «Сокращеніи Коперниковой системы», изданномъ въ 1618 г., Кеплеръ возвѣстилъ этотъ законъ и доказывалъ, что онъ примѣняется къ спутникамъ Юпитера относительно ихъ планеты. Отсюда было выведено, что законы, управляющіе великими движеніями солнечной системы, управляютъ также и меньшими движеніями ея составныхъ частей.

Представленіе о законѣ, которое несомнѣнно внушается

открытіями Кеплера, и доставленное ими доказательство въ поддержку геліоцентрической, и противъ геоцентрической теоріи, не могли не подпасть порицанію Римскихъ властей. Поэтому, когда и Коперникова система была осуждена какъ совершенно противорѣчащая Писанію, Конгрегація Индекса запретила Кеплерово «Сокращеніе» этой системы. По этому случаю Кеплеръ сдѣлалъ свое знаменитое заявленіе: «Прошло восемьдесятъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ ученія Коперника о движеніи земли и неподвижности солнца были объявляемы безпренятственно, потому что казалось дозволеннымъ вести споры о естественныхъ вещахъ и объяснять дѣла Бога, а теперь, когда открыто новое свидѣтельство въ доказательство истины этихъ ученій—свидѣтельство, которое не было извѣстно духовнымъ судьямъ—вы хотите запретить обнародованіе истинной системы строенія вселенной».

Никто изъ современниковъ Кеплера не вѣрилъ въ законъ площадей, и онъ не былъ принимаемъ до изданія Ньютоновыхъ «Principia». Дѣйствительно, никто въ тѣ времена не понималъ философскаго смысла законовъ Кеплера. Онъ самъ не предвидѣлъ, къ чему они должны неизбѣжно вести. Его ошибки показывали, какъ онъ былъ далекъ отъ пониманія ихъ результата. Такъ онъ думалъ, что каждая планета есть сѣдалище разумнаго начала, и что есть отношеніе между величинами орбитъ пяти главныхъ планетъ и пятью правильными геометрическими тѣлами. Сначала, онъ склоненъ былъ думать, что орбита Марса овална, и только послѣ утомительныхъ изысканій онъ открылъ великую истину, ея эллиптическую форму. Идея о невредимости небесныхъ предметовъ повела къ принятію Аристотелева ученія о совершенствѣ круговыхъ движеній, и къ понятію, что на небѣ не было иныхъ движеній, кромѣ круговыхъ. Онъ горько

жалуется, что это было роковымъ «воромъ его времени». Его философская смѣлость обнаруживается тѣмъ, что онъ пробился чрезъ это издавна почитаемое преданіе.

Въ нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ частностяхъ Кеплеръ предупредилъ Ньютона. Онъ первый далъ ясныя понятія о тяготѣніи. По словамъ его, каждая частица матеріи будетъ покоиться, пока не нарушается какою нибудь другой частицей—земля притягиваетъ камень сильнѣе, чѣмъ камень притягиваетъ землю, и тѣла движутся другъ къ другу пропорціонально ихъ массамъ; земля подвинулась бы къ лунѣ на одну пятьдесятъ четвертую ихъ разстоянія, а луна двигалась бы остальные пятьдесятъ три доли. Онъ утверждаетъ, что притяженіе луны производитъ морскіе приливы, и что планеты должны производить неправильности въ движеніяхъ луны.

Успѣхи астрономіи очевидно можно раздѣлить на три періода:

1. Періодъ наблюденія видимыхъ движеній небесныхъ тѣлъ.
2. Періодъ открытія ихъ дѣйствительныхъ движеній, и въ особенности законовъ обращенія планетъ; этотъ періодъ главнымъ образомъ обозначается Коперникомъ и Кеплеромъ.

3. Періодъ опредѣленія причинъ этихъ законовъ. Это была эпоха Ньютона.

Переходъ втораго періода въ третій зависѣлъ отъ развитія Динамической отрасли механики, которая была въ неподвижномъ состояніи со временъ Архимеда или Александрійской школы.

Въ христіанской Европѣ до Леонардо да-Винчи, род. въ 1452 году, не было человѣка, который бы подвинулъ изученіе механики. Ему, а не лорду Бэкону, должно быть приписываемо возрожденіе науки. Бэконъ не только не зналъ математики, но и не

цѣнилъ ея приложенія къ физическимъ изслѣдованіямъ. Онъ съ презрѣніемъ отвергалъ систему Коперника, приводя противъ нея нелѣпыя возраженія. Въ то время какъ Галилей былъ наканунѣ своихъ великихъ телескопическихъ открытій, Бэконъ публиковалъ сомнѣнія о пользѣ инструментовъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Приписывать ему индуктивный методъ есть не звать исторіи. Его произвольныя философскія предложенія не имѣли никогда ни малѣйшей практической примѣнимости. Никто не думалъ никогда ими пользоваться. Исключая англійскихъ читателей, имя его почти неизвѣстно.

Далѣе я буду имѣть случай подробнѣе говорить о Леонардо да Винчи. Изъ его произведеній, остающихся еще въ рукописи, двѣ книги находятся въ Миланѣ и одна въ Парижѣ, принесенная сюда Наполеономъ. Послѣ промежутка около семидесяти лѣтъ, за Винчи послѣдовалъ голландскій инженеръ Стевинъ, сочиненіе котораго о началахъ равновѣсія издано было въ 1586. Шесть лѣтъ спустя явился трактатъ о механикѣ Галилея.

Этому великому Итальянцу принадлежитъ установленіе трехъ основныхъ законовъ динамики, извѣстныхъ подъ именемъ законовъ движенія.

Послѣдствія опредѣленія этихъ законовъ были весьма важны.

Предполагали, что постоянныя движенія, каковы, напримеръ, движенія небесныхъ тѣлъ, могутъ поддерживаться только постоянной тратой и постояннымъ приложеніемъ силы, но первый изъ законовъ Галилея объявлялъ, что всякое тѣло будетъ всегда оставаться въ своемъ состояніи покоя, или однообразнаго движенія по прямой линіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ вынуждено измѣнить это состояніе нарушающими силами. Ясное представленіе объ этомъ основномъ принципѣ существенно важно для пониманія элементарныхъ фактовъ физической астрономіи.

Такъ какъ всё движеніе, которыя мы видимъ совершающимися на поверхности земли, скоро приходятъ къ концу, то мы думаемъ поэтому, что естественное состояніе вещей есть покой. Такимъ образомъ, мы сдѣлали очень большой успѣхъ, когда убѣдились, что тѣло одинаково индифферентно и къ покою и къ движенію, и что оно одинаково остается и въ томъ, и въ другомъ состояніи, пока не будутъ къ нему приложены нарушающія силы. Въ случаяхъ обыкновеннаго движенія такими нарушающими силами бываютъ треніе и сопротивленіе воздуха. Когда такихъ сопротивленій нѣтъ, движеніе должно быть постояннымъ, какъ это и бываетъ съ небесными тѣлами, движущимися въ пустотѣ.

Силы, какъ бы ни были онѣ различны по величинѣ, будутъ оказывать все свое вліяніе вмѣстѣ, каждая — такъ, какъ бы другая сила вовсе не существовала. Такимъ образомъ, когда ядро вылетаетъ изъ жерла пушки, оно падаетъ на землю послѣ известнаго промежутка времени, вслѣдствіе вліянія на него тяготѣнія. Если имъ выстрѣлять изъ пушки, то, хотя бы оно было выброшено съ быстротой нѣсколькихъ тысячъ футовъ въ секунду, дѣйствіе притяженія будетъ совершенно тоже, какъ прежде. Въ своемъ соединеніи силы нисколько не измѣняются; каждая производитъ свое особенное дѣйствіе.

Въ послѣдней половинѣ семнадцатаго столѣтія, черезъ труды Борелли, Гука и Гюйгенса сдѣлалось ясно, что круговыя движенія могутъ быть объяснены законами Галилея. Борелли, разсуждая о движеніяхъ спутниковъ Юпитера, показываетъ, какъ круговыя движенія могутъ возникнуть подъ вліяніемъ центральной силы. Гукъ разъяснилъ измѣненіе прямого движенія въ круговое, вслѣдствіе вліянія центральнаго притяженія.

1687 годъ представляетъ эпоху не только въ Европейской

наукѣ, но и въ умственномъ развитіи человѣка. Онъ отмѣченъ изданіемъ въ свѣтъ «Principia» Ньютона, несравненнаго, безсмертнаго произведенія.

На основаніи принципа, что все тѣла взаимно притягиваютъ другъ друга съ силой, находящейся въ прямомъ отношеніи съ ихъ массами, и въ обратномъ отношеніи съ квадратами ихъ разстояній, Ньютонъ показалъ, что все движенія небесныхъ тѣлъ могутъ быть объяснены, и что законы Кеплера все могли бы быть предсказаны—эллиптическія движенія—описываемыя площади — отношенія времени и разстояній. Какъ мы видѣли, современники Ньютона понимали, какъ могли бы быть объяснены круговыя движенія; это былъ частный случай, но Ньютонъ доставилъ разрѣшеніе общей задачи, заключающей все частные случаи движенія въ кругахъ, эллипсисахъ, параболахъ, гиперболлахъ — то есть, во всехъ коническихъ сѣченіяхъ.

Александрійскіе математики показали, что направленіе движенія падающихъ тѣлъ есть направленіе къ центру земли. Ньютонъ доказалъ, что это должно необходимо быть, такъ какъ общее дѣйствіе притяженія всехъ частицъ шара есть тоже самое, какъ если бы онѣ все сосредоточены были въ его центрѣ.

Этой-то центральной силѣ, опредѣляющей такимъ образомъ паденіе тѣлъ, дано было названіе тяготѣнія. До этого времени никто, кромѣ Кеплера, не изслѣдовалъ, какъ далеко достигало его вліяніе. Ньютону казалось, что оно можетъ простираться до луны и быть той силой, которая отклоняетъ ее отъ прямолинейнаго пути и заставляетъ ее обращаться въ своей орбитѣ вокругъ земли. Легко было вычислить, на основаніи закона обратныхъ квадратовъ, достаточно ли было бы притяженіе земли, чтобы произвести замѣченное дѣйствіе. Употребляя измѣренія величины земли, доступныя въ то время, Ньютонъ нашелъ,

что отклоненіе луны было только тринадцать футовъ въ минуту; тогда какъ, если бы его теорія тяготѣнія была вѣрна, отклоненіе должно бы быть пятнадцать футовъ. Но, какъ мы видѣли, Пикарь въ 1669 исполнилъ измѣреніе градуса болѣе старательно, чѣмъ то было сдѣлано прежде; это измѣнило опредѣленіе величины земли, и потому, разстояніе луны; и когда вниманіе Ньютона обращено было на этотъ предметъ нѣкоторыми разсужденіями, происходившими въ Королевскомъ Обществѣ въ 1679, онъ добылъ результаты Пикаря, вернулся домой, взявъ свои старыя бумажки и принялся снова за вычисленія. Когда они были близки къ концу, онъ пришелъ въ такое волненіе, что принужденъ былъ просить одного изъ друзей окончить ихъ. Ожиданное совпаденіе было найдено. Доказано было, что луна удерживается въ своей орбитѣ и обращается вокругъ земли силой земнаго притяженія. Геніи Кеплера уступили мѣсто вихрямъ Декарта, а эти въ свою очередь центральной силѣ Ньютона.

Подобнымъ образомъ земля и каждая изъ планетъ, вынуждены двигаться въ эллиптической орбитѣ вокругъ солнца его притягательною силою, и пертурбаціи ихъ движенія возникаютъ отъ нарушающаго дѣйствія планетныхъ массъ другъ на друга. Зная массы и разстоянія, можно вычислить эти нарушенія. Позднѣйшіе астрономы рѣшали даже обратную задачу, то есть, зная пертурбаціи или нарушенія, находили мѣсто и массу нарушающаго тѣла. Такимъ образомъ, изъ отклоненій Урана отъ его теоретическаго положенія, выведено было открытіе Нептуна.

Заслуга Ньютона состояла въ томъ, что онъ приложилъ законы динамики къ движеніямъ небесныхъ тѣлъ, и утверждалъ, что научныя теоріи должны быть доказываемы согласіемъ наблюденій съ вычисленіями.

Въ столѣтїи, предшествующемъ эпохѣ Ньютона, совершился крупный политическій и религіозный переворотъ — Реформація. Хотя она и не обезпечила помощь свободы для мысли, но она ослабила многія изъ старыхъ клерикальныхъ стѣсненій. Въ реформированныхъ странахъ не было власти, которая бы выразила осужденіе трудамъ Ньютона, и среди духовенства не было расположенія вмѣшиваться въ эти дѣла. Сначала, вниманіе протестантовъ было все поглощено движеніями ихъ великаго врага, Католицизма, и когда этотъ источникъ безпокойства прекратился и возникли неизбѣжныя дѣленія реформаціи, это вниманіе было привлечено къ соперничавшимъ или враждебнымъ церквамъ. У Лютеранъ, Кальвинистовъ, Епископаловъ, Пресвитеріанъ, была на рукахъ болѣе настоятельная забота, чѣмъ математическія разсужденія Ньютона.

Такимъ образомъ, не осужденная, и въ сущности дѣла незамѣченная, твердо установилась въ этомъ шумѣ борющихся сектъ, великая теорія Ньютона. Ея философское значеніе было несравненно болѣе важно, чѣмъ тѣ предметы, о которыхъ упрямо спорили эти секты. Она не только принимала геліоцентрическую теорію и законы, открытые Кеплеромъ, но доказывала, что каковъ бы ни былъ вѣсь противодѣйствующаго клерикальнаго авторитета, солнце *должно* быть центромъ нашей системы, и что законы Кеплера — результатъ математической необходимости. Имъ невозможно быть иными, чѣмъ они есть.

Но что же значить все это? Очевидно, что солнечная система находится подъ управленіемъ неизмѣннаго закона, который самъ есть результатъ математической необходимости.

Телескопическія наблюденія Гершеля I убѣдили его, что есть очень много двойныхъ звѣздъ — двойныхъ не только потому, что онѣ случайно находятся на той же линіи зрѣнія, но

потому, что онѣ связаны физически и обращаются одна около другой. Эти наблюденія продолжалъ и очень распространилъ Гершель II. Элементы эллиптической орбиты двойной звѣзды ξ въ Большой Медвѣдицѣ опредѣлилъ Савари, — ея періодъ пятьдесятъ восемь съ четвертью года; элементы другой звѣзды, σ Короны, были опредѣлены Гиндомъ, — періодъ ея болѣе семисотъ тридцати шести лѣтъ. Движеніе этихъ двойныхъ звѣздъ въ эллиптическихъ орбитахъ заставляетъ насъ допустить, что законъ тяготѣнія имѣетъ силу далеко за предѣлами нашей солнечной системы; дѣйствительно, куда только можетъ достигнуть телескопъ, онъ доказываетъ царство закона. Д'Аламберъ, во введеніи къ энциклопедіи, говоритъ: «Вселенная есть только одинъ фактъ; она есть только одна великая истина».

Итакъ, слѣдуетъ ли заключить, что солнечная и звѣздная системы произошли случайнымъ образомъ и движенія ихъ совершаются по произвольно данному закону?...

Или есть основанія думать, что эти различныя системы произошли не по случайному произволу, но по дѣйствию закона?

Вотъ нѣкоторыя особенности, представляемыя солнечной системой, какъ ихъ перечисляетъ Лапласъ. Всѣ планеты и ихъ спутники движутся по эллипсамъ столь малаго эксцентриситета, что они почти равняются кругу. Всѣ планеты движутся въ томъ же направленіи и почти въ той же плоскости. Движенія спутниковъ совершаются въ томъ же направленіи, какъ движенія планетъ. Обращенія около оси солнца, планетъ и спутниковъ происходятъ въ томъ же направленіи, какъ ихъ орбитныя движенія, и въ плоскостяхъ мало отличающихся.

Невозможно, чтобы столько совпаденій было результатомъ случая! Не очевидно ли, что должна была быть общая связь

между всѣми этими тѣлами, что онѣ—только части того, что должно было нѣкогда быть одною массою?

Но если мы допустимъ, что субстанція, изъ которой состоитъ солнечная система, существовала нѣкогда въ небулозномъ состояніи и имѣла вращеніе около оси, то всѣ упомянутыя особенности истекають отсюда какъ необходимыя механическія послѣдствія. Мало того, этимъ объясняется образованіе планетъ, образованіе спутниковъ и астероидъ. Мы видимъ, почему внѣшнія планеты и спутники больше внутреннихъ; почему большія планеты обращаются быстро, а меньшія медленно; почему внѣшнія планеты имѣютъ больше спутниковъ, чѣмъ внутреннія. Мы приобретаемъ указанія времени обращенія планетъ по ихъ орбитамъ, и спутниковъ по ихъ; мы понимаемъ способъ образованія колецъ Сатурна. Мы находимъ объясненіе физическаго состоянія солнца и переходныхъ состояній, какія прошли земля и луна, какъ то указываетъ ихъ геологія.

Но изъ этихъ особенностей, свойственныхъ планетамъ указаны были два исключенія; онѣ относятся къ Урану и Нептуну.

Если разъ допускается существованіе такой туманной массы, то все остальное является какъ необходимое слѣдствіе. Но не встрѣчается ли при этомъ самое серьезное возраженіе?

Во-первыхъ, мы должны убѣдиться, есть ли какія нибудь твердыя доказательства для того, чтобы допустить существованіе такой туманной массы?

Небулярная гипотеза основывается прежде всего на телескопическомъ открытіи, сдѣланномъ Гершелемъ I, что на небѣ разсѣяны тамъ и сямъ блѣдныя свѣтящіяся пятна, изъ которыхъ только немногія настолько велики, чтобы быть видимыми невооруженнымъ глазомъ. Изъ нихъ многія при помощи достаточно сильнаго телескопа могутъ быть разрѣшены въ кучи

звѣздъ, но нѣкоторыя, какъ напримѣръ, большое туманное пятно въ Орионѣ, не поддавались лучшимъ инструментамъ, какіе сдѣланы до сихъ поръ.

Тѣ, кто не былъ расположенъ принимать небулярную гипотезу, утверждали, что если пятно не разрѣшалось, то это происходило только отъ несовершенства употребленныхъ телескоповъ. Въ этихъ инструментахъ можно замѣтить двѣ отдѣльныя функціи: ихъ сила собиранія свѣта зависитъ отъ діаметра ихъ объективнаго зеркала; ихъ сила разъясненія зависитъ отъ утонченной правильности ихъ оптическихъ поверхностей. Большіе инструменты могутъ вполне владѣть первымъ изъ этихъ качествъ вслѣдствіе ихъ величины, но послѣднимъ могутъ владѣть далеко не вполне или отъ несовершенства первоначальной формы, или отъ искривленія, происходящаго отъ сгиба вслѣдствіе ихъ собственной тяжести. Но, если даже инструментъ вполне исправенъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи, можетъ все таки случиться, что онъ не въ состояніи разрѣшить туманное пятно въ ясныя точки.

Но, къ счастью, для опредѣленія этого вопроса можно употребить и другія средства. Въ 1846, авторомъ этой книги открыто было, что спектръ раскаленнаго твердаго тѣла бываетъ ровный, сплошной, то есть, не имѣетъ ни темныхъ, ни свѣтлыхъ линій. Фраунгоферъ прежде нашелъ, что спектръ раскаленныхъ газовъ бываетъ неровный, не сплошной. Такимъ образомъ, здѣсь открывається средство опредѣлять, исходитъ ли свѣтъ, издаваемый даннымъ туманнымъ пятномъ, отъ горящаго газа или отъ скопленія воспламененныхъ твердыхъ тѣлъ, звѣздъ или солнць. Если спектръ не сплошной, это—настоящее туманное пятно или газъ; если сплошной, это—скопленіе звѣздъ.

Въ 1864, Геггинсъ (Huggins) сдѣлалъ это изслѣдованіе

относительно туманнаго пятна въ созвѣздіи Дракона. Оно оказалось газообразнымъ.

Послѣдующія наблюденія показали, что изъ шестидесяти изслѣдованныхъ туманныхъ пятенъ, девятнадцать дали несплошные или газовые спектры, остальные—спектры сплошные.

Поэтому, можно допустить, что наконецъ получено было физическое доказательство, указывающее на существованіе обширныхъ массъ вещества въ газообразномъ состояніи и при температурѣ горѣнія. Гипотеза Лапласа имѣетъ такимъ образомъ твердое основаніе. Въ такой туманной массѣ, охлажденіе путемъ лучеиспусканія есть явленіе необходимое, и ступеніе и вращеніе — необходимые результаты. Должно совершаться отдѣленіе колець, которыя всѣ лежали бы въ одной плоскости, должны произойти планеты и спутники, которые вращаются всѣ одинаково, центральное солнце и окружающіе пары. Изъ хаотической массы, дѣйствіемъ естественныхъ законовъ, произведена была организованная система. Интеграція вещества въ міръ произошла чрезъ унадокъ теплоты.

Если такова была космогонія солнечной системы, таково происхожденіе планетныхъ міровъ, мы принуждены распространить нашъ взглядъ на господство закона и признать его дѣйствіе какъ въ созданіи, такъ и въ храненіи безчисленныхъ небесныхъ тѣлъ, тѣснящихся во вселенной.

Но опять могутъ спросить: «не заключается ли въ этомъ взглядѣ нѣчто глубоко нечестивое? не исключаемъ ли мы Творца изъ созданныхъ имъ міровъ?»

Мы много разъ видѣли образованіе облака на яркомъ небѣ. Неясное пятнышко, едва замѣтное — небольшой клочекъ тумана—увеличивается въ объемѣ и дѣлается темнѣе и гуще, и наконецъ помрачаетъ бѣольшую часть неба. Оно раскидывается

въ фантастическія формы, беретъ блескъ отъ солнца, несется впередъ вѣтромъ и, быть можетъ, какъ оно постепенно являлось, такъ постепенно исчезаетъ, смѣшавшись съ чистымъ воздухомъ.

Мы говоримъ, что маленькіе пузырьки, изъ которыхъ это облако составилось, произошли отъ сгущенія водяныхъ паровъ, разѣ существовавшихъ въ атмосферѣ, чрезъ пониженіе температуры; мы показываемъ, какъ они приняли форму, представляемую ими теперь. Мы приводимъ оптическія причины блеска или темноты облака; мы объясняемъ, на основаніяхъ механики, почему оно уносится вѣтромъ; его исчезновеніе мы объясняемъ на основаніяхъ химіи. Намъ никогда не случается находить необходимымъ вмѣшательство особенной силы въ произведеніи и видоизмѣненіяхъ этой перемѣчивой формы. Мы объясняемъ всѣ относящіяся къ ней факты физическими законами.

Но вселенная есть не болѣе какъ такое облако — облако солнць и міровъ. Какъ ни громадно-великой она представляется намъ, для Безконечнаго и Вѣчнаго Разума она есть не болѣе, какъ плавающій туманъ. Если есть множество міровъ въ безконечномъ пространствѣ, то есть также и смѣна міровъ въ безконечномъ времени. Какъ на небѣ одно облако смѣняетъ другое, такъ эта звѣздная система, вселенная, наслаждалась безчисленному множеству другихъ, ей предшествовавшихъ, и предшествуетъ безчисленному множеству другихъ, которыя за ней послѣдуютъ. Совершается непрестающая метаморфоза, смѣна событій, безъ начала и конца.

Если мы, на физическихъ основаніяхъ, объясняемъ меньшія метеорологическія явленія, туманы и облака, то не позволено ли намъ обращаться къ тому же самому основанію въ происхожденіи міровыхъ системъ и вселенныхъ, которыя суть только

облака на нѣсколько бѣльшей мѣрѣ пространства, туманы, на нѣсколько менѣе преходящей мѣрѣ времени? Можетъ ли какой нибудь человекъ поставить черту, которая кладетъ границу физическому съ одной стороны, сверхъестественному съ другой? Не зависить ли наша оцѣнка пространства и продолжительности вещей вполне отъ нашей точки зрѣнія? Еслибы мы были поставлены въ срединѣ большого туманнаго пятна Оріона, какъ необычайно великолѣпно было бы зрѣлище! Громадныя превращенія, сгущенія огненнаго тумана въ міры, могли бы показаться достойными непосредственнаго присутствія, надзора Божества; здѣсь, на нашемъ далекомъ пунктѣ наблюденія, гдѣ милліоны миль незамѣтны для нашего глаза, и солнца кажутся намъ не больше пылинки въ воздухѣ, это пятно незначительнѣе самаго невольнаго облака. Галилей, въ своемъ описаніи созвѣздія Оріона, не думалъ, чтобы стоило и упоминать объ этомъ пятнѣ. Самый строгій теологъ тѣхъ временъ не увидѣлъ бы ничего предосудительнаго, еслибы происхожденіе его приписали второстепеннымъ причинамъ; не нашелъ бы ничего противурелигіознаго, еслибы для его метаморфозъ не призвали произвольнаго вмѣшательства Божества. Если таково заключеніе, къ которому приходимъ мы относительно его, то каково было заключеніе, къ которому Разумъ, обитающій на немъ, могъ бы прійти относительно насъ? Оно занимаетъ пространство, въ милліоны разъ бѣльшее, чѣмъ пространство нашей солнечной системы; мы невидимы съ него, и потому совершенно ничтожны. Нашелъ ли бы такой Разумъ необходимымъ требовать для нашего происхожденія и сохраненія непосредственнаго вмѣшательства провиденціальной силы?

Отъ солнечной системы спустимся къ тому, что еще бѣль-

незначительно — къ небольшой части ея; спустимся къ нашей землѣ. Въ теченіи времени она испытала великія перемѣны. Видъ Природы постоянно измѣняется предъ нашими глазами; еще болѣе широко и поразительно онъ измѣнялся въ геологическія времена. Но законы, управляющіе этими перемѣнами, никогда не представляютъ ни малѣйшаго колебанія. Среди громаднѣхъ превратностей они неизмѣнны. Настоящій порядокъ вещей есть только звѣно въ обширной связной цѣпи, достигающей назадъ до неисчислимаго прошедшаго, и идущей въ безконечное будущее.

Есть геологическія и астрономическія свидѣтельства, что въ отдаленномъ прошедшемъ температура земли и ея спутника была несравненно выше чѣмъ теперь. Затѣмъ произошло пониженіе, настолько медленное, что оно было незамѣтно въ короткіе промежутки, но довольно ясно въ теченіе многихъ вѣковъ. Теплота терялась лучеиспусканіемъ въ пространство.

Охлажденіе массы всякаго рода, большой или небольшой—все равно, не бываетъ неровнымъ; оно не происходитъ порывами и скачками; оно совершается подъ дѣйствіемъ математическаго закона, хотя къ такимъ могущественнымъ перемѣнамъ, какія мы здѣсь разсматриваемъ, не могутъ прилагаться ни формула Ньютона, ни формула Дюлона и Пети. Ничего не значить то, что при этомъ перемежались періоды частнаго пониженія, ледяные періоды, или періоды временнаго повышенія; ничего не значить и то, что эти колебанія происходили отъ топографическихъ измѣненій, какъ измѣненія уровня, или отъ періодичности въ лучеиспусканіи солнца. Періодическое солнце дѣйствовало бы только какъ простая пертурбація въ постепенномъ пониженіи теплоты. Пертурбація въ планетныхъ движеніяхъ составляютъ только подтвержденіе, а не опроверженіе тяготѣнія.

Далѣе, такое пониженіе температуры должно было сопровождаться безчисленными переменными въ физическомъ характерѣ нашего шара. Его размѣры должны были уменьшиться отъ сжатія; продолжительность дня должна была сократиться, поверхность земли должна была опадать, и по линіямъ наименьшаго сопротивленія произойти изломы; плотность моря должна была увеличиться, и объемъ его—сдѣлаться меньше; составъ атмосферы долженъ былъ измѣняться, особенно въ количествѣ водяныхъ паровъ и углекислоты, какое она содержала; барометрическое давленіе должно было понижаться.

Эти переменны и множество другихъ, какія можно было бы указать, должны были происходить не отрывочно, а правильнымъ образомъ, такъ какъ основной фактъ, ихъ производившій, пониженіе теплоты, само слѣдовало математическому закону.

Но не одна безжизненная Природа подвергалась этимъ неизбѣжнымъ переменамъ; въ тоже время ими затронута была и Природа живая.

Органическая форма всякаго рода, растительная или животная, будетъ оставаться неизмѣнной только до тѣхъ поръ, пока остается неизмѣнной окружающая ее обстановка. Если произойдетъ переменна въ обстановкѣ, организмъ или видоизмѣнится или погибнетъ.

Гибель организма тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ быстрѣе переменна въ обстановкѣ; видоизмѣненіе или преобразование возможные тамъ, гдѣ переменна болѣе постепенна.

Такъ какъ извѣстно, и можетъ быть доказано, что безжизненная Природа въ теченіи вѣковъ прошла обширныя видоизмѣненія; такъ какъ земная кора, и море, и атмосфера теперь уже не таковы, какими были некогда; такъ какъ распредѣленіе суши и океана и всякаго рода физическія условія

измѣнились; такъ какъ произошли такія обширныя перемѣны въ обстановкѣ живыхъ существъ на поверхности нашей планеты, — то необходимо слѣдуетъ, что соотвѣтственно съ ними органическая Природа должна была пройти черезъ рядъ разрушеній и видоизмѣненій.

Что такія вымиранія, такія превращенія дѣйствительно происходили, мы имѣемъ тому многочисленныя, убѣдительныя свидѣтельства.

Здѣсь опять мы должны замѣтить, что такъ какъ нарушающія силы сами слѣдовали математическому закону, то и эти результаты ихъ должны разсматриваться какъ слѣдовавшія тому же закону.

Такія соображенія ясно приводятъ насъ къ заключенію, что органической прогрессъ міра руководимъ былъ дѣйствіемъ неизмѣннаго закона. Они склоняютъ насъ благопріятнѣе смотрѣть на идею превращеній одной формы въ другую, чѣмъ на идею внезапныхъ созданій.

Послѣднее предполагаетъ внезапное появленіе, первое — постепенныя измѣненія.

Въ такомъ видѣ представляется нашей мысли великая теорія развитія. Всякое органическое существо имѣетъ свое мѣсто въ цѣпи событій. Оно — не уединенный, произвольный фактъ, а неизбежное явленіе. Оно имѣетъ свое мѣсто въ этомъ теченіи, которое послѣдовательно возникло въ прошедшемъ, ввело настоящее, и готовитъ путь для предназначеннаго будущаго. Отъ одного пункта до другаго, въ этомъ обширномъ движеніи впередъ было постепенное, опредѣленное, связанное развитіе, непреодолимый ходъ развитія. Но среди этихъ могущественныхъ перемѣнъ стоятъ неизмѣнными законы, господствующіе надъ всѣмъ.

Исслѣдуя введеніе какого нибудь типа жизни въ животную серію, мы находимъ, что оно согласно съ преобразованіемъ, а не съ внезапнымъ появленіемъ. Начало типа находится въ несовершенномъ видѣ среди другихъ формъ, время которыхъ почти истекло и которыя приходятъ къ вымиранію. Постепенно возникаетъ одинъ видъ за другимъ въ послѣдовательности бѣльшаго и бѣльшаго совершенства, пока, послѣ многихъ вѣковъ, достигается высшая точка. Отсюда, подобнымъ же образомъ, идетъ продолжительное, постепенное паденіе.

Такъ, хотя млекопитающій типъ жизни есть характеристическая принадлежность третичнаго и послѣ-третичнаго періодовъ, онъ появляется не внезапно въ эти періоды, безъ предваренія. Задолго ранѣе, во вторичномъ періодѣ, мы находимъ его подъ несовершенными формами, какъ будто борющимся, чтобы стать твердой ногой. Наконецъ, онъ получаетъ преобладаніе, подъ высшими и лучшими формами.

Точно также было съ пресмыкающимися, составляющими характеристическій типъ вторичнаго періода. Какъ мы видимъ на туманныхъ картинахъ, гдѣ изъ блѣднѣющихъ очертаній уходящей сцены возникаетъ тусклая форма новой сцены, которая постепенно пріобрѣтаетъ силу, достигаетъ своей высшей точки и затѣмъ исчезаетъ въ другой, ея смѣняющей: такъ, безъ сомнѣнія, появляется, достигаетъ своего высшаго пункта и постепенно падаетъ жизнь пресмыкающихся. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего внезапнаго; перемѣны переходятъ одна въ другую нечувствительными, постепенными оттѣнками.

Могло ли это быть иначе? Животныя съ горячей кровью не могли бы существовать въ атмосферѣ, столь обильной углекислотою, какъ то было въ первобытныя времена. Но удаленіе этого вреднаго ингредиента изъ воздуха листьями растений подѣ

вліяніемъ солнечнаго свѣта, покрытіе ея угольнаго элемента землею въ формѣ каменнаго угля, освобожденіе ея кислорода, сдѣлали ихъ жизнь возможной. Какъ видоизмѣнена была такимъ образомъ атмосфера, такъ въ эту перемѣну включено было и море; оно отдало большую долю своей углекислоты, и известнякъ, который до тѣхъ поръ разлагался ею, отложился въ формѣ плотнаго тѣла. На каждый эквивалентъ угля, погребенный въ землѣ, былъ эквивалентъ углекислой извести отдѣлявшійся изъ моря — не непременно въ аморфномъ состояніи, но всего чаще въ органической формѣ. Солнечный свѣтъ дѣлалъ свое дѣло день за днемъ, но требовались мириады дней для того, чтобы кончить его. Это былъ медленный переходъ отъ вредной атмосферы къ очищенной, и столько же медленный переходъ отъ типа животныхъ съ холодной кровью къ типу животныхъ съ горячей кровью. Но физическія перемѣны происходили подъ управленіемъ закона, и органическія преобразованія не были внезапными или произвольными актами. Они были непосредственными, неизбѣжными послѣдствіями физическихъ перемѣнъ, и потому, подобно имъ, необходимымъ результатомъ закона.

Для болѣе подробнаго разсмотрѣнія этого предмета, я могу отослать читателя къ I, II и VII главамъ второй книги моего «Трактата о физиологійи человѣка», изданнаго въ 1856 *)).

Чтобы дополнить нашъ взглядъ на этотъ предметъ, обратимся наконецъ къ тому, что въ одномъ смыслѣ, есть самый незначительный, въ другомъ чрезвычайно важный случай, какой мы можемъ разсмотрѣть. Представляютъ ли человѣческія общества, въ своей исторической судьбѣ, признаки предподре-

*) Существуетъ въ русскомъ переводѣ.

дѣленнаго прогресса на неизбѣжномъ пути? Есть ли какія нибудь доказательства, что жизнь народовъ находится подъ управленіемъ неизмѣннаго закона?

Можемъ ли мы заключить, что въ обществѣ, какъ въ индивидуальномъ человѣкѣ, части никогда не происходятъ изъ ничего, но развиваются изъ частей, уже существующихъ?

Если кто нибудь станетъ опровергать или осмѣивать ученіе объ эволюціи или послѣдовательномъ развитіи животныхъ формъ, которыя составляютъ неразрывную органическую цѣпь, идущую отъ начала жизни на земномъ шарѣ до настоящаго времени, пусть онъ размыслить, что онъ самъ прошелъ черезъ видоизмѣненія, составляющія параллель съ тѣми, какія онъ оспариваетъ. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ типъ его жизни былъ типъ водяной, и въ продолженіе этого времени онъ послѣдовательно принималъ различныя, но коррелятивныя формы. При рожденіи типъ его жизни сдѣлался воздушнымъ; онъ началъ вдыхать атмосферный воздухъ; ему даны были новые элементы пищи; способъ питанія измѣнился; но до сихъ поръ онъ не могъ ничего видѣть, ничего слышать, ничего замѣтить. Постепенно онъ началъ сознательное существованіе; онъ узналъ, что существуетъ ви́шній міръ. Въ свое время появились органы, приуроченныя къ другой перемѣнѣ пищи, зубы, и послѣдовала перемѣна пищи. Затѣмъ онъ прошелъ черезъ періоды дѣтства и юношества, его тѣло развилось и съ нимъ вмѣстѣ его умственныя силы. Около пятнадцати лѣтъ, вслѣдствіе развитія, какое получили спеціальныя части его системы, его нравственный характеръ измѣнился. На него стали вліять новыя идеи, новыя страсти. И что одно было причиной, а другое слѣдствіемъ, доказывается, когда на эти части дѣйствуетъ искусство врача. И здѣсь еще не кончается развитіе, метаморфоза; требуется

много лѣтъ для того, чтобы тѣло достигло полнаго совершенства, много лѣтъ и для ума. Наконецъ, достигается высшій пунктъ, и затѣмъ начинается упадокъ. Миѣ нѣтъ надобности изображать его печальныя явленія—ослабленіе тѣлесное и умственное. Быть можетъ, будетъ не большимъ преувеличеніемъ сказать, что менѣе чѣмъ въ столѣтіе, каждое человѣческое существо на земномъ шарѣ, если только не уничтожается прежде времени, перешло черезъ всѣ эти перемѣны.

Но индивидуумы — элементарныя составныя части обществъ, — народовъ. Они относятся къ обществу подобно тому, какъ частицы тѣла относятся къ самому тѣлу. Эти частицы, введенныя въ него, начинаютъ и совершаютъ свою функцію; онѣ умираютъ и удаляются изъ него.

Подобно индивидууму, народъ начинаетъ существовать безъ сознанія объ этомъ, и умираетъ безъ его согласія, часто противъ его воли. Національная жизнь ни въ чемъ не отличается отъ индивидуальной, кромѣ того, что распространена на большій размѣръ, но никакая нація не можетъ миновать своего неизбежнаго конца. Каждая нація, если ея исторія была хорошо разсмотрѣна, представляетъ свое время дѣтства, время юности, время зрѣлости, время упадка — если фазисы ея жизни были полны.

Во всѣхъ фазисахъ существованія, — если эти фазисы были полны, — есть общія черты, и такъ какъ подобныя согласія въ индивидуумахъ показываютъ, что всѣ живутъ подѣ царствомъ закона, то мы имѣемъ право заключить, что ходъ націй и самый прогрессъ человѣчества совершается не случайнымъ и произвольнымъ образомъ, что сверхъестественныя вмѣшательства не ломаютъ цѣли историческихъ актовъ, что каждое историческое событіе имѣетъ свое право въ какомъ нибудь пред-

шествующемъ событіи, и даетъ право для другихъ, которыя за нимъ послѣдуютъ.

Но это заключеніе есть существенный принципъ Стоицизма — той греческой философской системы, которая, какъ я уже сказалъ, дала опору въ часы испытанія и прочное руководство въ превратностяхъ жизни не только многимъ знаменитымъ Грекамъ, но также и нѣкоторымъ изъ великихъ философовъ, государственныхъ людей, полководцевъ и императоровъ Рима; системы, которая исключала случайность изъ всѣхъ вещей, и утверждала управленіе всѣхъ событій непреодолимой необходимостью, для произведенія совершеннаго блага; системы важной суровости, непреклонности, добродѣтели—протеста въ защиту здраваго смысла человѣчества. И быть можетъ, мы не разойдемся съ замѣчаніемъ Монтескьё, который утверждаетъ, что уничтоженіе Стоиковъ было великимъ бѣдствіемъ для человѣческаго рода; потому что они одни приготовляли великихъ гражданъ, великихъ людей.

Латинское Христіанство, въ его папской формѣ, есть абсолютное противорѣчіе принципу управленія закономъ. И не странна ли логика, которая находитъ доказательство утверждаемаго факта въ необъяснимомъ представленіи чего-то другаго?

Какъ можно было бы ожидать, католическое ученіе о чудесныхъ вмѣшательствахъ получило сильный ударъ во времена Реформации, когда ученія о предопредѣленіи и избраніи поддерживались нѣкоторыми изъ величайшихъ теологовъ и принимались нѣкоторыми изъ обширѣйшихъ протестантскихъ церквей. Кальвинъ объявляетъ съ стоической суровостью: «Мы были избраны отъ вѣчности, до основанія міра, не по какимъ нибудь нашимъ заслугамъ, но согласно съ цѣлью божественнаго произвола». Утверждая это, Кальвинъ опирался на вѣрованіи, что

Богъ прежде всей вѣчности рѣшилъ все, что должно произойти. Такъ, по истеченіи многихъ вѣковъ, снова выступали на видъ идеи Василидианъ и Валентинианъ, христіанскихъ сектъ втораго столѣтія, которыхъ гностическіе взгляды повели къ утвержденію въ Христіанствѣ великаго ученія о Троицѣ. Они утверждали, что всѣ дѣйствія людей необходимы, что даже вѣра есть естественный даръ, къ которому люди противъ воли предопредѣлены, и потому должны спастись, хотя бы жизнь ихъ и была самая неправильная. Всѣ вещи произошли отъ Верховнаго Божества. Такимъ же образомъ выступили опять впередъ миѣнія, развитыя Августинѣмъ въ его сочиненіи «*De dono perseverantiae*». Эти миѣнія были: что Богъ, по своему произвольному рѣшенію, избралъ нѣкоторыхъ людей безъ отношенія къ предвидѣнной ихъ вѣрѣ или добрымъ дѣламъ, и непремѣнно постановилъ даровать имъ вѣчное блаженство; другихъ людей, такимъ же образомъ, онъ предалъ на вѣчное осужденіе. Сублапсаріане думали, что «Богъ дозволилъ паденіе Адама»; супралапсаріане, — что «Онъ предопредѣлилъ это паденіе, со всѣми его вредными послѣдствіями, отъ самой вѣчности, и что наши прародители съ самаго начала не имѣли свободы». Здѣсь, эти сектаторы пренебрегли замѣчаніемъ Августина: «*Nefas est dicere Deum aliquid nisi bonum predestinare*».

Въ 1595, Ламбетскія статьи утверждали, что «Богъ отъ вѣчности предопредѣлилъ нѣкоторыхъ людей къ жизни; нѣкоторыхъ онъ осудилъ». Въ 1618, Дортскій синодъ рѣшилъ въ пользу этого миѣнія. Онъ осудилъ возражавшихъ противъ него, и поступалъ съ ними съ такой суровостью, что многіе изъ нихъ должны были бѣжать въ чужія страны. Эти ученія нашли благосклонный приѣмъ даже въ Англійской церкви, какъ это обнаруживается семнадцатымъ «пунктомъ вѣры».

Вѣроятно, не было пункта, который бы навлекалъ болѣе строгое осужденіе на Протестантовъ со стороны Католиковъ, чѣмъ этотъ—ихъ частичное принятіе управленія міра закономъ. Въ философскомъ отношеніи, Реформація заключала въ себѣ протестъ противъ католическаго ученія о безпрестанномъ божественномъ вмѣшательствѣ въ человѣческія дѣла, призываемомъ при посредствѣ священниковъ; но этотъ протестъ сдѣланъ былъ вполнѣ далеко не всеми изъ Реформированныхъ церквей. Доказательства въ пользу управленія закономъ, представленныя въ послѣдніе годы наукой, принимаются многими изъ нихъ съ подозрительностью, можетъ быть съ неудовольствіемъ—чувствами, которыя, впрочемъ, должны въ концѣ концовъ уступить возрастающей съ каждымъ часомъ силѣ доказательствъ.

Не можемъ ли мы, поэтому, заключить съ Цицерономъ, который, въ цитатѣ у Лактанція, говорить: «Одинъ вѣчный и неизмѣнный законъ обнимаетъ все вещи и все времена»?

ГЛАВА X.

Латинское Христіанство въ отношеніи къ новѣйшей цивилизаціи.

Латинское Христіанство отвѣтственно за состояніе и прогрессъ Европы съ четвертаго до шестнадцатаго столѣтія. Мы должны изслѣдовать теперь, какъ оно исполнило свой долгъ.

Мы удобно можемъ ограничить то, что хотимъ здѣсь представить, одной Европой, хотя, по притязаніямъ папства на сверх-человѣческое происхожденіе и по его требованіямъ всеобщаго повиновенія, оно могло бы быть, строго говоря, привлечено къ отчету за состояніе всего человѣчества. Его неэффективность противъ великихъ и почтенныхъ религій южной и восточной Азіи могло бы дать важную и поучительную тему для разсмотрѣнія, и привести насъ къ заключенію, что оно нанедалѣлось только тамъ гдѣ преобладали римскія императорскія вліянія, — политическое заключеніе, которое однако имъ отвергается съ презрѣніемъ.

При началѣ Реформаціи было безъ сомнѣнія много людей, которые сравнивали существующее общественное состояніе съ тѣмъ, какое было въ древнія времена. Мораль не измѣнилась,

разумъ не подвинулся, общество мало улучшилось. Въ самомъ Вѣчномъ городѣ блескъ его исчезъ. Мраморныя улицы, которыми нѣкогда хвалился Августъ, не существовали. Храмы, разбитыя колонны, длинныя аркады гигантскихъ водопроводовъ, перекинутыхъ черезъ пустынную Кампанью, представляли печальную картину. Отъ употребленія, какое получили Капитолій и мѣстность Римскаго Форума, первый сталъ извѣстенъ подъ названіемъ Козьяго Холма, второй—Коровьяго Поля. Дворецъ Цезарей былъ скрытъ за земляной насыпью, заросшей цвѣтущими кустами. Бани Каракаллы, съ ихъ портиками, садами, резервуарами, давно оставались безъ употребленія, вслѣдствіе разрушенія служившихъ имъ водопроводовъ. На развалинахъ этого обширнаго зданія, «цвѣтушія полянки и кусты нахучихъ деревьевъ тянулись постоянно сворачивавшими лабиринтами на огромныхъ платформахъ, и круги сводовъ висѣли въ воздухѣ». Отъ Колизея, самой гигантской изъ Римскихъ развалинъ, осталось только около третьей доли. Способный нѣкогда помѣстить почти девяносто тысячъ зрителей, онъ послѣдовательно превращенъ былъ сначала въ крѣпость въ средніе вѣка, и затѣмъ въ каменоломню, откуда брали матеріалъ для дворцовъ выродившихся Римскихъ князей. Нѣкоторые изъ папъ обращали его въ суконную фабрику, другіе въ складъ селитры; нѣкоторые предполагали обратить его великолѣпныя аркады въ лавки для торговцевъ. Желѣзные болты, скрѣплявшіе его камни, были украдены. Стѣны давали трещины и падали. Даже въ наше время написаны были ботаническія сочиненія о растеніяхъ, которыя сдѣлали эту благородную развалину своимъ жилищемъ. «Флора Колизея» заключаетъ четыреста двадцать видовъ. Между развалинами классическихъ зданій можно видѣть разбитыя колонны, кинарисы, и покрытыя плѣ-

сенью фрески, падающія по стѣнамъ. Даже растительный мѣръ принялъ участіе въ печальной переменѣ: миртъ, который цвѣлъ нѣкогда на Авентинскомъ холмѣ, почти исчезъ; лавръ, листья котораго нѣкогда покрывали чело императоровъ, смѣнился плющемъ — спутникомъ смерти.

Но, быть можетъ, скажутъ, что папы не виноваты во всемъ этомъ. Вспомнимъ, что меньше чѣмъ во сто сорокъ лѣтъ, городъ взятъ былъ поочередно Аларихомъ, Гензерихомъ, Рицимеромъ, Витигесомъ, Тотилой; что многія изъ его большихъ зданій обращены были въ укрѣпленія для защиты. Водопроводы были разрушены Витигесомъ, который опустошилъ Кампанью; дворецъ Цезарей разграбленъ Тотилой; затѣмъ, были ломбардскія осады; затѣмъ Робертъ Гвискардъ и его Норманны сожгли городъ отъ колонны Антонина до Фламиніевыхъ воротъ, отъ Латерана до Капитолія; потомъ онъ былъ ограбленъ и разрушенъ коннетаблемъ Бурбономъ; не одинъ разъ былъ залитъ наводненіями Тибра и страдалъ отъ землетрясеній. Мы должны однако помнить обвиненіе Макиавелли, который говоритъ въ своей «Исторіи Флоренціи», что почти всѣ нашествія варваровъ на Италію дѣлались по приглашенію папъ, призывавшихъ эти орды! Разрушеніе Рима произвели не Готъ, не Вандаль, не Норманнъ, не Сарацинъ, а папы и ихъ племянники! Изъ развалинъ добывали известъ, классическія зданія стали каменоломнями для дворцовъ итальянскихъ князей, а церкви украшались изъ старыхъ храмовъ.

Церкви украшались изъ храмовъ! За это и подобное этому папы должны быть отвѣтственны. Прелестныя коринтскія колонны передѣлывались въ католическія украшенія. Великолѣпныя египетскія обелиски были опозорены папскими надписями. Септизоніумъ Севера былъ разрушенъ, чтобы доставить мате-

ріалъ для постройки св. Петра; бронзовая кровля Пантеона была сплавлена въ колонны для украшенія гробницы апостола.

Большой Витербскій колоколь, на башнѣ Капитолія, возвѣстилъ смерть многихъ папъ, а нарушеніе древности и деморализація народа продолжались. Папскій Римъ не показывалъ никакого уваженія, а скорѣе ненависть къ классическому Риму. Папы были поданными византійскихъ государей, потомъ намѣстниками франкскихъ королей, затѣмъ рѣшителями судебъ Европы; ихъ правленіе измѣнялось какъ правленіе каждой изъ окружающихъ націй; совершались полныя превращенія въ ихъ правилахъ, цѣляхъ, притязаніяхъ. Въ одномъ оно никогда не измѣнялось—въ нетерпимости. Заявляя притязанія быть центромъ религіозной жизни Европы, папство постоянно отказывалось признать какое нибудь религіозное существованіе внѣ себя, и однако какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ смыслѣ оно было гнило до самой сердцевины. Эразмъ и Лютеръ съ изумленіемъ слышали богохульства и съ трепетомъ были свидѣтелями атеизма этого города.

Историкъ Ранке, у котораго я заимствую многіе изъ этихъ фактовъ, весьма наглядно изобразилъ деморализацію великой метрополіи. Папы, при ихъ избраніи, по большей части были люди старые. Поэтому, власть безпрестанно переходила въ новыя руки. Каждое избраніе было переворотомъ въ надеждахъ и ожиданіяхъ. Въ обществѣ, гдѣ все могли возвыситься, гдѣ всякій могъ стремиться ко всему, необходимо происходило то, что каждый старался оттѣснить другаго назадъ. Хотя населеніе города, при началѣ Реформаціи, упало до восьмидесяти тысячъ, въ немъ были цѣлыя толпы людей, имѣвшихъ мѣста, и еще большія толпы людей, искавшихъ мѣсть. У счастливаго обладателя папскаго престола были тысячи должностей, которыя онъ

могъ раздавать;—лица, ихъ занимавшія, нерѣдко были безъ зазрѣнія совѣсти выгоняемы; многія должности были учреждаемы съ прямой цѣлью продажи. О честности и способности новыхъ просителей никогда и не спрашивали; главное было въ томъ, какія услуги онъ оказалъ или могъ оказать партіи? сколько можетъ онъ заплатить за то, что ему окажутъ предпочтеніе? Американскій читатель можетъ вполне представить себѣ это положеніе вещей. При каждыхъ выборахъ президента онъ бываетъ свидѣтелемъ подобныхъ дѣйствій. Избраніе папы конклавомъ довольно похоже на выборъ американскаго президента конвентомъ. Въ обоихъ случаяхъ является возможность раздавать много мѣсть.

Вильямъ Мэльмсбѣри говоритъ, что въ его время Римляне продавали за золото все истинное и священное. Послѣ него дѣло не улучшилось; Римская Церковь выродилась въ орудіе для добыванія денегъ. Огромныя суммы собирались въ Италиі; огромныя суммы извлекались подъ всякими предлогами изъ окружающихъ странъ противъ ихъ желанія. Самымъ гнуснымъ изъ этихъ способовъ извлеченія денегъ была продажа индульгенцій за совершеніе грѣховъ. Итальянская религія стала искусствомъ грабить народъ.

Болѣе тысячи лѣтъ папы-государи были правителями Рима. Правда, онъ былъ свидѣтелемъ многихъ зрѣлищъ опустошенія, за которыя папы не были отвѣтственны; но они были отвѣтственны за то, что никогда не сдѣлали никакого энергическаго и постояннаго усилія для его матеріальнаго и нравственнаго улучшенія. Въмѣсто того, чтобы быть въ этомъ отношеніи примѣромъ для подражанія міра, этотъ городъ сталъ примѣромъ состоянія, котораго надо было избѣгать. Дѣло шло чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, пока наконецъ въ эпоху Реформаціи ни одинъ благо-

честивый иноземець не могъ посѣтить города безъ непріятнаго чувства.

Папство, отвергая науку, какъ совершенно несомвѣстную съ его притязаніями, въ позднѣйшіе годы обратилось къ поощренію искусства. Но музыка и живопись, хотя и могутъ быть изящными украшеніями жизни, не заключаютъ въ себѣ никакой живой силы, которая могла бы націю слабую развить въ сильную націю; не заключаютъ ничего, что можетъ прочно обезпечить матеріальное благосостояніе или счастье общества; и потому во время Реформаціи, Римъ потерялъ всякую жизненную энергію, въ глазахъ того, кто серьезно размышлялъ объ его состояніи. Онъ уже не былъ больше рѣшителемъ физическаго или религіознаго прогресса міра. Прогрессивныя правила республики и имперіи онъ замѣнилъ застоємъ папства. Онъ имѣлъ внѣшній видъ благочестія и обладанія искусствомъ. Онъ походилъ въ этомъ на тѣхъ монаховъ, которыхъ мы еще видимъ въ ихъ темныхъ капишонахъ подъ сводами капуцинскихъ монастырей, съ молитвенникомъ или какими нибудь завядшими цвѣтами въ рукахъ.

Отъ этого зрѣлища Вѣчнаго города, отъ этого обозрѣнія того, что Латинское Христіанство сдѣлало для самаго Рима, обратимся ко всему западному Европейскому континенту. Попытаемся опредѣлить истинное значеніе системы, руководившей обществомъ; будемъ судить о ней по ея плодамъ.

Положеніе націй относительно ихъ благосостоянія всего точнѣе представляется колебаніями ихъ населенія. Формы правленія имѣютъ очень мало вліянія на населеніе, но политика можетъ вполне управлять имъ.

Писатели, занимавшіеся этимъ предметомъ, показали весьма удовлетворительно, что колебанія народонаселенія зависятъ отъ

соотношенія производящей силы общества и препятствій къ жизни.

Подъ производящей силой общества разумѣется тотъ инстинктъ, который обнаруживается въ размноженіи племени. До нѣкоторой степени она зависитъ отъ климата; но, такъ какъ климатъ Европы не измѣнился замѣтно между четвертымъ и шестнадцатымъ столѣтіемъ, то мы можемъ принять, что эта сила втеченіе разсматриваемаго періода на этомъ континентѣ осталась неизмѣнной.

Подъ препятствіями къ жизни разумѣется все, что имѣетъ свойство затруднять индивидуальное существованіе. Въ числѣ такихъ препятствій можно назвать недостатокъ пищи, недостатокъ одежды, недостатокъ крова.

Извѣстно также, что если препятствія будутъ совсѣмъ ничтожны, то производящая сила удвоитъ населеніе въ двадцать пять лѣтъ.

Препятствія дѣйствуютъ двумя способами: 1. Физически; такъ какъ они уменьшаютъ число рожденій, и вообще сокращаютъ срокъ жизни. 2. Умственно; такъ какъ, въ нравственномъ, и особенно религіозномъ обществѣ, они замедляютъ бракъ, побуждая людей отклонять его отвѣтственность до тѣхъ поръ, пока они чувствуютъ себя въ состояніи обезпечить нужды семейства. Отсюда объясняется тотъ давно замѣченный фактъ, что число браковъ втеченіе даннаго періода имѣетъ связь съ цѣнами пищи.

Увеличеніе населенія идетъ рядомъ съ умноженіемъ пищи; и дѣйствительно, таково могущество производящей силы, что она превышаетъ средства существованія и производитъ на нихъ постоянное давленіе. При таковыхъ обстоятельствахъ необходимо случается, что является извѣстная степень нищеты. Существо-

ваніе получили индивидуумы, которые должны умереть съ голоду.

Въ примѣръ колебаній, какія произошли въ населеніи различныхъ странъ, можно упомянуть чрезвычайное уменьшеніе населенія Италіи вслѣдствіе войнъ Юстиніана; опустѣніе Сѣверной Африки вслѣдствіе теологическихъ раздоровъ; оживленіе ея чрезъ утверженіе Мохаммеданства; увеличеніе населенія всей Европы отъ феодальной системы, когда помѣстья становились тѣмъ больше цѣнны, чѣмъ больше людей они могли содержать. Крестовые походы произвели замѣтное уменьшеніе, не только вслѣдствіе большихъ потерь армій, но и вслѣдствіе удаленія столь многихъ крѣпкихъ людей отъ брачной жизни. Подобныя колебанія происходили на Американскомъ континентѣ. Населеніе Мексики очень быстро уменьшилось на два милліона вслѣдствіе хищности и свирѣпой жестокости испанцевъ, которые довели цивилизованныхъ индійцевъ до отчаянія. Тоже было въ Перу.

Населеніе Англіи во время норманскаго завоеванія было около двухъ милліоновъ. Въ пятьсотъ лѣтъ оно едва удвоилось. Можно предполагать, что этотъ застой до нѣкоторой степени произведенъ былъ папскою политикою, наложившею безбрачіе на духовенство. «Легальная производящая сила» безъ сомнѣнія потеряла отъ этой политики, но «дѣйствительная производящая сила» — нѣтъ, и люди, изучавшіе этотъ предметъ, давно убѣдились, что публичное безбрачіе есть частный развратъ. Это главнымъ образомъ побудило и мірянъ, и правительство Англіи, закрыть монастыри. Открыто утверждали, что духовенство въ Англіи сдѣлало сто тысячъ женщинъ развратными.

Въ моей исторіи «Американской Гражданской Войны» я

представилъ нѣкоторыя размышленія объ этомъ предметѣ, которыя позволю себѣ здѣсь привести: «Что же означаетъ этотъ застой населенія? Онъ означаетъ трудное добываніе пищи, недостатокъ одежды, неопрятность, хижины, не спасающія отъ непогоды, разрушительное дѣйствіе холода и жара, міазмы, недостатокъ санитарныхъ предосторожностей, отсутствіе врачей, бесполезность суевѣрныхъ леченій, обманчивость предразсудковъ, на которые общество возлагало свое довѣріе; или, чтобы свести въ одно слово длинный списокъ заботъ, недостатковъ и страданій, — онъ означаетъ большую смертность.

«Мало того; онъ означаетъ недочетъ рожденій. А что означаетъ это? Замедленіе браковъ, неправильный образъ жизни, частный развратъ, деморализованное общество.

«Для Американца, живущаго въ странѣ, которая еще вчера была безконечной и непроходимой пустыней, но которая сегодня наполняется населеніемъ, удвояющимся каждые двадцать пять лѣтъ по предписанной мѣркѣ, это страшное истребленіе дѣйствительной и возможной жизни не можетъ не быть поражающимъ фактомъ. Любопытство поведетъ его къ изслѣдованію, какова же была та система, которая имѣла притязаніе руководить и развивать общество, но которая должна быть отвѣтственна за это изумительное разрушеніе, превосходящее, своими предательскими результатами, войну, моровую язву и голодь вмѣстѣ; предательскими, потому что люди въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что она обезпечивала ихъ высочайшіе временные интересы. Какая разница теперь! Въ Англии, таже географическая поверхность поддерживаетъ вдесятеро бѣльшее населеніе, и высылаетъ еще толпы эмигрантовъ. Пусть тотъ, кто съ почтеніемъ оглядывается на прошедшее, рѣшитъ самъ въ своемъ умѣ, какую цѣну могла имѣть такая система».

Эти колебанія въ населеніи Европы сопровождались перемѣнами въ распредѣленіи. Со времени утвержденія Христіанства въ Римской имперіи центр населенія перешелъ къ сѣверу. Потомъ онъ перешелъ на западъ, вслѣдствіе развитія мануфактурной промышленности.

Теперь мы можемъ съ нѣскольکو большей подробностью изслѣдовать характеръ препятствій, которыя такимъ образомъ въ теченіи тысячи лѣтъ держали населеніе Европы въ застоѣ. Поверхность континента большей частью покрыта была непроходимыми лѣсами; тамъ и сямъ стояли монастыри и города. Въ низменностяхъ и по теченію рѣкъ были болота, простиравшіяся иногда на сотни миль, которыя испускали свои ядовитые міазмы и далеко распространяли лихорадки. Въ Парижѣ и Лондонѣ дома были деревянные, вымазанные глиной, крытые соломой или тростникомъ. Въ нихъ не было оконъ и, до изобрѣтенія лѣсопиленъ, въ очень немногихъ домахъ были деревянные полы. Такая роскошь какъ коверъ была неизвѣстна; коверъ замѣняла разостланная солома. Печныхъ трубъ не было; дымъ отъ плохо поддерживаемаго, невеселаго огня выходилъ чрезъ отверстіе, продѣланное въ крышѣ. Въ такихъ жилищахъ едва ли была какая защита отъ дурной погоды. О водосточныхъ канавахъ не заботились: напротивъ, гниющіе остатки и мусоръ просто выкидывались за дверь. Мужчины, женщины и дѣти спали въ одной комнатѣ; нерѣдко ихъ товарищами были и домашнія животныя; при такомъ смѣшеніи семьи невозможно было, чтобы сохранялась скромность или нравственность. Постель состояла обыкновенно изъ мѣшка, набитаго соломой; деревянный чурбанъ служилъ подушкой. Опрятность была совершенно неизвѣстна; лица важныя въ государствѣ, такіе высокіе сановники, какъ

архіепископъ Кентерберійскій, кишѣли насѣкомыми; такъ разсказываютъ о Томѣ Бекетѣ, противникѣ англійскаго короля. Что бы скрывать такую неопрятность, по необходимости и избыточно употреблялись благовонія. Горожанинъ одѣвался въ кожу — платье, которое съ набравшейся въ него нечистой могло держаться много лѣтъ. Онъ считался зажиточнымъ человекомъ, если разъ въ недѣлю могъ добыть себѣ на обѣдъ свѣжее мясо. Улицы не имѣли стока для нечистотъ; онѣ были немощены и не освѣщены. Съ наступленіемъ ночи, ставни отворялись и безцеремонно выливались на улицу помои, къ неудовольствію прохожаго, отыскивающаго свою дорогу по узкимъ улицамъ съ тусклымъ фонаремъ въ рукахъ.

Эней Сильвій, который впоследствии былъ папой подъ именемъ Пія II, и потому былъ весьма компетентный и безпристрастный писатель, оставилъ намъ наглядное описаніе путешествія, сдѣланнаго имъ на Британскіе острова около 1430. Онъ описываетъ дома поселянъ, построенные изъ камней безъ цемента; крыши были изъ дерна; бычачья шкура привѣшивалась вмѣсто двери. Пища состояла изъ грубыхъ растительныхъ продуктовъ, какъ горохъ или даже древесная кора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселяне не знали хлѣба.

Хижины изъ тростника, смазаннаго грязью, дома изъ колевъ и плетня, печи безъ трубъ, гдѣ горѣлъ торфъ и едва было отверстіе для дыма, берлоги физической и нравственной нечистоты, кишѣвшія насѣкомыми, клоки соломы, обернутые около тѣла для защиты отъ холода, пораженный лихорадкой поселянинъ, лишенный всякой помощи кромѣ суевѣрнаго леченья! Возможно ли было, чтобы населеніе возрастало?

Удивительно ли послѣ этого, что во время голода въ 1030, жарилось и продавалось человѣческое мясо, или что въ голодный

1258 г. въ Лондонѣ умерло съ голоду пятнадцать тысячъ человѣкъ? Удивительно ли, что въ нѣкоторыя нашествія моровой язвы, число умиравшихъ было такъ страшно велико, что живые едва успѣвали хоронить мертвыхъ? Въ моровую язву 1348, которая пришла съ Востока по линіямъ торговыхъ сношеній и распространилась по всей Европѣ, уничтожена была треть населенія Франціи.

Таково было положеніе поселянъ и простыхъ жителей городовъ. Не многимъ лучше было положеніе знатныхъ. Вильямъ Мэлмсебѣри, рассказывая о грубыхъ обычаяхъ Англо-Саксовъ, говоритъ: «Ихъ знатные люди, преданные обжорству и сладострастію, никогда не ходили въ церковь, а вмѣсто того священникъ, пока они еще не вставали, торопливо читалъ въ ихъ спальнѣ утреню и обѣдню, которыхъ они и не слушали. Простой народъ былъ добычей болѣе сильнаго; его имущество грабили, самихъ людей уводили въ дальнія стороны; ихъ дѣвушки или шли въ публичныя дома или продавались въ рабство. Пить, день и ночь, было общимъ обычаемъ; за пьянствомъ слѣдовали его спутники, пороки, ослаблявшіе мужской характеръ». Замки бароновъ были разбойничьи вертены. Саксонскія хроники рассказываютъ, какъ мужчинъ и женщинъ хватали и уводили въ эти крѣпости, вѣшали ихъ за пальцы или за ноги, подкладывали подъ нихъ огонь, перетягивали головы узловатыми веревками, причиняли множество другихъ пытокъ, чтобы вымучить отъ нихъ выкупъ.

По всей католической Европѣ, важныя или выгодныя политическія должности заняты были духовными. Въ каждой странѣ было двоякое правительство: 1. Правительство мѣстное, представляемое свѣтскимъ государемъ; 2. Правительство иноземное, признающее верховную власть папы. Это римское вліяніе, по природѣ вещей, было выше мѣстнаго; оно выражало верховную

волю одного человѣка надъ всеми націями континента вмѣстѣ и приобрѣтало чрезвычайную силу отъ своей сплоченности и единства. Мѣстное вліяніе было по необходимости слабо, такъ какъ обыкновенно оно ослаблялось соперничествомъ смежныхъ государствъ и раздорами, искусно возбуждаемыми ихъ соперникомъ. Различныя европейскія государства ни разу не могли образовать коалиціи противъ ихъ общаго соперника. Какъ только появляется какой нибудь вопросъ, противникъ разъединялъ ихъ и обыкновенно бралъ надъ ними верхъ. Наружной цѣлью папскаго вмѣшательства было обезпечить для различныхъ народовъ ихъ нравственное благосостояніе; цѣлью дѣйствительной было получать большіе доходы и давать средства для обширныхъ корпорацій духовенства. Извлекаемые такимъ образомъ доходы нерѣдко бывали въ нѣсколько разъ больше тѣхъ, какіе попадали въ казну мѣстной власти. Такъ, когда Иннокентій IV требовалъ, чтобы Англійская церковь доставила содержаніе тремъ стамъ дополнительнаго итальянскаго духовенства, и чтобы одинъ изъ его племянниковъ, еще мальчикъ, имѣлъ свое мѣсто въ Линкольнскомъ соборѣ, то оказалось, что сумма, ежегодно извлекаемая иноземнымъ духовенствомъ изъ Англии, была уже втрое больше той, какая шла въ шкатулку короля.

Въ то время, когда такимъ образомъ высшее духовенство забирало для себя все сколько нибудь прибыльныя политическія должности, и аббаты соперничали съ графами по числу своихъ крѣпостныхъ рабовъ—нѣкоторые, говорятъ, имѣли не меньше двадцати тысячъ — нищенствующіе монахи бродили по всемъ направленіямъ, подбирая то, что еще оставалось бѣдняку. Это былъ огромный непроеводительный классъ, жившій въ бездѣйствіи, находившійся въ иноземномъ подданствѣ и существовавшій плодами труда работниковъ. По необходимости, неболь-

шія фермы безпрестанно исчезали въ большихъ помѣстьяхъ; бѣдняки становились еще бѣднѣе; общество, вмѣсто того, чтобы улучшаться, представляло постоянно возрастающую деморализацію. Видъ монашескихъ учреждений не дѣлалось никакихъ попытокъ умственного успѣха; что касается мірянъ, вліяніе Церкви направлялось къ противоположному результату, потому что общепринятымъ правиломъ было то, что «невѣдѣніе есть мать благочестія».

Постояннымъ обычаемъ республиканскаго и императорскаго Рима было — устраивать сообщенія съ далекими провинціями посредствомъ прочныхъ мостовъ и дорогъ. Одною изъ главнѣйшихъ обязанностей легионовъ было строить и держать ихъ въ исправности. Этимъ обезпечивалась военная власть Рима. Но владычество папскаго Рима, основанное на совѣмъ иномъ началѣ, не нуждалось въ подобныхъ вещахъ, и потому эта обязанность была оставлена мѣстнымъ властямъ и находилась въ полномъ пренебреженіи. Такимъ образомъ, во всѣхъ направленіяхъ, дороги большую часть года были почти непроходимы. Обыкновеннымъ средствомъ переѣзда были неуклюжія одноколки, запряженныя быками и дѣлавшія, самое бѣльшее, три-четыре мили въ часъ. Гдѣ нельзя было воспользоваться воднымъ сообщеніемъ по рѣкамъ, тамъ для перевоза товаровъ прибѣгали къ вьючнымъ лошадямъ и муламъ — достаточныя средства для скудной торговли тѣхъ временъ. Когда требовалось передвиженіе большого числа людей, трудности становились почти неопределимы. Одинъ изъ лучшихъ примѣровъ этого найдется, быть можетъ, въ разсказѣ о походѣ первыхъ Крестоносцевъ. Эти стѣсненія взаимныхъ сообщеній чрезвычайно способствовали общему господству невѣжества. Путешествія частныхъ лицъ не могли предприниматься безъ большого риска, потому

что едва ли былъ лѣсъ или болото, гдѣ бы не было своихъ разбойниковъ.

Всеобщее господство необразованности было очень удобно для развитія суевѣрія. Политикой папской церкви всегда было не поощрять врача и его искусства; онъ слишкомъ мѣшалъ суевѣрнымъ леченіямъ. Время показало настоящую цѣну этого иѣкогда прибыльнаго обмана. Много ли осталось теперь въ Европѣ успѣшно дѣйствующихъ суевѣрныхъ леченій?...

Для предотвращенія болѣзней употреблялись церковныя средства, но не принималось никакихъ санитарныхъ мѣръ. Когда въ городахъ, полныхъ гнилыми испареніями, открывалась эпидемія, тогда думали, что ее можно остановить суевѣрными средствами, что тѣже средства могутъ произвести дождь или сухую погоду, освободить отъ бѣдственнаго вліянія затмѣній и кометъ. Но когда пришла Галлеева комета въ 1456, то явленіе ея было столь ужасно, что необходимо было вмѣшаться самому папѣ. Онъ проклялъ и изгналъ ее съ неба. Она уцѣлала въ пропасти пространства, перепуганная проклятіями Каликста III, и не осмѣлилась вернуться втеченіе семидесяти пяти лѣтъ!

Физическое значеніе суевѣрныхъ леченій измѣряется цифрою смертности. Въ эти времена, она была вѣроятно около одной двадцать-третьей; при настоящихъ болѣе матеріальныхъ обычаяхъ эта цифра — около одной сороковой.

Нравственное состояніе Европы обнаружилось замѣчательнымъ образомъ, когда спутники Колумба завезли изъ Западной Индіи сифилисъ. Онъ распространился съ чрезвычайной быстротой — всѣ сословія, отъ святаго отца Льва X до уличнаго нищаго, получили постыдную болѣзнь. Многіе извиняли свое несчастіе, объявляя, что это была эпидемія, происходившая отъ извѣстной злокачественности въ составѣ воздуха, но на дѣлѣ

распространеніе ея происходило отъ извѣстной слабости въ составѣ чловѣка — слабости, не устраненной тѣмъ духовнымъ руководствомъ, подъ которымъ онъ жилъ.

Въ суевѣрнымъ леченіямъ надо присоединить еще особенныя реликвіи, которымъ приписывалась такая же сила. Они бывали иногда самаго необыкновеннаго свойства. Было нѣсколько аббатствъ, которыя владѣли терновымъ вѣнкомъ Спасителя. Одиннадцать аббатствъ владѣли каждое копьемъ, которымъ былъ прободенъ его бокъ. Еслибы ктонибудь осмѣлился замѣтить, что они не могли быть все подлинныя, онъ былъ бы обвиненъ въ безбожии. Во время священныхъ войнъ Храмовые Рыцари вели выгодную торговлю, привозя изъ Іерусалима въ крестоносныя арміи бутылки молока Богоматери, которыя они продавали за громадныя суммы; эти бутылки съ благочестивою заботливостью сохранялись во многихъ большихъ религіозныхъ учрежденіяхъ. Но, быть можетъ, все эти обманы превзошелъ дерзостью обманъ, устроенный однимъ изъ іерусалимскихъ монастырей, который представлялъ зрителю одинъ изъ пальцевъ Св. Духа! Новѣйшее общество молча произнесло свой приговоръ надъ этими постыдными предметами. Хотя нѣкогда они питали благочестіе тысячъ серьезныхъ людей, они считаются теперь не заслуживающими мѣста ни въ какомъ публичномъ музеѣ.

Какъ объяснить ту великую неудачу, которую мы открываемъ такимъ образомъ въ онекъ Римской церкви надъ Европой? Результатъ долженъ бы быть не таковъ, еслибы въ Римѣ была неослабная забота о духовномъ и матеріальномъ процвѣтаніи континента, еслибы вселенскій папъ, преемникъ Петра, занимался искренно спасеніемъ и счастьемъ своего духовнаго стада.

Объясненіе найти не трудно. Оно заключается въ исторіи грѣха и позора. Поэтому, въ слѣдующихъ параграфахъ я пред-

почитаю привести объяснительные факты, заимствованные у католическихъ авторовъ и, притомъ, представить ихъ сколько возможно ближе, словами этихъ писателей.

Исторія, которую я хочу рассказать, есть исторія преобразованія федераціи въ абсолютную монархію.

Въ древнія времена каждая церковь, безъ ущерба своему согласію съ церковью вселенской во всеѣхъ существенныхъ пунктахъ, управляла своими собственными дѣлами съ полной свободой и независимостью, сохраняя свои традиціонные обычаи и порядоки, и все вопросы, не касающіеся цѣлой церкви, или очень важныя, рѣшались на мѣстѣ.

До начала девятаго столѣтія, въ устройствѣ Римской церкви не произошло никакой перемѣны. Но около 845 г. на западѣ Галліи сфабрикованы были Исидоровы Декреталии — поддѣлка, заключающая около ста мнимыхъ декретовъ древнихъ папъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми подложными сочиненіями другихъ церковныхъ сановниковъ и актами соборовъ. Эта поддѣлка произвела громадное расширеніе папской власти; она устранила старую систему церковнаго правленія, удаливъ ее прежніе республиканскіе атрибуты и преобразовавъ ее въ абсолютную монархію. Эта поддѣлка поставила епископовъ въ подданство Риму и сдѣлала римскаго епископа верховнымъ судьей духовенства во всемъ (западномъ) Христіанскомъ мірѣ. Она приготовила путь великой попыткѣ, сдѣланной впоследствии Гильдебрандомъ, обратить государства Европы въ теократическое духовное царство, съ папою во главѣ.

Григорій VII, авторъ этой великой попытки, увидѣлъ, что его планы всего лучше могутъ быть исполнены черезъ посредство соборовъ. Поэтому, онъ ограничилъ право собиранія ихъ

только папами и ихъ легатами. На помощь этому дѣлу, придумана была Ансельмомъ Лукскимъ новая система церковныхъ законовъ, отчасти изъ старыхъ Исидоровыхъ поддѣлокъ, отчасти новаго изобрѣтенія. Для того, чтобы утвердить первенство Рима, надо было представить не только новый гражданскій и новый каноническій кодексъ, но также изобрѣсти и новую исторію. Эта исторія доставила нужные примѣры низложенія королей и отлученія ихъ отъ церкви, и доказывала, что они всегда были подчинены папамъ. Декреты папъ поставлены были наравнѣ съ Св. Писаніемъ. Въ концѣ концовъ, на всемъ Западѣ стали признавать, что папы, съ самаго начала Христіанства, были законодателями для всей церкви. Какъ абсолютные монархи въ позднѣйшія времена не могли терпѣть представительныхъ собраній, такъ папство, когда захотѣло стать абсолютнымъ, нашло, что соборы отдѣльныхъ національныхъ церквей должны быть уничтожены, и что соборы могутъ быть дозволены только подъ непосредственнымъ контролемъ Римскаго первосвященника. Это одно составило великій переворотъ.

Важныя послѣдствія имѣла другая фикція, изготовленная въ Римѣ въ восьмомъ столѣтіи. Она говорила, будто бы императоръ Константинъ, въ благодарность за изцѣленіе отъ проказы и крещеніе папою Сильвестромъ, подарилъ папѣ Италію и западныя провинціи и что, въ знакъ своего подчиненія, онъ служилъ папѣ какъ конюшій и на нѣкоторое пространство велъ его лошадь. Эта поддѣлка устроена была, чтобы подѣйствовать на франкскихъ королей, именно, внушить имъ правильную идею объ ихъ подчиненности и показать, что въ своихъ территоріальныхъ уступкахъ церкви, они не давали, а только возвращали то, что принадлежало ей по праву.

Самымъ могущественнымъ орудіемъ новой папской системы

былъ Декретъ Граціана, который появился около половины двѣнадцатаго вѣка. Это была масса фабрикацій. Онъ дѣлалъ весь Христіанскій міръ, черезъ папство, владѣніемъ итальянскаго духовенства. Этотъ декретъ утверждалъ, что законно — принуждать людей къ добру, пытатъ и казнить еретиковъ, и конфисковать ихъ имущество; что умертвить человѣка, отлученнаго отъ церкви, не есть убійство; что папа, въ своемъ неограниченномъ превосходствѣ надъ всякимъ закономъ, стоитъ наравнѣ съ Сыномъ Божіимъ!

Когда новая система централизаціи развилась, стали смѣло высказываться правила, которыя въ прежнее время показались бы слишкомъ странными: вся церковь есть собственность папы, который можетъ дѣлать съ ней что хочетъ; что въ другихъ есть симонія, у него не есть симонія; онъ выше всякаго закона, и никто не можетъ требовать у него отчета; всякій, кто не повинуется ему, долженъ быть преданъ смерти; всякій крещеный человѣкъ есть его подданный, и всю жизнь долженъ имъ остаться, хочетъ онъ этого или нѣтъ. До конца двѣнадцатаго столѣтія папы были викаріями Петра; послѣ Иннокентія III они стали викаріями Христа.

Но абсолютный государь нуждается въ доходахъ, и въ этомъ папы не были исключеніемъ. Учрежденіе легатовъ было введено со временъ Гильдебранда. Иногда ихъ обязанность была — посѣщать церкви, иногда они посылались по особеннымъ порученіямъ, но всегда они были облечены неограниченнымъ полномочіемъ привозить назадъ за Альпы деньги. И такъ какъ папа могъ не только дѣлать законы, но и останавливать ихъ дѣйствіе, то введено было особое законодательство въ видахъ покупки диспенсацій. Монастыри были освобождаемы отъ епископской власти за уплату дани въ Римъ. Папа сдѣлался теперь «вселен-

скимъ епископомъ»; во всѣхъ епархіяхъ онъ имѣлъ собственную юрисдикцію и всякое дѣло могъ перенести въ свои собственные суды. Его отношеніе къ епископамъ было отношеніе абсолютнаго государя къ своимъ чиновникамъ. Епископъ могъ оставить свое мѣсто только съ позволенія папы, и епископскія кафедры, освободившіяся вслѣдствіе отказа, доставались ему. Апелляціи къ папѣ были всячески поощряемы, ради диспенсаций; тысячи процессовъ приходили предъ курію, принося Риму обильную жатву. Часто, когда бывали соперничавшіе искатели бенефицій, папа выпроваживалъ ихъ всѣхъ и назначалъ собственную креатуру. Часто кандидаты теряли въ Римѣ цѣлые годы, и, или умирали здѣсь, или уносили съ собой живое впечатлѣніе господствующей испорченности. Германія больше другихъ земель страдала отъ этихъ апелляцій и процессовъ, и потому была лучше всѣхъ другихъ земель приготовлена къ Реформациі. Втеченіе тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій папы сдѣлали гигантскіе шаги въ приобрѣтеніи власти. Въмѣсто того, чтобы рекомендовать своихъ фаворитовъ на бенефиціи, они теперь издавали приказы. Ихъ итальянскіе приверженцы должны были получить награду; удовлетворить ихъ крикамъ можно было только однимъ — давъ имъ назначенія въ чужихъ странахъ. Толпы соперничавшихъ искателей умирали въ Римѣ, и когда смерть случалась въ этомъ городѣ, папа требовалъ себѣ права назначенія бенефиціи. Наконецъ, стали утверждать, что онъ имѣетъ право располагать всѣми церковными должностями безъ различія, и что клятва покорности, даваемая епископомъ, предполагаетъ и политическое и церковное подчиненіе. Въ странахъ, имѣвшихъ двойное правительство, это страшно усилило власть духовнаго элемента.

Права всякаго рода были безъ зазрѣнія совѣсти нарушены,

чтобы довершить эту централизацію. Самую дѣйствительною помощію были здѣсь нищенствующіе ордены. На одной сторонѣ былъ папа и эти ордены, на другой епископы и приходское духовенство. Римскій дворъ отнималъ себѣ права соборовъ, митрополитовъ, епископовъ, національныхъ церквей. Встрѣчая постоянное вмѣшательство отъ легатовъ, епископы потеряли всякую охоту поддерживать порядокъ въ своихъ епархіяхъ; встрѣчая постоянное вмѣшательство отъ нищенствующихъ монаховъ, приходскій священникъ сталъ безсиленъ въ своей собственной деревнѣ; его пастырское вліяніе было до послѣдней степени разрушаемо папскими индульгенціями и разрѣшеніями, которыя продавали эти монахи. Деньги уходили въ Римъ.

Надобность въ деньгахъ заставляла многихъ папъ приобретать наконецъ и къ мелкимъ способамъ — такъ они требовали отъ государей, епископовъ, большихъ владѣтелей, имѣвшихъ дѣла въ папскомъ судѣ, подарка, состоящаго изъ золотой чаши, наполненной червонцами. Такая же надобность дала начало юбилеямъ. Сикстъ IV основалъ цѣлыя коллегіи и продавалъ мѣста по триста и четыреста червонцевъ. Иннокентій VIII закладывалъ папскую тиару. О Львѣ X говорили, что онъ растратилъ сбереженія своего предшественника, истратилъ свои собственные доходы и захватилъ доходы своего преемника; онъ учредилъ двѣ тысячи пятьдесятъ новыхъ должностей и продалъ ихъ; они считались хорошимъ помѣщеніемъ денегъ, потому что давали двѣнадцать процентовъ. Проценты были вытянуты изъ католическихъ странъ. Нигдѣ въ Европѣ нельзя было помѣстить капитала такъ хорошо, какъ въ Римѣ. Обширныя суммы получались отъ конфискаціи имуществъ, и не только отъ продажи, но и отъ перепродажи долж-

ностей. Людямъ давались повышенія — для того, чтобы ихъ должности можно было продать снова.

Хотя то было и противъ папской теоріи, запрещавшей ростъ, основалась огромная папская банковая система, въ связи съ Куріей, и суммы выдавались за ростовщическіе проценты прелатамъ, искателямъ мѣсть и людямъ, имѣвшимъ процессы. Папскіе банкиры были привилегированы; всѣ другіе были подъ запрещеніемъ. Курія открыла, что для нея выгодно имѣть у себя въ долгу духовныхъ во всей Европѣ. Она могла сдѣлать ихъ черезъ это послушными, и могла отлучать ихъ отъ церкви за неплатежъ процентовъ. Въ 1327, было сосчитано, что половина Христіанскаго міра была отлучена отъ церкви: епископы бывали отлучаемы за то, что не могли удовлетворить вымогательствамъ легатовъ; другіе были отлучаемы подъ разными предлогами затѣмъ, чтобы вынудить ихъ къ покупкѣ разрѣшеній по крайне высокимъ цѣнамъ. Церковные доходы со всей Европы стекались въ Римъ, вертепъ испорченности, симоніи, ростовщичества, подкупа, вымогательства. Съ 1066, когда началось сильное стремленіе къ централизаци, папы не имѣли времени заняться внутренними дѣлами своего собственнаго духовнаго стада въ городѣ Римѣ. Были тысячи дѣлъ иноземныхъ, изъ которыхъ каждое приносило деньги. «Всякій разъ», говоритъ епископъ Альваро Пелайо, «когда я входилъ въ комнаты Римскаго придворнаго духовенства, я находилъ этихъ людей занятыхъ счетомъ золота, лежавшаго въ комнатахъ кучами». Каждый случай расширить юрисдикцію Куріи принимался съ радостію. Изъятія устраивались такъ, что постоянно требовались новыя папскія распоряженія. Епископы были привилегированы противъ кафедральныхъ капеллановъ, капелланы противъ своихъ епископовъ; епископы, монастыри и частныя лица противъ вымогательствъ легатовъ.

Два столба, на которыхъ утверждалась теперь папская система, были Коллегія кардиналовъ и Курія. Кардиналы, въ 1059, сдѣлались избирателями папъ. До этого времени, избраніе дѣлалось всёмъ составомъ римскаго духовенства, и необходимо было участіе свѣтскихъ чиновниковъ и гражданъ. Но папа Николай II ограничилъ избраніе коллегіей кардиналовъ, съ большинствомъ двухъ третей голосовъ, и далъ германскому императору право утвержденія. Втеченіе почти двухъ столѣтій шла борьба за господство между кардинальской олигархіей и папскимъ абсолютизмомъ. Кардиналы довольно охотно допускали, чтобы папа пользовался абсолютной властью въ своемъ иноземномъ управленіи, но прежде чѣмъ дать папѣ свои избирательные голоса, они рѣдко не пользовались этимъ случаемъ, чтобы не обязывать его предоставить имъ признанную долю въ правленіи. Послѣ своего избранія и до посвященія папа давалъ клятву соблюдать извѣстныя условія, какъ на примѣръ, раздѣленіе доходовъ между имъ и кардиналами; обязательство, что онъ не будетъ смѣщать ихъ, но позволить имъ собираться два раза въ году чтобы обсуждать, держитъ ли онъ свою клятву. Много разъ папы нарушали эту клятву. Съ одной стороны, кардиналы желали получить большую долю въ церковномъ управленіи и доходахъ; съ другой — папы отказывались уступать доходы или власть. Кардиналы желали отличаться великолѣпіемъ и пышностью, и на это требовались большія деньги. Былъ примѣръ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ не менѣе пятисотъ бенефицій; надо было содержать своихъ друзей и наемниковъ, надо было обогатить свои семейства. Утверждали, что всёхъ доходовъ Франціи было недостаточно, чтобы покрывать ихъ издержки. При соперничествѣ кардиналовъ случалось иногда, что папа не былъ избираемъ нѣсколько лѣтъ. Какъ будто они хо-

тѣли показать, что церковь легко можетъ обходиться безъ намѣстника Христа.

Къ концу одиннадцатаго столѣтія, Римская церковь сдѣлалась римскимъ дворомъ. вмѣсто христіанскихъ овецъ, мирно слѣдующихъ за своимъ пастыремъ въ священныхъ предѣлахъ города, возникла канцелярія правителей, нотаріусовъ, сборщиковъ податей, гдѣ вершались дѣла о привилегіяхъ, диспенсаціяхъ, изъятіяхъ; отъ одной двери къ другой ходили просители съ своими просьбами. Римъ былъ сборнымъ пунктомъ для искаателей мѣстъ въ всѣхъ націяхъ. Въ виду громадной массы дѣловыхъ процессовъ, милостей, индульгенцій, разрѣшеній, повелѣній и рѣшеній, посылаемыхъ во всѣ части Европы и Азіи, дѣла мѣстной церкви стали ничтожны. Нужно было нѣсколько сотъ человѣкъ, для которыхъ домою была Курія. Ихъ цѣлью было вышаться въ ней, расширяя прибыли папской казны. Весь Христіанскій (католическій) міръ сдѣлался ея данникомъ. Здѣсь исчезалъ всякій слѣдъ религіи; члены Куріи были заняты политикой, тяжбами и процессами; нельзя было услышать слова о духовныхъ предметахъ. Каждый почеркъ пера имѣлъ свою цѣну. Бенефиціи, диспенсаціи, лиценціи, разрѣшенія, индульгенціи, привилегіи продавались и покупались, какъ товаръ. Человѣкъ, имѣвшій тяжбу, долженъ былъ подкупать каждого, отъ привратника до папы, или его дѣло было потеряно. Бѣдные люди не могли ни получить мѣста, ни надѣяться его; и, слѣдствіемъ было то, что каждый клерикъ чувствовалъ, что имѣлъ право слѣдовать примѣру, видѣнному въ Римѣ, и что могъ бы получать прибыль отъ своего духовнаго служенія и совершенія таинствъ, купивши въ Римѣ право дѣлать это, и не имѣя другаго средства заплатить свой долгъ. Перенесеніе власти отъ Итальянцевъ къ Французамъ, вслѣдствіе перенесенія Куріи въ

Авиньонъ, не произвело никакой перемѣны—Итальянцы только почувствовали, что обогащеніе итальянскихъ фамилій выскользнуло изъ ихъ рукъ. Они привыкли считать папство своей собственностью, и думать, что подь христіанскимъ закономъ они—такой же избранный народъ, какъ были Евреи подь закономъ Моисеевымъ.

Въ концѣ тринадцатаго столѣтія открыто было новое царство, способное доставлять огромные доходы. Это было чистище. Доказано было, что папа можетъ освобождать изъ него своими индульгенціями. Здѣсь уже не было надобности ни въ какомъ лицемѣрїи. Вещи дѣлались открыто. Первоначальное зерно апостольскаго первенства развилось теперь въ колоссальную монархію.

Инквизиція сдѣлала папскую систему непреодолимой. Всякое сопротивленіе должно было быть караемо огнемъ и мечомъ. Самая мысль, даже не выдавая себя виѣшнимъ знакомъ, считалась преступленіемъ. Съ теченіемъ времени, эта практика инквизиціи становилась болѣе и болѣе свирѣбой. По одному подозрѣнію прибѣгали къ пыткѣ. Обвиняемому не позволялось знать имени обвинителя. Ему не позволяли имѣть никакого легальнаго совѣтника. Апелляціи не было. Инквизиціи повелѣвалось не склоняться къ милосердію. Никакое отреченіе не приносило пользы. Неповинное семейство обвиненнаго лишалось своей собственности конфискаціей; половина этой собственности шла въ папскую казну, половина—инквизиторамъ. Только жизнь можно было оставить сыновьямъ невѣрующихъ, говорилъ Иннокентій III, и то только изъ одного милосердія. Слѣдствіемъ было то, что папы, какъ Николай III, обогатили свои семейства грабежомъ съ помощію этого трибунала. Инквизиторы обыкновенно дѣлали то же.

Борьба между Французами и Итальянцами за владѣніе папствомъ неизбѣжно повела къ расколу, въ четырнадцатомъ столѣтіи. Втеченіе болѣе сорока лѣтъ, два соперничавшіе папы предавали другъ друга проклятію, двѣ соперничавшія Куріи вытягивали у націй деньги. Иногда бывало три подчиненности, и надо было вымогать тройные доходы. Никто не могъ теперь гарантировать дѣйствительность таинствъ, потому что никто не зналъ навѣрное, кто истинный папа. Такимъ образомъ люди вынуждены были заботиться о себѣ сами. Они не могли найти, кто можетъ законнымъ образомъ думать за нихъ. Они начинали видѣть, что церковь должна избавить себя отъ цѣпей Куріи и прибѣгнуть ко всеобщему собору. Эта попытка дѣлалась нѣсколько разъ, и при этомъ имѣли цѣлью возвысить соборъ въ парламентъ Христіанства, и сдѣлать папу его главной исполнительной властью. Но не такъ легко было одолѣть тѣ обширные интересы, которые выросли изъ испорченности многихъ вѣковъ: Курія опять приобрѣла свое значеніе, и церковная торговля началась снова. Нѣмцы, которымъ никогда не позволяли имѣть участіе въ Куріи, приняли роль руководителей въ этихъ попыткахъ реформы. Такъ какъ дѣла шли чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, то даже они нашли наконецъ, что всякая надежда преобразовать церковь посредствомъ соборовъ напрасна. Эразмъ восклицалъ: «Если Христосъ не освободитъ своего народа отъ этой многообразной церковной тиранніи, то тираннія Турокъ сдѣлается менѣ несносной». Кардинальскія шляпы теперь продавались, и при Львѣ X, церковныя и папскія должности дѣйствительно продавались съ аукціона. Правилomъ жизни стали прежде всего интересъ, а потомъ честь. Въ числѣ должностныхъ лицъ не было ни одного, который былъ бы честенъ во мракѣ, и добродѣтеленъ безъ свидѣтелей. Бархатные фіолетовые плащи

и бѣлыя горностаевыя шапки кардиналовъ были настоящимъ покровомъ злодѣйства.

Единство церкви, и потому ея сила, требовали употребленія латыни какъ священнаго языка. Черезъ это, Римъ стоялъ въ строго европейскомъ положеніи и способенъ былъ поддерживать общія международныя отношенія. Это давало ему гораздо больше силы, чѣмъ его мнимый небесный авторитетъ, и каковы бы ни были его притязанія на то, что было имъ сдѣлано, онъ подлежить однако обвиненію, что владѣя такой особенной выгодой, какой не будетъ уже у его преемниковъ, онъ не сдѣлалъ гораздо больше. Если бы римскіе первосвященники не были такъ исключительно заняты тѣмъ, чтобы поддержать свои доходы и свои свѣтскія владѣнія въ Италіи, они могли бы вести впередъ весь континентъ какъ одного человѣка. Ихъ служители могли безъ труда идти въ каждую націю и легко сообщаться другъ съ другомъ, отъ Ирландіи до Богеміи, отъ Италіи до Шотландіи. Обладаніе общимъ языкомъ отдавало въ ихъ руки управленіе международными дѣлами съ умными союзниками повсюду, говорившими на томъ же языкѣ.

Не безъ причины была та ненависть, какую обнаружилъ Римъ къ возстановленію изученія греческаго языка и введенію еврейскаго, и тревога, съ какой онъ смотрѣлъ на образованіе новѣйшихъ языковъ изъ народныхъ нарѣчій. Не безъ причины теологическій факультетъ въ Парижѣ повторилъ опять мысль, господствовавшую во времена Хименеса: «что станется съ религіей, если позволить изученіе греческаго и еврейскаго языковъ»? Господство латинскаго языка было условіемъ силы Рима; упадокъ латинскаго языка—мѣрой его упадка; прекращеніе его употребленія—знакомъ того, что Римъ ограничится небольшимъ княжествомъ въ Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе европей-

скихъ языковъ было орудіемъ къ низверженію Рима. Они составили дѣйствительное средство сообщенія между нищенствующими монахами и безграмотной чернью, и не было ни одного изъ этихъ языковъ, который бы въ самыхъ старыхъ своихъ произведеніяхъ не обнаружилъ величайшаго презрѣнія къ Риму.

Поэтому, возникновеніе разноязычной европейской литературы совпадало съ упадкомъ папскаго Христіанства; европейская литература была невозможна подъ католическимъ правленіемъ. Великое, торжественное, величественное религиозное единство требовало литературнаго единства, которое предполагается употребленіемъ одного языка.

Когда такимъ образомъ обладаніе универсальнымъ языкомъ такъ сильно обезпечивало его власть, дѣйствительная тайна значительной доли вліянія церкви лежала въ томъ контролѣ, который она искусно пріобрѣла надъ домашней жизнью. Вліяніе церкви уменьшалось съ ослабленіемъ этого контроля. Съ этимъ совпадало устраненіе ея отъ руководства международными сношеніями въ дипломатіи.

Въ старыя времена Римскаго владычества стоянки легіоновъ въ провинціяхъ всегда дѣлались очагами цивилизаціи. Трудолюбіе и порядокъ, которые въ нихъ обнаруживались, представляли собой примѣръ, не потерявшійся для обрुжающихъ варваровъ Британіи, Галліи и Германіи. И, хотя въ обязанность ихъ никакъ не входило заниматься дѣятельно улучшеніемъ завоеванныхъ племенъ, а скорѣе держать ихъ въ угнетеніи, помогавшемъ сохраненію ихъ покорности; но и въ личномъ и въ общественномъ состояніи покоренныхъ стало совершаться постоянное улучшеніе.

Подобныя результаты произошли подъ церковнымъ владычествомъ Рима. Въ открытой странѣ монастырь смѣнилъ собою

лагерь легионовъ; въ деревнѣ или городѣ церковь была центромъ свѣта. Могущественное дѣйствіе производила изящная роскошь перваго, священныя и торжественныя увѣщанія послѣдней.

Но восхваляя напскую систему за то, что она сдѣлала для организаціи семейства, опредѣленія гражданской политики, устройства европейскихъ государствъ, мы должны ограничить свою похвалу напоминаніемъ, что главной цѣлью церковной политики было расширеніе Церкви, а не проведеніе цивилизаціи. Тѣ блага, какія получили міряне, происходили не отъ прямого намѣренія, а были случайныя и косвенныя.

У Рима не было никакого обширнаго, постоянного плана улучшить физическое состояніе народовъ. Ничего не было сдѣлано для содѣйствія ихъ умственному развитію; напротивъ, постоянной политикой его было держать ихъ не только безграмотными, но невѣжественными. Проходили вѣка за вѣками, и оставляли поселянину немногимъ лучше чѣмъ скотъ въ поляхъ. Сообщенія и передвиженіе, которыя такъ сильно способствуютъ развитію идей, не получали никакого поощренія; большинство людей умирали, ни разу не рискнувши выйти изъ сосѣдства, въ которомъ они родились. Для нихъ не было надежды личнаго улучшенія, или улучшенія своей участи; не было никакого обширнаго плана для избѣжанія личной нужды, для отвращенія голода. Эпидеміямъ не мѣшали распространяться безпрепятственно, или въ лучшемъ случаѣ сопротивлялись имъ только ребячествами. Дурная пища, плохая одежда, недостаточный кровъ безпрепятственно производили свой результатъ, и къ концу тысячи лѣтъ населеніе Европы не удвоилось.

Если политику можно считать отвѣтственной какъ за число рожденій, которымъ она помѣшала, такъ и за смертность, ко-

торую она причиняла, то какая великая отвѣтственность была здѣсь!

Въ этомъ изслѣдованіи вліяній Католицизма, мы должны старательно отдѣлять то, что онъ дѣлалъ для народа и что онъ дѣлалъ для самого себя. Когда мы представимъ себѣ великолѣпный монастырь, воплощеніе роскоши, съ его чисто скошенными лугами, его садами и бесѣдками, фонтанами и журчащими ручьями, мы должны связывать его не съ пораженнымъ лихорадкой крестьяниномъ, умирающимъ безъ помощи въ болотахъ, но съ аббатомъ, его иноходцемъ, соколомъ и гончими собаками, хорошо наполненнымъ погребомъ и кладовой. Онъ есть часть системы, имѣющей центръ своего авторитета въ Италіи. Его подданство относится туда. Для этого авторитета служатъ все его дѣйствія. Когда мы осматриваемъ, какъ это возможно еще теперь, великолѣпныя церкви и кафедралы этихъ временъ, чудеса архитектурнаго искусства, — единственныя настоящія чудеса Католицизма, — когда мы возстановляемъ въ воображеніи въ высшей степени величественныя, благородныя служенія, которыхъ нѣкогда они были мѣстомъ, религіозный полусвѣтъ, проникающій черезъ цвѣтныя окна, звуки небесныхъ голосовъ, священниковъ въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ, и въ особенности всѣхъ простершихся здѣсь поклонниковъ, слушающихъ литаніи и молитвы на чужомъ и неизвѣстномъ языкѣ, не спросимъ ли мы себя, — дѣлалось ли все это для этихъ поклонниковъ, или во славу великаго, осѣняющаго авторитета Рима?

Но, быть можетъ, спросятъ: развѣ нѣтъ предѣла для человѣческихъ усилій, — развѣ нѣтъ вещей, которыхъ не можетъ совершить никакая политическая система, никакая человѣческая власть, какъ бы ни были прекрасны ея намѣренія? Въ одинъ

день нельзя извлечь людей изъ варварства, нельзя цивилизовать континента.

Но власти Католицизма нельзя судить по такой мѣркѣ. Онъ презрительно отвергалъ и отвергаетъ свое человѣческое происхожденіе. Онъ выставляетъ притязаніе на сверхъестественное полномочіе. Римскій первосвященникъ есть намѣстникъ Бога на землѣ. Онъ непогрѣшимъ въ своемъ сужденіи, и ему дано совершать все вещи съ помощью чудесъ, если бы то понадобилось. Онъ господствовалъ съ автократической тиранией надъ умами Европы болѣе тысячи лѣтъ; и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ встрѣчалъ сопротивленіе отъ непослушныхъ государей, это сопротивленіе, въ сложности, было такъ нераздѣльно, что можно утверждать, что матеріальная, политическая сила континента была въ его распоряженіи.

Такіе факты, какіе представлены въ настоящей главѣ, были безъ сомнѣнія хорошо взвѣшены протестантскими Реформаторами шестнадцатаго столѣтія, и они привели ихъ къ заключенію, что Католицизмъ совершенно не исполнилъ своей миссіи; что онъ сдѣлался обширной системой обмана и подлога, и что возстановленія истиннаго Христіанства можно достигнуть только возвращеніемъ къ вѣрѣ и обычаямъ первобытныхъ временъ. Къ этому рѣшенію они пришли не внезапно; таково было давно мнѣніе многихъ религіозныхъ и ученыхъ людей. Благочестивые *fratricelli* среднихъ вѣковъ громко высказывали свою мысль, что роковой даръ Римскаго императора былъ осужденіемъ истинной религіи. Нуженъ былъ только голосъ Лютера, чтобы привести людей сѣверной Европы къ заключенію, что многоразличныя католическія суевѣрія, сверхъестественныя леченія, индульгенціи за совершеніе грѣховъ и всякіе другіе дурные обычаи, выгодные для ихъ потатчиковъ, все это, при-

цѣвленное къ Христіанству, но къ нему не принадлежащее, должно кончиться. Католицизмъ, какъ система достиженія человѣческаго благосостоянія, очевидно не оправдалъ того происхожденія, какое онъ себѣ приписывалъ; его дѣятельность не отвѣчала его великимъ притязаніямъ; и послѣ благопріятнаго случая, продолжавшагося больше тысячи лѣтъ, онъ оставилъ массы людей, подчиненныхъ его вліяніямъ, и по матеріальному благосостоянію, и по умственному развитію, въ гораздо болѣе низкомъ положеніи, чѣмъ бы то должно было быть.

ГЛАВА XI.

Наука въ отношеніи къ новѣйшей цивилизаціи.

Европа, въ эпоху Реформаціи, представляетъ намъ результатъ вліяній Римскаго Христіанства въ развитіи цивилизаціи. Америка, изслѣдуемая подобнымъ образомъ въ настоящее время, представляетъ намъ примѣръ вліяній науки.

Втеченіе семнадцатаго вѣка рѣдкое европейское населеніе заняло западный Атлантическій берегъ. Привлеченные ловлей трески на Ньюфаундлендѣ, Французы имѣли небольшую колонію на сѣверъ отъ р. Св. Лаврентія; Англичане, Голландцы и Шведы занимали берегъ Новой-Англіи и Среднихъ Штатовъ; нѣсколько гугенотовъ жили въ Каролинахъ. Слухи объ источникѣ, дающемъ вѣчную юность — источникѣ жизни — привлекли небольшое число Испанцевъ въ Флориду. Позади ряда деревень, построенныхъ этими авантюристами, лежала обширная неизвѣстная страна, населенная кочующими Индійцами, число которыхъ отъ Мексиканскаго залива до р. св. Лаврентія не превышало ста восьмидесяти тысячъ. Европейскіе иноземцы узнали отъ нихъ, что въ этихъ пустынныхъ странахъ есть озера прѣсной воды и большая рѣка, которую они звали Миссиссипи. Нѣкоторые говорили, что она

течетъ черезъ Виргинію въ Атлантическій океанъ, другіе, что она проходитъ черезъ Флориду, третьи, что она впадаетъ въ Тихій океанъ, иные, что она доходитъ до Мексиканскаго залива. Отдѣленные отъ своихъ родныхъ странъ бурнымъ Атлантическимъ океаномъ, чтобы переплыть который нужно было нѣсколько мѣсяцевъ, эти выселенцы казались потерянными для міра.

Но еще до конца девятнадцатаго столѣтія потомки этого слабаго народа сдѣлались одной изъ великихъ державъ на землѣ. Они основали республику, власть которой простирается отъ Атлантическаго до Тихаго Океана. Съ арміей болѣе чѣмъ въ миліонъ человѣкъ, не на бумагѣ, но дѣйствительно въ полѣ, они низвергли домашняго врага. Они держали на морѣ военный флотъ почти въ семьсотъ кораблей, несшихъ пять тысячъ пушекъ, изъ которыхъ иныя были самыя тяжелыя въ мірѣ. Тонный грузъ этого флота восходилъ до полумилліона. На защиту своей національной жизни они меньше чѣмъ въ пять лѣтъ потратили болѣе четырехъ тысячъ милліоновъ долларовъ. Ихъ цензъ, періодически опредѣляемый, показывалъ, что населеніе удваивалось каждые двадцать пять лѣтъ; онъ оправдывалъ ожиданіе, что къ концу нынѣшняго столѣтія населеніе будетъ представлять до ста милліоновъ человѣкъ.

Безмолвный континентъ измѣнился въ сцену промышленности; онъ наполнится шумомъ людей. Гдѣ былъ нетронутый лѣсъ, тамъ явилось сотни городовъ и мѣстечекъ. Торговля получила въ изобиліи нѣкоторые изъ важнѣйшихъ товаровъ, какъ хлопчатая бумага, табакъ, питательныя вещества. Рудники доставляли невѣроятныя количества золота, желѣза, каменнаго угля. Безчисленныя церкви, коллегіи, публичныя школы свидѣтельствовали, что нравственное вліяніе оживляло эту матеріальную

дѣятельность. Средства передвиженія были очень дѣйствительныя. Желѣзныя дороги въ сложности превышали длиной всѣ желѣзныя дороги Европы вмѣстѣ. Въ 1873 общая длина европейскихъ желѣзныхъ дорогъ была шестьдесятъ три тысячи триста шестьдесятъ миль; общая длина американскихъ была семьдесятъ тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ миль. Одна изъ нихъ, построенная черезъ континентъ, связала Атлантическій и Тихій океаны.

Но замѣчательны не только эти матеріальные результаты. Нашего вниманія требуютъ и другіе результаты, нравственнаго и общественнаго свойства. Четыре милліона негровъ-невольниковъ получили свободу. Законодательство, если оно склоняется къ выгодѣ какого нибудь класса, склоняется къ выгодѣ бѣдныхъ. Цѣль его — извлечь ихъ изъ бѣдности и улучшить ихъ судьбу. Открыто было поприще таланту, и при томъ безъ всякаго стѣсненія. Все было возможно для ума и трудолюбія. Многія изъ важнѣйшихъ общественныхъ должностей были занимаемы людьми, которые возвысились изъ самыхъ скромныхъ положеній въ жизни. Если не было общественного равенства, какъ никогда его не можетъ быть въ богатыхъ и цвѣтущихъ обществахъ, то было строго соблюдаемое гражданское равенство.

Быть можетъ, скажутъ, что многое изъ этого матеріальнаго благосостоянія возникло изъ особенныхъ условій, какихъ не случалось прежде ни у какого другаго народа. Былъ обширный, открытый театръ дѣйствій, цѣлый континентъ, готовый для всякаго, кто хотѣлъ бы овладѣть имъ. Нужно было только мужество и трудолюбіе, чтобы преодолѣть природу и захватить обильныя выгоды, какія она представляла.

Но развѣ не должны были быть одушевляемы великимъ принципомъ тѣ люди, которые съ успѣхомъ превращаютъ въ-

ковья пустыни въ жилища цивилизаціи, которые не смущаются мрачными лѣсами, или рѣками, горами, страшными пустынями, которые пролагаютъ свой завоевательный путь втеченіе столѣтій сквозь цѣлый континентъ и держатъ его въ подчиненіи? Представимъ себѣ въ противоположность этому результаты завоеванія Мексики и Перу Испанцами, которые въ этихъ странахъ разрушили удивительную цивилизацію, во многихъ отношеніяхъ стоявшую выше ихъ собственной — цивилизацію, достигнутую безъ желѣза и пороха — цивилизацію, опиравшуюся на земледѣліи, которое не имѣло ни лошади, ни быка, ни плуга. Испанцы имѣли ясный исходный пунктъ, и никакой помѣхи для своего движенія впередъ. Они разрушили все, что совершили туземныя дѣти Америки. Милліоны этихъ несчастныхъ были истреблены ихъ свирѣпостью. Націи, которыя втеченіе многихъ столѣтій жили въ довольствѣ и благосостояніи, съ учрежденіями, пригодность которыхъ для нихъ доказывалась исторіей, — эти націи были погружены въ анархію; народъ впалъ въ гибельное суевѣріе, и большая часть его поземельной и другой собственности попала во владѣніе Римской церкви.

Я взялъ предыдущій примѣръ, извлеченный изъ Американской исторіи, предпочтительно передъ многими другими, какіе могли бы быть извлечены изъ исторіи европейской, — потому что онъ представляетъ образчикъ дѣйствія принципа, гдѣ всего менѣе вмѣшиваются постороннія условія. Европейскій политическій прогрессъ не такъ простъ, какъ Американскій.

Прежде чѣмъ разсматривать способъ его дѣйствія и результаты, я разскажу, какъ научный принципъ вошелъ въ Европу.

Введеніе науки въ Европѣ.

Крестоносцы, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не только приносили въ Римъ громадныя суммы, исторгнутыя изъ страха или благочестія всѣхъ христіанскихъ народовъ, но они усилили также папскую власть до самой опасной степени. Въ двойственномъ правленіи, господствовавшемъ повсюду въ Европѣ, духовная власть получила первенство; свѣтская была почти только ея слугой.

Со всѣхъ сторонъ, подъ всевозможными предлогами, потоки денегъ постоянно стремились въ Италію. Свѣтскіе государи наши, что на ихъ долю остались обѣднѣвшіе и недостаточные доходы. Филиппъ Красивый, король французскій (1300 по Р. Х.), не только рѣшился остановить этотъ потокъ въ своихъ владѣніяхъ, запретивъ вывозъ золота и серебра безъ его разрѣшенія; но и рѣшилъ, что духовенство и церковныя имѣнія должны платить ему свою долю налоговъ. Это привело къ смертельной враждѣ съ папствомъ. Король былъ отлученъ отъ церкви и въ возмездіе за то обвинилъ папу, Бонифація VIII, въ безбожіи, требуя, чтобъ онъ былъ судимъ всеобщимъ соборомъ. Онъ послалъ нѣсколько вѣрныхъ людей въ Италію, которые схватили Бонифація въ его дворцѣ въ Ананьи и поступали съ нимъ съ такой суровостью, что черезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Наслѣдовавшій ему папа, Бенедиктъ XI, былъ отравленъ.

Французскій король рѣшилъ, что необходимо очистить и преобразовать папство; что оно не должно больше оставаться владѣніемъ немногихъ итальянскихъ семействъ, которыя искусно превращали въ деньги легковѣріе Европы—что въ немъ должно преобладать французское вліяніе. Поэтому, онъ вошелъ

въ соглашеніе съ кардиналами; французскій епископъ былъ возведенъ на папскій престолъ подъ именемъ Климента V. Папскій дворъ былъ перенесенъ въ Авиньонъ, во Франціи, и Римъ какъ метрополія христіанства былъ оставленъ.

Прошло семьдесятъ лѣтъ прежде чѣмъ папство было возвращено въ Вѣчный городъ (1376 по Р. X.). Уменьшеніе его вліянія на полуостровъ, происшедшее такимъ образомъ, дало благопріятныя условія для достопамятнаго уметвеннаго движенія, которое вскорѣ обнаружилось въ большихъ торговыхъ городахъ Верхней Италіи. Въ то же самое время были и другія благопріятныя событія. Результатъ Крестовыхъ походовъ колебалъ вѣру всего Христіанства. Въ томъ вѣкѣ, когда все вѣрили, что битва есть такой же «Божій судъ», эти войны кончились тѣмъ, что Святая земля осталась въ рукахъ Сарацинъ; многія тысячи христіанскихъ воиновъ, возвратившихся оттуда, не колебались объявлять, что нашли своихъ противниковъ не такими, какъ ихъ изображали клерикалы, но храбрыми, рыцарскими, справедливыми. Въ веселыхъ городахъ южной Франціи распространялась любовь къ романтической литературѣ; страстующіе трубадуры пѣли свои пѣсни, — которыя далеко не ограничивались любовью и военными подвигами; часто ихъ припѣвомъ были страшныя жестокости, совершенныя папскою властью—религіозныя убійства въ Лангедокѣ; часто ихъ сюжетомъ были непозволительныя любовныя похождения духовенства. Изъ мавританской Испаніи принесена была прекрасная и изящная идея рыцарства и съ нею благородное чувство «личной чести», которому съ теченіемъ времени предназначено было дать особенный кодексъ для Европы.

Возвращеніе папства въ Римъ далеко не возстановило вліянія папъ на Итальянскомъ Полуостровѣ. Со времени ихъ удале-

нія прошло больше двухъ поколѣній, и если бы даже они возвратились съ своею прежней силой, они не могли бы сопротивляться умственному прогрессу, сдѣланному въ ихъ отсутствіе. Но папство вернулось не затѣмъ, чтобы править, но чтобы быть раздѣленнымъ противъ самого себя, чтобы встрѣтить Великій Расколъ. Вслѣдствіе этихъ раздоровъ явилось двое папъ-соперниковъ; иногда бывало трое папъ, изъ которыхъ каждый налагалъ на духовенство свои притязанія, каждый проклиналъ своего соперника. Чувство негодованія распространилось скоро по всей Европѣ, и вмѣстѣ рѣшеніе, что постыдныя сцены, которыя тогда происходили, должны окончиться. Какъ могъ удержаться въ присутствіи такихъ скандаловъ догматъ о намѣстникѣ Христа на землѣ, догматъ о непогрѣшимомъ папѣ? Здѣсь лежала причина того рѣшенія умнѣйшихъ членовъ тогдашняго духовенства (рѣшенія, которое, къ несчастію для Европы, не могло быть исполнено), что всеобщій соборъ долженъ сдѣлаться постояннымъ религіознымъ парламентомъ всего континента, съ папой, какъ главнымъ исполнительнымъ органомъ. Еслибы это намѣреніе было выполнено, въ наше время не было бы никакого столкновенія между наукой и религіей; потрясеніе Реформаціи было бы избѣгнуто; не было бы враждующихъ протестантскихъ сектъ. Но соборы Констанцскій и Базельскій не успѣли свергнуть итальянскаго ига, не успѣли достигнуть этого благороднаго результата.

Такимъ образомъ Католицизмъ ослабѣвалъ; по мѣрѣ того, какъ снималась его свинцовая тяжесть, умъ человѣка развивался. Сарацины изобрѣли способъ приготовленія бумаги изъ полотняныхъ тряпокъ и хлопка. Венеціанцы принесли изъ Китая въ Европу искусство печатанія. Первое изъ этихъ изобрѣтеній имѣло существенную важность для втораго. Отсюда, безъ

возможности неудачи, явилось взаимное умственное сообщеніе между всѣми людьми.

Изобрѣтеніе книгопечатанія было тяжкимъ ударомъ Католицизму, который прежде пользовался неогрѣненной выгодой монополіи этого взаимнаго сообщенія. Изъ своего центра, повелѣнія могли быть разсѣваемы по всѣмъ ступенямъ духовенства и гремять съ кафедръ. Эта монополія и чрезвычайное могущество, какое она доставляла, были уничтожены печатью. Въ новѣйшія времена, вліяніе кафедры стало незначительно. Кафедра была окончательно замѣнена газетой.

Но Католицизмъ уступалъ свою древнюю выгоду не безъ борьбы. Какъ скоро открыта была неизбѣжная тенденція новаго искусства, попытались стѣснить его въ формѣ цензурства. Чтобы напечатать книгу, стало необходимо имѣть разрѣшеніе. Для этого нужно было, чтобы сочиненіе было прочитано, рассмотрѣно и одобрено духовенствомъ. Надо было имѣть свидѣтельство, что это была благочестивая и ортодоксальная книга. Папа Александръ VI, въ 1501, издалъ буллу, отлучавшую отъ церкви типографщиковъ, которые будутъ публиковать вредныя ученія. Въ 1515 Латеранскій соборъ приказалъ, чтобы не печаталось никакихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя были рассмотрѣны духовными цензорами, подъ страхомъ отлученія отъ церкви и денежной пени; цензорамъ приказано было «имѣть всевозможное попеченіе, чтобы не печаталось ничего противнаго ортодоксальной вѣрѣ». Такимъ образомъ, опасались религиозныхъ изысканій; боялись, чтобы не обнаружилась истина.

Но эта ожесточенная борьба силъ невѣжества была безплодна. Умственное общеніе между людьми было обезпечено. Оно завершилось въ новѣйшей газетѣ, которая каждый день даетъ свои современныя свѣдѣнія изъ всѣхъ частей свѣта. Чте-

ніе сдѣлалось общимъ занятіемъ. Въ древнемъ обществѣ этимъ искусствомъ владѣли сравнительно немногіе. Новѣйшее общество обязано нѣкоторыми изъ своихъ самыхъ поразительныхъ особенностей этой перемѣнѣ.

Таковъ былъ результатъ введенія въ Европѣ бумаги и книгопечатнаго станка. Подобнымъ образомъ, обширныя матеріальныя и нравственныя дѣйствія имѣло введеніе морскаго компаса. Эти дѣйствія были — открытіе Америки, приведенное соперничествомъ Венеціанцевъ и Генуэзцевъ объ индійской торговлѣ; плаваніе вокругъ Африки, совершенное Де-Гамою, и путешествіе вокругъ свѣта, Магеллана. Относительно послѣдняго, величайшаго изъ всѣхъ человѣческихъ предпріятій, должно вспомнить, что Католицизмъ безвозвратно высказался за догматъ о плоской землѣ, съ твердью какъ поломъ высшаго неба, и адомъ подъ землею. Нѣкоторые изъ патристическихъ писателей, авторитетъ которыхъ считался верховнымъ, какъ было сказано выше, представили философскіе и религіозные аргументы противъ шарообразности земли. Теперь внезапно споръ приведенъ былъ къ концу — обнаружилось, что патристическіе писатели ошибались.

Исправленіе этой географической ошибки было никакъ не единственнымъ важнымъ результатомъ, послѣдовавшимъ изъ трехъ великихъ путешествій. Духъ Колумба, Де-Гамы, Магеллана распространился между всѣми предпримчивыми людьми западной Европы. До тѣхъ поръ общество жило подъ властью догмата: «подданство королю, повиновеніе церкви». Поэтому оно жило для другихъ, а не для себя. Политическое дѣйствіе этого догмата имѣло свой высшій пунктъ въ крестовыхъ походахъ. Безчисленныя тысячи погибли въ войнахъ, которыя не могли имъ принести никакого вознагражденія и результатомъ

которыхъ была явная неудача. Опытъ обнаружилъ тотъ фактъ, что единственные люди, получившіе прибыль, были папы, кардиналы и другія духовныя лица въ Римѣ и владѣльцы кораблей въ Венеціи. Но когда стало извѣстно, что богатства Мексики, Перу и Индіи могутъ быть раздѣляемы каждымъ, у кого есть предприимчивость и мужество, то мотивы, одушевлявшіе неутомимое населеніе Европы, внезапно измѣнились. Разказы о Кортесѣ и Пизарро находили вездѣ восторженныхъ слушателей. Морскія приключенія замѣняли религіозный энтузіазмъ.

Если мы попытаемся выдѣлить принципъ, лежавшій въ основаніи удивительныхъ общественныхъ переменъ, происшедшихъ въ то время, мы можемъ узнать его безъ труда. До тѣхъ поръ каждый человѣкъ посвящалъ свою службу своему господину — феодальному или духовному; теперь онъ самъ рѣшился собирать плоды своихъ усилій. Индивидуализмъ становился господствующимъ; феодальное подданство ослаблялось въ чувство. Мы укажемъ сейчасъ, какъ шло дѣло въ церковномъ отношеніи.

Индивидуализмъ основывается на принципѣ, что человѣкъ долженъ быть самъ себѣ господинъ, что онъ долженъ имѣть свободу составлять свое мнѣніе, свободу исполнять свои рѣшенія. Поэтому онъ всегда приходитъ въ соревнованіе съ другимъ человѣкомъ. Жизнь его есть обнаруженіе энергіи.

Удалить вѣковой застой изъ европейской жизни, внезапно оживить то, что было до сихъ поръ неподвижной массой, сообщить ей индивидуализмъ, значило привести эту массу въ столкновеніе съ тѣми вліяніями, которыя ее подавляли. Въ теченіе всего четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтія тревожная борьба давала чувствовать, что будетъ впереди. Въ началѣ шестнадцатаго вѣка (1517) битва произошла. Индивидуализмъ нашелъ свое воплощеніе въ упрямомъ германскомъ монахѣ, и потому,

быть можетъ по необходимости, заявилъ свои права въ теологическихкихъ формахъ. Было нѣсколько предварительныхъ стычекъ объ индульгенціяхъ и другихъ неважныхъ предметахъ, но очень скоро настоящая причина спора обнаружилась ясно. Мартинъ Лютеръ отказался думать такъ, какъ приказывали ему его духовные начальники въ Римѣ; онъ утверждалъ, что и самъ имѣеть неотъемлемое право толковать Библію.

На первый взглядъ, Римъ увидѣлъ въ Мартинѣ Лютерѣ не больше какъ вульгарнаго, непослушнаго, сварливаго монаха. Если бы инквизиція успѣла захватить его, она скоро бы управилась съ нимъ; но когда столкновение продолжалось, то стало ясно, что Лютеръ стоитъ не одинъ. На его поддержку являлись многія тысячи людей, столь же рѣшительныхъ какъ онъ; и въ то время какъ онъ ушелъ въ сраженіе со своими сочиненіями и словами, они защищали его положенія мечемъ.

Брань, которою осыпали Лютера и его дѣла, была столь же ожесточенная, какъ и смѣшная. Говорили, что его отецъ не былъ мужемъ его матери, а что это былъ бѣсовскій *incubus*, который обманулъ ее; что полѣ десятилѣтней борьбы со своей совѣстью, онъ сдѣлался безбожникомъ; что онъ отвергалъ безсмертіе души; что онъ составлялъ гимны въ честь пьянства, порока, которому самъ постоянно предавался; что онъ хулилъ Священное Писаніе и особенно Моисея; что онъ не вѣрилъ ни въ одно слово изъ того, что онъ проповѣдалъ; что онъ называлъ посланіе святаго Іакова пустяками; и въ особенности, что Реформація была вовсе не его дѣломъ, а въ сущности произошла отъ извѣстнаго астрологическаго положенія звѣздъ; впрочемъ у римскаго духовенства была вульгарная поговорка, что Эразмъ снесъ яйцо реформаціи, а Лютеръ высидѣлъ его. Римъ съ самаго начала сдѣлалъ ошибку, предположивъ, что это было ничто иное какъ случайная вепышка;

снѣ не понялъ, что на дѣлѣ это былъ высшій пунктъ внутренняго движенія, которое уже втеченіе двухъ вѣковъ происходило въ Европѣ и которое съ каждымъ часомъ увеличивало свои силы; что если бы и не было ничего другаго, то одно существованіе трехъ напѣ — и трехъ подданствъ — заставило бы людей думать, разсуждать, дѣлать свои самостоятельныя заключенія. Соборы въ Констанцѣ и Базелѣ научали ихъ, что есть еще власть выше папской. Длиныя и кровопролитныя войны, послѣдовавшія потомъ, были закончены вестфальскимъ миромъ; и тогда увидѣли, что центральная и сѣверная Европа свергла умственную тиранию Рима, что индивидуализмъ сдѣлалъ свое дѣло и установилъ право каждаго человѣка думать самому.

Но невозможно было, чтобы утвержденіе этого права частнаго сужденія остановилось на отверженіи Католицизма. При самомъ началѣ движенія нѣкоторые изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, какъ Эразмъ, который былъ въ числѣ первыхъ его начинателей, покинули его. Они видѣли, что многіе изъ реформаторовъ питали упорную вражду къ наукѣ, и опасались, что могутъ подпасть изувѣрному произволу. Протестантская партія, начавъ такимъ образомъ свое существованіе раздоромъ при раздѣленіи, должна была въ свою очередь подвергнуться дѣйствию тѣхъ же самыхъ принциповъ. Раздробленіе на многія второстепенныя секты было неизбѣжно. И эти секты, когда имъ уже нечего было бояться отъ ихъ главнаго итальянскаго противника, начали партизанскую войну другъ противъ друга. Когда въ различныхъ странахъ получала власть то одна, то другая партія, то каждая запятнала себя жестокостями, совершенными противъ ея соперниковъ. Когда современемъ побѣжденные брали верхъ надъ своими угнетателями и происходили ужасныя возмездія, это убѣдило спорящихъ сектаторовъ, что они должны уступить своимъ

соперникамъ то, на что заявляли притязаніе сами; и такимъ образомъ изъ ихъ раздоровъ и преступленій высвободился великій принципъ вѣротерпимости. Но терпимость есть только промежуточная ступень; и по мѣрѣ того какъ идетъ умственное разложеніе Протестантизма, это переходное положеніе поведетъ къ болѣе высокому и болѣе благородному состоянію, тому общественному состоянію, въ которомъ будетъ полная свобода для мысли и которое составляло надежду философіи во все прошедшіе вѣка міра. Терпимость, когда она не вынуждается однимъ страхомъ, можетъ исходить только отъ тѣхъ, кто способенъ принимать и уважать иныя мнѣнія, чѣмъ ихъ собственныя. Поэтому, она можетъ исходить только отъ философіи. Исторія научаетъ насъ слишкомъ ясно, что фанатизмъ возбуждается суевѣріемъ, и ослабляется или искореняется философіей.

Заявленною цѣлью Реформаціи было удалить изъ Христіанства языческія идеи и языческіе обряды, привитые къ нему при древнихъ императорахъ, въ ихъ стараніяхъ помирить его съ Римскою Имперіей. Протестанты намѣрены были возвратить Христіанство къ первобытной чистотѣ; и потому, возстановляя древнія ученія, они выбросили изъ него тѣ извращенія евангельскихъ ученій, которыхъ не знало древнѣйшее Христіанство....

Наука Арабовъ слѣдовала за распространеніемъ ихъ литературы, которая приходила въ Христіанскій міръ двумя путями — черезъ югъ Франціи и Сицилію. Благопріятствуемая изгнаніемъ папъ въ Авиньонъ, и Великимъ Расколомъ, она утвердилась въ Верхней Италіи. Аристотельская или Индуктивная философія, одѣтая въ тотъ сарацинскій костюмъ, какой далъ ей Аверроэсъ, приобрѣла много тайныхъ и не мало открытыхъ друзей. Она встрѣтила много умовъ, которые ревностно ее принимали и способны были ее оцѣнить. Въ числѣ ихъ былъ Леонардо

да-Винчи, который превозгласилъ основной принципъ, что опытъ и наблюдение — единственное твердое основаніе разсужденій въ наукѣ, что опытъ есть единственный достовѣрный истолкователь Природы и имѣеть существенную важность для опредѣленія законовъ. Онъ показалъ, что дѣйствіе двухъ перпендикулярныхъ одна къ другой силъ на одну точку есть то же, какое обозначилось бы діагональю прямоугольника, котораго они составляютъ стороны. Отсюда очень легкокъ былъ переходъ къ положенію о наклонныхъ силахъ. Это положеніе открыто было во второй разъ Стевиномъ, столѣтіе спустя, и приложено имъ къ объясненію механическихъ силъ. Да-Винчи сдѣлалъ ясное изложеніе теоріи силъ, приложенныхъ наклонно къ рычагу, открылъ законы тренія, впоследствии доказанные Амонтономъ, и понялъ принципъ возможныхъ скоростей. Онъ писалъ объ условіяхъ паденія тѣлъ по наклоннымъ плоскостямъ и дугамъ круга, изобрѣлъ камеру - обскуру, правильно изслѣдовалъ нѣкоторыя фізіологическія проблемы и предвидѣлъ нѣкоторые изъ великихъ выводовъ новѣйшей геологіи, какъ свойство ископаемыхъ остатковъ и поднятіе материковъ. Онъ объяснялъ отраженіе земнаго свѣта луной. Съ удивительной легкостью генія, онъ былъ замѣчательнъ какъ скульпторъ, архитекторъ, инженеръ; онъ былъ совершенно знакомъ съ астрономіей, анатоміей и химіей своего времени. Въ живописи онъ былъ соперникомъ Микель-Анджело; въ соперничествѣ съ нимъ Да-Винчи, какъ тогда считали, стоялъ выше его. Его Тайная Вечера, на стѣнѣ рефекторія въ доминиканскомъ монастырѣ *Santa Maria delle Grazie*, въ Миланѣ, извѣстна по множеству гравюръ и копій, съ нее сдѣланныхъ.

Разъ твердо установившись на сѣверѣ Италіи, наука быстро распространила свое вліяніе на весь полуостровъ. Возраставшее число ея ревнителей указывается возникновеніемъ и бы-

стрымъ размноженіемъ ученыхъ обществъ. Это были воспроизведенія ученыхъ обществъ мавританскихъ, которыя существовали нѣкогда въ Гранадѣ и Кордовѣ. Какъ будто для того, чтобы отмѣтить памятникомъ тотъ путь, которымъ приходили цивилизующія вліянія, уцѣлѣла до нашего времени Академія Тулузская, основанная въ 1345. Она представляла впрочемъ веселую литературу южной Франціи и была извѣстна подъ фантастическимъ именемъ *Académie des jeux floraux*. Первое общество для изученія естествознанія, *Academia secretorum naturae*, было основано въ Неаполѣ Бантистой Порта. По словамъ Тирабоски, оно было закрыто церковными властями. Линцейское общество основано было княземъ Фредерикомъ Чези въ Римѣ; его девизъ ясно указывалъ его намѣреніе: рысь, *Lynx*, съ глазами, обращенными къ небу, рветъ трехголоваго Цербера своими когтями. *Accademia del Cimento*, основанная во Флоренціи въ 1657 году, имѣла свои собранія въ герцогскомъ дворцѣ; она существовала десять лѣтъ и была потомъ закрыта по настоянію папскаго правительства; платою за это было назначеніе брата великаго герцога кардиналомъ. Въ числѣ своихъ членовъ эта академія считала много великихъ людей, какъ Торричелли и Кастелли. Условіемъ допущенія въ эту академію былъ отказъ отъ всякой вѣры и рѣшеніе изслѣдовать истину. Эти общества освободили людей, работавшихъ для науки, отъ одиночества, въ которомъ они до тѣхъ поръ жили, и, доставляя имъ взаимную связь и единство, сообщили имъ всѣмъ дѣятельность и силу.

Умственное вліяніе науки.

Возвратимся теперь отъ этого отступленія, отъ этого историческаго очерка обстоятельствъ, при которыхъ наука была вве-

дена въ Европу, къ разсмотрѣнію ея способа дѣйствія и ея результатовъ.

Вліяніе науки на новѣйшую цивилизацію было двойное: 1. Умственное; 2. Экономическое. Мы удобно можемъ разсмотрѣть его по этимъ двумъ отдѣламъ.

Въ умственномъ отношеніи она низвергла авторитетъ преданія. Она отказалась принимать иначе какъ съ доказательствами слова какого то бы ни было учителя, какъ бы ни было имя его славно и уважаемо. Условія принятія въ итальянскую академію *del Cimento* и девизъ, принятый Королевскимъ Обществомъ въ Лондонѣ, указываютъ положеніе, какое она приняла въ этомъ отношеніи.

Она отвергла сверхъестественность и суевѣріе какъ доказательство въ физическихъ изслѣдованіяхъ, она оставила тѣ свидѣтельства, какихъ въ старыя времена требовали Евреи, и не допускала, чтобы можно было доказывать что либо, производя что нибудь другое и бросая такимъ образомъ въ сторону логику, которая принималась втеченіе многихъ вѣковъ.

Въ физическихъ изысканіяхъ способъ дѣйствія ея состоялъ въ томъ, чтобы испытывать значеніе всякой предложенной гипотезы, дѣлая вычисленія въ какомъ нибудь спеціальному случаѣ на основаніи или на принципѣ этой гипотезы и затѣмъ, устроивая опыты или дѣлая наблюденія, опредѣлять, согласенъ ли ихъ результатъ съ результатомъ вычисленія. Если согласія не было, гипотеза должна была быть отвергнута.

Мы можемъ привести здѣсь одинъ или два примѣра этого способа дѣйствій.

Ньютонъ, подозрѣвая, что вліяніе земнаго притяженія, тяготѣніе, можетъ простираться до луны и быть той силой, которая заставляеть ее обращаться въ своей орбитѣ вокругъ земли,

вычислилъ, что въ своемъ движеніи въ этой орбитѣ она отклонялась отъ касательной на тринадцать футовъ въ каждую минуту; но опредѣляя пространство, черезъ которое тѣла будутъ падать въ одну минуту на земной поверхности, и предполагая, что оно будетъ уменьшаться пропорціонально обратнымъ квадратамъ, можно было думать, что притяженіе на орбитѣ луны привлечетъ тѣло больше чѣмъ на пятнадцать футовъ. Поэтому, на этотъ разъ, онъ считалъ свою гипотезу неосновательной. Но случилось, что вскорѣ послѣ того Пикарь произвелъ новое болѣе правильное измѣреніе градуса; это измѣняло принимавшуюся прежде величину земли и разстояніе луны, которое измѣрялось радіусами земли. Ньютонъ принялся вновь за свое вычисленіе и, какъ я сказалъ прежде, когда это вычисленіе приходило къ концу, Ньютонъ, предвидя, что должно произойти совпаденіе въ результатахъ, пришелъ въ такое волненіе, что принужденъ былъ просить одного изъ друзей докончить вычисленіе. Гипотеза оказалась вѣрной.

Другой примѣръ достаточно объяснить способъ, о которомъ мы говоримъ. Этотъ примѣръ доставляетъ химическая теорія флогистона. Сталь, авторъ этой теоріи, утверждалъ, что есть принципъ воспламеняемости, которому онъ давалъ названіе флогистона, имѣющаго свойство соединяться съ веществами. Такимъ образомъ, когда то, что мы называемъ теперь металлическою окисью, соединялось съ флогистономъ, происходилъ металлъ; и если флогистонъ былъ удаляемъ, металлъ переходилъ опять въ свое землистое или окисленное состояніе. Итакъ, на основаніи этого принципа, металлы были сложныя тѣла, земли, соединенныя съ флогистономъ.

Но въ восемнадцатомъ столѣтіи введены были вѣсы, какъ орудіе въ химическихъ изслѣдованіяхъ. Итакъ, если бы флоги-

стическая гипотеза была справедлива, то изъ нея слѣдовало бы, что металлъ долженъ быть болѣе тяжелымъ, а его окись болѣе легкимъ тѣломъ, потому что первый заключаетъ въ себѣ нѣчто — флогистонъ — что было присоединено къ послѣднему. Но при взвѣшиваніи части какого нибудь металла и окиси, производимой изъ него, послѣдняя бываетъ тяжеле, и флогистическая гипотеза оказывается невѣрной. Продолжая изслѣдованіе далѣе, можно показать, что окись или известь, какъ ее называютъ, стала тяжеле, соединившись съ однимъ изъ ингредіентовъ воздуха.

Этотъ повѣрочный опытъ приписываютъ обыкновенно Лавуазье; но фактъ, что вѣсъ металла увеличивается при пережиганіи, былъ замѣченъ болѣе древними европейскими экспериментаторами, и именно былъ хорошо извѣстенъ арабскимъ химикамъ. Впрочемъ, Лавуазье первый увидѣлъ великую важность этого факта. Въ его рукахъ, онъ произвелъ переворотъ въ химіи.

Оставленіе флогистической теоріи есть примѣръ готовности, съ какою покидаются научныя гипотезы, когда въ нихъ не оказывается согласія съ фактами. Авторитетъ и преданіе не получаютъ никакой цѣны. Всякая вещь рѣшается послѣ обращенія къ Природѣ. Предполагается, что отвѣты, которые она дастъ на практической вопросъ, будутъ всегда вѣрны.

Сравнивая философскіе принципы, по которымъ дѣйствовала наука, съ принципами, на которыхъ стояли клерикалы, мы видимъ, что когда первая отрицала преданіе, для послѣднихъ оно было главной опорой; когда первая настаивала на согласіи вычисленія и наблюденія, или на соотвѣтствіи разсужденія и факта, послѣдніе склонялись къ таинственностямъ; когда первая немедленно отвергала свои теоріи, если видѣла, что они не могутъ быть сообразованы съ Природой, послѣдніе все достоинство полагали въ необъяснимомъ для Разума... Отчужденіе между ними

постоянно увеличивалось. На одной сторонѣ было чувство пренебреженія, на другой — чувство ненависти. Безпристрастные свидѣтели вездѣ видѣли, что наука быстро подкапывала клерикализмъ.

Такимъ образомъ математика сдѣлалась великимъ орудіемъ научнаго изслѣдованія; она сдѣлалась орудіемъ научнаго разсужденія. Въ одномъ отношеніи можно сказать, что она свела дѣйствіе ума къ механическому процессу, потому что ея символы часто избавляли отъ труда мышленія. Привычка къ умственной точности, поощряемая математикой, распространилась на другія области мысли и произвела умственную революцію. Уже нельзя было больше удовлетворяться сверхъестественными доказательствами или той логикой, которая господствовала втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Такимъ образомъ, она оказала вліяніе не только на способъ мышленія, но измѣнила также и направленіе мысли. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ, сравнивъ предметы, разсматриваемые въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ, съ разсужденіями, привлекавшими вниманіе въ средніе вѣка.

Но дѣйствіе математики не ограничивалось повѣркой теорій; какъ выше указано, она доставила также средства предсказывать то, что до сихъ поръ еще не было наблюдаемо. Въ этомъ она также представила контрастъ съ идеями клерикализма... Открытіе Нептуна есть примѣръ этого рода, доставленный астрономіею, и открытіе конической рефракціи — примѣръ, доставленный оптической теоріей волнообразныхъ движеній.

Но, въ то время, какъ это великое орудіе вело къ столь удивительному развитію въ естествознаніи, оно само подвергалось развитію — улучшенію. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ его прогрессъ.

Зародышъ алгебры можно отличить въ сочиненіяхъ Діофанта Александрійскаго, который жилъ, какъ полагаютъ, во второмъ столѣтїи нашей эры. Въ этой Египетской школѣ Эвклидъ собралъ прежде великія истины геометріи и привелъ ихъ въ логическую послѣдовательность. Архимедъ, въ Сиракузахъ, пытался рѣшать важнѣйшія проблемы методомъ экстаузивнымъ. Такова была тенденція вещей, что если бы покровительство наукъ продолжалось, алгебра была бы неизбѣжно изобрѣтена.

Нашимъ знаніемъ первоначальныхъ основаній алгебры мы обязаны Арабамъ; мы обязаны имъ самымъ именемъ, подъ которымъ извѣстна эта отрасль математики. Къ остаткамъ, уцѣлѣвшимъ отъ Александрійской школы, они старательно прибавили улучшения, добытыя въ Индіи, и сообщили предмету извѣстную связность и форму. Знаніе Алгебры, въ томъ видѣ, какъ они владѣли имъ, принесено было впервые въ Италію около начала тринадцатаго вѣка. Оно привлекло такъ мало вниманія, что прошло почти триста лѣтъ прежде, чѣмъ явилось какое нибудь европейское сочиненіе объ этомъ предметѣ. Въ 1496 г., Паччіоли издалъ свою книгу подъ заглавіемъ «*Arte Maggiore*», или «*Algebra*». Въ 1501, Карданъ, изъ Милана, далъ методъ для рѣшенія кубическихъ уравненій; другія улучшения сдѣлали Сципїонъ Феррео, 1508, Тарталеа, Віэта. Затѣмъ, этимъ предметомъ занялись Нѣмцы. Въ это время алгебраическая нотация была въ несовершенномъ состояніи.

Изданіе Геометріи Декарта, заключающей въ себѣ примѣненіе алгебры къ опредѣленію и изслѣдованію кривыхъ линий (1637), составляетъ эпоху въ исторіи математическихъ наукъ. За два года передъ тѣмъ появилось сочиненіе Кавальери о Нездѣлимыхъ. Этотъ методъ улучшенъ былъ Торричелли и другими. Теперь была открыта дорога для развитія исчисленія Безконечно

Малыхъ, метода Флюксій Ньютона, и Дифференціального и Интегрального исчисленія Лейбница. Хотя Ньютонъ за много лѣтъ раньше владѣлъ методомъ Флюксій, онъ не издалъ ничего объ этомъ предметѣ до 1704; несовершенная нотация, которую онъ употреблялъ, очень замедлила примѣненіе его метода. Между тѣмъ, на континентѣ, въ большой мѣрѣ благодаря блестящимъ рѣшеніямъ нѣкоторыхъ высшихъ проблемъ, исполненнымъ учеными Бернулли, вездѣ было принято исчисленіе Лейбница и усовершенствовано многими математиками. Тогда началось необыкновенное развитіе этой науки, продолжавшееся втеченіе всего столѣтія. Къ биномной теоремѣ, открытой сначала Ньютономъ, Тэйлоръ прибавилъ теперь, въ своемъ «Method of Increments», знаменитую теорему, носящую его имя. Это было въ 1715. Исчисленіе частныхъ разностей введено было Эйлеромъ въ 1734. Оно было распространено Д'Аламберомъ, и за нимъ послѣдовало Варіаціонное Исчисленіе Эйлера и Лагранжа, и методъ Производныхъ Функцій Лагранжа, въ 1772.

Но это великое движеніе въ математикѣ совершалось не только въ Италіи, Германіи, Англии, Франціи; Шотландія прибавила новый драгоценный камень къ умственной діадемѣ, окружающей ея чело, — въ великомъ изобрѣтеніи Логарифмовъ, Нэпиромъ изъ Мерчистона. Невозможно дать сколько нибудь удовлетворительнаго понятія о научной важности этого несравненнаго изобрѣтенія. Новѣйшій физикъ и астрономъ отъ всей души согласится съ восклицаніемъ Бриггса, профессора математики въ Грешэмской коллегіи: «Я никогда не видѣлъ книги, которая доставила бы мнѣ больше удовольствія и заставила бы больше удивляться». Безсмертный Кеплеръ не безъ основанія считаетъ Нэпира «величайшимъ человѣкомъ своего вѣка, въ той области, къ которой онъ приложилъ свои дарованія». Нэпиръ

умеръ въ 1617. Можно безъ преувеличенія сказать, что это изобрѣтеніе, сокращая трудъ, удвоило жизнь астронома.

Но здѣсь я долженъ остановиться. Я долженъ вспомнить, что моя настоящая цѣль не рассказывать исторію математики, а рассмотреть, что сдѣлала наука для успѣха человѣческой цивилизаціи. И теперь тотчасъ возвращается вопросъ: «какимъ образомъ римская церковь не произвела ни одного геометра въ свое автократическое владычество, продолжавшееся двѣнадцать столѣтій»?

Относительно чистой математики этотъ вопросъ возможенъ: занятія ею не требуютъ особыхъ средствъ, которыя были бы недоступны для большинства людей. Астрономія должна имѣть свою обсерваторію, химія—лабораторію; но математику нужны только собственная охота и нѣсколько книгъ. Не требуется никакихъ большихъ издержекъ, никакой услуги помощниковъ. Казалось бы, ничто не могло бы быть болѣе сродно, болѣе пріятно, даже въ уединеніи монастырской жизни.

Неужели надо отвѣчать съ однимъ изъ старыхъ клерикальных писателей: «Мы мало думаемъ объ этихъ вещахъ изъ презрѣнія къ такому бесполезному труду; мы обращаемъ души къ исполненію лучшихъ вещей»? Лучшія вещи! Что можетъ быть лучше абсолютной истины?

Клерикальныя власти, съ самаго начала этого научнаго шествія, увидѣли, что принципы, имъ распространяемые, были совершенно непримиримы съ ихъ схоластической системой. Они боролись противъ науки прямо и косвенно. Ихъ ненависть къ экспериментальной наукѣ была такъ велика, что имъ казалось, что они пріобрѣли великую выгоду, когда была закрыта *Accademia del Cimento*. И это мнѣніе не ограничилось католическимъ міромъ. Когда основано было въ Лондонѣ Королевское

Общество, клерикальная ненависть направилась противъ него съ такимъ злопамятствомъ, что, безъ сомнѣнія, оно уничтожилось бы, еслибы король Карлъ II не далъ ему своей открыто заявленной поддержки. Его обвиняли въ намѣреніи «разрушить установленную религію, вредить университетамъ, низвергнуть старую и солидную ученость».

Намъ стоитъ перелистовать ученые труды этого Общества, чтобы увидѣть, какъ много сдѣлало оно для прогресса человечества. Оно учреждено было въ 1662 и интересовалось всеми великими научными движеніями и открытіями, какія были сдѣланы съ тѣхъ поръ. Оно издало Ньютоновы „Principia“; оно содѣйствовало путешествію Галлея, первой научной экспедиціи, предпринятой какимъ либо правительствомъ; оно дѣлало опыты переливанія крови и приняло Гарвеево открытіе кровообращенія. Поощреніе, оказанное имъ оспирививанію, побудило королеву Каролину просить для опыта шесть осужденныхъ преступниковъ, и затѣмъ подвергнуть этой операціи своихъ собственныхъ дѣтей. При его поощреніи, Брайль совершилъ свое великое открытіе — абераціи неподвижныхъ звѣздъ, и открытіе нутаціи земной оси; этимъ двумъ открытіямъ, говоритъ Деламбръ, мы обязаны точностью новѣйшей астрономіи. Оно содѣйствовало улучшенію термометра, измѣренія температуры, и въ часахъ Гаррисона, улучшенію хронометра, измѣренія времени. По его вліянію, въ Англіи введенъ былъ, въ 1752, Григоріанскій календарь, противъ ожесточенной клерикальной оппозиціи. Нѣкоторые изъ его членовъ были преслѣдуемы на улицахъ невѣжественной и освирипѣлой чернью, которая думала, что общество отняло у нихъ одиннадцать дней жизни; найдено было необходимымъ скрыть имя патера Уэльмесли (Walmesley), ученаго іезуита, принимавшаго прямой интересъ въ этомъ дѣлѣ; и когда слу-

чилось, что Брайлей умеръ во время этого волненія, то утверждали, что онъ былъ осужденъ небомъ за свое преступленіе!

Если бы я попытался отдать справедливость заслугамъ этого великаго общества, я долженъ былъ бы посвятить много страницъ такимъ предметамъ какъ ахроматическій телескопъ Долланда; дѣлительная машина Рамсдена, которая впервые дала точность астрономическимъ наблюденіямъ; измѣреніе градуса земной поверхности Масона и Диксона; путешествія Кука въ связи съ прохожденіемъ Венеры; его плаваніе вокругъ свѣта; его доказательство, что цыгга, это проклятiе долгихъ морскихъ путешествій, можетъ быть удалена употребленіемъ растительной пищи; полярныя экспедиціи; опредѣленіе плотности земли опытами Маскеліна (Maskelyne) въ Шегаліонѣ, и опытами Кэвендиша; открытіе планеты Урана Гершелемъ; состава воды, Кэвендишемъ и Уаттомъ; опредѣленіе разницы долготы между Парижемъ и Лондономъ; изобрѣтеніе Вольтова столба; обзоръ неба Гершелями; развитіе принципа интерференціи Юнга, и установленіе имъ теоріи волнообразнаго движенія свѣта; вентиляція тюремъ и другихъ зданій; введеніе газа для городского освѣщенія; опредѣленіе длины секунднаго маятника; измѣреніе различной силы притяженія въ разныхъ широтахъ; опыты для опредѣленія кривизны земли; полярная экспедиція Росса; изобрѣтеніе безопасной лампы Дэви, и его разложеніе щелочей и земель; электро-магнитныя открытія Эрстеда и Фарадея; счетныя машины Бэббеджа; мѣры, принятыя по настоянію Гумбольдта для основанія многихъ магнетическихъ обсерваторій; повѣрка современныхъ магнетическихъ измѣненій на земной поверхности. Но, на небольшомъ пространствѣ, какимъ я располагаю, невозможно дать даже простаго каталога «Трудовъ» (Transactions) этого общества. Духъ его былъ тождественъ съ

тѣмъ, какой одушевлялъ академію del Cimento, и его девизъ былъ поэтому—«Nullius in Verba». Оно изгоняло суевѣріе, и позволяло только вычисленіе, наблюденіе и опытъ.

Не должно ни на минуту думать, чтобы въ этихъ великихъ усиліяхъ, этихъ великихъ успѣхахъ, Королевское Общество оставалось одинокимъ. Во всѣхъ столицахъ Европы были Академіи, Институты или Общества, равно замѣчательныя и съ равнымъ успѣхомъ дѣйствовавшія на развитіе человѣческаго знанія и новѣйшей цивилизаціи.

Экономическія вліянія науки.

Научное изученіе Природы стремится не только исправлять и благоулучивать умственные представленія человѣка; оно служитъ также улучшенію его физическаго состоянія. Оно постоянно внушаетъ ему изслѣдовать, какъ онъ можетъ употребить въ свою пользу узнанные факты, посредствомъ ихъ экономическаго примѣненія.

За изслѣдованіемъ принциповъ быстро слѣдуютъ практическія изобрѣтенія. Такова, дѣйствительно, характеристическая черта нашего времени. Она произвела великій переворотъ въ національной политикѣ.

Въ прежнія времена войны велись для пріобрѣтенія рабовъ. Завоеватель переселялъ цѣлыя населенія и присваивалъ себѣ ихъ вынужденный трудъ, потому что человѣческій трудъ можно было облегчить только человѣческимъ трудомъ. Но когда было открыто, что физическія силы и механическія комбинаціи можно употреблять съ несравненно бѣльшею выгодой, въ общественной политикѣ произошла перемѣна; когда увидѣли, что примѣненіе новаго принципа или изобрѣтеніе новой машины лучше

пріобрѣтенія новаго раба, то миръ стали предпочитать войнѣ. И мало того; націи, владѣвшія большимъ населеніемъ рабовъ или крѣпостныхъ, какъ было въ Америкѣ и Россіи, нашли, что соображенія человѣколюбія поддерживаются соображеніями выгоды, и освободили своихъ несвободныхъ людей.

Такимъ образомъ мы живемъ въ періодѣ, отличительная черта котораго есть замѣна человѣческаго и животнаго труда машинами. Его механическія изобрѣтенія произвели соціальный переворотъ. Для достиженія нашихъ цѣлей, мы обращаемся къ естественному, а не къ сверхъестественному. Съ возникающей такимъ образомъ «новѣйшей цивилизаціей» Католицизмъ отказывается примириться. Папство громко провозглашаетъ свое непоколебимое отрицаніе этого положенія дѣлъ, и настаиваетъ на восстановленіи средневѣковаго порядка вещей.

Что кусокъ янтаря, если потереть его, будетъ притягивать и потомъ отталкивать легкія тѣла, этотъ фактъ былъ извѣстенъ за шесть сотъ лѣтъ до нашей эры. Онъ остался одинокимъ, необработаннымъ фактомъ, пустымъ курьёзомъ, еще тысячу шестьсотъ лѣтъ по Р. Х. Тогда, изслѣдуемый по научнымъ методамъ математическаго изысканія и опыта, и съ практическими примѣненіями результата, онъ далъ возможность людямъ имѣть мгновенныя сообщенія между собой черезъ континенты и подъ океанами. Онъ централизовалъ міръ. Дѣлая возможнымъ для верховной власти пересылать свои повелѣнія безъ всякаго стѣсненія пространствомъ и временемъ, онъ произвелъ революцію въ государственной политикѣ и усилилъ политическую власть.

Въ Александрійскомъ Музеѣ была машина, изобрѣтенная Герономъ, математикомъ, нѣсколько болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до Р. Х. Она вертѣлась силою пара и имѣла такую форму, какую

мы назвали бы теперь реакціонной машиной. Этотъ зародышъ одного изъ важнѣйшихъ изобрѣтеній, когда либо сдѣланныхъ, вспоминали какъ простой курьезъ втеченіе тысячи семисотъ лѣтъ послѣ того.

Въ изобрѣтеніи новѣйшей паровой машины не было никакого случая. Это былъ плодъ размышленія и опытовъ. Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія нѣсколько инженеровъ-механиковъ пытались воспользоваться свойствами пара; ихъ труды были доведены до совершенства Уаттомъ въ половинѣ восемнадцатаго вѣка.

Паровая машина быстро сдѣлалась рабочей силой цивилизаціи. Она совершала дѣло многихъ милліоновъ людей. Тѣмъ, которые были бы осуждены на жизнь низкаго грубаго труда, она дала возможность лучшихъ занятій. Тотъ, кто прежде занятъ былъ грубой работой, могъ теперь думать.

Самымъ первымъ примѣненіемъ ея была такая работа какъ выкачиваніе воды, гдѣ требуется одна сила. Но вскорѣ она показала тонкость своей работы въ промышленныхъ искусствахъ тканья и пряденья. Она создала обширныя мануфактурныя заведенія и доставила міру одежду. Она измѣнила промышленность націй.

Въ своемъ примѣненіи сначала къ рѣчному судоходству и потомъ къ мореплаванію на океанахъ, паровая машина болѣе чѣмъ учетверила скорость сообщеній, какой достигали до того времени. вмѣсто сорока дней, какіе нужно было прежде для перехода чрезъ Атлантическій Океанъ, теперь требовалось только восемь. Но самымъ поразительнымъ образомъ ея сила обнаружилась въ сухонутныхъ сообщеніяхъ. Удивительное изобрѣтеніе локомотива дало людямъ возможность проѣзжать въ одинъ часъ

такое пространство, для проѣзда котораго прежде надо было употребить больше чѣмъ день.

Локомотивъ не только расширилъ поле человѣческой дѣятельности, но, уменьшивъ пространство, увеличилъ объемъ человѣческой дѣятельности. Быстрой доставкой мануфактурныхъ товаровъ и земледѣльческихъ продуктовъ онъ сдѣлался самымъ сильнымъ возбужденіемъ человѣческой промышленности.

Совершенство морскаго пароходнаго сообщенія было въ большой степени усилено изобрѣтеніемъ хронометра, который давалъ возможность находить съ точностью мѣсто корабля въ морѣ. Великой помѣхой для успѣховъ науки въ Александрійской школѣ былъ недостатокъ инструмента для измѣренія времени и температуры—хронометра и термометра; дѣйствительно, изобрѣтеніе послѣдняго существенно важно для перваго. Тогда дѣлали попытки клепсидры или водяныхъ часовъ, но они были очень не точны. Объ одномъ изъ этихъ инструментовъ, украшенныхъ знакомъ зодіака и уничтоженнымъ кѣмъ-то изъ первоначальныхъ христіанъ, одинъ патристическій писатель многозначительно замѣчаетъ: «во всѣхъ этихъ чудовищныхъ демонахъ водится искусство, враждебное Богу». Хронометръ началъ приближаться къ точности не ранѣе 1680 г. Гукъ, современникъ Ньютона, придалъ ему *balance-wheel*, съ спиральной пружиной, и затѣмъ придуманы были различныя приспособленія, какъ анкеръ, заводъ и т. п. Введены были предупрежденія для измѣненія температуры. Наконецъ, онъ былъ доведенъ до совершенства Гаррисономъ и Арнольдомъ и сдѣлался въ ихъ рукахъ точнымъ измѣрителемъ бѣгущаго времени. Къ изобрѣтенію хронометра надо прибавить изобрѣтеніе отражательнаго секстанта Годфрея. Это позволило дѣлать астрономическія наблюденія, несмотря на движеніе корабля.

Улучшенія въ мореплаваніи производятъ могущественное вліяніе на распредѣленіе человѣчества. Они увеличиваютъ количества и измѣняютъ характеръ колонизаціи.

Но не одни эти великія открытія и изобрѣтенія, порожденіе научнаго изслѣдованія, измѣнили судьбу человѣческаго рода; множество другихъ мелкихъ изобрѣтеній, быть можетъ, незначительныхъ каждое въ отдѣльности, въ своей массѣ произвели изумительные результаты. Начавшаяся въ четырнадцатомъ столѣтіи обработка науки дала удивительный стимулъ изобрѣтательности, направленный главнымъ образомъ на полезныя и практическія результаты; а въ послѣдствіи эту изобрѣтательность сильно поощряла система патентовъ, которые обезпечиваютъ изобрѣтателю разумную долю въ выгодахъ его искусства. Довольно упомянуть самымъ бѣглымъ образомъ нѣсколько изъ этихъ улучшеній; мы оцѣнимъ тотчасъ, какъ много они сдѣлали. Введеніе лѣсопиленъ доставило домамъ деревянные полы, изгнавшіе полы изъ гипса, череницы или камня; улучшенія, удешевившія производство стекла, доставили окна, давая возможность отоплять комнаты. Впрочемъ, вставлять стекла хорошо стали не раньше шестнадцатаго столѣтія. Тогда было введено обрѣзываніе стекла алмазомъ. Прибавка дымовыхъ трубъ очистила атмосферу жилищъ, прежде дымныхъ и закоптѣлыхъ, какъ хижины дикарей; это доставило невыразимую прелесть сѣверныхъ жилищъ—пріятный каминъ. До тѣхъ поръ невеселымъ и неудовлетворительнымъ средствомъ отопленія были отверстія въ кровлѣ для выхода дыма и яма въ серединѣ пола для дровъ, которую надо было покрывать крышкой, когда приходила ночь и когда раздавался звонъ для тушенія огней.

Хотя не безъ ожесточеннаго сопротивленія со стороны клерикаловъ, люди начали думать, что эпидеміи — не наказанія,

посылаемая Богомъ на общество за его религіозныя проступки, но физическія послѣдствія грязи и испорченности; что настоящее средство избѣгать ихъ есть не обращаться къ суевѣрію, но стараться о личной и муниципальной опрятности. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи найдено было нужнымъ вымостить улицы Парижа; такъ ужасна была вонь на нихъ. Тотчасъ уменьшились дизентеріи и гнилыя горячки; достигнуто было санитарное состояніе, приближавшееся къ состоянію мавританскихъ городовъ Испаніи, которые были вымощены многими столѣтіями раньше. Въ этой теперь прекрасной столицѣ запрещено было держать свиней, приказаніе приведшее въ негодованіе монаховъ аббатства Св. Антонія, которые требовали, чтобы свиньи этого аббатства могли гулять гдѣ хотятъ; правительство принуждено было вступитъ въ сдѣлку, потребовавши, чтобы на шею этимъ животнымъ вѣшали колокольчики. Король Филиппъ, сынъ Людовика Толстаго, былъ убитъ своей лошадыю, оступившеюся на свинью. Изданы были запрещенія противъ выливанія помой изъ оконъ. Въ 1870 г. одинъ очевидецъ, авторъ этой книги, въ концѣ папскаго правленія въ Римѣ нашелъ, что гуляя по оскверненнымъ нечистотами улицамъ этого города, гораздо нужнѣе было смотрѣть на землю, чѣмъ созерцать небеса, чтобы предохранить личную опрятность. До начала семнадцатаго столѣтія улицы Берлина никогда не мелись. Существовалъ законъ, что всякій поселянинъ, пріѣзжавшій на рынокъ съ телегой, долженъ былъ вывести назадъ возъ грязи.

За мощеніемъ улицъ слѣдовали попытки, часто несовершенныя, устраивать водосточныя канавы и трубы. Для всѣхъ разсудительныхъ людей стало очевидно, что эти вещи необходимы для сохраненія здоровья не только въ городахъ, но и въ отдѣльныхъ домахъ. Затѣмъ слѣдовало освѣщеніе проѣзжихъ улицъ.

Сначала дома, выходящіе на улицу, принуждены были имѣть въ окнахъ свѣчи или лампу; затѣмъ попробовали систему, уже давно съ большой пользой употреблявшуюся въ Кордовѣ и Гренадѣ, устройство публичныхъ лампъ; но эта система была доведена до совершенства только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда было изобрѣтено газовое освѣщеніе. Въ одно время съ публичными фонарями было усовершенствовано устройство ночной стражи и полиціи.

Съ шестнадцатаго столѣтія механическія изобрѣтенія и мануфактурныя улучшенія оказывали замѣтное вліяніе на домашнюю и общественную жизнь. Это были зеркала, стѣнные часы, колпаки надъ очагомъ. Хотя во многихъ мѣстахъ кухни топились все еще торфомъ, но начало преобладать употребленіе каменнаго угля. Обѣденный столъ представлялъ новыя утонченности; торговля приносила для него иностранные продукты; грубые напитки сѣвера были замѣнены тонкими винами юга. Стали строить ледники. Просѣваніе муки, введенное на вѣтряныхъ мельницахъ, дало болѣе бѣлый и хорошій хлѣбъ. Мало по малу вещи, которыя были прежде рѣдкостью, становились обыкновенны—индійскій хлѣбъ, картофель, индѣйка, и замѣтный въ длинномъ списокѣ, табакъ. Итальянское изобрѣтеніе, вилка, замѣнила неопрятное употребленіе пальцевъ. Можно сказать, что діета цивилизованнаго человѣка подверглась теперь радикальной перемѣнѣ. Изъ Китая пришелъ чай, изъ Аравіи кофе, изъ Индіи употребленіе сахара, и они не въ малой степени вытѣснили крѣпкіе напитки. Ковры замѣнили на полу постилку соломою; въ комнатахъ постели стали лучше, въ гардеробахъ болѣе опрятное и чаще мѣняемое платье. Во многихъ городахъ водопроводы замѣнили публичные фонтаны и уличныя водокачальни. Потолки, которые прежде бывали темные отъ копоти

и грязи, украшались теперь орнаментами и фресками. Баня входила въ болѣе частое употребленіе; меньше нужны становились благовонныя средства, скрывавшія неопрятность. Увеличивался вкусъ къ невиннымъ удовольствіямъ садоводства, и обнаружился введеніемъ въ сады многихъ иноземныхъ цвѣтовъ—какъ тубероза, аврикула, императорская корона, персидская лилія, африканскіе ноготки. На улицахъ появились носилки, потомъ закрытыя экипажи, наконецъ, навѣсныя кареты.

Механическія улучшенія проникли и къ тупымъ поселянамъ, и постепенно достигли своего нынѣшняго совершенства въ земледѣльческихъ орудіяхъ, плугахъ, сѣялкахъ, жатвенныхъ машинахъ, вѣялкахъ.

Люди начали сознать, наперекоръ проповѣдямъ нищенствующихъ орденовъ, что бѣдность есть источникъ преступленія, препятствіе къ знанію; что занятіе богатыхъ торговлею гораздо лучше пріобрѣтенія власти войнами. Потому что, хотя бы и справедливы были слова Монтескью, что торговля, соединяя націи, поселяетъ вражду между частными лицами и торгуетъ нравственностью, она одна можетъ дать міру единство; ея мечта, ея надежда есть всеобщій миръ.

Хотя вмѣсто нѣсколькихъ страницъ понадобились бы цѣлыя книги, чтобы должнымъ образомъ указать улучшенія, появившіяся въ домашней и соціальной жизни съ тѣхъ поръ, какъ наука начала оказывать свои благотворныя вліянія и талантъ изобрѣтателей явился на помощь промышленности, есть нѣкоторыя вещи, которыхъ нельзя пройти молчаніемъ. Изъ порта въ Барселонѣ испанскіе халифы вели огромную торговлю, и они съ своими помощниками—еврейскими купцами—приняли или сами создали многія торговыя изобрѣтенія, которыя, съ предметами чистой науки, были ими переданы торговымъ общинамъ

Европы. Такъ принесено было въ Верхнюю Италію искусство веденія книгъ по двойной бухгалтеріи. Приняты были разные роды застрахованія, хотя имъ упорно сопротивлялось духовенство. Оно противилось застрахованію отъ огня и морскому страхованію на томъ основаніи, что это значитъ испытывать Провидѣніе. Застрахованіе жизни считалось актомъ вмѣшательства въ послѣдствія воли Божіей. Дома для ссуды денегъ на проценты и подъ залоги, то есть банковыя и ссудныя учрежденія, подвергались жестокимъ обвиненіямъ, и негодование въ особенности направлялось противъ высокаго процента, который клеймили какъ ростъ—понятіе, существующее въ нѣкоторыхъ запоздалыхъ обществахъ до настоящаго времени. Приняты были векселя въ ихъ настоящей формѣ и выраженіяхъ, установлена должность публичнаго нотаріуса, употреблялись протесты противъ неисполненныхъ обязательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, безъ большаго преувеличенія можно сказать, что въ тѣ времена была уже введена коммерческая машина, употребляемая теперь. Я уже замѣтилъ, что влѣдствіе открытія Америки, видъ Европы измѣнился. Много богатыхъ итальянскихъ купцовъ, и много предпріимчивыхъ евреевъ поселилось въ Голландію, Англію, Францію и принесли въ эти страны различныя торговыя нововведенія. Евреи, ни мало не заботившіеся о панскихъ проклятіяхъ, обогатились влѣдствіе панскихъ запрещеній, давая деньги въ долгъ за высокіе проценты; но Пій II, замѣтивши сдѣланную ошибку, прекратилъ свое сопротивленіе. Наконецъ, ссудныя учрежденія были разрѣшены Львомъ X, который грозилъ отлученіемъ отъ церкви тѣмъ, кто писалъ противъ нихъ. Въ свою очередь Протестанты обнаруживали нелюбовь къ учрежденіямъ, которыя разрѣшалъ Римъ. Теперь начали сомнѣваться въ томъ, чтобы моровыя язвы, какъ землетрясенія, были неотвратимымъ

пофщщеніемъ Бога за людскіе грѣхи, и сдѣланы были попытки воспренятствовать ихъ развитію устройствомъ карантинъ. Когда мохаммеданское открытіе прививанія было принесено въ 1721 изъ Константинополя г-жею Мэри Уортли Монтегю, духовенство сопротивлялось ему такъ упорно, что только принятіе его англійской королевской фамиліей ввело его въ употребленіе. Подобное сопротивленіе оказано было, когда Дженнеръ ввелъ свое великое усовершенствованіе прививанія оспы; и однако, столѣтіе назадъ, было исключеніемъ видѣть лицо, не тронутое оспой — теперь исключеніе видѣть лицо, изуродованное ею. Подобнымъ образомъ, когда великое Американское открытіе анестетическихъ средствъ было примѣнено въ случаяхъ родовъ, противъ него говорили, не столько по фізіологическимъ основаніямъ, сколько подъ предлогомъ, что это есть нечестивое стараніе избѣгнуть проклятія, выказаннаго противъ всѣхъ женщинъ въ лицѣ Евы.

Изобрѣтательность не ограничилась одними полезными выдумками; она прибавляла и увеселительныя. Вскорѣ послѣ введенія науки въ Италію, въ домахъ *virtuosi* стали появляться всякаго рода курьезныя механическіе сюрпризы и такъ называемыя магическія дѣйствія. Въ этихъ послѣднихъ большую помощь оказало изобрѣтеніе волшебнаго фонаря. Клерикалы не безъ основанія ненавидѣли экспериментальную философію, потому что въ этихъ магическихъ чудесахъ являлось противодѣйствіе суетвѣрію... Фокусникъ на площади умѣлъ дышать пламенемъ, ходилъ по горячимъ угольямъ, держалъ въ зубахъ раскаленное до красна желѣзо, вытаскивалъ изо рта полныя корзины яицъ и т. п. Но старая идея о сверхъестественномъ разрушалась съ большимъ трудомъ. Лошадь, которую ея хозяинъ научилъ разнымъ штукамъ, пошла подъ судъ въ Лиссабонѣ въ 1601,

была найдена виновной въ одержаніи бѣсомъ, и была сожжена. Еще позднѣе, много вѣдмъ было сожжено на кострѣ.

Разъ удачно введенныя открытія и изобрѣтенія шли постоянно впередъ ускорявшимся шагомъ. Каждое изъ нихъ всегда дѣйствовало на другое, и постоянно они подкапывали суперна-турализмъ. Де-Доминисъ началъ, а Ньютонъ окончилъ объясненіе радуги; они показали, что это не есть что либо мистическое, а только соединеніе лучей свѣта въ капляхъ воды. Де-Доминисъ былъ заманенъ въ Римъ обѣщаніемъ архіепископства и надеждой на кардинальскую шапку. Его устроили въ отличномъ помѣщеніи, но зорко стерегли. Обвиненный въ томъ, что онъ внушалъ согласіе между Римомъ и Англіей, онъ былъ посаженъ въ замокъ Св. Ангела и тамъ умеръ. Въ своемъ гробу онъ былъ принесенъ предъ клерикальный трибуналъ, объявленъ виновнымъ въ ереси, и его тѣло, съ кучей еретическихъ книгъ, было брошено въ огонь. Франклинъ, доказывая тождество молніи и электричества, отнялъ у Юпитера его громовую стрѣлу. Чудеса суевѣрія смѣнились чудесами истины. Два телескопа, рефлекторъ и ахроматическій, изобрѣтенія прошлаго столѣтія, позволили человѣку проникнуть въ безконечное величіе вселенной, узнать (насколько такая вещь возможна) ея безграничныя пространства, ея безмѣрные періоды времени; а немного позднѣе, ахроматическій микроскопъ поставилъ передъ его глазами безконечно малый міръ. Воздушный шаръ поднялъ его за облака, водолазный колоколь довелъ его до морскаго дна. Термометръ далъ ему истинную мѣру измѣненій тепла; барометръ—давленія воздуха. Введеніе вѣсовъ сообщило точность химіи; оно доказало неразрушимость матеріи. Открытіе кислорода, водорода и многихъ другихъ газовъ, изолированіе алюминія, кальція и другихъ металловъ, показали, что земля, воздухъ и вода не стихіи. Съ пред-

пріимчивостью, которую невозможно достаточно восхвалить, воспользовались прохожденіемъ Венеры, и пославши экспедиціи въ различныя страны, опредѣлили разстояніе земли отъ солнца. Шагъ, сдѣланный европейскимъ умомъ съ 1456 до 1759, отмѣтила Галлеева комета. Когда она появилась въ первомъ изъ этихъ годовъ, ее сочли за предвѣстницу Божія мщенія, думали, что она приноситъ страшнѣйшія наказанія, войну, моровую язву, голодъ. По приказанію папы, во всѣхъ церквахъ западной Европы звонили въ колокола, чтобы отогнать ее прочь; вѣрующимъ приказано было каждый день прибавлять новую молитву; и такъ какъ ихъ молитвы часто получали, столь замѣчательнымъ образомъ, отвѣтъ въ эпохи затмѣній, засухи и дождей, то въ этомъ случаѣ объявлено было, что побѣда надъ кометою была дарована папѣ. Но между тѣмъ Галлей, руководясь открытіями Кеплера и Ньютона, нашелъ, что ея движенія, ни мало не управляемыя молитвами христіанскаго міра, руководимы были судьбой по эллиптической орбитѣ. Зная, что Природа отказала ему въ возможности быть свидѣтелемъ исполненія его смѣлаго пророчества, онъ умолялъ астрономовъ слѣдующаго поколѣнія наблюдать возвращеніе кометы въ 1759, и въ этомъ году она явилась.

Всякій, кто захочетъ безпристрастно изслѣдовать, что сдѣлано было Католицизмомъ для умственнаго и матеріальнаго преуспѣянія Европы въ теченіи его долгаго владычества, и что сдѣлано было наукой въ ея короткій періодъ дѣйствія, — тотъ, я убѣжденъ, не можетъ придти къ иному заключенію, кромѣ того, что, устанавливая сравненіе, онъ устанавливаетъ контрастъ. И однако, какъ неполонъ, неудовлетворителенъ списокъ фактовъ, представленныхъ мною на предыдущихъ страницахъ! Я не сказалъ ничего объ умноженіи познаній черезъ распространеніе умѣнья читать и писать, черезъ публичныя школы, и проис-

шедшемъ отсюда образованіи читающаго общества; я не сказалъ о развитіи общественнаго мнѣнія посредствомъ газетъ и журналовъ, о могуществѣ журнализма, о распространеніи публичныхъ и частныхъ свѣдѣній почтовыми и другими дешевыми сообщеніями, о личныхъ и общественныхъ выгодахъ газетныхъ объявленій. Я ничего не сказалъ объ основаніи госпиталей, первымъ примѣромъ которыхъ былъ Hôtel des Invalides въ Парижѣ; объ улучшеніи тюремъ, объ исправительныхъ заведеніяхъ, пенитенціарныхъ тюрьмахъ, пріютахъ, объ обращеніи съ умалишенными, бѣдными, преступниками; объ устройствѣ каналовъ, о санитарныхъ инженерныхъ работахъ, о переписяхъ; объ изобрѣтеніи стереотипа; о бѣленьѣ хлориномъ, о машинѣ для очистки хлопка или объ удивительныхъ приспособленіяхъ, какими наполнены хлопчато-бумажныя фабрики—приспособленіяхъ, которыя дали намъ дешевую одежду и слѣдовательно увеличили опрятность, комфортъ, здоровье; я не сказалъ ничего о великихъ успѣхахъ медицины и хирургіи, или объ открытіяхъ въ физиологіи, обработкѣ изящныхъ искусствъ, улучшеніяхъ въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, введеніи химическаго удобрения и машинъ для фермъ. Я не упоминалъ объ обработкѣ желѣза и обширной отрасли связанной съ нею промышленности; о ткацкихъ фабрикахъ; о собираніи музеевъ естественной исторіи, древностей, рѣдкостей. Я не упомянулъ вообще о самомъ машинномъ производствѣ—изобрѣтеніи slide-rest, строгальной машины и множествѣ другихъ приспособленій, съ помощью которыхъ можно строить машины почти съ математической точностью. Я не сказалъ ничего удовлетворительнаго о системѣ желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфахъ, о литографіи, воздушномъ насосѣ, вольтовой батареѣ; объ открытіи Урана или Нептуна и болѣе чѣмъ сотни астероидъ; о связи метеори-

ческихъ потоковъ съ кометами; о сухопутныхъ и морскихъ экспедиціяхъ, какія посылались разными правительствами для опредѣленія важныхъ астрономическихъ или географическихъ вопросовъ; о дорогихъ и точныхъ опытахъ, которые сдѣланы были ими для установленія основныхъ физическихъ фактовъ. Я былъ такъ несправедливъ къ нашему собственному вѣку, что не указалъ на нѣкоторые изъ его величайшихъ научныхъ триумфовъ: на его великія идеи въ естествознаніи; его открытія въ магнетизмъ и электричествѣ; его изобрѣтеніе прекраснаго искусства фотографіи; его примѣненія спектральнаго анализа; его попытки привести химію подъ три закона Авогадро, Бойля и Мариотта, и Чарльза; его искусственное производство органическихъ субстанцій изъ неорганическаго матеріала, — философскія слѣдствія котораго имѣютъ величайшую важность; его новое построеніе физиологій, полагая въ основаніе этой науки химію; его улучшенія и успѣхи въ топографическихъ съемкахъ и въ правильности изображенія земной поверхности. Я не сказалъ ничего о нарѣзныхъ орудіяхъ и броненосныхъ корабляхъ, и о переворотѣ, совершенномъ въ военномъ искусствѣ; ничего не сказалъ объ этомъ подаркѣ женщинамъ — швейной машинѣ; о благородномъ соревнованіи и триумфахъ мирныхъ искусствъ — промышленныхъ выставкахъ и всемірныхъ ярмаркахъ.

Что за каталогъ, и какъ еще онъ неполонъ! Онъ даетъ только взглядъ мелькомъ на все еще возрастающее умственное волненіе, — это только упоминаніе о вещахъ, попадающихъ случайно на глаза. Какъ поразителенъ контрастъ между этой литературой и научной дѣятельностью и застоємъ среднихъ вѣковъ!

Умственное просвѣщеніе, окружающее эту дѣятельность, сообщило безчисленныя блага человѣческому роду. Въ Россіи, оно освободило обширное крѣпостное населеніе; въ Америкѣ оно дало

свободу четыремъ милліонамъ негровъ. вмѣсто скудной подачики у монастырскихъ воротъ, оно организовало благотворительность и направило законодательство къ бѣдняку. Оно указало медициѣ ея настоящую дѣятельность, скорѣе предупреждать, чѣмъ лечить болѣзни. Въ государственномъ управленіи оно ввело научные методы, замѣняя поверхностное и эмпирическое законодательство трудолюбивымъ опредѣленіемъ соціальныхъ фактовъ прежде приложенія къ нимъ законодательныхъ лекарствъ. Его возвышающее дѣйствіе на людей такъ явно и поразительно, что даже заплеснѣвъшые народы Азіи ищутъ теперь участія въ его благахъ. Не будемъ забывать, что наше дѣйствіе на нихъ должно сопровождаться ихъ воздѣйствіемъ на насъ. Если разрушеніе язычества было довершено, когда всѣ боги были принесены въ Римъ и поставлены здѣсь рядомъ, теперь, когда при нашей удивительной легкости передвиженій, чуждыя другъ другу націи и враждебныя религіи сближаются и встрѣчаются — мохаммеданствѣ, буддизмѣ, браманизмѣ — должно произойти видоизмѣненіе ихъ всѣхъ. Въ этомъ столкновеніи твердо устоять одна наука; потому что она дала намъ болѣе возвышенныя понятія о вселенной, болѣе благоговѣйныя понятія о Богѣ.

Духъ, сообщившій этому движенію жизнь, одушевлявшій эти открытія и изобрѣтенія, былъ духъ Личности (индивидуализмъ); въ нѣкоторыхъ умахъ — надежда на выгоду, въ другихъ, и болѣе благородныхъ, ожиданіе почести. Не должно поэтому удивляться, что этотъ принципъ нашелъ политическое воплощеніе и что, въ прошломъ столѣтіи, онъ, въ двухъ случаяхъ, произвелъ общественныя потрясенія — Американскій и Французскій перевороты. Первый окончился посвященіемъ континента индивидуализму — здѣсь, къ концу настоящаго столѣтія, подъ республиканскими формами, сто милліоновъ людей

будутъ свободно идти на своемъ поприщѣ, безъ всякихъ стѣсненій кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ ихъ общая безопасность. Послѣдній, хотя онъ измѣнилъ политическій видъ всей Европы, и хотя сопровождался удивительными военными успѣхами, до сихъ поръ пока еще не исполнилъ своихъ цѣлей; онъ уже не разъ навлекалъ на Францію все новыя страшныя бѣдствія. Ея двойственная форма правленія — ея подданство двумъ государямъ, политическому и клерикальному — сдѣлали ее въ одно время и руководителемъ и противникомъ новѣйшаго прогресса. Одной рукой она возводила на престолъ Разумъ, другой она возстановляла и поддерживала папу. И эта аномалія въ ея способѣ дѣйствій не прекратится до тѣхъ поръ, пока она не дастъ истиннаго воспитанія всѣмъ своимъ дѣтямъ, даже дѣтямъ бѣднѣйшаго поселянина.

Умственное нападеніе, сдѣланное на существующія мнѣнія французскимъ переворотомъ, было не научнаго, а литературнаго характера; оно было критическое и наступательное. Но наука никогда не была нападающимъ. Она всегда дѣйствовала только оборонительно, и оставила своему противнику дѣлать неприличныя нападенія. Но литературный раздоръ не имѣетъ такого зловѣщаго значенія, какъ научный; потому что литература, по своей природѣ, есть вещь мѣстная; наука — космополитическая.

Если мы спросимъ теперь, что сдѣлала наука для преусиженія новѣйшей цивилизаціи; что сдѣлала она для счастья, для благосостоянія общества? мы найдемъ отвѣтъ тѣмъ же способомъ, какъ достигли вѣрной оцѣнки того, что сдѣлано Латинскимъ Христіанствомъ. Читатель предыдущихъ параграфовъ выведетъ безъ сомнѣнія заключеніе, что въ судьбѣ нашего рода должно было произойти улѣчшеніе; но, когда мы приложимъ

пробный камень статистики, этотъ выводъ пріобрѣтаетъ точность. Системы философіи и формы религіи находятъ мѣру своего вліянія на человѣчество въ цифрахъ статистическаго ценса. Латинское Христіанство, въ тысячу лѣтъ, не могло удвоить населенія Европы; оно не увеличило замѣтно средняго срока личной жизни. Но, какъ показалъ д-ръ Джервисъ (Jarvis) въ своемъ докладѣ санитарному вѣдомству въ Массачусетсѣ, въ эпоху Реформаціи «средняя долговѣчность въ Женевѣ была 21,21 годъ; между 1814 и 1833 эта цифра была 40,68; теперь такое же число людей доживаетъ до семидесяти лѣтъ, какое, триста лѣтъ тому назадъ, жило до сорока. Въ 1693 Британское правительство сдѣлало заемъ, продавая пожизненные доходы съ дѣтства на основаніи средней долговѣчности. Дѣло оказалось выгоднымъ. Девяносто семь лѣтъ спустя изданъ былъ другой размѣръ процентовъ или роспись пожизненныхъ доходовъ на основаніи такого же ожиданія долговѣчности какъ въ прежнемъ столѣтіи. Но эти послѣднія лица, получавшія пожизненный доходъ, жили на столько больше своихъ предшественниковъ, что на этотъ разъ заемъ оказался очень дорогимъ для правительства. Оказалось, что въ то время какъ въ первомъ случаѣ десять тысячъ человѣкъ каждаго пола умерли не достигнувъ двадцати восьми лѣтъ, сто лѣтъ спустя въ этомъ возрастѣ умерло только пять тысячъ семьсотъ семьдесятъ два мужчинъ и шесть тысячъ четырехста шестьдесятъ женщинъ.

Мы сравнивали спиритуальное съ практическимъ, воображаемое съ реальнымъ. Правила, дѣйствовавшія въ прежнемъ и послѣдующемъ періодѣ, произвели свой неизбѣжный результатъ. Въ прежнемъ, этимъ правиломъ было: «невѣжество есть мать благочестія»; въ послѣднемъ «знаніе есть сила»-

ГЛАВА XII.

Предстоящій кризисъ.

Ни одинъ человѣкъ, знакомый съ настоящимъ тономъ мысли въ христіанствѣ, не можетъ скрыть отъ себя факта, что предстоитъ умственный и религіозный кризисъ.

Со всѣхъ сторонъ мы видимъ спускающіяся тучи, слышимъ гулъ приближающейся бури. Въ Германіи національная партія строится противъ ультрамонтанской; во Франціи люди прогресса борются противъ его враговъ, и въ этомъ спорѣ политическое первенство этой великой страны почти нейтрализовано или потеряно. Въ Италіи Римъ перешелъ въ руки отлученнаго отъ церкви короля. Папа-государь, дѣлая видъ, что находится въ пѣлу, бросаетъ изъ Ватикана громы своихъ анаемъ и среди самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ его различныхъ заблужденій утверждаетъ свою непогрѣшимость. Одинъ католическій архіепископъ правдиво заявляетъ, что все мірское общество Европы въ своей публичной жизни, кажется, уходитъ изъ христіанства. Въ Англии и Америкѣ религіозные люди замѣчаютъ съ смущеніемъ, что умственное основаніе прежнихъ теологій

подкопано духомъ вѣка. Они приготовляются какъ могутъ лучше къ приближающемуся бѣдствію.

Самое серьезное испытаніе, черезъ которое можетъ проходить общество, оно встрѣчаетъ при ослабленіи его религіозныхъ узъ. Исторія Греціи и Рима указываетъ намъ поразительнымъ образомъ, какъ велики эти опасности. Но религіознымъ системамъ не дано продолжаться вѣчно. Онѣ необходимо подвергаются преобразованію съ умственнымъ развитіемъ человѣка. Много ли странъ исповѣдуютъ теперь ту же самую религію, какую имѣли во время рожденія Христа?

Все населеніе Европы считается около трехъ сотъ и одного милліона. Изъ нихъ сто восемьдесятъ пять милліоновъ—римскіе католики, тридцать три милліона принадлежатъ греческой церкви *). Протестантовъ семьдесятъ одинъ милліонъ, раздѣленныхъ на множество сектъ. Евреевъ пять милліоновъ, магометанъ семь милліоновъ.

Точныхъ числовыхъ свѣдѣній о религіозныхъ подраздѣленіяхъ Америки дать невозможно. Вся христіанская Южная Америка — католическая; тоже можно сказать о центральной Америкѣ и Мексикѣ, также объ испанскихъ и французскихъ владѣніяхъ въ Вестъ-Индіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ преобладаетъ протестантское населеніе. Также замѣчаніе примѣняется къ Австраліи. Въ Индіи рѣдкое христіанское населеніе ничтожно въ сравненіи съ двумя стами милліоновъ мохаммеданъ и другихъ восточныхъ наименованій. Римско-Католическая церковь распространена всего больше и организована всего могущественнѣе изъ всѣхъ новѣйшихъ обществъ. Это болѣе полити-

*) Цифра американскаго автора не точна; на дѣлѣ она значительно больше.

ческій, чѣмъ религіозный союзъ. Принципъ ея состоитъ въ томъ, что сила заключается въ духовенствѣ, и что для мірянъ остается только привилегія повинновенія. Республиканскія формы, подъ которыми церкви существовали въ первобытномъ Христіанствѣ, въ Римскомъ Христіанствѣ постепенно исчезли въ абсолютной централизаціи, съ однимъ человѣкомъ во главѣ, въ качествѣ вице-Бога. Римская церковь утверждаетъ, что божественное полномочіе, по которому она дѣйствуетъ, обнимаетъ и гражданское правленіе; что она имѣетъ право пользоваться государствомъ для своихъ собственныхъ цѣлей, но что государство не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ ея дѣла; что даже въ протестантскихъ странахъ, она—не только равная другой власти, но верховная власть. Она настаиваетъ на томъ, что государство не имѣетъ правъ ни надъ чѣмъ, что она объявляетъ принадлежащимъ ея вѣдѣнію, и что Протестантство, будучи просто бунтомъ, и вовсе не имѣетъ никакихъ правъ; что даже въ протестантскихъ обществахъ католическій епископъ есть единственно законный пастырь.

Очевидно, поэтому, что изъ исповѣдующихъ Христіанство обширное большинство римскіе католики; и папство такъ настойчиво требуетъ себѣ первенства, что при всякомъ обзорѣ настоящаго религіознаго состоянія Христіанства, слѣдуетъ обращать вниманіе главнымъ образомъ на его дѣйствія. Его движенія руководятся высочайшимъ умомъ и искусствомъ. Католицизмъ повинуется приказаніямъ одного человѣка и имѣетъ поэтому единство, сплоченность, силу, какихъ не имѣютъ протестантскія секты. Кромѣ того, онъ извлекаетъ неоцѣненную силу изъ воспоминаній о великомъ имени Рима.

Папство смотрѣло на приближающійся умственный кризисъ, не колеблясь никакимъ чувствомъ недоумѣнія. Оно произнесло

свое рѣшеніе и стало, какъ ему кажется, на самой выгодной почвѣ.

Это опредѣленіе его положенія мы находимъ въ актахъ послѣдняго Ватиканскаго Собора.

Пій IX, буллой отъ 29 іюня 1868, созвалъ «Вселенскій» Соборъ, на 8 декабря 1869, въ Римѣ. Его засѣданія окончились въ іюль 1870. Въ числѣ другихъ предметовъ, предложенныхъ на его разсмотрѣніе, выдѣляются въ особенности два—утвержденіе непогрѣшимости Римскаго первосвященника и опредѣленіе отношеній религіи къ наукѣ.

Но созваніе Собора далеко не встрѣтило общаго одобренія.

Мнѣнія восточныхъ церквей, большей частью, были неблагопріятны. Они говорили, что видѣли желаніе римскаго первосвященника выступить главой Христіанства, тогда какъ они признаютъ главой церкви одного Господа І. Христа. Они думали, что Соборъ поведетъ только къ новымъ ссорамъ и скандаламъ. Мнѣніе этихъ достопочтенныхъ церквей обнаруживается тѣмъ случаемъ, что когда въ 1867 несторіанскій патріархъ Симеонъ приглашенъ былъ халдейскимъ патріархомъ возвратиться въ Римское единство, онъ въ своемъ отвѣтѣ показалъ, что нѣтъ никакой надежды на согласныя дѣйствія между Востокомъ и Западомъ: «Вы приглашаете меня смиренно поцѣловать туфлю Римскаго епископа; но развѣ онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не такой же человекъ какъ вы — развѣ его достоинство выше вашего? Мы никогда не допустимъ, чтобы въ наши священные храмы введены были изображенія и статуи, которыя суть ни что иное, какъ идолы» и проч.

Въ концѣ концовъ, патріархи, архіепископы и епископы, изъ всѣхъ странъ свѣта, принявшіе участіе въ этомъ Соборѣ, явились въ числѣ семисотъ четырехъ человекъ.

Римъ видѣлъ очень ясно, что наука не только быстро подкапывала догматы папства, но прибрѣтала великую политическую силу. Онъ призналъ, что во всей Европѣ быстро распространилось отступленіе отъ него между образованными людьми, и что истиннымъ средоточіемъ этого отступленія была сѣверная Германія.

Поэтому онъ съ глубокимъ интересомъ смотрѣлъ на Прусско-Австрійскую войну, давая Австріи всякія ободренія, какія только могъ. Сраженіе при Садовой было для него горькимъ разочарованіемъ.

Но потомъ, онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ вспыхнула Франко-Прусская война, не сомнѣваясь, что исходъ ея будетъ благоприятенъ для Франціи, и потому благоприятенъ для него. Здѣсь опять ему суждено было разочарованіе при Седанѣ.

Не имѣя затѣмъ на многіе годы никакой надежды отъ виѣшней войны, онъ рѣшился посмотреть, что можно сдѣлать внутреннимъ возстаніемъ, и настоящее движеніе въ Германской имперіи есть результатъ его махинацій.

Еслибы Австрія или Франція одержали верхъ, вмѣстѣ съ Пруссіей былъ бы низвергнуть Протестантизмъ.

Но, въ то время, когда происходили эти военныя движенія, начато было движеніе иного рода, движеніе умственное. Принципомъ его было возстановить отжившія средневѣковыя ученія и обычаи, доводя ихъ до крайности, каковы бы ни были слѣдствія этого.

Римъ утверждалъ теперь, что папство не только имѣетъ божественное право участвовать въ правленіи всѣхъ странъ, рядомъ съ ихъ свѣтскими властями, но что въ этомъ предметѣ должно быть признано первенство Рима; и что во всякомъ воз-

никающемъ между ними вопросъ свѣтская власть должна сообразоваться съ повелѣніями папы.

И, такъ какъ положеніе Рима было подвергнуто опасности всего болѣе прогрессомъ науки, то онъ вознамѣрился опредѣлить ея границы и назначить предѣлъ ея авторитету. Мало того, онъ рѣшился обвинить новѣйшую цивилизацію.

Эти мѣры были задумываемы вскорѣ по возвращеніи его святѣйшества изъ Гаэты въ 1848 и были предприняты по совѣту іезуитовъ, которые, пребывая въ надеждѣ, что Богъ совершитъ невозможное, предполагали, что папство, въ своей старости, можетъ быть укрѣплено вновь. Органъ куріи провозглашалъ абсолютную независимость церкви отъ государства; зависимость епископовъ отъ папы; епархіальнаго духовенства отъ епископовъ; обязанность протестантовъ оставить свое безбожіе и возвратиться въ стадо; абсолютное осужденіе всякой терпимости. Въ декабрѣ 1854, въ собраніи епископовъ, папа провозгласилъ догматъ о безпорочномъ зачатіи. Десять лѣтъ спустя, онъ издалъ знаменитую Энциклику и Силлабусъ.

Энциклика помѣчена 8 декабря 1864. Она составлена была учеными духовными, и потомъ обсуждалась въ Конгрегаціи, затѣмъ препровождена была къ прелатамъ, и наконецъ пересмотрѣна папой и кардиналами.

Многіе изъ духовенства возражали противъ высказаннаго въ ней осужденія новѣйшей цивилизаціи. Нѣкоторые изъ кардиналовъ не имѣли охоты участвовать въ ея изданіи. Католическая печать приняла ее, впрочемъ, не безъ предчувствій и сожалѣній. Протестантскія правительства не ставили ей никакихъ препятствій; католическія были приведены ею въ затрудненіе. Франція позволила публикацію только той части ея, гдѣ провозглашался юбилей; Австрія и Италія позволили ея введеніе, но

не дали своего одобренія. Политическая печать и законодательства католическихъ странъ приняли ее неблагосклонно. Многие оплакивали ее, такъ какъ вѣроятно было, что она усилитъ разрывъ между церковью и новѣйшимъ обществомъ. Итальянская печать считала ее за рѣшеніе войны, безъ перемирій и мира, между Римской церковью и новѣйшей цивилизаціей. Даже въ Испаніи были журналы, которые сожалѣли объ «упорствѣ и слѣпотѣ Римскаго двора, позорившаго и осуждавшаго новѣйшую цивилизацію».

Энциклика обвиняетъ то «крайне вредное и безумное мнѣніе, что свобода совѣсти и богослуженія есть право каждого человѣка, и что это право, во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, должно быть объявляемо и утверждаемо закономъ; и что воля народа, обнаруживаемая общественнымъ мнѣніемъ (какъ его называютъ), или другими средствами, составляетъ вѣрный законъ, не зависящій отъ всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ правъ». Она отвергаетъ право родителей воспитывать своихъ дѣтей внѣ католической церкви. Она обвиняетъ «безстыдство» тѣхъ, которые хотятъ подчинить авторитетъ церкви и апостольскаго престола, «переданный ему Христомъ нашимъ Господомъ, сужденію гражданской власти». Его святѣйшество рекомендуетъ почтеннымъ братьямъ, къ которымъ обращена Энциклика, постоянную молитву, и «чтобы Богъ легче согласился на нашу и вашу молитву, воспользуемся во всемъ довѣріи, какъ нашей посредницей съ нимъ, Дѣвой Маріей, Богоматерью, которая возсѣдаетъ какъ царица одесную ея едиnorodнаго Сына, нашего Господа І. Христа, въ золотой ризѣ, облеченная разными украшеніями. Нѣтъ ничего, что бы она не могла получить отъ него».

Очевидно, принципъ, высказанный теперь папствомъ, дол-

женъ привести его въ столкновеніе даже съ правительствами, которыя до сихъ поръ поддерживали съ нимъ дружественныя отношенія. Россія обнаружила большое неудовольствіе, и послѣдовавшія событія вызвали у. его святѣйшества аллокуцію (ноябрь, 1866), осуждавшую дѣйствія этого правительства. Россія отвѣчала на это, объявивъ недѣйствительнымъ конкордаты 1867.

Не испуганный результатомъ сраженія при Садовой (іюль 1866), — хотя очевидно было, что политическое состояніе Европы глубоко затронуто, и особенно отношенія папства, — папа произнесъ аллокуцію (іюня 27, 1867), которая подтверждала Энциклику и Силлабусъ. Онъ объявилъ о своемъ намѣреніи созвать Вселенскій Соборъ.

Вслѣдствіе этого, какъ мы уже сказали, на слѣдующій годъ (іюня 29, 1868) была издана булла, созывавшая этотъ Соборъ. Но теперь возникли недоразумѣнія съ Австріей. Австрійскій рейхсратъ принялъ законы, вводящіе равенство гражданскихъ правъ для всѣхъ жителей имперіи и стѣснявшіе вліяніе церкви. Это вызвало со стороны папскаго правительства выговоръ. Дѣйствуя по примѣру Россіи, австрійское правительство нашло необходимымъ отмѣнить конкордаты 1855 года.

Во Франціи, какъ выше замѣчено, публикація цѣлаго Силлабуса не была дозволена; но Пруссія, желавшая остаться съ папствомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не запрещала его. Требовательность папства увеличилась. Было открыто объявлено, что вѣрующіе должны теперь принести въ жертву церкви свою собственность, жизнь и даже свои умственные убѣжденія. Протестанты и Греческая церковь приглашены были оказать свою покорность.

Въ назначенный день, Соборъ открылся. Предметами его

дѣтельности было — перенести Силлабусъ въ практику, установить догматъ папской непогрѣшимости и опредѣлить отношенія религіи къ наукѣ. Сдѣланы были всѣ приготовленія къ тому, чтобы предназначенные пункты были выполнены. Епископовъ извѣстили, что они являются въ Римъ не разсуждать, а утвердить декреты, раньше принятые непогрѣшимымъ папой. Не было ни малѣйшей идеи о свободномъ обсужденіи дѣла. Не было дозволено разсматривать протоколы засѣданій; оппозиціоннымъ прелатамъ едва позволили говорить. Января 22 1870, представлена была петиція, просившая, чтобы непогрѣшимость папы была опредѣлена; представлена была также оппозиціонная петиція меньшинства. Послѣ этого, совѣщанія меньшинства были запрещены и ихъ публикація также. И, хотя Курія предвидѣла сплоченное большинство на своей сторонѣ, сочтено было полезнымъ издать приказаніе, что для принятія какого нибудь предложенія не требуется, чтобы голосованіе было близко къ единогласному рѣшенію, и что довольно простаго большинства. Возраженія меньшинства были оставлены совершенно безъ вниманія.

Такъ какъ Соборъ шелъ къ своей цѣли, иностранныя правительства встревожились его беззаботной рѣшительностью. Петиція, составленная архіепископомъ Вѣнскимъ и подписанная многими кардиналами и архіепископами, умоляла его святѣйшество не предлагать на разсмотрѣніе догмата о непогрѣшимости, «потому что церковь должна выдерживать теперь борьбу, неизвѣстную въ прежнія времена, противъ людей, которые сопротивляются самой религіи, какъ учрежденію, губительному для человѣческой природы, и что неблагоприятно налагать на католическія націи, приводимыя въ искушеніе столь многими ухищреніями, больше догматовъ, чѣмъ провозгласилъ Тридент-

скій Соборъ». Петиція прибавляла, что «просимое опредѣленіе (непогрѣшимости) доставило бы новое оружіе врагамъ религіи, чтобы возбудить противъ Католической церкви неудовольствіе несомнѣнно лучшихъ людей». Австрійскій первый министръ адресовалъ къ папскому правительству протестъ, остерегая его отъ всякихъ дѣйствій, которыя повели бы ко вмѣшательству въ права Австріи. Французское правительство также обратило къ папѣ ноту, выражая мысль, что какой нибудь французскій епископъ долженъ выяснить собору положеніе и права Франціи. Папское правительство отвѣчало на это, что епископъ не можетъ примирить двойныхъ обязанностей посланника и «отца собора». Французское правительство, въ весьма почтительной нотѣ, замѣтило, что оно полагается на умѣренность епископовъ и благоразуміе святаго отца, которыя вѣроятно не допустятъ, чтобы крайнія мнѣнія стали догматами, и что оно рассчитываетъ на общественный смыслъ и патріотизмъ французскихъ католиковъ, которые вѣроятно будутъ защищать гражданскіе и политическіе законы Франціи противъ захватовъ теократіи. къ этимъ представленіямъ присоединился Сѣверо-Германскій Союзъ, серьезно настаивая, чтобы они были приняты въ соображеніе папскимъ правительствомъ.

Апрѣля 23, прусскій посланникъ фонъ-Арнимъ, вмѣстѣ съ французскимъ министромъ Дарю, указали Куріи на неумѣстность возстановленія средневѣковыхъ идей. Меньшинство епископовъ, ободренное этимъ, просило теперь, чтобы прежде, чѣмъ будетъ обсуждаться папская непогрѣшимость, опредѣлены были отношенія духовной власти къ свѣтской, и чтобы было рѣшено, передалъ ли Христосъ св. Петру и его преемникамъ власть надъ королями и императорами.

На это не было обращено никакого вниманія, и даже не

было дано отсрочки. Иезуиты, которые были закулисными вожаками дѣла, провели свои мѣры самовластно въ подтасованномъ собраніи. Соборъ употребилъ все средства для того, чтобы скрыться отъ общественной критики. Его засѣданія ведены были съ величайшей тайной; все, принимавшіе въ немъ участіе, обязаны были торжественной клятвой хранить молчаніе.

Юля 13, собраны были голоса. Изъ 601 голоса, 451 были утвердительные. По правиламъ большинства, мѣры объявлены были принятыми и черезъ пять дней папа провозгласилъ догматъ о своей непогрѣшимости. Не разъ было замѣчено, что это былъ тотъ самый день, когда Франція объявила войну Пруссіи. Черезъ восемь дней, французскія войска были выведены изъ Рима. Быть можетъ, и государственный человѣкъ и философъ согласятся, что непогрѣшимый папа могъ бы быть великимъ гармонизирующимъ элементомъ, еслибы только здравый смыслъ могъ признать его.

Послѣ этого, король итальянскій адресовалъ къ папѣ собственноручное письмо, указывая въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ необходимость, чтобы его войска подвинулись и заняли позиціи, «нужныя для безопасности его святѣйшества и для поддержанія порядка»; что, отвѣчая національнымъ желаніямъ, глава Католицизма, окруженный благочестіемъ итальянскихъ населеній, «можетъ сохранить на берегахъ Тибра славный престоль, независимый отъ всякой человѣческой власти».

Его святѣйшество отвѣчалъ на это краткимъ и колкимъ письмомъ: «Я благодарю Бога, который позволилъ вашему величеству наполнить горечью послѣдніе дни моей жизни. Впрочемъ, я не могу исполнить нѣкоторыхъ просьбъ и согласиться съ нѣкоторыми принципами, какіе заключаются въ вашемъ письмѣ. Я опять обращаюсь къ Богу и отдаю въ его руки мое

дѣло, которое есть его дѣло. Я прошу Бога дать вашему величеству много милостей, избавить васъ отъ опасностей и даровать вамъ его милосердіе, въ которомъ вы такъ нуждаетесь».

Итальянскія войска встрѣтили мало сопротивленія. Они заняли Римъ 20 сентября 1870. Изданъ былъ манифестъ, указывавшій подробности плебисцита, съ тайной подачей голосовъ, и вопросъ: «объединеніе Италіи». Результатъ плебисцита показаль, что народный умъ въ Италіи вполнѣ освободился отъ теологіи. Въ Римскихъ провинціяхъ число голосовъ по спискамъ было 167,548; число подавшихъ голосъ, 135,291; число вотировавшихъ за присоединеніе Рима къ королевству 133,681; число вотировавшихъ противъ присоединенія 1507; голоса уничтоженные 103. Итальянскій парламентъ утвердилъ голосъ Римскаго народа за присоединеніе, большинствомъ 239 противъ 20. Затѣмъ королевскій декретъ возвѣстилъ присоединеніе Папской области къ Итальянскому королевству, и изданъ былъ манифестъ, указывавшій подробности исполненія. Онъ объявлялъ, что «этими уступками Итальянское правительство желаетъ доказать Европѣ, что Италія уважаетъ верховную власть папы сообразно съ принципомъ свободной церкви въ свободномъ государствѣ».

Въ прусско-австрійской войнѣ панство надѣялось возстановить Германскую имперію подъ властью Австріи, и сдѣлать Германію католической націей. Въ франко-германской войнѣ, Французы ожидали ультрамонтанскихъ симпатій въ Германіи. Были употреблены всѣ средства, чтобы возбудить католическое чувство противъ протестантовъ. Не было забыто никакихъ ругательствъ. Объ нихъ говорили какъ о безбожникахъ; объявляли, что они не могутъ быть честными людьми; говорили, что ихъ секты указываютъ, что ихъ отступничество находится въ со-

стояніи разложенія. «Послѣдователи Лютера — самые жалкіе люди во всей Европѣ». Даже самъ папа, предполагая, что весь міръ забылъ совсѣмъ исторію, не усумнился сказать: «пусть Германскій народъ пойметъ, что только Римская церковь есть церковь свободы и прогресса».

Между тѣмъ, въ германскомъ духовенствѣ организовалась партія, чтобы высказаться противъ папской узурпаціи и даже воспротивиться ей. Она протестовала противъ того, что «человѣкъ занимаетъ престолъ Бога», противъ всякаго вице-Бога, и не хотѣла уступить своихъ научныхъ убѣжденій церковному авторитету. Нѣкоторые не усумнились обвинить самого папу въ ереси. Противъ этихъ отлученій и этого неповиновенія послѣдовали новые громы Ватикана; и наконецъ было потребовано, чтобы нѣкоторые профессора и преподаватели были удалены отъ своихъ должностей и замѣнены такими, которые признаютъ непогрѣшимость. Прусское правительство отказалось исполнить это требованіе.

Прусское правительство серьезно желало остаться съ папскимъ въ дружескихъ отношеніяхъ; оно не желало вступать въ теологическія распри; но мало по малу у него явилось убѣжденіе, что вопросъ былъ не религіозный, а политическій — должна ли государственная власть быть употребляема противъ государства. Одинъ учитель гимназій былъ отлученъ отъ церкви; правительство, отъ котораго требовали, чтобы оно уволило этого учителя, отказало въ томъ. Церковныя власти объявили это нападеніемъ на религію. Императоръ поддержалъ своего министра. Органъ непогрѣшимой партіи угрожалъ императору сопротивленіемъ всѣхъ добрыхъ католиковъ и говорилъ ему, что въ спорѣ съ папой, правительственныя системы могутъ и должны перемѣняться. Теперь ясно было каждому, что вопросъ

былъ тотъ: «Кому быть господиномъ въ государствѣ, правительству или Римской церкви? Людямъ очевидно невозможно жить подъ двумя правительствами, изъ которыхъ одно объявляетъ дурнымъ то, что приказываетъ другое. Если правительство не покорится Римской церкви, то они враги». Такимъ образомъ Пруссія была вынуждена къ столкновенію Римомъ— въ этомъ столкновеніи и Римъ, побуждаемый своей враждой къ новѣйшей цивилизаціи, есть очевидно нападающая сторона.

Правительство, узнавая теперь своего врага, защищалось тѣмъ, что уничтожило католическій департаментъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ. Это было лѣтомъ 1871. Въ слѣдующемъ ноябрѣ имперскій парламентъ издалъ законъ, что духовныя лица, злоупотребляющія своими должностями къ нарушенію общественнаго спокойствія, должны подвергаться уголовному наказанію. И, на основаніи принципа, что будущее принадлежитъ тому, кому принадлежитъ школа, возникло движеніе съ цѣлю отдѣленія школы отъ церкви.

Иезуитская партія распространяла и усиливала по всей Германіи свою организацію, основанную на принципѣ, что государственное законодательство не обязательно въ церковныхъ дѣлахъ. Это былъ уже актъ открытаго возстанія. Могло ли правительство позволить такія утрашенія противъ себя? Епископъ Эрмеландскій объявилъ, что не станетъ повиноваться законамъ государства, если они касаются церкви. Правительство остановило уплату его содержанія; и понимая, что спокойствіе невозможно, пока іезуитамъ позволено оставаться въ странѣ, оно рѣшило изгнать ихъ, и рѣшеніе было исполнено. Въ концѣ 1872 его святѣйшество произнесъ аллокуцію, въ которой говорилъ о «преслѣдованіи церкви въ Германской имперіи» и утверждалъ, что одна церковь имѣетъ право указать границы своей

области отъ области государства — принципъ опасный и невозможный, такъ какъ церковь относить къ нравственности всё отношенія людей другъ къ другу и утверждаетъ, что все, что не помогаетъ ей, угнетаетъ ее. Затѣмъ, нѣсколько дней спустя (января 9, 1873), правительство издало четыре закона: 1, законъ, опредѣляющій способы, какими лицо можетъ прекратить свою связь съ церковью; 2, стѣсняющій церковь въ употребленіи церковныхъ наказаній; 3, опредѣляющій церковную дисциплинарную власть, запрещающій тѣлесныя наказанія, опредѣляющій денежныя пени и изгнанія, обезпечивающій право апелляціи къ королевскому суду для духовныхъ дѣлъ, рѣшеніе котораго есть окончательное; 4, опредѣляющій предварительное воспитаніе и назначеніе священниковъ. Они должны имѣть удовлетворительное воспитаніе, выдержать публичное испытаніе, завѣдуемое государствомъ, и имѣть знанія въ философіи, исторіи и германской литературѣ. Учрежденія, которыя откажутся подчиниться надзору государства, должны быть закрыты.

Эти законы показываютъ, что Германія рѣшила, что она не будетъ уже слѣдовать приказаніямъ нѣсколькихъ аристократическихкихъ итальянскихъ фамилій, или терпѣть отъ нихъ затрудненія; что она хочетъ быть господиномъ въ своемъ домѣ. Въ этомъ столкновеніи она видитъ не дѣло религіи или совѣсти, а борьбу между верховной властью государственнаго законодательства и верховной властью церкви. Она относится къ папѣ не какъ власти религіозной, а какъ власти политической, и рѣшилась поддержать силу объявленія прусской Конституціи, что «пользованіе религіозной свободой не должно мѣшать обязанностямъ гражданина къ обществу и государству».

Справедливо утверждаютъ, что панство устроено не вселенскимъ образомъ, не какъ всеобщая церковь для всѣхъ народовъ,

но лишь для выгоды нѣсколькихъ итальянскихъ семействъ. Посмотрите на его составъ! Оно состоитъ изъ папы, кардиналовъ-епископовъ, кардиналовъ-діаконовъ, которые въ настоящее время всѣ — Итальянцы; кардиналовъ-священниковъ, которые почти всѣ — Итальянцы; должностныхъ лицъ и секретарей Священной Конгрегации въ Римѣ, которые всѣ — Итальянцы. Франція не доставила ни одного папы со времени среднихъ вѣковъ. Точно также — Австрія, Португалія, Испанія. Несмотря на всѣ попытки измѣнить эту исключительную систему, открыть высшія мѣста въ церкви всему Католицизму, ни одинъ иностранецъ не можетъ достигнуть священнаго престола. Признано, что церковь есть область, данная Богомъ итальянскимъ княжескимъ фамиліямъ. Изъ пятидесяти-пяти членовъ нынѣшней Коллегіи кардиналовъ, сорокъ — Итальянцы, т. е. тридцатью двумя больше ихъ настоящей доли.

Камнемъ преткновенія прогрессу Европы была ея двойственная система правленія. Если каждая нація имѣетъ двухъ государей, свѣтскаго у себя дома и духовнаго въ чужой странѣ — причѣмъ у разныхъ націй бываютъ разные свѣтскіе государи, но для всѣхъ только одинъ духовный государь — Римскій первосвященникъ: то возможно ли, чтобы исторія представляла намъ что нибудь иное кромѣ разсказа о борьбѣ этихъ соперничающихъ властей? Всякій, кто размыслитъ объ этомъ положеніи вещей, увидитъ, почему тѣ націи, которыя свергли съ себя эту двойственную форму правленія, сдѣлали и наибольшіе успѣхи. Онъ увидитъ, въ чемъ заключается причина паралитическаго состоянія Франціи. Съ одной стороны, она желаетъ быть руководителемъ Европы, съ другой — она связана съ мертвымъ прошедшимъ. Для того, чтобы пріобрѣсть благосклонность своихъ невѣжественныхъ классовъ, она вступаетъ въ такую политику,

которую должна осудить ея интеллигенція. Двѣ верховныя власти, подъ которыми она живетъ, уравниваются такъ равно, что преобладаетъ то одна, то другая сторона; и нерѣдко одна пользуется другою какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей.

Но эта двойственная система приближается къ своему концу. Для сѣверныхъ народовъ, менѣе одаренныхъ фантазіей и менѣе суевѣрныхъ, она давно сдѣлалась несносной; они отвергли ее окончательно въ эпоху Реформаціи, несмотря на протесты и притязанія Рима. Россія, болѣе счастливая чѣмъ другіе народы, никогда не признавала вліянія никакой иноземной духовной власти. Она гордилась своею привязанностью къ древнему греческому обряду, и видѣла въ Папствѣ ничто иное какъ безпокойнаго отступника отъ первобытной вѣры. Въ Америкѣ свѣтская и духовная власть были совершенно разлучены—последней не позволено никакъ вмѣшиваться въ дѣла государства, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ей предоставлена свобода. Состояніе Новаго Свѣта доказываетъ намъ также, что обѣ формы Христіанства, Католическая и Протестантская, потеряли свою силу распространенія; ни одна не можетъ перейти своей давно установившейся пограничной черты: католическія республики остаются католическими, протестантскія — протестантскими. И между послѣдними исчезаетъ расположеніе къ сектаторскому разъединенію; лица различныхъ сектъ безъ затрудненій сближаются между собою. Они почерпаютъ свои обычныя мнѣнія изъ газетъ, а не отъ церкви.

III IX, въ движеніяхъ, которыя мы разсматривали, имѣлъ въ виду двѣ цѣли: 1, болѣе полную централизацию Папства, съ духовнымъ самодержцемъ, принимающимъ на себя прерогативы Бога, во главѣ; 2, контроль надъ умственнымъ развитіемъ народовъ, исповѣдующихъ Христіанство.

Логическое послѣдствіе первой изъ этихъ цѣлей есть политическое вмѣшательство. Папа настаиваетъ, что во всѣхъ случаяхъ свѣтская власть должна подчиняться духовной; всѣ законы, несогласные съ интересами церкви, должны быть отмѣнены. Они не обязательны для вѣрующихъ. На предыдущихъ страницахъ я рассказалъ вкратцѣ нѣкоторые замѣшательства, которыя уже произошли съ цѣлью поддержать эту политику.

Я перехожу теперь къ разсмотрѣнію того способа, какимъ Папство предполагаетъ утвердить свой умственный контроль; какъ оно опредѣляетъ свое отношеніе къ своему противнику — Наукѣ и, стремясь къ восстановленію средневѣковаго состоянія, сопротивляется новѣйшей цивилизаціи и обвиняетъ новѣйшее общество.

Энциклика и Силлабусъ представляютъ тѣ принципы, дать которымъ практическую силу было цѣлью Ватиканскаго Собора. Силлабусъ клеймитъ пантеизмъ, натурализмъ и абсолютный рационализмъ, обвиняя такія мнѣнія, какъ напр., что Богъ есть міръ, что нѣтъ другаго Бога кромѣ природы; что теологическіе предметы должны быть изслѣдуемы такимъ же образомъ какъ философскіе; что методы и принципы, съ какими старые схоластическіе ученые излагали теологію, уже не соотвѣтствуютъ больше требованіямъ вѣка и успѣху науки; что каждый человѣкъ свободенъ принять и исповѣдывать ту религію, которую онъ можетъ считать истинной, руководясь свѣтомъ своего разума; что гражданской власти принадлежитъ опредѣлять права и границы, въ которыхъ церковь можетъ пользоваться своимъ авторитетомъ; что церковь не имѣетъ права пользоваться силой или какой нибудь прямой или косвенной свѣтской властью; что церковь должна быть отдѣлена отъ государства, а государство

отъ церкви; что теперь уже болѣе неудобно принимать, что католическая религія должна быть единственная государственная религія, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ родовъ богослуженія; что лица, проживающія въ католическихъ странахъ, имѣютъ право на публичное исполненіе своего собственнаго богослуженія; что римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и согласиться съ успѣхами новѣйшей цивилизаціи. Силлабусъ требуетъ для церкви права имѣть надзоръ за публичными школами и отвергаетъ права государства въ этомъ отношеніи; онъ требуетъ контроля церкви надъ браками и разводами.

Тѣ изъ этихъ принциповъ, которые Соборъ счелъ полезнымъ формулировать въ настоящее время, были имъ изложены въ «Догматической Конституціи Католической вѣры». Мы рассмотримъ теперь существенные пункты этой конституціи въ особенности въ томъ, что касается отношеній Религіи къ Наукѣ. Замѣтимъ, что послѣдующее изложеніе не представляетъ цѣлаго документа, а только извлеченіе того, что казалось намъ его важнѣйшими частями.

Это опредѣленіе начинается строгимъ разборомъ принциповъ и послѣдствій протестантской Реформаціи:

«Отрицаніе божественной власти церкви поучать, и предоставленіе всѣхъ вещей, относящихся къ религіи, сужденію каждаго человѣка, повели къ размноженію сектъ, и такъ какъ онѣ разногласили и спорили другъ съ другомъ, то въ умахъ немалого числа людей испровергнута была всякая вѣра въ Христа, и Священное Писаніе стало считаться за миѡы и басни. Христіанство было отвергнуто, и на мѣсто его поставлено царство чистаго Разума, какъ это называютъ, или Природа; многіе люди, падая въ пронасть пантеизма, матеріализма и атеизма, и отвергая разумную природу человѣка, и всякое различеніе

добра и зла, работаютъ для низверженія самыхъ основаній человѣческаго общества. Такъ какъ эта нечестивая ересь распространяется повсюду, то не мало католиковъ было прельщено ею. Они смѣшали человѣческую науку и божественную вѣру.

«Но Церковь, Мать и Госпожа народовъ, всегда готова подкрѣпить слабаго, принять въ свои нѣдра тѣхъ, которые къ ней возвращаются, и повести ихъ къ лучшему. И нынѣ, когда епископы всего міра собрались на этомъ Вселенскомъ Соборѣ, и Святой Духъ почиетъ на немъ, и судить съ нами, мы опредѣлили объявить съ этого престола св. Петра спасительное ученіе Христа, и запретить и осудить противныя ему заблужденія.

«*О Богъ, Творцъ всѣхъ вещей.*—Святая Католическая Апостольская Римская церковь вѣруетъ, что есть одинъ истинный и живой Богъ, Творецъ и Господь Неба и Земли, Всемогущій, Вѣчный, Вездѣсущій, Непостижимый, Безконечный въ разумѣніи и волѣ, и во всемъ совершенствѣ. Онъ отличенъ отъ міра. По своему вполне свободному совѣту, онъ создалъ одинаково изъ ничего два сотворенныя созданія, духовное и временное, ангельское и земное. Потомъ онъ создалъ человѣческую природу, сложенную изъ обоихъ. Кромѣ того, Богъ своимъ провидѣніемъ сохраняетъ и управляетъ всѣми вещами, могущественно достигая отъ края до края и гармонически устроивая всѣ вещи. Всякая вещь открыта его глазамъ, даже вещи, которыя произойдутъ по свободному дѣйствию его созданій».

«*Объ Откровеніи.*—Святая Мать Церковь думаетъ, что Богъ можетъ быть съ несомнѣнностью познаваемъ естественнымъ свѣтомъ человѣческаго разума; но что ему угодно было также открыть себя и вѣчныя рѣшенія своей воли сверхъестественнымъ образомъ. Это сверхъестественное откровеніе, какъ заявлено Священнымъ Тридентскимъ Соборомъ, заключается въ

книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изчисленныхъ въ постановленіяхъ этого собора и находящихся въ старомъ латинскомъ изданіи Вульгаты. Эти книги священны, потому что написаны подъ вдохновеніемъ святаго Духа. Онѣ имѣютъ своимъ авторомъ Бога, и какъ таковыя были переданы Церкви.

«И, для того, чтобы воздержатъ безпокойные умы, которые могутъ давать ложныя истолкованія, постановлено — въ обновленіе рѣшенія Тридентскаго Собора—что никто не можетъ толковать Священное Писаніе противно тому смыслу, въ какомъ ихъ истолковываетъ Святая Мать Церковь, которой принадлежитъ такое истолкованіе».

«*О Вѣрѣ.*—Такъ какъ человѣкъ зависитъ отъ Бога, какъ своего Господа, и созданный разумъ вполне подчиненъ несозданной истинѣ, то, когда Богъ дѣлаетъ откровеніе, человѣкъ обязанъ повиноваться ему вѣрою. Эта вѣра есть сверхъестественная добродѣтель и начало спасенія человѣка, который вѣритъ, что откровенныя вещи истинны, не по ихъ внутренней истинности, какъ она можетъ быть видима естественнымъ свѣтомъ разума, но по авторитету Бога, открывающаго ихъ. Но, несмотря на то, что истина можетъ быть согласна съ разумомъ, Богъ соизволилъ присоединить чудеса и пророчества, которыя, показывая его всемогущество и знаніе, служатъ доказательствами, доступными для пониманія всѣхъ. Такія мы имѣемъ у Моисея и пророковъ, но въ особенности у Христа. Далѣе, должно вѣровать всѣмъ тѣмъ вещамъ, которыя написаны въ словѣ Божіемъ, или переданы преданіемъ, которое церковь своимъ ученіемъ предложила для вѣрованія.

«Безъ этой вѣры никто не можетъ быть оправданъ, и никто, если не останется до конца въ этой вѣрѣ, не можетъ получить вѣчной жизни. Поэтому Богъ, черезъ своего единороднаго Сына,

установилъ церковь какъ хранителя и учителя Его откровеннаго слова. Потому что одной только Католической церкви принадлежать всѣ тѣ знаки, которые дѣлають очевидной вѣрность Христіанской вѣры. Мало того, сама церковь, по своему чудесному распространенію, своей высокой святости, своей неизсякаемой плодovitости во всемъ, что благо, по своему Католическому единству, по своей несокрушимой твердости, представляетъ великое и очевидное право на вѣрованіе, и неопровержимое доказательство ея божественной миссiи. Такимъ образомъ церковь показываетъ своимъ дѣтямъ, что вѣра, ими содержаемая, покоится на самомъ прочномъ основаніи. Поэтому и совершенно различно состояніе тѣхъ, которые по небесному дару вѣры приняли католическую истину, и тѣхъ, которые, руководясь человѣческими мнѣніями, слѣдуютъ ложной религіи».

«*О Вѣрѣ и Разумѣ.* — Кроме того, Католическая церковь всегда утверждала, и нынѣ утверждаетъ, что есть двоякій родъ знанія, изъ которыхъ каждый отличается отъ другаго и по своему принципу и по предмету. Они отличны по принципу потому, что въ одномъ мы познаемъ естественнымъ разумомъ, а въ другомъ божественною вѣрою; они различны по предмету потому, что кромѣ тѣхъ вещей, которыя можетъ постигнуть нашъ естественный разумъ, нашему вѣрованію предлагаются таинства, скрытыя въ Богѣ, которыя, еслибы не были Имъ открыты, не могли бы дойти до нашего знанія.

«Правда, разумъ просвѣщаемый вѣрой и изслѣдующій съ прилежаніемъ и благочестивой трезвостью, можетъ по дару Бога придти къ нѣкоторому разумѣнію таинствъ, ограниченному по степени, но чрезвычайно благотворному въ своихъ дѣйствіяхъ, разумѣнію ихъ какъ по аналогіямъ вещей естественнó извѣстныхъ, такъ и по связи самихъ таинствъ другъ съ другомъ и съ

последнимъ концомъ человѣка. Но разумъ никогда не можетъ стать способнымъ вполне понять таинства, какъ онъ понимаетъ вещи, составляющія его настоящій предметъ, потому что таинство Бога по самой своей природѣ такъ превышаетъ способности созданнаго ума, что даже когда они преподаются откровеніемъ и принимаются вѣрою—они остаются покрыты самою вѣрою какъ бы покрываломъ и остаются скрыты какъ бы во мракѣ въ этой смертной жизни.

«Но хотя вѣра выше разума, между ними никогда не можетъ быть дѣйствительнаго разногласія, такъ какъ тотъ же Богъ, который открываетъ таинства и вливаетъ вѣру, далъ человѣческой душѣ свѣтъ разума, а Богъ не можетъ отвергать самого себя, или одна истина никогда не можетъ противорѣчить другой: поэтому суетная тѣнь такого противорѣчія возникаетъ главнымъ образомъ изъ того, что или ученія вѣры понимаются и излагаются не такъ, какъ дѣйствительно держать ихъ церковь, или что пустыя выдумки и миѣнія людей принимаются за указанія разума. Потому мы провозглашаемъ ложнымъ всякое утвержденіе, которое противорѣчитъ просвѣщенной истинѣ вѣры. Кромѣ того, церковь, которая вмѣстѣ съ своей апостольской должностью ученія, обязана также охраной залоговъ вѣры, имѣеть отъ Бога право и обязанность осуждать «знаніе лжеименное», чтобы «ни одинъ человѣкъ не былъ обманываемъ философіей и пустой ложью». Поэтому, всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ не только запрещается поддерживать, какъ правильные выводы науки, тѣ миѣнія, которыя извѣстны за противныя ученію вѣры, особенно, когда они осуждены церковью, но даже безусловно обязаны считать ихъ заблужденіями, носящими обманчивый видъ истины.

«Вѣрѣ и разуму не только невозможно когда нибудь проти-

ворѣчить другъ другу, но они, напротивъ, оказываютъ другъ другу взаимную помощь. Потому что здравый разумъ составляетъ основаніе вѣры, и, съ помощью ея свѣта, воздѣлываетъ науку о божественныхъ предметахъ; а вѣра, съ другой стороны, освобождаетъ и предохраняетъ разумъ отъ ошибокъ, и обогащаетъ его многоразличнымъ знаніемъ. Итакъ, церковь очень далека отъ того, чтобы противиться воздѣлыванію гуманныхъ искусствъ и наукъ, и, напротивъ, различными способами помогаетъ ему и подвигаетъ его. Потому что она довольно знаетъ и не пренебрегаетъ выгодами, которыя проистекаютъ отъ нихъ для жизни человѣка; напротивъ, она признаетъ, что, такъ какъ они произошли отъ Бога, Господа знанія, то будучи правильно изучаемы, приведутъ къ Богу, при помощи его милосердія. Церковь не запрещаетъ также ни одной изъ этихъ наукъ употреблять ихъ собственные принципы и ихъ методъ въ ихъ настоящей области; но, признавая эту разумную свободу, она заботится, чтобы они, противорѣча божественному ученію, не впади въ заблужденія или, переступая должныя границы, не нарушили или не произвели смятенія въ области вѣры.

«Потому что ученіе вѣры, переданное въ откровеніи Бога, не было предложено, подобно какому нибудь философскому открытію, для того, чтобы быть усовершенствованнымъ при помощи человѣческаго остроумія; но было вручено невѣстѣ Христа какъ божественный залогъ, чтобы быть вѣрно хранимымъ и непогрѣшимо излагаемымъ. Поэтому, все правила святой вѣры должны быть объясняемы всегда согласно со смысломъ и мнѣніемъ церкви; и незаконно—отступать отъ нихъ подъ предлогомъ или подъ видомъ болѣе яснаго истолкованія. Поэтому, пусть со смѣной поколѣній и вѣковъ разумѣніе, знаніе и мудрость каждаго, отдѣльныхъ лицъ и всей церкви, возра-

стають быстро и увеличиваются чрезмѣрно, но только въ одномъ родѣ; то есть, сохраняя чистымъ и неприкосновеннымъ смыслъ, значеніе и вѣрованіе одного и того же ученія».

Въ числѣ другихъ соборныхъ постановленій были обнародованы слѣдующія:

«Да будетъ анаѳема —

«Кто отвергаетъ единого истиннаго Бога, Творца и Господа всѣхъ вещей, видимыхъ и невидимыхъ.

«Кто безстыдно утверждаетъ, что ничего другаго не существуетъ, кромѣ матеріи.

«Кто говоритъ, что субстанція или сущность Бога и всѣхъ вещей, есть одна и таже.

«Кто говоритъ, что конечныя вещи, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, или по крайней мѣрѣ духовныя вещи, суть эманации божественной сущности; или что божественная сущность, проявленіемъ или развитіемъ ея, становится всѣми вещами.

«Кто не признаетъ, что міръ и всѣ вещи, имъ содержимыя, были созданы Богомъ изъ ничего.

«Кто будетъ говорить, что человѣкъ, своими собственными усиліями, посредствомъ постоянного прогресса, можетъ и долженъ наконецъ достигнуть обладанія всякой истиной и благомъ.

«Кто откажется принимать, какъ священныя и каноническія, книги Священнаго Писанія въ ихъ цѣлости, со всѣми ихъ частями, въ томъ видѣ, какъ онѣ были исчислены священнымъ Тридентскимъ Соборомъ; или будетъ отвергать, что онѣ были вдохновлены Богомъ.

«Кто будетъ говорить, что человѣческій разумъ такъ независимъ, что Богъ не можетъ требовать отъ него вѣры.

«Кто будетъ говорить, что божественное откровеніе не можетъ быть сдѣлано вѣроятнымъ виѣшними доказательствами.

«Кто будетъ говорить, что нельзя производить чудесъ, или что ихъ никогда нельзя знать съ достовѣрностью, и что божественное происхожденіе Христіанства не можетъ доказываться ими.

«Кто будетъ говорить, что божественное откровеніе не заключаетъ въ себѣ никакихъ таинствъ, но что все догматы вѣры могутъ быть поняты и доказаны разумомъ, правильно образованнымъ.

«Кто будетъ говорить, что человѣческія науки должны быть развиваемы въ такомъ духѣ свободы, чтобы позволено было считать ихъ утвержденія истинными даже тогда, когда они противорѣчатъ откровенному ученію.

«Кто будетъ говорить, что въ прогрессѣ науки можетъ во всякое время случиться, что ученія, излагаемыя церковью, должны быть принимаемы въ другомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ церковь всегда принимала и принимаетъ ихъ».

Необыкновенныя и, можно по справедливости сказать, высокоумныя притязанія, заключающіяся въ этихъ рѣшеніяхъ, далеко не были съ удовольствіемъ приняты образованными католиками. Со стороны нѣмецкихъ университетовъ оказалось сопротивленіе; и когда, въ концѣ года, постановленія Ватиканскаго Собора были вообще приняты, онѣ были приняты не по убѣжденію въ ихъ истинѣ, а по дисциплинарному чувству послушанія.

Многіе изъ самыхъ благочестивыхъ католиковъ смотрѣли на все движеніе и на результаты, къ какимъ оно привело, съ самой искренней заботой. Отецъ Гіацинтъ, въ письмѣ къ сунеріору своего ордена, говоритъ: «Я протестую противъ развода, столь же нечестиваго, какъ и безумнаго, который хотятъ произ-

весть между церковью, нашей вѣчной матерью, и обществомъ девятнадцатаго столѣтія, котораго мы—временныя дѣти, и къ которому мы также имѣемъ обязанности и почтеніе. Я глубочайшимъ образомъ убѣжденъ, что если Франція въ частности, и Латинская раса вообще, преданы соціальной, нравственной и религіозной анархіи, то главная причина этого есть несомнѣнно не самъ Католицизмъ, но тотъ способъ, которымъ Католицизмъ долгое время былъ понимаемъ и выполняемъ.»

Несмотря на свою непогрѣшимость, которая предполагаетъ всезнаніе, его святѣйшество не предвидѣлъ исхода Франко-Прусской войны. Еслибы онъ одаренъ былъ пророческимъ даромъ, онъ увидѣлъ бы несвоевременность актовъ своего собора. Его просьба къ прусскому королю о военной помощи для поддержанія его временной власти была отвергнута. Король Италіи, отлученный отъ церкви, какъ мы видѣли, овладѣлъ Римомъ. Рѣзкая папская энциклика, странно противорѣчившая съ тонкой вѣжливостью новѣйшихъ дипломатическихъ бумагъ, изданная 1 ноября 1870, обвиняла дѣйствія піемонтскаго двора, «послѣдовавшаго совѣтамъ сектъ погибели». Его святѣйшество объявляетъ здѣсь, что онъ находится въ плѣну и что онъ не войдетъ въ соглашеніе съ Веліаломъ. Онъ произноситъ еще большее отлученіе, съ осужденіями и наказаніями, противъ своихъ противниковъ, и молится о «заступничествѣ безпорочной Дѣвы Маріи, матери Божіей, и блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла».

Нѣкоторыя изъ различныхъ протестантскихъ сектъ собрались для совѣщаній подъ названіемъ Евангелическаго Союза. Ихъ послѣднее собраніе происходило въ Нью-Йоркѣ, осенью 1873. Хотя здѣсь было много благочестивыхъ представи-

телей Реформатскихъ церквей, европейскихъ и американскихъ, это собраніе не имѣло ни очарованія, ни авторитета великаго Собора, только что закрывшаго свои засѣданія у Св. Петра въ Римѣ. Оно не могло ссылаться на непрерывное преемство болѣе чѣмъ въ тысячу лѣтъ; оно не могло говорить съ авторитетомъ лица, равнаго съ императорами и королями или даже высшаго, чѣмъ они. Въ то время какъ глубокой умъ и государственная свѣтская мудрость блистала во всемъ, что дѣлалъ Ватиканскій Соборъ, Евангелическій Союзъ собрался безъ яснаго и опредѣленнаго взгляда на свои цѣли, безъ всякихъ точно обозначенныхъ намѣреній. Его желаніе было привести въ болѣе тѣсное единство различныя протестантскія церкви, но онъ не имѣлъ никакой основательной надежды достигнуть этого желаннаго результата. На немъ обнаружилось необходимое дѣйствіе принципа, изъ котораго эти церкви произошли. Они были основаны на раздорѣ и существуютъ раздѣльностью.

Тѣмъ не менѣе въ дѣйствіяхъ Евангелическаго Союза можно усмотрѣть нѣкоторые весьма знаменательные факты. Онъ отвратилъ свои глаза отъ своего стараго противника — того противника, который такъ недавно обременилъ Реформацію поношеніями и доносомъ — онъ остановилъ свои глаза, какъ и Ватиканскій Соборъ, на наукѣ. Подъ этимъ пугающимъ именемъ стояло передъ нимъ нѣчто казавшееся привидѣніемъ неопредѣленной формы, ежечасно возраставшихъ размѣровъ и угрожающаго вида. Иногда Евангелическій Союзъ обращался къ этому изумительному видѣнію съ словами вѣжливости, иногда съ тономъ обвиненія.

Союзъ не понялъ, что новѣйшая Наука есть законная сестра Реформаціи, ея близнецъ. Они были зачаты вмѣстѣ и вмѣстѣ родились. Онъ не понялъ, что хотя невозможно собрать въ Союзъ

множество враждующихъ сектъ, но что всё онѣ могутъ найти пунктъ соединенія въ Наукѣ и что ихъ истинной политикой должно быть не недоувѣріе къ ней, но сердечный союзъ.

Остается представить нѣсколько размышленій объ этой «Конституціи Католической вѣры» какъ она опредѣлена на Ватиканскомъ Соборѣ.

Чтобы предметы представились разнымъ лицамъ въ одномъ и томъ же положеніи, они должны быть разсматриваемы съ одной и той же точки зрѣнія. Въ томъ случаѣ, который мы теперь разсматривали, человѣкъ религіозный имѣетъ свою точку наблюденій, человѣкъ науки—другую, весьма отличную. Ни тотъ, ни другой не можетъ требовать, чтобы его товарищъ по наблюденію согласился, что панорама фактовъ, простирающаяся передъ нимъ, была именно такова, какъ она представляется ему.

Догматическая Конституція настаиваетъ на допущеніи того постулата, что римская церковь дѣйствуетъ по божественному порученію, данному ей спеціально и исключительно. Въ силу этого великаго авторитета, она требуетъ отъ всѣхъ людей отказа отъ ихъ умственныхъ убѣжденій, и отъ всѣхъ народовъ—повиновенія ея гражданской власти. Но столь обширное требованіе должно быть подкрѣплено самыми положительными и неопровержимыми доказательствами; доказательствами не только предположительными и косвенными, но ясными, эмфатическими и идущими прямо въ дѣло; доказательствами, которыя невозможно было бы подвергнуть сомнѣнію. Но Ватиканъ объявляетъ, что онъ не хочетъ подвергать своихъ правъ обсужденію человѣческаго разума; онъ требуетъ, чтобы они были допущены тотчасъ какъ пунктъ вѣры.

Если допустить это, то необходимо согласиться со всѣми его

требованіями, какъ бы они ни были безмѣрны. По странной непослѣдовательности, Догматическая Конституція отвергаетъ разумъ, утверждая, что онъ не можетъ опредѣлять разсматриваемыхъ предметовъ, и однако же предлагаетъ ему аргументы для обсуждения. Дѣйствительно можно было бы сказать, что весь этотъ трактатъ есть страстное убѣжденіе къ Разуму поглубѣть въ пользу Римской Церкви.

При столь различныхъ точкахъ зрѣнія, Религія и Наука никакъ не могутъ согласиться въ представленіи вещей. И невозможно придти вмѣстѣ ни къ какому заключенію иначе, какъ обратившись къ Разуму, какъ высшему и окончательному судѣ.

Есть много религій на свѣтѣ; нѣкоторыя изъ нихъ очень почтенной древности, нѣкоторыя имѣютъ больше послѣдователей чѣмъ Римская. Можно ли сдѣлать выборъ между ними иначе, какъ обратившись такимъ образомъ къ Разуму? Религія и Наука должны оба подвергнуть свои требованія и свои раздоры его рѣшенію.

Ватиканскій Соборъ протестуетъ противъ этого. Онъ возвышаетъ вѣру и даетъ ей превосходство надъ разумомъ; онъ говоритъ, что они составляютъ два отдѣльные порядка знанія, имѣя своими особыми предметами таинства и факты. Вѣра имѣетъ дѣло съ таинствами, разумъ съ фактами. Утверждая господствующее превосходство вѣры, онъ старается примирить съ чудесами и пророчествами умъ, къ нимъ нерасположенный.

Съ другой стороны, Наука отвращается отъ непонятнаго и основывается на правилѣ Виклефа: «Богъ не принуждаетъ чело-вѣка вѣрить тому, чего онъ не можетъ понять». При отсутствіи удовлетворительныхъ доказательствъ со стороны ея противника, наука разсматриваетъ, есть ли въ исторіи панства, въ біо-

графіяхъ папъ, что нибудь, что можетъ удовлетворительно подтвердить божественное порученіе; что нибудь, что можетъ оправдать папскую непогрѣшимость, или вынудить то неколеблущееся повиновеніе, которое подобаеть вице-Богу.

Одна изъ самыхъ поразительныхъ, и однако противорѣчивыхъ особенностей Догматической Конституціи есть неохотно отдаваемое ею уваженіе къ человѣческому уму. Она представляетъ опредѣленіе философскаго основанія Католицизма, но скрываетъ отъ глазъ отталкивающія формы ходячихъ вѣрованій. Она остерегается упоминать о нихъ... Богъ, котораго она изображаетъ, не есть Богъ среднихъ вѣковъ, возсѣдающій на золотомъ престолѣ, окруженный хорами ангеловъ, но Богъ философіи. Она молча отказывается отъ средневѣковыхъ подробностей Католицизма; она носитъ на своемъ лицѣ подчиненіе мысли вѣка, отпечатокъ умственнаго прогресса человѣчества.

Давши такое изложеніе божественныхъ атрибутовъ, она далѣе поучаетъ насъ относительно способа управленія міромъ. Ватиканъ утверждаетъ, что церковь владѣетъ сверхъестественнымъ контролемъ надъ всѣми матеріальными и нравственными событіями. Священство, въ его различныхъ степеняхъ, можетъ опредѣлять событія будущаго, или употребляя свойственные ему атрибуты, или своимъ вліятельнымъ призываніемъ небесныхъ силъ. Верховному первосвященнику дано вязать и рѣшить какъ ему вздумается. Незаконно апеллировать на его сужденія къ вселенскому собору, какъ будто бы соборъ былъ земной судья, высшій чѣмъ онъ. Такого рода власть соотвѣтствуетъ произвольному правленію, но не соотвѣтствуетъ управленію міра неизмѣннымъ закономъ. Поэтому, Догматическая Конституція твердо стоитъ за постоянныя провиденціальныя вмѣшательства; она не хочетъ ни на минуту допустить, что въ естественныхъ

вещахъ есть непреодолимая послѣдовательность событій, или въ дѣлахъ людей избѣжный ходъ дѣйствій.

Но развѣ порядокъ цивилизаціи не былъ во всѣхъ частяхъ свѣта одинъ и тотъ же? Развѣ ростъ общества не походитъ на ростъ индивидуальный? Развѣ оба они не представляютъ намъ фазисовъ юности, зрѣлости и дряхлости? Развѣ челоуѣку, который старательно разсматривалъ прогрессивную цивилизацію челоуѣческихъ группъ въ далекихъ одна отъ другой странахъ земли, который наблюдалъ тождественныя формы, въ которыхъ проявлялась эта развивающаяся цивилизація, — развѣ ему не ясно, что этотъ ходъ опредѣляется закономъ? Религіозныя идеи перуанскихъ Инковъ или мексиканскихъ императоровъ, и церемоніалы ихъ придворной жизни были тѣже самые, что въ Европѣ, — тѣже, что въ Азіи. Теченіе мысли было тоже самое. Рой пчелъ, перенесенный въ какую нибудь далекую мѣстность, будетъ строить свои ульи и устанавливать свои общественныя учрежденія точно также, какъ сдѣлали бы другіе неизвѣстные рои; тоже самое и съ отдѣльными, ничѣмъ не соединенными роями людей. Эта послѣдовательность мысли и дѣйствія такъ неизмѣнна, что есть философы, которые, перенося прошедшій примѣръ, представляемый азіатской исторіей, къ Европѣ, стали бы не колеблясь поддерживать такое положеніе: если данъ Римскій епископъ и нѣсколько столѣтій, вы получите непогрѣшимаго папу; если данъ непогрѣшимый папа и еще нѣсколько времени, вы получите Ламаизмъ — тотъ Ламаизмъ, до котораго давно достигла Азія.

Относительно происхожденія тѣлесныхъ и духовныхъ вещей, Догматическая Конституція придаетъ своимъ заявленіямъ торжественный эмфазъ, предавая анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, кто дерзится ученія объ эманации, или кто думаетъ, что видимая При-

рода есть только проявленіе Божественной Сущности. Здѣсь ея авторы имѣли передъ собою задачу чрезвычайно трудную. Они должны выдержать встрѣчу съ тѣми страшными идеями, старыми или новыми, которыя въ наше время такъ сильно дѣйствуютъ на мыслящихъ людей. Ученіе о сохраненіи и соотношеніи Силы представляетъ, какъ свой логическій исходъ, древнюю восточную теорію эманациі; ученія объ Эволюціи и Развѣтїи сталкиваются съ ученіемъ о послѣдовательныхъ творческихъ актахъ. Первое утверждаетъ на томъ основномъ принципѣ, что количество силы во вселенной неизмѣнно. Хотя это количество не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться, формы, въ которыхъ выражается Сила, могутъ измѣняться одна въ другую. До сихъ поръ это ученіе еще не получило полного научнаго доказательства, но аргументы, приводимые въ его пользу, такъ многочисленны и такъ принудительны, что она уже теперь имѣетъ очень глубокое, почти авторитетное значеніе. И азіатская теорія эманациі и поглощенія оказывается въ гармоніи съ этой великой идеей. Она не принимаетъ, что при возникновеніи человѣческаго существа для него особо создается душа, но принимаетъ, что часть уже существующаго, божественнаго, универсальнаго разума сообщается ему и, когда жизнь кончена, эта часть возвращается и поглощается въ общемъ источникѣ, изъ котораго первоначально произошла. Авторы Конституціи запрещаютъ имѣть эти идеи, подъ страхомъ вѣчнаго наказанія.

Подобнымъ образомъ они распоряжаются съ ученіями объ Эволюціи и Развѣтїи, грубо настаивая на традиціонной теоріи... Ученіе, что всякая живая форма произошла изъ какой нибудь предыдущей, подвинулось въ наукѣ гораздо далѣе, чѣмъ ученіе о Силѣ, и вѣроятно можетъ считаться доказаннымъ, каковы бы

ни были прибавки, которыми въ новѣйшее время она была обременена.

Въ своемъ осужденіи Реформаціи, Ватиканъ примѣняетъ къ дѣлу свои идеи о подчиненіи разума вѣрѣ. Въ его глазахъ, Реформація есть нечестивая ересь, ведущая къ пропасти пантеизма, матеріализма и атеизма, и стремящаяся ниспровергнуть самыя основанія человѣческаго общества. Поэтому, онъ желалъ бы обуздать «безпокойные умы», которые, слѣдуя Лютеру, поддерживаютъ «право каждаго человѣка толковать для себя Священное Писаніе». Онъ утверждаетъ, что допускать протестантовъ къ равнымъ политическимъ привилегіямъ съ католиками есть зловредное заблужденіе, и что стѣснять ихъ и подавить есть священная обязанность; что отвратительно позволять имъ основывать воспитательныя заведенія. Григорій XVI отличалъ свободу совѣсти какъ безумную нелѣпость, и свободу печати какъ вредоносное заблужденіе, которымъ нельзя достаточно гнущаться.

Но какъ же возможно признать вдохновенный и непогрѣшимый Тибрскій оракулъ, когда воспоминается, что папы безпрестанно противорѣчили другъ другу; что папы обвиняли соборы, а соборы обвиняли папъ; что Библія Сикста V заключала столько явныхъ ошибокъ — почти двѣ тысячи — что сами авторы должны были отмѣнить ее? Какъ возможно для дѣтей церкви считать «обманчивымъ заблужденіемъ» шарообразную форму земли, ея положеніе какъ планеты въ солнечной системѣ, ея обращеніе на своей оси, ея движеніе вокругъ солнца? Какъ могутъ они отвергать, что есть антиподы, и другіе міры кромѣ нашего? Какъ могутъ они вѣрить, что земля съ самаго начала не подвергалась никакимъ перемѣнамъ?...

Когда Наукѣ такимъ образомъ приказываютъ отказаться

отъ ея умственныхъ убѣжденій, можетъ ли она не попросить своихъ противниковъ вспомнить прошедшее? Споръ о фигурѣ земли и помѣщеніи неба и ада кончился противъ нихъ. Они утверждали, что земля есть протяженная плоскость, а видимое небо — полъ верхняго неба... Когда шарообразная форма земли была доказана, до совершенной невозможности противорѣчія, астрономическими фактами и путешествіемъ Магелланова корабля, они стали тогда утверждать, что земля есть центральное тѣло вселенной, что все другія подчинены ей, и она есть великій предметъ заботы Провидѣнія. Вытѣсненные изъ этой позиціи, они утверждали потомъ, что она не имѣетъ движенія, что солнце и звѣзды дѣйствительно обращаются вокругъ нея, какъ это намъ кажется. Изобрѣтеніе телескопа доказало, что они опять ошибались. Тогда они утверждали, что все движенія солнечной системы устроиваются провиденціальнымъ вмѣшательствомъ; «Principia» Ньютона доказали, что эти движенія происходятъ по непреодолимому закону. Тогда они говорили о созданіи земли и небесныхъ тѣлъ въ традиціонномъ смыслѣ. Вынужденные накопившейся массой противоположныхъ фактовъ, они стали распространять время творенія на періоды неопредѣленной продолжительности — но съ тѣмъ, чтобы убѣдиться, что и эта выдумка была неудачна. Эти періоды, съ особыми провиденціальными актами не могли быть болѣе поддерживаемы, когда было открыто, что видъ, медленно возникавшій въ одномъ вѣкѣ, достигалъ своей высшей точки въ другомъ, и вымиралъ въ третьемъ... Открытія науки о размѣрахъ атмосферы и моря, о дѣйствіяхъ испаренія, указали несостоятельность ихъ другихъ утвержденій объ исторіи земли; теперь они придумываютъ, какъ лучше обойтись съ умножающимися по-

стоянно фактами относительно дикаго состоянія доисторическаго человѣка.

Удивительно ли послѣ этого, что число людей, питающихъ мало уваженія къ мифіямъ клерикаловъ, такъ быстро возрастаетъ? Какъ можно принять ихъ за надежныхъ руководителей въ невидимомъ, когда они впадаютъ въ столько заблужденій въ видимомъ? Какъ можетъ внушить довѣріе въ нравственномъ и духовномъ тотъ, кто такъ чрезвычайно ошибался въ физическомъ? Отъ этихъ, противорѣчащихъ клерикаламъ фактовъ нельзя отдѣлаться, называя ихъ «пустыми тѣнями», «суетными выдумками», «фантазіями, происходящими отъ знанія, ложно такъ именуемаго», «заблужденіями, носящими обманчивый видъ истины», какъ ихъ клеймитъ Ватиканъ. Напротивъ, это — непреклонные свидѣтели, приносящіе рѣшительныя и неопровержимыя показанія противъ клерикальных притязаній на непогрѣшимость, и обличающіе ихъ въ невѣжествѣ и слѣпотѣ.

Уличаемое въ столь многочисленныхъ ошибкахъ, папство не дѣлаетъ никакой попытки объяснить ихъ. Оно не хочетъ знать всего этого. Мало того, полагаясь на успѣхъ дерзости, хотя и обличаемой этими фактами, оно заявляетъ притязаніе на непогрѣшимость.

Но римскому первосвященнику не можетъ быть предоставлено никакихъ иныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія онъ можетъ доказать на судѣ Разума. Онъ не можетъ претендовать на непогрѣшимость въ религіозныхъ предметахъ, и отклоняетъ ее въ научныхъ. Непогрѣшимость обнимаетъ все предметы. Она предполагаетъ всевѣдѣніе. Если она имѣетъ силу для теологій, она необходимо имѣетъ силу для науки. Возможно ли связать

непогрѣшимость папства съ извѣстными всѣмъ заблужденіями, въ которыя оно впадало?

Не становится ли, поэтому, нужнымъ отвергнуть притязаніе папства на употребленіе принужденія въ дѣлѣ миѣній; рѣшительно отвергнуть объявленіе, что «инквизиція есть настоящая необходимостъ въ виду невѣрія настоящаго вѣка», и во имя человѣческой природы громко протестовать противъ свирѣпости и терроризма этого учрежденія? Развѣ совѣсть не имѣетъ неотъемлемыхъ правъ?

Непереходимая и съ каждымъ часомъ расширяющаяся пропасть становится между Римскимъ Католицизмомъ и духомъ вѣка. Римъ настаиваетъ, что слѣпая вѣра выше разума; что таинственныя вещи важнѣе фактовъ. Онъ претендуетъ быть единственнымъ истолкователемъ Природы и откровенія, высшимъ судьей знанія; онъ совершенно отвергаетъ всю новѣйшую критику писанія, и повелѣваетъ, чтобы Библія понималась согласно со взглядами Тридентскихъ теологовъ; онъ открыто признаетъ свою ненависть къ свободнымъ учрежденіямъ и представительнымъ системамъ и объявляетъ, что тѣ находятся въ окаянномъ заблужденіи, кто считаетъ возможнымъ или желательнымъ примиреніе папы съ новѣйшей цивилизаціей.

Но духъ вѣка спрашиваетъ: развѣ человѣческой умъ можетъ быть подчиненъ Тридентскимъ отцамъ, или фантазіи мало знавшихъ и не имѣвшихъ критики людей, писавшихъ въ болѣе древнія времена? Онъ не видитъ никакой заслуги въ слѣпой вѣрѣ, и скорѣе не довѣряетъ ей. Онъ стремится къ улучшенію общепринятаго понятія о вѣроятности для рѣшенія между фактомъ и фикціей. Онъ не считаетъ себя обязаннымъ вѣрить баснямъ и лжи, которыя были изобрѣтены для клерикальных цѣлей. Онъ не находитъ никакого аргумента въ пользу ихъ

истинности, въ томъ, что преданія и легенды долго существовали; въ этомъ отношеніи католическія преданія гораздо ниже басень античнаго міра. Долговѣчность самаго клерикальнаго Рима происходитъ не отъ божественнаго покровительства или вмѣшательства, но отъ искусства, съ которымъ онъ приноровлялъ свою политику къ существующимъ обстоятельствамъ. Если древность есть критеріумъ достовѣрности, то должно уважать права Буддизма; онъ имѣетъ высшее свидѣтельство многихъ столѣтій. Невозможно защитить эти преднамѣренныя подѣлки исторіи, это скрѣпленіе историческихъ фактовъ, изъ которыхъ Римская церковь такъ часто извлекала выгоды. Въ этихъ вещахъ цѣль не оправдываетъ средствъ.

Такимъ образомъ дѣло дѣйствительно дошло до того, что Римская церковь и Наука признаются, каждая своими приверженцами, за абсолютно несовмѣстимыя; онѣ не могутъ существовать вмѣстѣ; одна должна уступить другой; человѣчество должно сдѣлать свой выборъ—оно не можетъ имѣть ихъ вмѣстѣ.

Когда таковъ, быть можетъ, исходъ относительно Католицизма, примиреніе Реформаціи съ Наукой не только возможно, но и легко бы произошло, если бы только протестантскія церкви жили по правилу, которому училъ Лютеръ и которое утверждено столь многими годами войны. Это правило есть право частнаго истолкованія Писанія. Оно было основаніемъ умственной свободы. Но, если дозволяется личное толкованіе книги Откровенія, можно ли отрицать его относительно книги Природы? Относительно происходившихъ недоразумѣній, мы всегда должны помнить человѣческія слабости. Быть можетъ, поколѣнія, непосредственно слѣдовавшія за Реформаціей, можно извинить за то, что они не поняли всего значенія ея основнаго принципа и не выполняли его во всѣхъ случаяхъ. Когда Кальвинъ велѣлъ

сечь Сервета, онъ былъ одушевленъ не принципами Реформаціи, а принципами Католицизма, отъ которыхъ не былъ способенъ вполнѣ освободиться. Тоже самое можно сказать, когда духовенство вліятельныхъ протестантскихъ исповѣданій клеймило изслѣдователей Природы какъ невѣрующихъ и безбожниковъ. Для примиренія Католицизма съ Наукой, стоять на дорогѣ страшныя, быть можетъ, неодолимыя препятствія. Этихъ препятствій нѣтъ для того, чтобы Протестантство достигло этого великаго результата. Въ одномъ случаѣ должно одолѣть ожесточенную, смертельную вражду; въ другомъ, возстановить дружбу, которую разлучили недоразумѣнія.

Но, каковы бы ни были приготовительныя явленія этого великаго предстоящаго умственного кризиса, свидѣтелемъ котораго Христіанство скоро должно неизбежно стать, мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что молча совершающееся удаленіе отъ Католицизма, которое такимъ зловѣщимъ образомъ характеризуетъ настоящее поколѣніе, найдетъ наконецъ политическое выраженіе. Не лишено значенія то, что Франція подновляетъ ультрамонтанскія тенденціи своего низшаго населенія, устройствомъ пилигримствъ, совершеніемъ чудесъ, появленіемъ небесныхъ видѣній. Принужденная дѣлать это своей судьбой, она дѣлаетъ это съ краской стыда. Не лишено значенія то, что Германія рѣшается избавить себя отъ давящей системы двойнаго правленія, устраненіемъ итальянскаго элемента, и довершить ту Реформацію, которую три вѣка тому назадъ она оставила недоконченной. Приближается время, когда люди должны сдѣлать выборъ между неподвижнымъ преданіемъ среднихъ вѣковъ и вѣчно идущей впередъ Наукой, — которая постоянно разсѣваетъ свои матеріальныя блага на пути жизни, возвышая

участь человѣка въ этомъ мірѣ, и объединяя человѣческій родъ. Триумфы Науки прочны и долговѣчны. Но тотъ блескъ, который Католицизмъ могъ бы приобрести отъ столкновенія съ матеріальными идеями, въ лучшемъ случаѣ былъ бы только похожъ на блескъ небесныхъ метеоровъ, когда они касаются земной атмосферы — переходящій и бесплодный.

Хотя мнѣніе Гизо, что церковь всегда брала сторону деспотизма, слишкомъ справедливо, должно вспомнить, что въ политикѣ, которой она слѣдуетъ, есть много политической необходимости. Она находится подъ давленіемъ девятнадцати столѣтій. Но, если въ ея дѣйствіяхъ оказывается неопреодолимое, въ ея жизни обнаруживается неизбѣжное. Потому что папство, какъ человѣкъ: оно прошло черезъ боръбы дѣтства, обнаруживало энергію зрѣлости и, сдѣлавши свое дѣло, оно должно впасть въ слабость и брюзгливость старости. Его юность никогда не можетъ возобновиться. Останется одно вліяніе его воспоминаній. Какъ языческій Римъ бросилъ свою прощальную тѣнь на имперію и окрасилъ всѣ ея мысли, такъ Римъ христіанскій бросаетъ свою послѣднюю тѣнь на Европу.

Согласится ли новѣйшая цивилизація оставить путь развитія, который далъ ей столько могущества и счастья? Согласится ли она воротиться назадъ къ полуварварскому невѣжеству и суевѣрію среднихъ вѣковъ? Подчинится ли она повелѣніямъ власти, которая, заявляя притязанія на божественный авторитетъ, не можетъ представить никакихъ достаточныхъ удостовѣреній своего права; власти, которая въ теченіе многихъ вѣковъ держала Европу въ застоѣ, свирѣпо подавляя костромъ и мечомъ всякія попытки къ прогрессу; власти, которая основана на облакѣ мистеріи, которая ставитъ себя выше разума и здраваго смысла; которая громко заявляетъ свою ненависть къ

свободѣ мысли и свободѣ въ гражданскихъ учрежденіяхъ; которая высказываетъ свое намѣреніе подавлять одну и разрушать другую, какъ только будетъ находить удобный случай; которая обвиняетъ, какъ крайне вредную и безумную, мысль, что свобода совѣсти и религій есть право каждаго человѣка; которая протестуетъ противъ того, чтобы это право провозглашалось и утверждалось закономъ во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; которая презрительно отвергаетъ принципъ, что воля народа, обнаруживаемая общественнымъ мнѣніемъ (какъ оно называется) или другимъ способомъ, составляла законъ; которая отказываетъ каждому человѣку во всякомъ правѣ на собственное мнѣніе въ дѣлахъ религій, но утверждаетъ, что онъ просто обязанъ вѣрить тому, что говоритъ ему Римская церковь, и повиноваться ея приказамъ; которая не хочетъ позволить ни одному свѣтскому правительству опредѣлять права и предписывать границы церковнаго авторитета; которая объявляетъ, что она можетъ и хочетъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы исправлять непослушныхъ людей; которая нарушаетъ святыню частной жизни, дѣлая, въ конфессіоналѣ, жену, дочерей и слугъ заподозрѣннаго человѣка шпионами и доносчиками противъ него; которая судитъ его безъ обвинителя, и пыткой заставляетъ свидѣтельствовать противъ самого себя; которая отвергаетъ право родителей воспитывать своихъ дѣтей внѣ ихъ церкви, и настаиваетъ, что ей одной принадлежитъ надзоръ за домашней жизнью и контроль надъ браками и разводами; которая обвиняетъ въ «безстыдствѣ» тѣхъ, которые хотятъ подчинить церковный авторитетъ гражданскому авторитету, или которые защищаютъ отдѣленіе церкви отъ государства; которая абсолютно отвергаетъ всякую терпимость, и утверждаетъ, что католическая религія имѣетъ право считаться единственной религіей

въ каждой странѣ, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ способовъ богослуженія; которая требуетъ, чтобы всѣ законы, мѣшающіе ей интересамъ, были отмѣнены, и еслибы въ этомъ было отказано, повелѣваетъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ не повиноваться этимъ законамъ?

Эта власть, знающая, что она не можетъ дѣлать никакихъ чудесъ, чтобы помочь своему дѣлу, не колеблется тревожить общество своими интригами противъ правительствъ, и старается достигнуть своихъ цѣлей союзами съ деспотизмомъ.

Такія притязанія означаютъ возстаніе противъ новѣйшей цивилизаціи, намѣреніе разрушить ее, чего бы это ни стоило обществу. Чтобы покориться имъ безъ сопротивленія, люди должны быть рабами!

Относительно исхода приближающаго столкновенія, можетъ ли кто въ немъ сомнѣваться? Все, что основывается на фикціи и подлогѣ, должно быть низвергнуто. Учрежденія, которыя организуютъ обманъ и распространяютъ ложь, должны показать, какое право они имѣютъ существовать. Вѣра должна отдать отчетъ о себѣ Разуму. Мистеріи должны дать мѣсто фактамъ. Клерикализмъ долженъ оставить то повелительное, господствующее положеніе, которое онъ такъ долго занималъ относительно Науки. Мысль должна имѣть абсолютную свободу. Клерикаль долженъ научиться оставаться въ той области, какую онъ избралъ, и перестать тираннизировать надъ философъ, который, сознавая свою силу и чистоту своихъ побужденій, не хочетъ больше сносить такого вмѣшательства. Слова, написанныя Ездрой на окаймленныхъ ивами рѣкахъ Вавилона, болѣе чѣмъ двадцать три столѣтія тому назадъ, все еще остаются справедливы: «Что касается до Истины, она выдерживаетъ и всегда сильна; она живетъ и завоевываетъ вѣчно».

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ НАУКЪ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ издатели журнала «ЗНАНІЕ» предполагаютъ выпускать рядъ сочиненій, излагающихъ основанія различныхъ отраслей новѣйшей науки, и по преимуществу антропологическаго, общественнаго и историческаго отдѣловъ ея. Матеріалами для этого будутъ служить лучшія иностранныя руководства, съ изложеніями и дополненіями нашихъ специалистовъ, сообразно требованіямъ русскихъ читателей.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРИГOTOВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

1) Курсъ антропологіи **П. Тонина**, съ предисловіемъ **П. Брокà**. Пер. съ франц., подъ ред. проф. **И. П. Мечникова**.

2) Руководство къ этнографіи.

Ч. I. Описаніе всѣхъ нынѣ существующихъ народовъ земнаго шара. Составл. **Д. Корончевскимъ**. Ч. II. Описаніе народовъ Россіи. Составл. **В. Майновымъ**. (Вып. 1-й «Мордва» печатается).

3) Финансовая наука. **Лоренца Штейна**.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЕТСЯ:

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

I. Вальтеръ Беджготъ. Естествознаніе и политика. Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наследственности къ политическому обществу. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей Д. А. Корончевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

II и III. Гербертъ Спенсеръ. Изученіе соціологіи. Пер. съ англійскаго, подъ ред. И. А. Гольдсмита. Ц. за 2 т. 3 р.

IV. Германъ Фогель. Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Съ 94 политипажами и 5 фотограф. снимками. Пер. съ нѣмецкаго, подъ ред. Я. К. Гутковскаго. Ц. 3 р.

V. Э. Марей. Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Съ 117 политипажами. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

VI. Бальфуръ Стюартъ. Сохраненіе энергій. (Изданіе распродано).

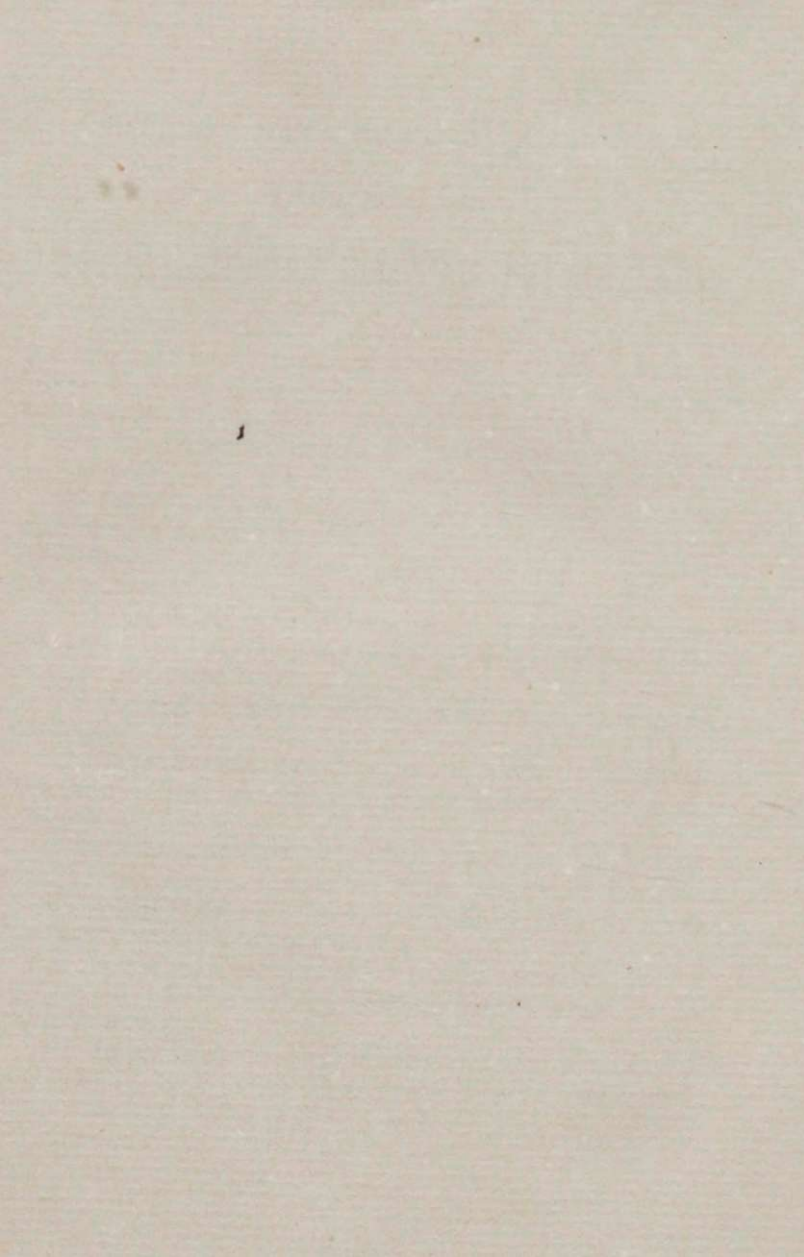
VII. Генри Маудсли. Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Пер. съ англ., подъ ред. и съ доп. д-ра О. А. Чечотта. Ц. 2 р. 50 к.

VIII. Оскаръ Шмидтъ. Ученіе о развитіи органическаго міра. Пер. съ нѣмецк. Съ 26 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р.

IX. I. Берштейнъ. Физиологія органовъ чувствъ. Съ 91 рисунками. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р.

X. Джосія Кукъ. Новая химія. Съ 31-мъ рисункомъ. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. А. М. Бутлерова. Ц. 2 р.

XI. Джонъ Тиндалль. Формы воды. Дождь, рѣки, ледъ и ледники. Съ 25 рисунками въ текстѣ. Перев. съ англійскаго, подъ ред. К. Л. Киричева. Ц. 1 р. 25 к.

2011142034